

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ ГЛАЗАМИ РУССКИХ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
ГЛАЗАМИ
РУССКИХ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 94(497)
ББК 63.3(47)-7
Ч38

Сборник подготовлен при поддержке
Программы фундаментальных исследований секции истории
Отделения историко-филологических наук РАН
«Исторический опыт социальных трансформации и конфликтов»

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *Р. П. Гришина*,
доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е. Л. Валева*
(Институт славяноведения РАН),
кандидат исторических наук *О. А. Дубовик*
(Московский государственный университет)

Ч38 Человек на Балканах глазами русских: сборник статей /
отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. — СПб. : Алетей,
2011. — 344 с.

ISBN 978-5-91419-462-5

Сборник статей является продолжением серии исследований в рамках проекта «Человек на Балканах в процессе модернизации (середина XIX — XX вв.)». Новизна подхода этого сборника — в привлечении наблюдений русских путешественников за балканскими социокультурными и политическими реалиями. Очевидная ценность таких источников заключается в том, что иностранец обращает внимание на непривычные для него, но привычные для местных жителей стороны жизни. Эти рутинные с точки зрения обыденного опыта детали, как правило, не попадают во внутренние источники, каковых, по определению, не так уж много, ведь традиционное общество исторически относится к дописьменной культуре, и, соответственно, значение наблюдений путешественников-иностранцев для его исследования возрастает. В сборник вошли 16 статей; их авторы — ученые Института славяноведения РАН, Московского государственного университета, Московского государственного института международных отношений МИД РФ, Нижегородского государственного университета, ученые из Сербии.

УДК 94(497)
ББК 63.3(47)-7

ISBN 978-5-91419-462-5

9 785914 194625

© Институт славяноведения РАН, 2011
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2011
© «Алетей. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

С целью освоения новых методологических подходов к исследованию темы «Человек на Балканах и проблемы буржуазной модернизации» коллектив авторов обратился к приемам и инструментарию *имагологии* – сравнительно новой отрасли научного гуманитарного знания. Идея была апробирована в ноябре 2009 г. – в Институте славяноведения РАН состоялась научная конференция на тему: «Человек на Балканах глазами русских». К ее работе были привлечены, помимо сотрудников Отдела истории славянских народов периода мировых войн – инициатора мероприятия и других подразделений Института, специалисты из Московского и Нижегородского университетов, МГИМО(У) МИД РФ, Белградского университета, Института новейшей истории Сербии. В настоящем сборнике публикуются статьи, представленные участниками этого научного собрания.

Насколько важно для русского человека знание о народах южных Балкан – сербах, болгарях, македонцах, черногорцах, албанцах, греках? Об их национальных особенностях, природных наклонностях, укладе жизни, поведении в мирной жизни и в чрезвычайных обстоятельствах и т.п. Понятно, что речь идет не об информации для туриста, а о научном знании, имеющем не только чисто академический, но и прикладной интерес, например, в деле организации взаимосвязей между странами и народами – государственных, экономических, культурных и других. Имея в виду также, что присутствие Российской империи, а затем и Советского Союза на Балканах имело долгую историю, и было особенно активным в XIX–XX вв.

Методология изучения «другого», «чужого» складывалась не сразу – первыми авторами «литературы путешествий» становились ученые-любители или вообще случайные люди. Они удовлетворялись чисто визуальными наблюдениями, работали без какой-либо программы. Свою роль сыграли открытия, ставшие результатом рождения в середине XIX в. науки этнографии. Образы «другого», «картины мира», складывающиеся в национальной культуре иного народа, а также его национальные мифы, национальные стереотипы, выяснение их происхождения, структуры, функций – все это, изучавшееся в разных гуманитарных науках, в середине XX в. стало предметом специального исследования

в синтетической субдисциплине, названной «имагологией». Первый раздел настоящего сборника и открывают статьи В.А. Хорева, М.В. Лескинен, М.В. Белова, вводящие читателя в сферу новой подотрасли науки, — они посвящены вопросам теории и методологии имагологических исследований.

Хронологические рамки конкретных разработок авторов следующих разделов книги приходится на промежуточную, подготовительную для стадии становления имагологии эпоху (приблизительно между серединой XIX — серединой XX в.), что и определяет характер их источникового материала. Это, главным образом, письменно зафиксированные наблюдения русских путешественников, донесения и отчеты дипломатических агентов, воспоминания и размышления писателей и журналистов, письма и заметки общественных и других деятелей о балканских социокультурных и политических реалиях. Многие почерпнуто из ряда полузабытых архивных фондов и только теперь становится достоянием науки. По существу это новый корпус источников, и, хотя специалисты утверждают, что *внешнее наблюдение*, преобладавшее в то время и считавшееся «верным и единственным гарантом объективности», недостаточно, ценность таких материалов очевидна. Она заключается в том, что иностранец обращает внимание на *непривычные* для него, но привычные для местных жителей, стороны жизни другого народа. Эти «рутинные», с точки зрения обыденного опыта, детали, как правило, не попадают во «внутренние» источники, каковых, по определению, не так уж много, ведь «традиционное общество» исторически относится к *дописьменной* культуре и, соответственно, значение наблюдений иностранцев для его изучения заметно возрастает.

Некоторые современные специалисты, характеризуя представление западных наблюдателей, указывают в качестве негатива на «имманентно присущую им презумпцию цивилизационного превосходства» в отношении жителей Балканского полуострова. Но следует сказать, что и русские не избежали такого греха — выработали свою презумпцию превосходства в виде патернализма «старшего брата», вытекавшего из имперского сознания его представителей, официальной идеологии превознесения роли России, ее особой миссии и провиденчества в православном мире. Очевидно, обе «презумпции» следует отнести к неприятным явлениям во взаимоотношениях между народами, хотя это не всегда осознается их носителями как причины разлада, когда казалось бы стороны ищут взаимопонимания. Для русских, например, большим разочарованием стали политические результаты Освободи-

тельной Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Как парадоксальную оценивал примерно в эти же годы ситуацию В.П. Мещерский: русские отправились на Балканы «с мыслью найти братьев. Они нашли народ, в котором образованная его часть считает себя выше русских и стыдится перед Европой братством с русскими, а низшая часть – народ, в главных проявлениях своего духовного мира равнодушен к русским, потому что не дорос до понимания их».

Материалы настоящего сборника представляются важными с точки зрения разрушения мифов, которые все еще господствуют в историографии ряда балканских стран, довольствующихся поверхностной констатацией, что принятие демократической конституции, налаживание деятельности парламента, его выборность и наличие некоторых других атрибутов либерально-буржуазного устройства общества в только что освободившихся из-под власти Османской империи молодых балканских государствах уже само по себе достаточно, чтобы ставить их в один ряд с «западными демократиями». При опоре на новые источники авторы этого блока статей сборника – А.Л. Шемякин, А.А. Силкин – доказательно утверждают, что реальней для балканских народов, хотя и восстановивших в большинстве своем государственность после 1878 г., было сохранение на еще многие десятилетия примитивной социальной структуры, традиционных навыков правления, низкой политической культуры. Роль их лидеров (как правило, харизматичных и авторитарных) была значительно более весома, чем в развитых гражданских обществах Запада с уже устоявшейся парламентской системой и в основном решенным «национальным вопросом».

Ведь, – и это один из «ключей» к пониманию механизма буржуазной *модернизации по-балкански*, – решение национального вопроса в его «интегральном» виде принимало в сознании немалого числа местных политиков часто «фантастические» формы и было связано либо со стремлением восстановить границы средневековых «королевств», либо с реализацией обретенных позднее национальных идеалов (державы Стефана Душана для Сербии и Черногории, Сан-Стефанская Болгария для болгар и т.д.). И главным средством для этого становилась война. К этому блоку примыкают статьи М.Л. Ямбаева и П.А. Искендерова, касающиеся национально-территориальных балканских проблем, возможностей их решения и государственного оформления с помощью великих держав.

Общий вывод, полученный авторами путем реконструкции политических и социокультурных реалий на Балканах в конце XIX и

первых десятилетий XX в., что стало возможным благодаря использованию нового корпуса источников, можно свести к следующему: за фасадом европейских новаций – в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современной системы образования, воинской службы и т.д. – скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества; именно они определяли уклад жизни и поведение не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит. Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов, освобождению от сковывающих мысль умозрительных представлений и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений – утверждает первенство разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.

Особенность восприятия балканской социокультурной среды русскими очевидцами состоит в том, что те и другие (в большинстве своем, исключение составляли албанцы) развивались в рамках единой – восточнохристианской цивилизации. В отличие от авторов значительной части существующих в историографии работ, акцентирующих внимание, прежде всего, на *отличиях* во взгляде на «другого» – подчеркивая при этом наиболее яркие признаки «инородности», в настоящей книге проявлен интерес к *родству* целого ряда черт, присущих православному менталитету балканцев и русских, особенности их перехода от традиции к модернизации. Однако и различия, выявляемые в ходе такого сравнительно-культурного исследования, дают уникальную возможность косвенного, опосредованного анализа менталитета не только одних жителей Балкан, но также и русских (по принципу «зеркала») в рамках единой конфессиональной общности.

В статьях В.Б. Хлебниковой, О.В. Соколовской, Р.П. Гришиной, составивших самостоятельный блок, рассматриваются взаимосвязи России и балканских государств на высоком и даже высшем уровнях (между правящими династиями, дипломатическими работниками и проч.). Но главное, что объединяет этих авторов – учет влияния восточно-православной ментальности (хотя их подходы разнятся), свойственной как большинству южно-балканских народов, так и русским, на восприятие происходящих событий и друг друга. Специальное внимание уделено выявлению русских стереотипов в отношении балканцев, их частого несоответствия реальности и необходимости преодолевать при столкновении с балканской действительностью.

Состояние внутренней мобилизации балканских народов, воспроизводимое исторической традицией и живучей мифологией, их

постоянная готовность к восстановлению былой державы, добиться чего без военных мер было невозможно, вступали в противоречие с внутренней задачей формирования гражданского общества. А это, в свою очередь, становилось одним из главных тормозов движения балканских народов по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни. Так сложился еще один блок статей сборника – военный, хронологически охватывающий время до конца XX в. Его авторы, используя обширный архивный и мемуарный материал, проанализировали состояние и психологический настрой командного состава армий балканских государств накануне Балканских войн (В.Б. Каширин), а затем и опыт контактов между русскими и сербами, прерванных в 1920-1930-е гг., который возобновился только в годы Второй мировой войны при вступлении Красной армии в Югославию (А.Ю. Тимофеев) и продолжился в 1990-е, во время ее кровавого распада (Г.Н. Энгельгардт).

Завершает сборник статья А.С. Стыкалина «Румыния 1960-х гг. глазами членов Союза писателей СССР», базирующаяся на сохранившихся в архивах отчетах советских литераторов и литературных чиновников о поездках за границу.

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В последние десятилетия одной из актуальных проблем гуманитарных наук стала проблема взаимного видения народов в текстах культуры. Причин тому много. Одна из них – так называемая глобализация, т.е. формирование некой «общечеловеческой цивилизации» под эгидой западного мира. Эта концепция вызвала противостояние – утверждение альтернативности и равноценности цивилизаций, стремление к оптимальному соотношению национальных и глобальных интересов. Парадоксальным образом глобализация привела к поискам идентичности той или иной культуры. Большим подспорьем в этих поисках оказался имагологический подход к историко-культурному материалу.

Имагология, как это явствует из самого названия (от латинского *imago* – образ), изучает «образы», «картины» мира, которые складываются в «текстах» культуры. Образы чужой жизни в большом историческом времени складываются в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры сознания, отражающие исторический опыт своей нации. Они не только обогащают знания о другом народе, но и характеризуют собственную этническую ментальность. «Свое» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии с ним, оценивается в сопоставлении, а часто и в конфронтации с ним. Описания истории, феноменов культуры, быта и нравов народов в иностранных текстах становятся важным источником постижения собственной самобытности. Уже В.О. Ключевский заметил, что чужой наблюдатель может лучше и полнее описать многие явления русской жизни, нежели люди привычные к этим явлениям и потому не обращающие на них внимания.¹

---

¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 7.

Имагология сформировалась в середине прошлого столетия в Германии, Нидерландах, Франции как этническая дисциплина, как научное направление исследования образов отдельных народов, складывающихся в представлениях других этносов. В последнее время понятие имагологии у ряда исследователей получило расширенное толкование. Некоторые из них полагают, что «на наших глазах идеология сменяется имагологией»², поскольку человечество вступило в эру визуальных средств массовой коммуникации, в которой решающая роль принадлежит имагологам – специалистам по визуальной, образной пропаганде людей, фирм, товаров, городов, государств и т. д.

Но первостепенным предметом имагологии остается все же происхождение, структура и функции национальных образов, мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры. Имагологический подход направлен на изучение комплекса взаимосвязей духовной культуры двух народов. На этом основан и пересмотр характера соотношения истории и культуры. Многие историки, а вслед за ними и представители других гуманитарных наук полагают, что культура – это лишь своего рода зеркало, в котором обществу становятся видны изменения исторической жизни. Конечно, культура как форма общественного сознания может служить своеобразным зеркалом, в которое смотрится человеческий мир, и без такого зеркала не существовал бы и сам этот мир. Но история не сводится только к самим событиям, ее органической частью является и их осмысление во времени, что закрепляется в культуре с помощью ее языка. Культура в свою очередь воздействует на ход и исход событий, она влияет на формирование национального и общемирового сознания и тем самым является активным участником исторического процесса. А из всех феноменов культуры преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии принадлежит литературе – в силу эмоционального воздействия и особенностей её языка. По крайней мере, так обстояло дело до середины XX в., т.е. до расцвета кино, телевидения, а затем и интернета и других средств массовой коммуникации, которые, взяв на себя некоторые функции литературы как средства информации, в итоге все равно опираются на ее слово.

Литература оказывается важнейшим компонентом диалога культур, одним из его составляющих, к которым относятся также и народная культура, фольклор, и разные виды искусства, религиозная

---

² *Dziamski G.* Od ideologii do imaologii // *Kultura i sztuka u progu XXI wieku.* Białystok, 1997. S. 271.

мысль и письменность, общественно-политические идеи, историко-философские концепции и многое другое. Такая постановка проблемы объединяет – или должна объединять – для ее решения исследователей разных специальностей – литературоведов, историков, культурологов, фольклористов, этнолингвистов и т. д.

Изучая образ другого народа в текстах культуры, имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их историческую изменчивость и детерминированность, их общественную роль, «обмен» стереотипами и представлениями между художественным образом и языком повседневной жизни. Она при этом не сводится к исследованию только стереотипов, которые оказываются «застывшим» образом, некой постоянной, идеальной моделью, не существующей в реальном мире. Однако имагология по необходимости занимается в первую очередь именно долгоживущими общественно-историческими мифами. Стереотипы, понимаемые как оценивающие суждения, являются определенной формой генерализации отдельных явлений, они унифицируют представления об этнических и общественных группах, институтах, явлениях культуры, личностях, событиях и т. д. и обладают исключительной силой убеждения и инерции благодаря удобству и легкости их восприятия и использования. Стереотип содержит как бы «знания в таблетке», по выражению польского ученого Я. Тазбира.

Представления о «другом» отнюдь не всегда полностью совпадают с объективной исторической реальностью. Они, как правило, являются выражением убеждений какой-то группы, поэтому при рассмотрении разного рода стереотипов надо иметь в виду типологическую и конкретно-историческую стратификацию общества. В одно и то же время могут существовать полярно противоположные стереотипы и представления о другом. Например, в России, как известно, полонофильство и полонофобия существовали и существуют одновременно в разных культурных и социальных группах, что нашло отражение в образах Польши и поляков, созданных в этих разных группах. Убеждения, рожденные и закрепленные в определенных исторических, национальных, политических и экономических условиях, даже если они противоречат реальности, сами становятся исторической реальностью, тиражируются, наследуются, приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от идеологических и политических потребностей другого времени.

В основе этнических стереотипов лежит этноцентризм, то есть склонность людей рассматривать проявления культуры чужого народа сквозь призму своих собственных культурных традиций и ценностей. «Каждый народ, – формулировал эту мысль В.Н. Топоров, – осознанно, полусознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры».³

Ощущение своей принадлежности к определенной национальной группе в известных исторических ситуациях порождает сознание превосходства своей группы над другими, которые наделяются всевозможными отрицательными качествами: бесчеловечность, жадность, хитрость, лицемерие, жестокость и т.д. С течением времени это чувство становится постоянно действующей нормой, которая передается из поколения в поколение, закрепляясь в устных преданиях и обычаях, в исторических, публицистических, художественных текстах, в произведениях искусства и т.д.

Формирование, стабилизация и разрушение этнического стереотипа определяется многими факторами длительного исторического процесса. Важнейшую роль в этом процессе играет господствующая идеология данного общества. Польский вопрос в России, например, в том числе обращение русских писателей к польской теме и ее интерпретация, всегда находились под мощным воздействием политической ситуации. В XVII в., после периода «смуты» характер обширной антипольской литературы в Московской Руси определило сопротивление польской интервенции; в XIX в. – польские национальные восстания вызвали мощную волну взаимного недоверия и вражды – к тираническим «москалям» в Польше и «коварным» и «кисливым Ляхам» в России. В XX в. представления о Польше в России формировались под влиянием революции 1905 г., событий Первой мировой войны и, конечно, Октябрьского переворота 1917 г., а затем польско-советской войны 1920 г., «четвертого раздела» Польши в сентябре 1939 г. и т.д.

В советский период политизация польско-русских культурных отношений в России по сравнению с предшествующими эпохами даже

---

³ Топоров В.Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания: русско-литовская перспектива / Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века. Сборник тезисов. М., 1990. С. 5.

усилилась – уже в духе коммунистической идеологии, а после Второй мировой войны – и с целью советизации Польши.

Стабилизация этнических стереотипов, структурирование и закрепление в языке комплекса представлений одной этнической группы о другой либо о самой себе (автостереотип) происходит прежде всего в текстах культуры. В русской культуре стабилизировался негативный стереотип Польши, определяемый конфессиональными различиями, разницей в государственном устройстве, военно-политическими конфликтами, участием России в разделах Польши и т.д. При этом, наряду с политическими и идеологическими факторами, надо иметь в виду, что однажды созданный художественный образ не отменяется последующим развитием литературы (другим ее образом), а продолжает «работать» на восприятие читателя одновременно с более поздними или прямо противоположными. Образ и, может быть, в первую очередь лаконичная, образная формула – будь то анекдот, стихотворная строка, поговорка – легко врезается в память, а, отрываясь от контекста, превращается в долгоживущее расхожее клише – самостоятелно живущий миф. Так, строка Мицкевича из «Отрывка» третьей части «Дзядов» о рабской покорности русского народа – «героизм неволи» – до сих пор является стержнем распространенного в польских текстах стереотипа русского народа.

Немалую роль в создании негативного стереотипа поляка, распространенного в русском обществе, сыграли художественные произведения русской литературы, прежде всего ее мастеров. Пушкинская формула «кичливый Лях» (из стихотворения «Клеветникам России», написанном в 1831 г. после подавления польского национального восстания) и дефиниция В.А. Жуковского «коварный вражий лях» (стихотворение «Русская слава», 1831) стали для обыденного русского сознания определением польского национального характера. Для мистификации русско-польских отношений до сих пор в политических и идеологических целях используется красочная сказка Гоголя «Тарас Бульба». Тарас Бульба в русском восприятии – это символ патриота, который борется за освобождение своей родины от польских панов. Свежий пример тому – фильм режиссера Владимира Бортко «Тарас Бульба» (2009) с явным антипольским акцентом, получивший Гран-при на международном фестивале славянских и православных народов «Золотой витязь» «за вдохновенную экранизацию повести Н.В. Гоголя».

«Что такое Гоголь? Что такое «Тарас Бульба»? Один из краеугольных камней патриотизма, который закладывается в молодую душу»,

– считает Бортко. Для достижения своих целей режиссер искажает повесть Гоголя: смягчает проявления жестокости со стороны казаков, убирая сцену, в которой казаки бросают в огонь младенцев, выставляет причиной войны с поляками убийство жены Тараса, которую ему привозят в курень (чего нет у Гоголя). «Почему приносят жену Тараса?», – объясняет свой замысел режиссер. – Мы показываем, что земля подвергается насилию со стороны иностранных захватчиков. Это сильно толкает действие, объясняет, почему эта толпа, вместо того, чтобы пить и гулять, идет на войну»⁴.

Исследовательские задачи, выдвигаемые имагологией, непосредственно связаны с потребностями современной жизни, ее идеологии и культуры, с осознанием того, что формируемый разными обстоятельствами, в том числе случайностями, незнанием, ограниченностью восприятия и т.п., образ «другого», часто весьма далекий от реальности, имеет не меньшее историко-культурное значение, чем сама действительность. Им во многом руководствуются в своей практической деятельности люди, от которых зависит ход истории. Образы «другого» в литературе организуют схемы восприятия иного жизненного опыта и отношения к ним. Создаваемые творческим воображением автора, опирающегося на сложившуюся культурную традицию, они начинают играть активную роль в формировании ментальности современников и даже следующих поколений.

При всей устойчивости и живучести образов *другого* в текстах культуры их описание в каждую новую историческую эпоху является важной научной проблемой, хотя бы потому, что происходит постоянная пульсация напряжения между традиционной установкой и ее размытием либо обогащением новыми историческими фактами и новым осмыслением уже известных фактов. Обращаясь к свидетельствам культуры, мы обнаруживаем своеобразный парадокс. С одной стороны, культура транслирует стереотипы, с другой – в наиболее высоких своих проявлениях – она же преодолевает стереотипы, узурпировавшие массовое сознание, но при этом создает новые...

Итак, имагология выявляет и исследует истинные и фальсифицированные представления о другом народе с точки зрения их происхождения и общественного воздействия. Объединяя для решения этих задач усилия представителей разных гуманитарных дисциплин и являясь для них общей базой, имагология в то же время позволяет расширить

---

⁴ Камень патриотизма. Интервью с режиссером «Тараса Бульбы» Владимиром Бортко // <http://www.film.ru/article.asp?id=>

рамки традиционного сравнительного литературоведения. В 60-80-е годы XX века в результате оживленных дискуссий в русском литературоведении утвердилось положение о двух аспектах сравнительно-исторического изучения литератур: изучение непосредственных, так называемых контактных связей – влияний, заимствований, реминисценций, филиаций и т.д., с одной стороны, и типологических сходжений – с другой. Имагология вносит в изучение литературных связей новый аспект – исследование отражения жизни других народов в литературных и паралитературных (летопись, хроники, путевые заметки, дневники, письма и т.д.) произведениях.

Очевидна актуальность имагологического подхода к изучению взаимного видения народов в нынешнем мире, стремительно объединяемом современными технологиями и столь же мощно разъединяемом искаженными представлениями народов друг о друге. Взять, например, исторический опыт взаимоотношений русского и польского народов, полный противоречий и драматических столкновений, чрезвычайно богатый фактами и событиями. Он нуждается сегодня в новом осмыслении, свободном как от декларативных утверждений о вечной дружбе народов, так и от преувеличенно негативной оценки русско-польских отношений. Нет нужды делать вид, что не было и нет взаимной неприязни и проявлений враждебности. Вместе с тем наша общая история отмечена взаимным интересом друг к другу, обменом культурными ценностями, а во многих случаях искренней увлеченностью. Взаимодействие наших народов и культур проходило, можно сказать, в зоне повышенного напряжения, поэтому сегодня это крайне привлекательное поле для исторических и культурологических исследований. Необходимость таких исследований тем более важна, что они могут способствовать более глубокому взаимопониманию, а тем самым преодолению устоявшихся схем, взаимных претензий, негативных стереотипов.

Этот подход был осуществлен в исследованиях, предпринятых в нашем Институте в Отделе истории славянских литератур совместно с Отделом истории культуры в течение последних лет. Начало им было положено полонистами, которые уже десять лет, привлекая польских и других ученых, прежде всего российских из МГУ и других центров, работают над проектом «Взаимное видение поляков и русских в литературе и культуре». В работе над проектом приняли участие литературоведы Института И.Е. Адельгейм, А.В. Липатов, В.В. Мочалова, О.В. Цыбенко, Т.П. Агапкина, С.А. Шерлаимова и историки культуры Л.А. Софронова, И.И. Свирида, М.В. Лескинен, Е.Е. Левкиевская, Н.М.

Филатова. В проекте участвовали также наши белорусисты Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская, этнолингвисты О.В. Белова, Л.Н. Виноградова, историки С.М. Фалькович, Б.М. Флоря, Б.В. Носов, Л.Е. Горизонтов, А.Л. Хорошкевич. Издана серия из семи коллективных трудов: *Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Миф Европы в литературе и культуре России и Польши. М., 2004; Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура. М., 2006; Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007; Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой. М., 2008; Русская культура в польском сознании. М., 2009.*

Инициатива полонистов была подхвачена исследователями других литератур и культур. Отдел издал труды «Россия в глазах славянского мира» (2007), русско-венгерский труд «XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских» (2007), «Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы» (2009), в печати труд «Славянский мир в глазах России», готовится русско-болгарский труд, которым руководил безвременно ушедший от нас Георгий Дмитриевич Гачев – «Болгария и Россия (XVIII-XX вв.): взаимопознание».

Указанная проблематика заинтересовала и другие Отделы Института. В 2006 г. вышла работа о восприятии нашими соотечественниками Сербии и сербов – «Русские о Сербии и сербах» под руководством А.Л. Шемякина – и эта работа продолжается. Наши имагологические исследования способствовали работам аналогичного плана в других научных центрах. В университете в Перми с активным участием научного сотрудника нашего Отдела М. Б. Проскурниной прошел международный семинар и изданы его материалы «Традиционность и современность. Россия глазами славянских народов». Вып. 1. Пермь, 2007; в ИМЛИ им. М. Горького РАН готовится труд, посвященный образу России в зарубежных литературах.

ИЗОБРАЖЕНИЕ «ДРУГОГО» В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ, ТЕРМИНЫ, МЕТОДЫ

В современном гуманитарном знании уже не вызывает сомнений утверждение, что «разговоры и размышления о Других ... гораздо более сообщают о нас, нежели о них, являясь, по существу, проекцией коллективного я на непознанное социальное окружение»¹. В этом смысле *описание* себя через *другого* («инога») – один из первичных инструментов самоидентификации; с его помощью осуществляется структурирование категорий «свое» и «чужое», разделение на которые является культурной универсалией². И самописание, и представления о *других* позволяют индивиду и общности утвердить способы самосохранения, защиты и воспроизводства традиции, типизировать явления и объекты окружающей среды, определить границы собственного пространства (в семиотическом смысле) и выработать стратегию поведения во взаимодействии с другими социальными группами. Идентификация наций и осмысление категорий «национального» и «этнического» в европейской культуре XVIII–XIX вв. осуществлялись при помощи хорошо изученных сегодня механизмов, среди которых нарративная фиксация отличительных самобытных свойств наряду с их изображением-иллюстрацией выступали одновременно в качестве целей и методов освоения пространства, природных и человеческих ресурсов. Каталогизация и классификация в эпоху Просвещения играли важнейшую роль не только в естественнонаучном знании, но и формировали принципы рационального мышления в целом, осуществляя систематизирование признаков любой идентификации – в том числе и этнокультурной.

---

¹ Соколовский С.В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 41.

² Лотман Ю.М. Понятие границы // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Семиофера. М., 1999. С. 175–193. С. 175.

Стремление к созданию универсальных таксономических проектов оказало значительное воздействие на выработку тезауруса, концепций и теорий социального развития – в том числе и в сфере нациестроительства. Естественнонаучная природа этих проектов диктовала трактовку человеческих сообществ как объекта научного познания, в котором господствовала идея взаимозависимости и взаимопредсказуемости внешних и внутренних свойств – в том числе и выраженных прямолинейно – в частности, в таких дихотомиях как цивилизованный/варварский, культурный/дикий, развитый/неразвитый и др. Среди важных последствий установления общих принципов систематизаций – биологической и социальной – можно упомянуть теории иерархии человеческих сообществ, идею прогресса и эволюции, а также взгляд на единство категорий и закономерностей научного познания в естественнонаучной и гуманитарной сферах.

Современное исследование образов и представлений о *другом* – столь популярное в последние десятилетия в гуманитарных науках, в той или иной степени опирается на этнологические и лингвистические исследовательские практики, что обусловлено так наз. «антропологическим» и «лингвистическим» поворотами в гуманитарных дисциплинах в середине XX в., которые привели к «перекодификации» прежних форм и методов научного анализа; они заставили рассматривать предшествующую историю человека и науки с точки зрения а) языка описания и б) установки исследователя на ценность и стандарты Знания³. Начиная с середины XX столетия в дискурсе о *другом* доминирует акцент на изучении способов видения, оценки и интерпретации его в текстах культуры в контексте нормопорождающей практики, а уже существующий обширный комплекс собранных и классифицированных мнений и суждений о представителях разных народов анализируется в рамках теории коммуникации. Применение этих концепций к истории европейской науки и культуры, в реконструкциях национальных образов и этнокультурных стереотипов способствовало обоснованию основополагающих постулатов, лежащих в основе научных типологий и сопутствующих им этноцентрических предубеждений⁴. В соответствии

³ Такой, в частности, является концепция «эстетического историзма» Х. Уайта и интерпретативная антропология К. Гирца. Об этом подробно: (Кукарцева М.) Предисловие переводчика // Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 11–68.

⁴ Сауд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Todorova M. Imagining the Balkans. NY, 1997; Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in the Western Political Thought and History. Westport, 2000; Tolz V. Russian Identity and the «Other» // Tolz V. Russia: Inventing the Nation. Oxford–NY,

с ними образы и стереотипы *другого* получают иную трактовку: ведь и позиция «свободного» наблюдателя-путешественника, и роль ученого-исследователя в равной мере подчиняется известным установкам и предубеждениям – формально-логического и социального свойства. В любом случае всякое изображение *другого* – это «отражение в зеркале», т.е. в большей мере автохарактеристика, самоописание.

В отечественной историографии XX в. накоплен весьма значительный и вполне репрезентативный материал, позволяющий судить о своеобразии восприятия и изображения *другого* в русской культуре. Его анализ сегодня осуществляется в нескольких ракурсах, определенных методологическими особенностями различных дисциплин: с позиций имагологического направления⁵, в историко-культурных исследованиях взаимных представлений русских и других народов в XIX–XX вв.⁶, а также в этнопсихологических реконструкциях этнического (национального) характера⁷. Особое место занимает анализ эт-

---

2001. Part 2; Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁵ Краткую характеристику, историю и библиографию см.: *Imagology. A Handbook of the literary Representation of National Characters*. Amsterdam, 2008; Хорев В.А. Вступлени-е // Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 6–15; Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект рецепции и репрезентации «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. №1. Текст статьи доступен на сайте по адресу: http://www.rfgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binp_rubrik_pl_articles=246

⁶ Ерофеев И.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982; Россия и Запад в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и Запад: диалог культур. Материалы второй международной конференции. М., 1996; Образ России, русской культуры в мировом контексте. М., 1998; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2001; Автопортрет славянина. М., 2002; Чернышева О.В. Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004; Шенетов К.П. Немцы – глазами русских. М., 1995; Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000; Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев. 1850–1880-е годы. М., МГУ, 1998. Весьма популярен также жанр антологий на эту тему, на русском языке, в частности: Польская и русская душа. От Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Антология / Редактор-составитель А. де Лазари. Варшава, 2003; Русские о Сербии и сербах / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; ком А.А. Силкина и А.Л. Шемякина. СПб., 2006 и др.

⁷ О методах исследования национального характера как предмета этнопсихологии: Inkeles A., Levenson D.J. National Character. The study of modal personality and sociocultural systems // The Handbook of social psychology. Massachusetts; London:

нокультурных стереотипов в когнитивной лингвистике и в этнолингвистике – в них разработаны методы исследования языка и культуры традиционного и современного обществ⁸.

Ontario, 1969. Vol. IV; *Дейкер Х.П.Й., Фрейда Н.Х.* Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979. С. 23–43; Исследования национального характера и картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. Текст доступен на сайте: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=203>; *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 42–65; 95–124; *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 2000. С. 86–100; 129–174; *Белик А.А.* Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005; *Лурье С.В.* Психологическая антропология. М., 2005. С. 33–43. Примерами научных трудов, созданных в рамках этой научной методологии, можно считать современные исследования русского национального характера: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994; *Сухарев В., Сухарев М.* Психология народов и наций. М., 1997; *Мацумото Д.* Психология и культура. М., 2002; *Мельникова А.* Язык и национальный характер. СПб., 2003. Подавляющее большинство исследований по национальной психологии / национальному характеру осуществляется на современном культурно-языковом материале.

⁸ Это направление представлено главным образом исследованиями этнокультурных образов и стереотипов, осуществляемыми этнолингвистами – как на историческом материале, так и в рамках исследований современной языковой картины мира. См., в частности: *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 18–33; *Ван Дейк Т.А.* Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 268–304; *Quasthoff U.* Etnocentryczne przetwarzanie informacji. Ambiwalencja funkcji stereotypów w komunikacji międzykulturowej // *Język a kultura.* Т. 12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / Pod red. J. Anusiewicz i J. Bartmińskiego. Wrocław, 1998; *Błuszkowski J.* Stereotypy a tożsamość narodowa. Warszawa, 2005; *Bokszanski Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław, 1997; *Бартминский Е.* Стереотип как предмет лингвистики // *Бартминский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 133–157; *Бартминский Е.* Языковые стереотипы // Там же. С. 158–187; *Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономастологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретация // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002. С. 232–253; *Николаева Т.М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культур. М., 2000. С. 112–131; *Крысин Л.П.* Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002. С. 171–174; *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; *Левкиевская Е.Е.* Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления и стереотипы. М., 2008. С. 154–178; *Березович Е.Л.* Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей // *Ethnolingwistyka.* №20. Problemy języka i kultury. Lublin, 2008. С. 63–76. и др. Весьма значимую роль в этих и других лингвистических исследованиях играет концепция языковой картины мира: *Вежицкая А.* Язык. Культура. Коммуникация. М., 1997; *Вежицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001; *Зализняк*

Важным с точки зрения реконструкции изображения *другого* следует считать разграничение понятий «представление» и «стереотип»⁹ с учетом историко-культурного контекста, позволяющее скорректировать интерпретацию их значений в языке и культурной практике, способы анализа этнокультурных стереотипов в когнитивной и этнолингвистике; а также различие механизмов их формирования в традиционной народной и современной культуре¹⁰.

Одной из наиболее сложных исследовательских проблем в изучении этнокультурных стереотипов является «не столько вопрос о содержании ... «зерна правды» или же неправды, сколько вопрос о способе интерпретации объекта, его характеристике...»¹¹. Этнография, целью которой является описание сообществ, изначально «исходит» из генерализации. Она проявляется в тех же обобщающих формулах, в каких чаще всего вербализуются стереотипы – используя «определенную характерную модификацию, состоящую в ограничении суждения о «всех типичных», «всех нормальных» его проявлениях»¹². Сходство научных характеристик со стереотипами заключается в апелляции к категориям «истинности» и «типичности», и, конечно же, в неверифи-

---

Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

⁹ Важнейшее отличие касается области функционирования: первое понятие может быть единичным суждением, отражать обобщенные взгляды отдельных индивидов и групп; второе отличает неверифицируемость высказывания, предполагает отсылку к субъекту, устанавливающему норму, это сложившееся предубеждение, предсуждение, не требующее доказательств, проявляющее себя как постоянное, устойчивое и широко распространенное суждение. «Показателями стереотипизации являются: повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, и закрепление этой характеристики в языке» (Бартмицкий Е. Языковые стереотипы. С. 165–166, 169). Иначе говоря, стереотипность представления должна быть обоснована. Мы исходим из дефиниции и методики выявления этнического стереотипа, представленной в работах: Бартмицкий Е. Стереотип как предмет лингвистики; Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7–17; McDonald M. The Construction of Difference: an anthropological Approach to Stereotypes // Inside European Identities: Ethnography in Western Europe. Providence, 1993; Oakes P.J. Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994; Benedyktowicz Z. Stereotyp – obraz – symbol. O możliwościach nowego spojrzenia na stereotyp // Zeszyty naukowe UJ. Prace Etnograficzne. 1988. Z. 24. S. 7–35.

¹⁰ В частности: Mitosek Z. Literatura i stereotypy. Wrocław, 1974; Benedyktowicz Z. Portrety «obcego». Od stereotypu do symbolu. Kraków, 2002; Bluszkowski J. Op. cit.; Dobieszewski J. Przesady, uprzedzenia, stereotypy – kilka refleksji o pojęciach // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. S. 29–47; Бартмицкий Е. Языковые стереотипы.

¹¹ Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 156.

¹² Бартмицкий Е. Языковые стереотипы. С. 165.

цируемости подобных суждений. Неверно было бы на этом основании предполагать, что любые научные обобщения представляют собой стереотипы¹³. Однако когда речь заходит об оценках внешности или нрава, которые распространяются на всех представителей группы – мы имеем дело с проявлениями стереотипизации, но лишь в том случае, когда высказывания совпадают не только по внешней «формульности», но и содержательно.

Необходимо также отличать представления и стереотипы, сложившиеся в традиционном (доиндустриальном, в частности, крестьянском) обществе под влиянием конкретного исторического опыта и социальной практики и тех, которые функционируют в сознании интеллигенции и элиты, в том числе и «сконструированные» в процессе формирования национальной идентичности и «внедряемые» с использованием средств просвещения и пропаганды. Вторые в той или иной мере созданы под влиянием идеи о природной обусловленности национального характера («нрава народа»). Именно этот вид стереотипов фигурировал на этом этапе в научных и популярных описаниях *другого*.

* * *

Рассмотрение изображения *другого*, содержащегося в российской научной литературе второй половины XIX века, позволяет выявить и проанализировать закономерности формализации и интерпретации его образа в описаниях различных народов. Прежде всего, это тексты этнографического и параэтнографического характера, которые помещались в специальные разделы географо- и военно-статистических описаний, входили в курсы географии (отечествоведения и страноведения), включались в популярные издания («для детей» и «для народа») о жителях Российской империи, а также характеристики народов и племен, содержащиеся в так называемой «литературе путешествий», заметках, очерках и репортажах. Они могут быть рассмотрены как единый источниковый массив не только тематически, но и методологически: их объединяет нормативность представленной информации, а также принцип компиляции и свободного заимствования не только научных сведений, но и личных впечатлений наблюдателей-путешественников о народах (в отношении репрезентативности они трактовались как равноценные источники).

¹³ *Benedyktowicz Z.* Op. cit. S. 95–99.

Этнографическая наука формируется как самостоятельная дисциплина довольно поздно, начальной точкой ее институционализации в России принято считать создание Этнографического отделения Русского Географического Общества (1845). Описание и классификация народов Империи на протяжении второй половины столетия остается главной задачей и основным методом исследования. В характеристиках различных этнических групп отражена определенная стратегия этнокультурной репрезентации. Ее реконструкция позволяет утверждать, что она соотносится, во-первых, с традициями научного народоописания эпохи Просвещения (прежде всего, ее немецкого варианта), во-вторых, она (чаще, правда, в невербализованном виде) апеллирует к формирующимся предметному полю и методам этнографии как самостоятельной дисциплины, и, в-третьих, – к жанрам, канонам и поэтике романтизма¹⁴.

Задачи и методы народоведения, сложившиеся в эпоху Просвещения, наиболее отчетливо проявились в академических программах экспедиционных исследований неславянских народов имперских окраин. Среди них необходимо упомянуть влияние традиций немецкой научной школы, и, в частности, преобладание территориального принципа описания, когда различные этнические группы были представлены в характеристике природной области, именуемой регионом или ландшафтом. Хотя разработка двух последних терминов завершилась лишь к середине XIX столетия (в трудах А. Гумбольдта и К. Риттера), сам географический подход (этнография, как известно, вплоть до XX в. оставалась отраслью географии, а не истории) определил доминирование пространственных, а не этнических классификаций. Основанием для научной идентификации этносов служили следующие признаки: а) этноним – причем в разных вариациях (самоназвание, античное наименование, этнонимы, функционировавшие в современных европейских языках) и всевозможные, в том числе и легендарные объяснения его этимологии. Вторым по значимости признаком был язык, вплоть до второй четверти XIX в. считавшийся главным критерием этнической принадлежности. Важным методологическим принципом, заимствованным без изменения из естественнонаучного арсенала просвещенческих средств науки, стала убежденность в том, что внешнее наблюдение является верным и единственным гарантом объективности полученных сведений. Поэтому в процессе этнической идентификации доминировали те отли-

---

¹⁴ Подробнее об этом см.: Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в. «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Глава 1.

чительные приметы и свойства этноса, которые возможно было установить визуально: антропологические черты (лицо и телосложение) и элементы материальной культуры (одежда, жилище и утварь). Однако и такие кажущиеся в то время очевидными признаки этноса как язык и темперамент (нрав) фиксировались исключительно на основании слов наблюдателя. Если учесть, что источником сведений вплоть до конца столетия были в первую очередь материалы путешествий и свидетельства добровольных информаторов, то можно представить, насколько свободны в своих заключениях были их авторы. Проблема самосознания в узком смысле слова – т.е. самоидентификация изучаемого объекта не была поставлена вовсе. Иначе говоря, определение этнической принадлежности индивида или группы осуществлялось по общему таксономическому принципу естественных наук: народы, как и другие природные феномены, должны были классифицироваться на основании визуальной атрибуции.

От ученых предшественников XVIII в. была воспринята без изменений и идея географического детерминизма, остававшаяся доминирующей в естественнонаучном дискурсе XIX столетия. Одним из ее последствий идеи стала убежденность в том, что от природных условий проживания зависят не только физические параметры этноса, – такие как внешний облик и темперамент, но и склад ума и характер народа, определяющей, в свою очередь, его место в истории и цивилизации. Согласно этим взглядам (начиная с Гердера), суровые климатические условия формируют мужественных, гордых и закаленных людей, но не способствуют их экономическому процветанию и культурному развитию. И, напротив, благоприятные для физического выживания и эволюции климатические факторы не всегда позитивно воздействуют на свойства народного нрава, однако – как правило – обуславливают высокий уровень цивилизованности. Именно эти сообщества попадают в число народов, имеющих возможность стать «историческими» – в гегелевской трактовке.

Гегелевская философия истории и поэтика романтизма формируют особенности представлений об истоках и формах этнического своеобразия – т.е. того, что ныне именуется «этничностью». Это – убежденность в существовании нематериальной субстанции, концентрирующей в себе основные отличительные свойства народов: концепция «духа народа» и идея народности. В русской культуре и науке второй половины столетия они формировались как под влиянием последователей Шеллинга, так и в поле славянофильской доктрины. Но в этнографических исследованиях и описаниях громадную роль сыграло надеждинское понимание

народности. Н.И. Надеждин, возглавив Отделение этнографии РГО, разработал проект этнографического исследования русских и создал программу сбора сведений по этнографии, которые отразили новое понимание терминов «народ» (этнос) и «народность». Народность Надеждин понимал не как стадию развития этнокультурного сообщества (как она интерпретировалась, например, в советской этнографии в триаде «племя – народность – нация»), а как качественную характеристику этноса, ныне именуемую «этничностью». Надеждин, в сущности, объединил две разнородные тенденции: признаки и методы описания «чужих» народов, сформировавшиеся в XVIII в., со сложившимися трактовками «своего» (при всей разноречивости в них преобладала романтическая идея национального «духа», выработанной историей). То есть он одним из первых считал необходимым сочетать изучение «видимого» тела (природы) с «невидимой» субстанцией духа (истории)¹⁵.

Второй элемент – идея народности – мог быть исследован методом реконструкции, на анализе источников «духовной культуры», к которым Надеждин причислял и язык. Этим занималась тогда фольклористика. Благодаря Надеждину «народность» превратилась из характеристики «своего» и «русскости» в целом в универсальную категорию, которая не только позволяла описывать *другого*, но и распространяла таким образом понятие «народ» на неземледельческие этносы. Это приводило к созданию предпосылок для осмысления *другого* через *своего*, а затем – и *другого* как *своего*, поскольку использование одинаковых родовых номинаций не могло в некоторой мере не уравнивать их объекты.

Своеобразной данью романтизму, помимо по-новому трактовавшегося представления о «народности», стало использование романтических клише в изображении «своих» и «других». Так, русские крестьяне зачастую выступали в образах «добрых неиспорченных дикарей» на фоне пасторальных пейзажей или же в качестве обладателей сохранявшихся издревле патриархальных добродетелей. Особую роль поэтика романтизма сыграла в изображении человека и пространства в научных и литературных травелогах. Поэтика романтизма – с ее модой на экзотическое, необычное, «чужое», с вниманием к психологическим рефлексиям и с распространением идеи «духа народов» (*Volksgeist*)

---

¹⁵ Подробнее об этом см.: Лескинен М.В. Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX в. // Славянский альманах. 2006. Москва, Индрик, 2007. С. 281–311.

– способствовала расцвету жанра путешествий в беллетристике¹⁶. Описания малоизученных или вовсе неизвестных земель и народов, содержащиеся в них, сформировали ряд клише, задающих структуру повествования о *другом*, определенный канон этих рассказов, а также выбор объектов наблюдения¹⁷. Сентиментальная литература путешествий, в частности, способствовала складыванию аркадийского мифа, чертами утопической Аркадии наделялись «плодоносные страны Юга» – в качестве таковых репрезентировались и государства Средиземноморского региона¹⁸ и балканские земли, а также далекие страны, населенные «дикими» первобытными народами. В Российской империи Аркадией легко оказывалась Малороссия¹⁹, воплощением суровой, воинственной, сохраняющей языческие суеверия северной земли (в европейском романтизме ее воплощала Шотландия) была, в частности, Финляндия.

На характеристики народов, в которых наиболее устойчивыми элементами стали черты нрава, в последней трети столетия весьма значительное влияние оказывали как естественно-научные (в особенности география и физическая антропология), так и гуманитарные дисциплины (история, фольклористика и психология). Складывающаяся этнография, претендуя на самостоятельное предметное поле, стремилась к выработке собственного научного языка описания – терминологии и методологии в строгом смысле, и потому нуждалась в понятиях, дефиниции которых были бы рационально обоснованы. Поэтому столь большую роль в репрезентации этнического сыграло представление о «типе» и типичном, заимствованное из естественных наук (тип ландшафта, антропологический тип). Не имея возможности подробно остановиться на эволюции и интерпретации этого весьма значимого для описательных стратегий понятия²⁰, отметим лишь, что в научно-популярных и обыденных описаниях эта категория применялась гораздо менее произвольно, чем «нрав».

---

¹⁶ *Роболы Т.* Литература «путешествий» // Русская проза. Л., 1926. С. 42–73; *Нуркова В.В.* «Человек путешествующий». География и автобиография // Вестник исторической географии. Вып. 2. М.–Смоленск, 2001; *Гуминский В.* Открытие мира, или путешествия и странствия. М., 1987; *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004. С. 12.

¹⁷ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. №2. С. 21–38. С. 24–25.

¹⁸ Там же. С. 28–31.

¹⁹ *Левкиевская Е.* Стереотип украинца в русском сознании. С. 157.

²⁰ Подробнее об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. Глава 3. Пар. 2.

Интерпретация типичного в отношении этнической группы имела весьма важное значение потому, что в этот период в европейском ареале еще не закончилось формирование критериев определения государствообразующих этнических или региональных групп. Вопрос о том, какие из них представляют «типичных» — т.е. обладающих полнотой этнокультурных признаков — представителей нации, оставался открытым, но «кандидаты» на подобные «типы» к середине столетия были уже определены. Их характеристика часто давалась с определением «настоящие» или «истинные». Следует подчеркнуть, что в полиэтничных империях — таких, как Россия, — задача не ограничивалась определением типа доминирующего народа (великорусов), аналогичная процедура выявления типичных племенных групп осуществлялась применительно ко всем этносам без исключения.

Анализ позволяет определить два наиболее распространенных способа установления типа. В основе первого лежит географический критерий, когда типичной этнической группой объявлялась та, которая проживала в регионе с распространенным для данного государства или области ландшафтом и климатом. Второй путь связан с процессом выявления наиболее характерных признаков «народа»-этноса. В этом случае большое значение приобретает степень сохранности — «чистоты» древних свойств народа, менее всего подвергшихся влиянию цивилизации или смешению с инородными элементами. Всякое внешнее воздействие объявлялось негативным и для физической, и для духовной природы племени. Этнический тип и его качества выражали общее и особенное одновременно, представляясь воплощением широко понимаемой «инаковости». В этом процессе А.К. Байбури улавливает «парадоксальное правило: ... чем меньше этническая дистанция, тем более существенны различия, чем она больше, тем более значимы совпадения»²¹. Вот такого рода различия и совпадения фиксировались как типичные черты *другого*. Реже они заимствовались из самоописаний, но без ссылки на соответствующие научные авторепрезентации. Поэтому встречающиеся в заметках путешественников описания «настоящих» сербов или «характерных» поляков в той или иной степени отражает знакомство (или взгляды) автора по этой активно обсуждаемой тогда общественно-научной проблеме.

Для характеристик славянских народов во второй половине столетия большое значение имели традиции славистических исследований, и в особенности весьма популярная идея, согласно которой крестьян-

²¹ Байбури А.К. Указ. соч. С. 14.

ское сословие у современных славян сохраняет патриархальные, сформировавшиеся еще в эпоху античности (как полагали тогда), традиции и свойства. Это прежде всего нравственные добродетели, присущие представителям земледельческих обществ – такие как гостеприимство, добродушие (миролюбие), чистота нравов, веселый характер и смирение. Следствием последнего объявлялась склонность к разобщенности, анархия²². Были и те, кто оспаривал такое заключение и утверждал, что предки славянских народов ничем не отличались от других варваров – с их воинственностью, агрессивностью, но ранними формами самоорганизации. Эти два представления довольно четко определяют тенденции в описании славянских этнических групп (племен) или народов²³.

Особое место в научных и научно-популярных описаниях народов занимает понятие «нрав народа». Определение народности как этничности демонстрировало представление о способах идентификации этнической принадлежности и о своеобразии так называемой «физиономии» народа – т.е. его самобытности. Одним из важнейших этнодифференцирующих признаков по Надеждину оказалась такая весьма неопределенная и архаическая категория как «нрав», которая начиная с античности использовалась для установления отличительных свойств этносов. На протяжении всего XIX в. она продолжала оставаться одной из важнейших при описании и классификации этносов. Ее дефиниция не получила выражения в строго научных формулировках, под термином «нрав» понимались главным образом врожденные свойства, передающиеся по наследству – это особенности темперамента (норов), характеристика умственных и волевых качеств, а также некоторые особенности «нравственной склопности». Идея «врожденности» права и его генетической обусловленности обосновывали «нрав народа» в качестве этномаркирующего признака, общего для всех членов этнического коллектива. С введением характеристики права в качестве обязательного раздела в программы сбора сведений по этнографии под рубрикой «умственные и нравственные качества» ум, нрав и «способы

²² Согласно существовавшим в то время воззрениям на формирование своеобразия общественных и политических форм в традициях разных народов, смирение (миролюбие) на начальном этапе складывания не могло способствовать консолидации общества (в этом случае в нем просто не было необходимости), что замедляло процесс государственообразования или приводило к поражению соседями (примером служили, например, финны или славянские племена, завоеванные в разное время германцами).

²³ Собестянский И.М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892.

к жизни» конституировались как объективные этнические свойства, которые можно зафиксировать при наблюдении²⁴.

Само введение понятия «прав» в описание этносов не было, конечно, оригинальным, за ним стояла многовековая традиция. Как уже было показано, нрав (или психология) народа был обязательным элементом надеждиной концепции народности, в градации предметного поля этнографии он также относился к «психической этнографии»²⁵. В опубликованной инструкции Надеждина для Камчатской экспедиции прямо указывалось, как определять качества этнического права при наблюдении: «Тут не требуется со стороны наблюдающих особенных усилий и трудов, кроме как видеть и замечать, что у каждого будет перед глазами»²⁶.

В инструкции к этой Программе Н.И. Надеждин разделял умственные и нравственные качества довольно строго: к первым он отнес «любопытство, понятливость, изобретательность, богатство или скудость воображения» (степень развития воображения он предполагал устанавливать исходя из количества народных сказок), словоохотливость или молчаливость²⁷, ко вторым – преобладающий темперамент, господствующие страсти и пороки, понятия о добродетели и правде, представления о преступлении, восприимчивость к прекрасному.

---

²⁴ Необходимо отметить также важную особенность в различении понятий «нрав» и «нравы», которые многими современными исследователями (особенно зарубежными) воспринимаются как синонимы или отождествляются с характеристикой состояния нравственности. В XVIII – начале XIX в. термин «нравы» часто фигурировал в описаниях народов в словосочетании «нравы и обычаи», хотя в строгом значении «нравы» и «обычаи» – синонимы (*mores* – обычаи, нравы). Между тем слово «нрав» соответствует латинскому *natura* (природа, нрав), и в этом контексте под ними понимались в первую очередь свойства темперамента («страстей»), ума и воли. Сложность трактовки области значений лексемы «нрав» состоит в том, что его понимание не исключало и характеристику моральных особенностей человека и народа (*Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. СПб.–М., 1880–1882. Т. 2. СПб.–М., 1881. С. 558.*). Однако с середины XIX в., когда в программу сбора сведений по этнографии вошел обязательный пункт «умственные и нравственные качества» описываемого народа, «нрав» зачастую стал отождествляться с нравственными добродетелями или пороками. Точное значение термина могут прояснить лишь жанровые особенности текста и анализ контекста высказывания.

²⁵ Цит. по: Рабинович М.Г. Ответы на программу Русского Географического Общества как источник для изучения этнографии города // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. Л., 1971. С. 36–61. С. 39.

²⁶ Часть этнографическая (*Надеждин Н.И.*) // Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Российским Географическим Обществом. СПб., 1852. С. 17–30. С. 23.

²⁷ Там же. С. 25.

Нравственность – как следует из этого толкования – является лишь одним из элементов «нрава».

Неясность формулировок, отождествление характера и темперамента, нерасчлененность свойств интеллекта и «психических особенностей» способствовали произвольному обнаружению этих качеств в исследуемом этническом объекте. Очевидную субъективность, присущую любому наблюдателю, усугубляла и неопределенность некоторых понятий. Осложняло правописание и то обстоятельство, что в ответах необходимо было указывать специфические качества народа. Многие, правда, отдавали себе отчет в существенных сословных различиях и стремились сравнивать качества описываемой этнической группы только с теми свойствами, которые, как они полагали, присущи не «своему» народу в целом, а лишь его социальным низам, – разумеется, в том виде, в каком они себе их представляли.

Главное значение представлений о «праве» или «национальном характере» в этнографических репрезентациях разного уровня состоит в том, что, начиная с разработанной Н.И. Надеждиным программы (1847) и вплоть до конца столетия, *нрав* рассматривался как объективно-научная категория, содержание которой устанавливалась двумя способами – визуально и опосредованно. Это порождало определенную свободу интерпретаций. Кроме того, в этом отношении равнозначными считались источники любых жанров, что делало сферу нравоописаний наиболее подверженной воздействиям этнокультурных предубеждений и стереотипов. Как для обывателей-путешественников, так и для ученых стремление обозначить черты нрава становилось важной *установкой* исследования. Такая «каузальная атрибуция» весьма показательна еще и потому, что в подавляющем большинстве случаев приметы нрава или характера определялись внешним наблюдением или же путем весьма свободного толкования фольклора и обрядности, подтверждаясь литературными цитатами. В пореформенную эпоху, однако, к ним добавляются наблюдения исследований по юридической этнографии.

Еще одним способом фиксации качеств нрава был самый простой и наиболее архаический путь – сравнение всего «иного» со «своим», «знакомым». С середины столетия он получил статус точного научного метода. На практике, однако, его использование не выходило за рамки обыденных представлений. Тот, кто осуществлял сравнение, исходил не из «объективного» видения качеств «своего», и даже не стремился аргументировать его аналитическими процедурами, а руководствовался собственным пониманием отличительных особенностей *своего* народа и образом «типичного» их носителя. При этом

обладателем характерных этнических свойств земледельческих народов были объявлены только те социальные группы, которые сохранили их в наибольшей степени – т.е. крестьяне и – реже – городские низы (в России). Таким образом, наблюдатель исходил из привычного для него образа «своего» – т.е. великорусского крестьянина. Очевидная субъективность такой подспудной установки усугублялась не только апелляцией к собственному опыту. Реконструкция стереотипов русского или великорусского крестьянина в этнографических очерках дает основание утверждать, что большинство авторов исходили из «книжных» представлений о «мужике», формировавшихся под воздействием народнической литературы 1860-80 гг., руководствуясь распространенными клише, в широком спектре – от образа русского «богоносца» до невежественного пьяницы-дикаря²⁸.

Не только научные, но и обыденные взгляды на *этническое* включали убежденность в объективно существующих отличиях в характере народов, поэтому стремление увидеть их при первом же знакомстве с культурой и жизнью *других* легко реализовывалось. То, что в путевых заметках могло быть воспринято как первое впечатление или результат размышлений автора, в этнографических описаниях приобретало статус научного знания. Твердая убежденность работавших по программам в «поле» «описателей» и «аналитиков», составлявших на их основании научно-популярные компиляции-характеристики этносов, исключала сомнения в непреложной верности этнографического нарратива. Апологизация «научности», впрочем, была характерной и универсальной приметой времени и обладала значительным потенциалом «долговечности»²⁹.

В качестве этнического признака *нрав народа* (точнее, его составляющие) служили важным инструментом определения стадии развития этнической группы и наоборот. Эта взаимозависимость облегчала этническую и цивилизационную идентификацию: некоторые добродетели или пороки считались неотъемлемыми свойствами этапа «варварства», а фиксация какого-либо признака «патриархальности» приводила к обнаружению соответствующих черт нрава. Противоречия в содержании ключевых научных понятий и способах его использования

²⁸ Об этом см., в частности: Лескинен М.В. Эволюция представлений о финской честности в российских этнографических описаниях второй половины XIX в. // Европейская интеграция и культурное многообразие. В 3-х ч. М., ИЭИЛ, 2009. Ч. 3. Традиционные ценности и новые ориентиры. С. 3–54.

²⁹ Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. №2. С. 3–13. С. 9.

привели к тому, что ученые, анализировавшие собранный материал, и теоретики-этнографы попытались освободиться от описаний качеств права как недостаточно репрезентативных. Выходы предлагались сторонниками эволюционизма в этнографии и позитивизма – в истории. Однако ни те, ни другие не отвергли главного элемента народности, обоснованной Н.И. Надеждиным, – национального характера. Только введение термина «национальное самосознание» могло разрешить ряд противоречий, но для этого необходимо было обратиться к представлениям о себе самого объекта этнографического исследования, т. е. к самоидентификации. Ее значимость обосновывали в своих работах о национальных проблемах, в частности, такие деятели, как В.Д. Спасович, А.Д. Градовский и др.

Рассмотренные выше принципы научной репрезентации и представления о содержании термина «нрав народа», а также его трактовки в народоописаниях весьма важны не только для реконструкции взглядов и позиции Наблюдателя в отношении *другого*. Они в значительной мере изменяют спектр возможных интерпретаций высказываний о характере и нраве народов, которые функционируют в определенном круге нарративных текстов, прежде всего небеллетристических жанров: это дневники, записки путешественников, описания народов, сделанные учеными наблюдателями, военными репортерами, дипломатами; учебники и хрестоматии по географии (отечествоведению и страноведению), а также богатая научно-популярная литература второй половины столетия, которая представляет собой компиляцию этих сведений. Необходимо отметить несколько наиболее важных обстоятельств, которые следует учитывать при использовании этой всегда оценочной информации о характере и обыкновениях *других* народов.

Первое. Всякое описание черт и качеств, которые являют собой элементы концепта этнического «нрава» или «характера» непременно являет собой продукт имеющихся в определенном социальном слое предубеждений – как позитивного, так и негативного свойства. Не останавливаясь подробно на истоках и способах их формирования, отметим лишь, что они складываются из абстрактных знаний (через образование) и опыта (не обязательно личного) общения с представителями данных культур. Важным источником являются эмоциональные впечатления – непосредственные, а также литературные и визуальные образы конкретных *других*.

Второе. Важной методологической проблемой является вопрос о том, в какой степени в народоописаниях черты характера, репрезентируемые как типичные свойства другого народа можно определить как

этнокультурные стереотипы. Даже доказав высокую частотность отдельных определений (например, гостеприимство и честность сербов и финнов) в высказываниях на протяжении длительного периода, не всегда правомерно объявлять данные свойства этностереотипами, поскольку сначала важно установить их конкретное содержание – путем текстологических процедур и выявления контекста высказывания³⁰. Это зачастую показывает, что одно и то же качество подразумевает различные проявления или порождено абсолютно противоположным их толкованием, а также несхожими теоретическими установками в отношении толкования национальных черт (например, патриархальная честность сербов, сохранившаяся с древнейших времен, и «сознательная» честность финнов-лютеран). Хитрость и коварство приписывались тем группам, которые занимаются торговыми операциями (особенно на Востоке), склонность к воровству и обману – так называемым «диким» народам. Считалось, что она появляется у них под дурным влиянием более развитой цивилизации.

Кроме того, следует учитывать, как уже говорилось, что даже фиксируемое в данных текстах как непосредственное, живое впечатление неискушенного наблюдателя, суждение об отличительных свойствах *другого* опирается во многом на «ожидание», оно предсказуемо: исследователь видит то, что предписано ему его собственным пониманием «своего» и собственной культурой³¹. Так, стремление выявить точную этническую принадлежность жителей Македонии или Полесья в конце XIX столетия, опираясь исключительно на так называемую «внутреннюю идентификацию», т.е. на их самоопределение – с одной стороны, есть знак чрезвычайно новаторского в научно-этнографическом отношении метода, исходящего из убеждения в том, что и для научного определения, и для всякого индивида именно этот фактор является значимым. С другой, это порождает противоречивость выводов, так как не всегда самоидентификация выражена в этнониме (весьма часто это топоним или конфессионим), что затрудняет желаемую однозначность результатов, но, кроме того, сам вопрошаемый (особенно крестьянин) зачастую не знает ответа на поставленный вопрос.

Современный исследователь, опираясь в своих заключениях на материалы российских путешествий или этнографических очерков второй половины XIX столетия, должен учитывать, что он имеет

³⁰ См., например: Лескинен М.В. Эволюция представлений о финской честности.

³¹ Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность.

дело не столько со «свежим» или «свободным от предрассудков» взглядом извне, отмечающим детали, не попадающие во «внутренние» источники, сколько с мнением и впечатлением, сформировавшихся во многом ранее, на базе определенных мировоззренческих установок – как общеевропейских, так и имперских. Среди них доминирует, прежде всего, убежденность в географическом детерминизме и в существовании ряда дихотомий, подспудно опирающихся на оппозиции культура/дикость, варварство/цивилизация, исторические/неисторические народы, земледельческие/«дикие» народы и др.³²

Важную роль в суждениях, которые почти неизменно являются оценочными, играет знакомство с расовыми теориями (расизмом и расиализмом³³), антропологическими классификациями, а также собственные политические и религиозные убеждения автора и т.п. Поэтому при использовании данного круга высказываний и мнений корректнее было бы рассматривать их в контексте тенденций, форм и способов интерпретации, существующей в национальной традиции (русской в нашем случае): ведь они, как уже говорилось, гораздо более говорят не об объекте описания, а об адресате и адресанте. Имеющиеся описания отличительных особенностей поведения и мышления, способов выражения и характера деятельности представителей различных народов, которым зачастую приписывается объективная значимость, нуждаются в обязательной интерпретации самого исследователя, устанавливающего степень их тождественности с распространенными взглядами, образом потенциального потребителя этой литературы, бытующими суждениями, научными и обыденными авто- и гетеростереотипами. Такой анализ позволяет не столько реконструировать детали, сколько смоделировать образ, тип, склад мышления и взгляда на *других*, а, сопоставив их с этнокультурными стереотипами традиционного общества, выявить степень оригинальности и субъективности подобных оценок.

В заключение следует выделить главные тенденции научных этнографических описаний рассмотренного периода.

---

³² Ионов И.Н. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // Искусство и цивилизационная идентичность. М., 2007. С. 169–187.

³³ Термин «расиализм», введенным современными этнологами, призван подчеркнуть нейтральность, безоценочность сугубо научных построений от идеологически маркированного понятия «расизм» (Тодоров Ц. Раса и расизм // Новое литературное обозрение. 1998. №34. С. 5–36. С. 5–7.)

1) Народописание – как и всякое описание вообще – обнаруживает категории мышления, стандарты восприятия и способы интерпретации – научные и обыденные. Однако разделение на «научные» и «обыденные» суждения в качестве представлений «высшего» и «низшего» порядка в этой области несколько условно для данного периода³⁴. И те, и другие складываются под воздействием определенного набора стереотипных суждений, прежде всего оценочных – причем как в поле научных концепций и понятий, так и в клишированных заметках «по свежим следам».

Осуществляемое по заданной схеме, описание *другого* строилось исключительно в виде фиксации информации, полученной в процессе внешнего наблюдения, т.е. цель и методика исследования совпадали. Способ наблюдения был произвольным, описание этноса (и его права) не предполагало коммуникативных методов сбора информации; все видимое воспринималось и оценивалось как научно объективное. Абсолютизация визуального лежала в основе установления отношений прямой зависимости между видимыми и невидимыми чертами народности/этничности; особенно ярко это проявлялось в описаниях сторонников эволюционизма, которые исходили из жесткого соответствия элементов материальной и духовной культуры. Такая интерпретация стала, на наш взгляд, своеобразной вершиной процесса создания таксономического проекта в этнографическом поле, зародившегося в эпоху Просвещения.

2) Народописание народов – как в популярных очерках и записках путешественников, так и в научных этнографических работах – игнорировало самосознание и самописание этнической группы. Иначе говоря, концепция народности/этничности исключала самоидентификацию объекта исследования и воспринималась как физическая реальность. Происходило отождествление объекта и субъекта наблюдения, что при определении права народа означало преобразование уже имеющихся у этнографа-наблюдателя знаний и представлений в научный факт. Доминирование визуального наблюдения сужало и границы обзора – заключение о праве не предусматривало решение вопроса о его развитии, о степени устойчивости черт, не затрагивало сферу социального поведения, профессиональные нормы и практики. Изображение (визуальное и вербальное) диктовало и иллюстративный метод изложения. Однако исследователи активно прибегали к прямому, а чаще скрытому цитированию географо-статистических

³⁴ Соколовский С.В. Образы Других. С. 11.

сведений коллег-ученых, особенно представителей молодых национальных школ. В славянском ареале это приводило к активному внедрению элементов регионального этнографического романтизма.

3) Границы и различия между этническими группами и между индивидуальным и коллективным поведением до конца не были отражены, что приводило к перенесению психологических характеристик индивида на коллектив (этническую группу): зачастую этнический тип конституировался в обобщенном образе человека. Так человеческое измерение, с одной стороны, делало его более понятным читателю, а, с другой, выдавало качества народа за индивидуально-присущие и наоборот.

4) В описании и объяснении этнокультурной самобытности народов доминировали идеи географического детерминизма. Воздействие исторических процессов на формирование отличительных черт физиономии народов фиксировалось, но главным образом в рамках дихотомии цивилизация/варварство. Основным фактором, определяющим место народа в цивилизационной иерархии, была объявлена способность к государствообразованию, которая связывалась или с антропологическими, т.е. врожденными свойствами (расовая теория), или основывалась на идее разделения народов на склонные и несклонные к самоорганизации и консолидации. В целом этнография второй половины XIX столетия оказалась «в плену» антропогеографического взгляда на предмет и методы народоведения.

Изображение *другого* – и в научной, и в популярной литературе России пореформенной эпохи, таким образом, находилось под сильным влиянием просветительской доктрины и подчинялось закономерностям видения национального и этнического в период модернизации общества.

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ДИПЛОМАТЫ НА БАЛКАНАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Публикуя в 1857 г. «Заметки путешественника по славянским землям», славянофил Ф. В. Чижов с удовольствием констатировал: «Между сербами всех возможных названий, т.е. между собственно сербами, босняками, герцеговинцами и далматинцами, всё живет одним чувством, одною мыслию, в которой сосредоточены надежды всех, которая питает мечты каждого, и даже до того проникает в жизнь, что каждый старается слить с нею и личные свои выгоды; это мысль о внутреннем, душевном, славянском братстве»¹. Чижов свидетельствует: побывав в землях южных славян, он впервые столкнулся с братскими чувствами воочию, что подразумевает наличие убежденности в их существовании (теоретически) еще до поездки.

Объективности ради, автор заметок формулирует максиму: «Но путешественник должен смотреть на жизнь настоящую, как историк на жизнь прошедшую...». Реализация заявленного принципа разочарует современного читателя. Чижов возлагает главные надежды на интуитивный и обманчивый путь «вживания» в ожидаемую реальность и признается далее: «... как славянин, я не мог не увлечься сочувствием к общим для всех славян надеждам, что придет время, когда славянская жизнь явится во всей полноте своего развития»².

Аксиома «славянского братства», утвердившаяся со временем благодаря усилиям славянофилов и деятелей славянского возрождения за пре-

---

¹ Русская беседа. 1857. Кн. 5. Смесь. С. 17–18. При составлении журнальной публикации Чижов использовал дневниковые записи, относящиеся к путешествию по Далмации в 1843–1844 гг.

² Там же. С. 18.

делами России, еще в предыдущем столетии не была столь же очевидной. В частности советник коллегии иностранных дел, полковник С. Ю. Пучков, побывавший в Черногории в 1759 г., в рапорте от 21 марта 1760 г. сообщал: «... тамошний дикой народ или никогда, или с весьма великим трудом в порядок приведен быть может, ибо никаких прав и законов между собою не имеет...». Пучков жаловался на лицемерие, «своевольство и сребролюбие» как священников, так и мирских начальников, безнаказанно расхищающих врученные им средства. В итоге он заключал: «... в них царствует три духа: православно черногорской, вепецанской и турецкой, — одним словом, кто бы ни пришел и их деньгами действительно поманил, то они того называются и ему слепо последовать готовы»³.

Публикатор конца XIX века был преисполнен праведного гнева по поводу этого «небратского и поистине нечеловечного» документа: «... и самый большой неприятель черногорского народа, ни турок, ни латинянин, не написал бы столь неприятельского доклада против Черногории, как тот, который написал “он, Пучков”»⁴. Конфликт историка и источника демонстрирует степень различий в понимании исторической и политической реальности на полуторавековом промежутке. Мышление середины XVIII века либо не осознавало «славянского братства», либо оставляло его на периферии, в тени «православной общности». Вместо *родного* «славянского мира» Пучков увидел в Черногории странное соединение лукавого православия, турецкой дикости и венецианского торгашества⁵.

При всей доступности и кажущейся простоте описательных текстов, принадлежащих перу путешественников (ученых и дилетантов), а также дипломатов — этнографов по служебной надобности, — за их видимой поверхностью всегда скрываются иные слои, определяемые функционально заданным углом зрения, социальной позицией и литературной стратегией автора⁶. И именно они в свою

³ Драговић М. Материјал за историју Црне Горе // Споменик Српске Краљевске академије. Књ. XXV. Београд, 1895. С. 27–28.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Посланный в Черногории в 1766 г. подпоручик Севского полка М. Тарасов пользовался рапортом Пучкова. С некоторым удивлением он констатировал его точность и сообщил некоторые новые подробности: Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992. № 4–5. С. 48–64.

⁶ Критику наивно-потребительского подхода к подобным источникам см.: Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–24.

очередь определяют, *что* и в каком виде войдет в текст описания «увиденного», а *что* останется за текстом или же «не увиденным». Расставшись с верой в позитивный реализм источника, исследователь должен обратиться к теоретической рефлексии.

* * *

В гуманитарных науках нередки случаи, когда те или иные феномены исследуются в рамках различных дисциплин и теоретико-методологических направлений с присущим им категориальным аппаратом. К описанным случаям относятся и образы «другого». Они рассматривались в рамках социальной психологии (кросскультурной, культурно-исторической или этнопсихологии), в отмеченных влиянием культурной географии (антропогеографии) или структурализма исследованиях «картины мира», а затем в выполненных под знаком постструктурализма или же конструктивизма исследованиях «ментальных карт». Наконец, образы «другого» стали предметом специального изучения в синтетической субдисциплине, вышедшей из сравнительной истории литератур и названной «имагология»⁷.

Центральным понятием в работах психологов, посвященных обозначенной проблеме, является «социальный стереотип», чаще всего, этнический (автостереотип и гетеростереотип, составляющие динамическое целое). При этом признается, что содержание понятия «стереотип», введенное в оборот У. Липпманом в начале 1920-х, до сих пор не получило однозначной трактовки⁸. Вместе с тем, в этом давнем исследовании, написанном в свободной публицистической манере, по справедливому замечанию Э. Нозль-Нойман, нет «ни одной идеи относительно функционирования коммуникации, которая позднее не полу-

⁷ См. статью В. А. Хорсва в настоящем сборнике.

⁸ Липпман У. Общественное мнение. М., 2002 [1922]. О неоднозначности понятия «стереотип» пишут практически все авторы, касающиеся этого вопроса. См., например: Семендяева О. Ю. Эффект стереотипизации // Социологический журнал. 1985. № 1. С. 164–167. Она же. Критический анализ концепции «стереотипа» в социальной психологии // Социологические теории и социальные изменения в современном мире. М., 1986. С. 184–196. Мельник Г. С. Mass-Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. С. 89–99. Шихирев П. П. Современная социальная психология. М., 1999. С. 114–115, 267. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г. М. Андреевой и А. И. Донцова. М., 2002. С. 91–92 и др. Впрочем, Донцов и Стефаненко не склонны видеть большие различия в базовом понимании термина, выделяя в «стереотипах» пять качеств: согласованность, схематичность или упрощенность, эмоционально-оценочная нагруженность, устойчивость или даже ригидность, неточность. Ср.: Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 1999. С. 237–255.

чила бы подтверждения в кропотливых лабораторных исследованиях или работах в полевых условиях»⁹.

Как известно, Липшман назвал стереотипы «картинками в наших головах». Затем их называли «эмоциональными символами», «фиксированными образами», «когнитивными схемами», «сгустками общественного опыта» и т.д. При этом образное воплощение стереотипов регулярно всплывает в их характеристике, что при абсолютизации данной интеллектуальной тенденции и фиксации на поисках «истоков» может увести в сомнительную сферу архетипов воображения. Между тем, «зримость» стереотипа вовсе не следует сбрасывать со счетов, а более того, следует признать связь этого феномена со словесным (литературным) творчеством и фигурами речи, а также формами визуализации, столь важными в процессах ориентирования, адаптации, припоминания и т.п.

Одни авторы, склонные к более широкому пониманию термина, выделяют в стереотипизации три уровня (когнитивный, эмоциональный и поведенческий). Каждый из них порождает «неполный» стереотип, а в случае их соединения в повторяющихся ситуациях – полный. А также два пути формирования стереотипа: непосредственный личный опыт и опосредованный коммуникативный путь¹⁰. Впрочем, сторонники более узкого понимания, делающие акцент на повседневном опыте испытуемых групп (контактирующих этносов), вовсе не отрицают опосредованную составляющую при формировании стереотипа. Они указывают на соединение в нем когнитивной и эмоциональной информации, отделяя стереотипы от действия¹¹. Авторы, выходящие за рамки социальной психологии и теории массовой коммуникации, распространяют стереотип на любой процесс формирования знания, в том числе на современную научную практику¹².

⁹ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 204–215.

¹⁰ Социальная психология. Краткий очерк / Под общ. ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М., 1975. С. 85–89.

¹¹ Солдатова Г. И. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 64–86. См. также: Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 985–102. *Он же*. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой и Я. Яноушека. М., 1987. С. 177–188. *Он же*. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 134–158. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений. М., 2008. С. 147–258.

¹² Васильева Т. Б. Стереотипы в общественном сознании (социально-философский аспект). Научно-аналитический обзор. М., 1988.

Историк при обращении к литературе путешествий оказывается на перекрестье этих методологических подходов. С одной стороны, путешественник, отправившийся в чужую страну, несет с собой груз стереотипов, почерпнутых в своей социальной и интеллектуальной среде. С другой стороны, его записки являются результатом непосредственного опыта пребывания в другом мире и «удивления» от него. В этой ситуации могут трансформироваться старые стереотипы и возникнуть новые формы восприятия. Многое зависит от глубины погружения, компетентности, длительности пребывания, плотности коммуникации, открытости восприятия и т.д. Впрочем, некоторые из этих параметров (например, открытость и компетентность) противоречат друг другу. Мы сталкиваемся перед некой вариацией «герменевтического круга».

Выход из него не прост. Однако в недавних исследованиях присутствует стремление отказаться от разоблачительной стратегии в изучении стереотипов, поскольку «... с психологической точки зрения процесс стереотипизации не релевантен этической антимонии “хорошо или плохо”. <...> Этот процесс можно сравнить с устройством грубой настройки в таких оптических устройствах, как микроскоп или телескоп, наряду с которыми существует и устройство тонкой настройки, аналогами которой в сфере восприятия выступают такие тонкие и гибкие механизмы, как идентификация, эмпатия, социально-психологическая рефлексия и т.п.»¹³.

Слепое применение методов, выработанных в ходе полевых исследований контактирующих этнических и, тем более, лабораторных групп, вряд ли уместно в работе с историческими источниками. Путешественник в полной мере не является частью коллективных процессов повседневного взаимодействия, а остается по преимуществу в ранге привилегированного наблюдателя¹⁴. Дипломат, находящийся на постоянной службе в другой стране, конечно, имеет возможность глубже постичь местную культуру и обычаи, однако его статус экстерриториален в силу выполняемых им функций. Случаи, когда «путешественники» надолго оседают в чужой среде, превращаясь в полуэ-

¹³ Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов... С. 98. Автор настаивает на необходимости различать в процессе стереотипизации два уровня – социологический и психологический. Негативные оценки стереотипа как явления справедливы, но они связаны лишь с негативными социальными установками, которые определяют его содержательную сторону.

¹⁴ Это положение не следует абсолютизировать, если рассматривать акт коммуникации как *взаимодействие*, пуская эпизодическое, включение в другую культуру.

мигрантов, достаточно редки, но чрезвычайно интересны. Они в большей степени связаны с феноменом ассимиляции или, если «осевшим» предстоит встреча с соотечественниками, – с феноменом диаспоры, т.е. непосредственным межэтническим взаимодействием.

В последние десятилетия минувшего века под влиянием «культурного» и «лингвистического поворота» в социальной психологии усилилась критика доминантной когнитивистской парадигмы, ставящей в центр внимания универсальные познавательные процессы с редукцией от индивида к группам или обществу, и оформилось новое эпистемологическое течение – «социальный конструкционизм». Отдельные авторы, делающие акцент на культурной и лингвистической относительности, изменчивости социально-психологических феноменов, предложили даже считать науку о них исторической, т.е. собственно историей как таковой. С другой стороны, испытав влияние постструктуралистских идей, некоторые «конструкционисты» толкуют сотворение «я» и окружающей его социальной реальности исключительно как результат работы дискурса. Данная ультракритическая тенденция, характерная, прежде всего, для самой успешной (и самой «сциентистской» прежде) американской версии социальной психологии, сочетается с более давней, основательной, но и более сдержанной традицией критики ее у европейских исследователей. Такое сочетание позволило отечественным аналитикам говорить о процессе рождения новой парадигмы в социальной психологии, принимающей культурно-историческую перспективу¹⁵.

Новации в социальной психологии коснулись и подходов к рассмотрению явления стереотипизации. Не отрицая полностью (за исключением крайних «конструкционистов») когнитивистское решение вопроса о его происхождении как следствии закона экономии познавательных ресурсов в условиях избытка информации, уже с середины XX века исследователи все более смещали акцент на функции стереотипов: защита групповых ценностей, легитимация социальных позиций, определение идентичности и восполнение иллюзорной целостности «своего» мира. Стереотипы стали рассматриваться как явления, детерминированные отношениями власти и межгрупповой конкуренции. Под

---

¹⁵ *Андреева Г. М.* В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном мире. С. 9–26. *Стефаненко Т. Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Там же. С. 27–41. См. также: *Социальная психология: саморефлексия маргинальности.* Хрестоматия. М., 1995. С. 23–135. *Якимова Е. В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. Научно-аналитический обзор. М., 1999.

действием этого социологического дрейфа в процессе стереотипизации стали выделяться разные уровни. В частности, швейцарский психолог В. Дуаз обнаружил четыре таких уровня: первый – индивидуально-психологический – выделяется с трудом, поскольку формируется под сильным влиянием второго – уровня межличностных отношений. Третий уровень – коллективные представления, складывающиеся в процессе межгрупповых отношений. А четвертый – уровень идеологии, исторически обусловленной для данного общества. Дуаз признал, что четвертый уровень пока полностью исключен из практики исследований социальных психологов. И это при том, что «верхний уровень – идеология – детерминирует нижележащие»¹⁶.

В силу сказанного, верхний уровень стереотипизации не может быть сведен (хотя разные уровни связаны между собой) к феноменам, исследованным на уровне межличностных и межгрупповых отношений, как, впрочем, и наоборот. С другой стороны, стереотипы верхнего ряда в социально дифференцированных обществах, очевидно, отражают интересы и ценности доминантных групп. При этом они могут быть выражены (и так чаще всего бывает) в «общезначимой» форме. Пространство стереотипов на этом уровне определяется широтой, глубиной и характером властных притязаний «элиты».

Вычленение стереотипов верхнего ряда соотносится с интерпретацией идеологии «как культурной системы» (т.е. системы символов, литературных тропов и фигур речи) в одном из влиятельных направлений антропологии¹⁷. Это не только не снимает, но скорее обостряет вопрос, о какой «культуре» и какой «идеологии» мы говорим.

Термин «идеология» может быть употреблен в более узком, «современном» значении: политическая, государственная, национальная идеология. И в более широком значении, когда это понятие распространяется на духовные образования «досовременных» эпох (мифологические комплексы, религия, этические системы, сословные «идеологии»). Производящие инстанции, функции, способы распространения,

---

¹⁶ Шихирев П. Н. Указ. соч. С. 268–272. Другой видный психолог, представитель социального когнитивизма Г. Тэджфил на первое место поставил уровень культуры с разными идеологическими образованиями. Внутри этой метасистемы он поместил групповые идеологии (второй уровень). Они предполагают наборы стереотипных образований, из которых выбирает отдельный индивид (третий уровень). Три уровня находятся между собой в динамическом взаимодействии.

¹⁷ Гириц К. Идеология как культурная система // *Он же*. Интерпретация культур. М. 2004 [1973]. С. 225–267. Ср.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания М., 1995 [1969]. С. 151–209.

возможности трансформации смыслов и т.д. в этих случаях будут различными. Все еще более усложняется при обращении к переходным эпохам с характерными для них гибридными формами.

Относительное единство культуры можно наблюдать в «холодных» (по определению К. Леви-Стросса) обществах, но в ином случае мы имеем дело, как минимум, с двумя культурами: «официальной», т.е. господствующей и так называемой «народной», низовой культурой. А в настоящее время – с разными уровнями и формами «массовой» культуры, противостояние которой «элитарной» весьма условно. Все это необходимо учитывать с принятием культурно-исторической перспективы в гуманитарных исследованиях, в том числе при анализе образов «другого».

Представляет интерес соотношение понятия «стереотип» с концептом «социальных представлений», выдвинутым школой С. Московичи. Некоторые авторы решают этот вопрос однозначно: «Будучи общественно разделяемым способом когнитивного упорядочения мира людей, стереотип может быть рассмотрен как разновидность социальных представлений»¹⁸. Действительно, упомянутый выше последователь Московичи В. Дуаз интегрирует процесс стереотипизации в данную концептуальную рамку. Однако существенные расхождения между американской и европейской (французской) традицией в социальной психологии, конечно, еще не преодолены, а сама концепция «социальных представлений» встретила разнонаправленную критику, где наиболее частый и справедливый упрек сводится к ее эклектичности.

Теория Московичи принадлежит конструкционистской парадигме, и его ближайшая сотрудница прямо ссылается на известный трактат П. Бергера и Т. Лукмана как на работу, близкую этой школе по духу¹⁹. Представления толкуются как феномен, лежащий на границе психологического и социального, благодаря чему окончательно стирается доставшееся в наследство от бихевиоризма противопоставление стимула и реакции. При этом представление составляет неразрывное

¹⁸ Донцов А. И., Стефаненко Т. Г. Указ. соч. С. 84. О школе Московичи и «социальных представлениях» см.: Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепции социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987. Якимова Е. В. Теории социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80–90-х годов. Научно-аналитический обзор. М., 1996. Шихирев П. Н. Указ. соч. С. 273–282. Савельева И. М., Поletaев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. М., 2006. С. 393–400.

¹⁹ Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб., 2007 [1984]. С. 376.

единство образа и значения, фигуративного и символического аспекта. В представлении всегда присутствует некое «образное ядро», выработанное в процессе объективации. Однако в ходе социальной практики («внедрения»²⁰), подобно Протею, представление трансформируется, встраиваясь в ту или иную систему значений, функций, поведенческих моделей, меняя одновременно и саму эту систему.

Привилегированной областью изучения социальных представлений в школе Московичи является обыденное, практическое знание или «здоровый смысл». Однако, как указывает Д. Жодле, тенденция натурализовать категории и теоретические модели может быть свойственна и научному знанию, особенно, когда оно вступает на путь популяризации²¹. Следует вспомнить, что концепция Московичи формировалась в работе над докторской диссертацией «Психоанализ, его образ и его публика» (1961), посвященной популяризации этой научной теории. В дальнейшем круг интересов и объяснительные притязания школы Московичи расширились до перекройки всей социальной психологии. Во всяком случае, его теория воспринимается «... как учение о социальном опыте и знании, его конструировании, динамике и роли в общественной практике в целом»²².

Литература путешествий находится на границе жанров, литературных и интеллектуальных стратегий. С одной стороны, русские путешественники первой половины XIX века были выходцами из дворянской элиты и в своих сочинениях ориентировались на образцы и топоры «высокой» словесности. С другой стороны, литературе путешествий с ее стихийной и наивной этнографией, образовательно-воспитательными или публицистическими установками близки стратегии «здорового смысла». Излюбленная маска автора путевых записок – это «ученый любитель» и «любопытный наблюдатель». Типаж, столь характерный для XIX века, символизирует союз науки и здравого смысла²³.

Путешествующие литераторы, авторы «скромных наблюдений», заняты по преимуществу внедрением (в смысле Московичи) образа «другого» в систему имеющихся культурных значений. В похожей ситуации

---

²⁰ Англ. *anchoring*, фр. *anchofrage* воспроизводится в русскоязычной литературе как анкеровка или анкоринг и передается еще как «привязка» и «заякоривание».

²¹ Жодле Д. Указ. соч. С. 384. В качестве примера приводится «овеществленная» модель атома, где электрон вращается вокруг ядра.

²² Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 68.

²³ Фарр Р. Социальные представления // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. С. 404.

оказывался и дипломат-практик, призванный решать актуальные правительственные задачи в чужой культурной среде. Его главным проводником при адаптации «языка власти» к местным условиям становится «здоровый смысл», универсальный в понимании людей Просвещения.

Процессы объективации и «внедрения» нельзя понимать как метафизическую последовательность. Будучи диалектически связанными, эти процессы смыкаются друг с другом, поскольку «... представление не возникает из ничего, оно не записывается на чистую доску. Оно всегда застает уже имеющуюся мысль в скрытом или явном виде. <...> Усвоить что-то новое — это значит сблизить его с тем, что мы уже знаем, характеризуя его словами нашего языка»²⁴. В процессе конструирования представления, где значительную роль играет воображение, используется уже имеющийся образный, языковой материал, в результате чего не может возникнуть точная копия реальности, что не исключает выявления некоторых ее конкретных черт.

Впечатления путешественника в его сочинении интерпретируются с помощью двойного перевода: он переводит со своего «языка» на чужой и с чужого на свой. Историк предстоит вновь пройти этот путь, чтобы уклониться от простого воспроизводства старых стереотипов, но ему еще следует самокритично вписать результаты исследования в научный дискурс и язык сегодняшнего читателя. Полезные указания можно найти в теории межкультурной коммуникации.

Согласно известной гипотезе Сепира–Уорфа, грамматические и семантические категории языка формируют идеи и определяют характер мышления (лингвистический детерминизм), при этом в каждом языке кроются специфические особенности, невозпроизводимые в другом языке (лингвистическая относительность). «Сильная» версия этих положений могла бы похоронить любые надежды на адекватный перевод и межкультурную коммуникацию. Однако в настоящее время, с поправками из психологии, антропологии и новых лингвистических изысканий, принципы Сепира–Уорфа принимаются лишь в их «слабой» форме. В этой связи непонимание рассматривается «... как конкретный тип понимания, при котором слушатель приписывает знаку внутреннюю репрезентацию, отличающуюся на одном или нескольких уровнях от того, что имел в виду говорящий»²⁵. Понимание всегда носит относительный

²⁴ Жодле Д. Указ. соч. С. 378–379, 387–391.

²⁵ Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007. С. 10, 17, 65–66. См. также: Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуни-

характер. А полное понимание и полное непонимание – это не более чем идеальный конструкт.

В результате столкновения с «другим» при определенных обстоятельствах бессознательная часть культурного восприятия может выйти на уровень сознания, поэтому человек начинает с большим пониманием относиться как к своей, так и к чужой культуре. Таким образом, понимание зависит от степени рефлексии, где в качестве идеала выступает способность рефлексировать над всем опытом человечества²⁶.

В теории межкультурной коммуникации выявлены факторы, влияющие на способность понимания, среди которых одним из главных является сходство культур²⁷. В качестве основных параметров здесь выделяется стратификация общества по горизонтали и вертикали, местоположение культур на шкале времени, соотношение языковых картин мира и культурно-языковых кодов. Наряду с разработкой бинарных моделей культурных ориентаций в разных культурах признается значимость для понимания «другого» социальных факторов: «Индивидуальные коммуникаторы одновременно выполняют множество социальных ролей, и их коммуникативное поведение зависит от иерархии этих ролей, выстраиваемой в системе их ценностей и приоритетов»²⁸.

Как уже ясно из выше высказанных замечаний, записки путешественников столько же говорят о стране, в которой они побывали, сколько и о той социальной и интеллектуальной среде, из которой они вышли. Поэтому главная опасность для исследования, нацеленного на поиск подлинных реалий в чужих свидетельствах, – это страх воспроизводства в них предзаданной «картины мира», которая в свою очередь в значительной степени обусловлена разными формами «этноцентризма», «культурного империализма» и т.п., с сопутствующими им стереотипными представлениями.

В этой связи возникло целое направление в изучении литературы путешествий и новоевропейского страноведения, начало которому положила книга Э. Саида «Ориентализм» (1978). Следуя в русле

кации. М., 2003. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003 и др.

²⁶ Леонтович О. А. Указ. соч. С. 69, 73. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. С. 11–12, 56–59.

²⁷ Применительно к языку это проявляется в количестве «семантических примитивов», т.е. общих для всех людей понятий, которые лексикализовались во всех языках мира. С их помощью могут быть установлены комплексные и специфические для данной культуры значения. См.: Везжицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

²⁸ Леонтович О. А. Указ. соч. С. 75.

концепции «власти-знания» М. Фуко, ее автор разоблачал европоцентристские стереотипы восприятия Востока, подоплекой которых является обоснование принципа превосходства Запада и его права на обладание миром. В теоретическом введении к книге Саид оговаривался: «И тем не менее следует постоянно задавать себе вопрос, что в ориентализме важнее: попирающая массу материала общая совокупность идей, неоспоримо пропитанных идеями европейского превосходства, разного рода расизма, империализма и тому подобное... или куда более разнообразная работа, сделанная бесчисленными отдельными авторами, которых можно взять в качестве отдельных примеров индивидов, имеющих дело с Востоком»²⁹. Саид не согласился с Фуко относительно малой значимости индивидуального текста и каждого отдельного автора в анонимной «дискурсивной формации», напротив, живучесть «ориентализма» он объяснил исключительным богатством его наследия.

Исследовательская стратегия Саида направлена на выявление генерализирующей интенции в интерпретации Востока, что предполагает анализ «поверхности текста» и исключает вопрос о правильности репрезентации или ее верности оригиналу. Вместе с тем автор открылся от притязаний на исчерпывающее исследование предмета в надежде на продолжателей и поставил вопрос об альтернативных способах понимания «другого», который требует пересмотра всего комплекса проблем соотношения власти и знания³⁰.

Модель, положенная в основу исследований после Саида, несмотря на его предупреждения и оговорки, порой абсолютизирует посюсторонний социальный опыт и литературную предвзятость путешественников, а также схематизм и ригидность стереотипа. Поклонники постструктуралистской теории нередко игнорируют или недооценивают степень дифракции свидетельств, различия в уровне политической и интеллектуальной ангажированности их авторов. Переход от «внутригруппового фаворитизма» к антифаворитизму в исследованиях «ментальных карт» сам по себе не может быть гарантией от стереотипности мышления. На схематизм некоторых построений в данных исследованиях уже указывали оппоненты³¹.

²⁹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 17.

³⁰ Там же. С. 36–37, 40–42.

³¹ См. обзор исследований: Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. вып. А.И. Миллер (Политическая наука. 2001. № 4). М., 2001. С. 6–32. Тот же текст: Новое литературное обозрение. 2001. № 52.

Вероятно, путь к упрощениям проложен самой стратегией скольжения по «поверхности текста» со стремлением выявить генерализующую интенцию и принципиальной ставкой на интертекстуальность, что делает малозначимыми межтекстуальные различия. Кроме того, часть исследований в области «ментальных карт» написана политологами и специалистами по международным отношениям, которые пользуются уже препарированным материалом и «готовыми» фактами, по-своему определяя задачи анализа³².

Примером здесь может служить во многих отношениях интересная и содержательная книга И. Нойманна. Ее автор много внимания уделяет методологии исследования, развивая ту группу подходов, которую он назвал «восточным экскурсом», в том числе идеи М. Фуко и Э. Саида, но также М. М. Бахтина, Э. Левинаса, Ц. Тодорова и др. Нойман обозначил свой метод, солидаризируясь в этом отношении с рядом исследователей³³, как переход от диалектического к диалогическому видению коллективных идентичностей. С этой точки зрения «я» и «другой» перетекают друг в друга, идентичности постоянно пересоздаются, они текучи и многогранны, будучи отношениями, а не сущностями. Внешний «другой» представляется проекцией внутреннего «другого». Такой подход, по-видимому, продуктивный в изучении процессов построения коллективных идентичностей и их использования в международных отношениях, практически ничего не дает для исследования способности «увидеть» и передать в дискурсивной форме чужой опыт. Более того, такая способность по существу отрицается, поскольку объявлено о «смерти суверенного субъекта»³⁴.

Опыт гиперкритики в постструктуралистских работах должен быть усвоен историографией, часто недооценивавшей механику производства знания. Однако продуктивность исследований в области «имагологии» (изучении образов «другого») будет затруднена, если не снять избыточную негативную нагрузку с понятия «стереотип» (дискурс, «ложное сознание»). Стереотип – не обязательно искаженный, но всегда неполный и упрощенный образ, выполняющий важную функцию в процессе познания и элементарного ориентирования в окружа-

³² Среди наиболее значимых работ следует назвать: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003 [1994]. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004 [1998]. *Todorova M.* Imagining the Balkans. N.Y., Oxford, 1997.

³³ Автор объединяет их в Копенгагенской школе международных исследований.

³⁴ *Нойманн И.* Указ. соч. С. 25–70, 267–295. Заключение к книге носит название: «Я» и «Другой» после смерти суверенного субъекта.

ющем мире. Это означает неистребимость стереотипов, которые все же различны по степени сложности и амбивалентны по природе, что обеспечивает их динамику. Историк не следует замыкаться в рамках дискурсивного анализа и нарратологии (хотя литературная история и теория для него полезны), вовлекая в исследование все возможные источники и объяснительные модели, выделяя разные уровни восприятия чужой культуры.

История дисциплины, получившей название имагология, насчитывает уже несколько десятилетий. Как показывает обзор М. И. Логвинова, помимо методик, заимствованных из компаративистской истории литератур и науки о знаковых системах, имагология учла опыт изучения стереотипов в социальной психологии и теории массовой коммуникации³⁵. «Однако, – по мнению Т. Г. Стефаненко, – до сих пор не решена одна из самых существенных проблем, встающих перед этим направлением, а именно вопрос о том, насколько адекватно художественная литература, публицистика, различные виды искусства отражают стереотипы, существующие в обыденном сознании»³⁶. Ответить на вопрос, сформулированный в столь абстрактной форме, затруднительно, если вообще возможно.

Русские путешественники, побывавшие на Балканах в первой половине XIX века, принадлежали к узкому слою «образованного общества». Их мышление, характер рецепции впечатлений и способы их литературной репрезентации целиком и полностью принадлежат данной коммуникативной структуре, связанной с европейской постпросветительской культурной средой. Распространять свойственные «образованным» стереотипы на всякого русского было бы, по меньшей мере, опрометчиво. Славянский дискурс до определенного времени не был частью обыденного сознания необразованного большинства общества. Стереотипное наполнение сознания «простого» человека скорее проистекало из непосредственного иноэтнического окружения.

* * *

В начале XIX века в русской путевой прозе и деловой переписке было выработано два основных варианта восприятия балканских реалий: сентиментализм и неоклассицистское обращение к «славянской

---

³⁵ Logvinov M. I. *Studia imagologica: zwei methodologische Ansätze zur komparatistischen Imagologie* // Germanistisches Jahrbuch GUS «Das Wort». 2003. S. 203–220.

³⁶ Стефаненко Т. Г. Указ. соч. С. 242.

антике». Второй вариант питался метафорой Спарты либо образами былинной старины³⁷.

Примером сентименталистской стратегии может служить составленное С. А. Санковским «описание Черногории», которое заметно отличается от свидетельств предшествующего периода как большей детализацией, так и меньшей однозначностью оценок. Автор сравнивает горы с развалинами городов, а суровость ландшафта соотносит с воинственным характером и природными «добродетелями» истинного солдата. Конечно, «весьма часто [странные правила чести] рождают в людях разума необработанного варварское своеволие». Но такой парод «заслуживает внимания любителя рода человеческого» для просвещения «несчастных людей», поскольку насаждение «художеств и ремесел» избавило бы их от нужды и смягчило нравы³⁸. Несмотря на отдельные замечания, касающиеся дикости и буйств (по тем или иным причинам они были исключены из текста первым публикатором), донесения Санковского в целом проникнуты искренним интересом и симпатией к черногорцам, которая транслируется сквозь призму известного руссоистского концепта – «благородный дикарь»³⁹. Следует отметить и присутствующую у дипломата просветительскую уверенность в силе социальной инженерии, разумном и быстром переустройстве общественного быта. Мотивы славянской общности, исторические и этнографические параллели в донесениях Санковского не прослеживаются.

Последнее необходимо отнести и к донесениям из повстанческой Сербии К. К. Родофиникина, который пользовался в своих суждениях о местных вождях универсальным просветительским мерилom: «1) Черный Георгий – читать и писать не умеет. 2) Миленко [Стойкович] – умеет читать и писать, скромн, храбр и любим всеми. 3) Яков [Ненадович] – читать и писать умеет, благоразумен и по связям своим и богатству могущественен. 4) Младен [Милованович] читать и писать

³⁷ См. подробнее: *Белов М. В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.

³⁸ Черногорско-русски односи 1711–1918. Књ. 1. № 5. С. 66–69. С. А. Санковский – А. А. Чарторыйскому, 24 октября 1805 г. Первая публ.: *Достян И. С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского // Балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972. С. 291–336.

³⁹ Разумеется, этот концепт начал складываться в европейской литературной традиции задолго до Руссо: *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.–Париж, 1970. С. 251–278.

не умеет, подл и лукав. 5) Кнез Симон [Маркович] читает и пишет, храбр и благоразумен»⁴⁰. Сербские реалии просеивались сквозь опыт «просвещенного» чиновника: рабству и невежеству в его сознании противостояли сословные привилегии, которых он здесь не находил, и образованность, хотя бы на уровне элементарной грамотности. Поэтому первоначальные характеристики местных вождей столь однозначны. Из невежества проистекают в одном случае своекорыстие и алчность, в другом — легкомыслие и горячность.

Уже в первом послании из Сербии присутствует противопоставление вождей и народа, который «один токмо... обрадовался в надежде, что с моим прибытием все устроится, и как жизнь, так и имущество каждого обеспечатся»⁴¹. В дальнейшем сентиментальная тенденция в рассуждениях Родофиникина о «несчастном народе» усилилась. Слепая вера последнего в могущество и милосердие русского царя оказывалась главной гарантией сохранения приверженности повстанцев к России в условиях, когда «безумство» вождей угрожало подорвать к ним всякое доверие и повергнуть Сербию в гибельную пропасть. Однако сентиментальный подход не выявлял специфики, не обращал внимания на детали, поскольку, как заметил разделявший взгляды Родофиникина главнокомандующий Молдавской армией А. А. Прозоровский: «... народ везде одинаков, без просвещения и понятия о политике не имеет...»⁴². Детали, которых все-таки касается Родофиникин в своих посланиях, по понятным причинам, относятся главным образом к организации войска⁴³.

⁴⁰ *Богущиц В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 114–122 (цит.: С. 122). К. К. Родофиникин – А. Я. Будбергу, получено 4 сентября 1807 г. В процитированном резюме отсутствует качественная характеристика верховного вождя Карагеоргия (Георгия Черного), но в самом донесении Родофиникин отдал должное «свирепости» его нрава, подробно описав необдуманность его поведения в связи с приездом в Белград уполномоченного русского чиновника.

⁴¹ Там же. С. 116. Основная характеристика – «свирепый» – употреблена в другом месте рядом со словом «народ», хотя из контекста ясно, что речь в данном случае идет о предводителях восстания (С. 117).

⁴² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 173–177об. А. А. Прозоровский – депутатам, 7 марта 1809 г. Правда, ранее главнокомандующий заверял своего собеседника И. Юговича, что говорит с ним «... как истинный друг сербского народа, желающий по единозаконию, по единоплеменью и по собственной наклонности споспешествовать благоденствию сербов». *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // *Русский вестник*. М., 1863. Т. 46. № 7–8. С. 552–557.

⁴³ См., например, его развернутую характеристику повстанческой Сербии, составленную по просьбе Прозоровского, в донесении от 9 ноября 1807 г.: Первое сербское

Среди побывавших в повстанческой Сербии русских совершенно особый, пограничный — между литератором и функционером — случай представляет отставной майор Александр Полев⁴⁴. Проектер, тяготивший к партии «архаистов», мечтал о «Великом союзе племен славянских» от Урала до Карпат и от Балтики до Адриатики. Его частью должно было стать южнославянское государство во главе с Карагеоргием. Именно эти идеи, а точнее, возможность использовать освободительные устремления балканских славян в борьбе с наполеоновской экспансией, обеспечили доступ Полева в «высшие сферы». Через посредство главного квартирмейстера П. М. Волконского он был привлечен к разработке плана «адриатической экспедиции» и даже получил аудиенцию у царя. В середине июня 1812 г. уже в чине подполковника свиты Полев прибыл в Белград, чтобы координировать боевое сотрудничество с сербскими повстанцами, и смог лично познакомиться со славянскими богатырями. Стереотип не обманул ожидания: «Читающим древнюю российскую историю о жизни и поведении с чиновниками и воинствами великих князей киевских, должно только приехать в Тополь к Георгу Черному и видеть живую оной картину за его столами с его дружиною.

Должно сказать к чести сего великого мужа, что столь простую и умеренную жизнь ведет он не по грубости своего характера, но по благоразумию, говоря своим воеводам, что "нам еще не пристойно употреблять великокняжеские обряды и носить богатые одежды, когда нас вся Европа почитает мятежниками, а не свободным и владетельным народом", и посему его воеводы, полковники и гражданские правители в народе, богато одеваясь в отсутствии, никогда не смеют показаться перед ним в сих богатых платьях»⁴⁵. Захолустному дворянину, чудом политических и военных обстоятельств возвращенному в круговерть большой истории, Наверное, импонировала грубоватая простота бивуачного двора Карагеоргия. Хотя его оговорка о показной скромности сербских воевод с переодеваниями в бедную одежду, чтобы предстать в ней перед рядовыми повстанцами, уже походит на фарс.

восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. № 318. С. 431–434. Отношение Прозоровского от 19 октября 1807 г.: Там же. № 313. С. 425–427.

⁴⁴ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М. 1980. С. 81–93.

⁴⁵ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. VI. М., 1962. № 185. С. 458.*

Кстати, те же античные и былинные ассоциации, что свидетельствует о сложившихся литературных стереотипах⁴⁶, возникли и у участника морской экспедиции под предводительством адмирала Д. Н. Сенявина. Весной 1806 г. он побывал в соседней и родственной Сербии Черногории: «Я видел Спарту, видел в полном смысле Республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши истинно достойно всякой похвалы. Три дня, проведенные мною между ними, я так сказать перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел перед собой простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильею Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности»⁴⁷. Впрочем, подобный стереотип, заимствованный из фольклорных памятников, конечно, не мог служить ключом для более адекватного понимания увиденного. Этнокультурную идентификацию сербов (черногорцев) и русских разрывала бездна веков.

Обе стратегии описаний, выработанные в начале XIX века, не обеспечивали достаточно адекватного и глубокого проникновения в балканский мир. Отсутствие необходимых для этого «наблюдательных инструментов», вероятно, следует связывать с молодостью этнографической науки, периферийностью «крестьянской темы» в русской общественной мысли того времени и спецификой текущего этапа развития литературной традиции. Этнографический интерес путешественников и способность увидеть сходство крестьянских обычаев в России (Малороссии) и

⁴⁶ См.: *Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Очерки.* СПб., 1912; *Сперанский М. Н. Русская устная словесность.* М., 1917; *Азадовский М. К. История русской фольклористики.* [Т. 1]. М., 1958; *Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.).* Л., 1970. Дань ставшему популярным в конце XVIII века жанру богатырской сказки отдал даже сентименталист и «новатор» Н. М. Карамзин в поэме «Илья Муромец», но его образы славянской древности отличались крайней литературной условностью: *Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. С. 134–138.* По мысли Ю. М. Лотмана, внимание к славянской старине – результат «национализации» просвещения на русской почве. Согласно этой теории, культурная периферия на определенном этапе динамического взаимодействия восстает против центра, каковым в то время выступала Франция, расширительно – Западная Европа. *Лотман Ю. М. Архангелы-просветители // Он же. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993).* СПб., 1997. С. 198–210.

⁴⁷ *Броневский В. Записки морского офицера.* СПб., 1836. Ч. 1. С. 192. 1-е изд.: 1818.

у зарубежных славян в начале XIX века – еще большая редкость⁴⁸. Ситуация медленно менялась на протяжении 1820-х гг. К этому времени относится начало знаменитой дискуссии о народности в литературе, нарастает интерес к славянской тематике в периодической печати, в деятельности ученых «румянцевского кружка» и т.д.

Переходный характер носят записи из славянского дневника П. И. Кеппена, совершившего вместе с А. С. Березиным, который финансировал поездку, путешествие по Южной Венгрии летом 1822 г. Разочарованный или, точнее, чуть охлажденный идеалист («прекрасная душа»), склонный к рефлексии, научившийся соблюдать дистанцию, в том числе в отношении самого себя, сравнивать увиденное, слушать, не вступая в спор, а затем записывать в тетрадь, оказался хорошим наблюдателем. По-видимому, этим объясняется стабильный интерес исследователей к его дневникам⁴⁹.

С одной стороны, Кеппен продолжил сентименталистскую традицию путешествия с книгой в руке⁵⁰; такая стратегия диктова-

⁴⁸ И. А. Калоева приводит пример Ф. П. Лубяновского (путешествие 1800–1802 гг.), указавшего на близость чешских обычаев к обычаям Малороссии, и М. Бобровского, подчеркнувшего славянские обычаи в Далмации в статье 1824 г. *Калоева И. А.* Изучение южных славян в России в конце XVIII – начале XIX века // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 7. М.–Л., 1963. С. 183, 199. К такому исключению следует отнести и записи А. С. Кайсарова. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. / Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915. С. 71–77, 89–94. Кайсаров, испытывавший влияние одного из ранних проводников идеи «славянской взаимности» карловацкого митрополита С. Стратимировича, уже тогда оперировал термином «братья» в отношении своих славянских корреспондентов: «О любезнейшие сербы! пишите скорее и больше... пишите свои грамматики и словари, чтобы заставить не только северных братьев своих, но и всю Европу узнать вас». *Ягич В.* Источники для славянской филологии. Т. II. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (Сб. ОРЯС). Т. 62. СПб., 1887. С. 695. А. С. Кайсаров – Л. Мушицкому, 1 января 1805 г.

⁴⁹ *Потепалов С. Г.* О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. *Он же.* Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963. *Зайцева А. А.* П. И. Кеппен и Словакия (Из истории русско-словацких культурных связей первой половины XIX века) // *Slovenská a ruská literatúra*. Bratislava, 1973. *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* П. И. Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Сборник за славистику. Кь. 17. Нови Сад, 1979.

⁵⁰ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. Свои впечатления от Славонии он сверял с описанием Я. Чапловича (Slavonien und zum Theil Croatien. Pešt, 1819). А по прибытии в Петровадин путешественник взял за руководство Ф. Шамса (Topografische Beschreibung von Peterwardein und seinen Umgebung. Pest, 1820).

ла справочный, энциклопедический интерес, который поверялся живыми впечатлениями и непосредственным чувством. С другой стороны, литературно-языковые, историко-географические и культурно-политические интересы Кеппена сочетались с увлечением этнографией, чему во многом способствовало общение с сербским собирателем фольклора В. С. Караджичем. Кеппен имел солидный опыт путешествий по России еще с харьковского периода, когда он осмотрел южные губернии. В дневниках путешествия по славянским землям мы найдем немало этнографических зарисовок, где местные обычаи сравниваются с обычаями крестьян в России, Украине, Лифляндии⁵¹.

Однако сопоставление не гарантировало полного понимания местных культурных навыков: сходства констатировались с удовлетворением, особенности же отвергались как чужие, неславянские. Путешественник часто приглашал крестьян для исполнения народных песен, но порой он оставался неудовлетворенным их искусством. Тексты песен южных славян были знакомы по публикациям Караджича, но их мелодика ничуть не походила на русские напевы: «... песни их были так единообразны, что несносно было их слушать. Каждый стих повторяли тою ж мелодией. Я 4-х раз г. Юратовичу уверял, что это собственно турецкая (т.е. босная) мелодия; к тому же девки кричали во все горло и резким до чрезвычайности [голосом]. Песни сии, кои слова нам были довольно понятны (одна относилась к реке Драве), они пели, взявши друг друга за бока руками и образуя круг»⁵². Таким образом, традиционное коло (народный танец с исполнением песен) разочаровало путешественника.

Интерес к хозяйственному и бытовому укладу, проявленный путешественником, мог быть привит в Харьковском университете, где Кеппен слушал статистику. Кроме того, он стимулировался личными обстоятельствами, поскольку семья ученого не знала полного достатка: практическая сметка с юности сочеталась у него с возвышенными мечтами. Путешественник нередко акцентировал внимание на уровень жизни и занятия местных крестьян⁵³. Этнографические наблюдения увязываются у Кеппена с природными и «нравственными» особенностями. Так он сравнивает рост местных лошадей и рогатого скота с ростом

⁵¹ Петербургский филиал архива (ПФА) РАН. Ф. 30. Д. 138 (Кн. IV). Л. 2, 4, 5об., 9 и др.

⁵² Там же. Л. 7об. В другом месте Кеппен наблюдал народный танец, по поводу которого с радостью заметил: «... этот танец очень сходствовал с нашим козачком». Там же. Л. 9.

⁵³ Там же. Л. 4, 8, 14, 29 об. и др. Ср.: Цейтлин Р. М., Никулина М. В. Указ. соч. С. 73.

жителей, и приходит к выводу: они друг другу под стать – невысокие⁵⁴. «Кажется мне, что можно в Венгрии принять следующую классификацию жителей оной, судя по опрятности и образу жизни их: 1) немцы 2) кроаты 3) словаки 4) венгры 5) словены (но в белье они опрятнее венгров) 6) русняки»⁵⁵. Шкала цивилизованности составлялась на глазок. Для русского немца Кеппена хотя бы один критерий был очевиден, и в смысле опрятности его сородичи оказывались вне конкуренции. Но стремление выявить какую-либо шкалу национальностей по уровню их развития само по себе весьма показательно.

Просвещенный европеец, Кеппен по прибытии в пограничный Землин (Земун), глядя на Белград, отдал дань саркастической критике турецкого деспотизма. Координаты высказываний Кеппена совпадают с европейской литературной традицией в изображении Савы и Дуная как границы, отделяющей Европу от Азии, царство свободы от царства деспотизма: это своего рода топос путевых заметок первой половины XIX века⁵⁶.

Впечатления А. С. Березина отразились в стилизованных под дружеское послание «Письмах о Венгрии», публикация которых состоялась с подачи Кеппена. При некоторых отличиях в деталях можно констатировать единство сентименталистской стратегии (где красоты природы дополняются успехами просвещения) и стереотипов «косного Востока» в текстах двух авторов. Березин, в частности, замечает: «В этих местах Дунай кажется путешественнику границей Европы»⁵⁷. Он сожалеет об упущенных возможностях турецких сербов, не знающих промышленности и торговли, в то время как на австрийском берегу повсюду видно деятельное движение. У стен белградской крепости «мрачные мысли рождались в уме твоего друга; при виде сих стен, сих укреплений, за коими господствует всевластно, подобно владыке сей страны, мертвая тишина как в нравственном, так и в физическом мире. Лишь изредка виделись два, три турка: одни сидели, поджав ноги, и курили трубки; другие лениво вели купать лошадей своих; некоторые удили рыбу или, лежа на траве, следовали глазами за течением солнца. Глядя на них, я думал, что вижу одушевленную картину беспечности; пасшееся невдалеке

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 30. Д. 138 (Кн. IV). Л. 5об.

⁵⁵ Там же. Л. 4. Кроаты – это хорваты, словены – жители Славонии, очевидно, сербы, а русняки – русины. Цейтлин Р. М., Никулина М. В. Указ. соч. С. 73.

⁵⁶ См., например: Кингелек А. В. Од Земуна до Ниша // Британски путници о нашим крајевима у XIX веку / Избор, превод и поговор Б. Момчиловић. Нови Сад, 1993.

⁵⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. XXII. С. 51–52.

стадо буйволов придавало ей более жизни»⁵⁸. Картина «мертвецкого сна» Турецкой империи вставала перед читателем в виде призрачно скользящей на расстоянии литературной декорации. Более глубокое проникновение в балканский мир под властью султана было закрыто для путешественников не только внешними препятствиями, но и собственными предрассудками.

Переходный характер имеет и «Статистическое описание Сербии», составленное в 1830 г. капитаном генерального штаба А. Г. Розелион-Сашальским⁵⁹. Угол зрения, лежащий в основе «Описания», осознается автором и прямо фиксируется во фрагментах, отделяющих «историю» от основной части текста. Здесь Розелион-Сашальский делится общим впечатлением от современной Сербии: «Европеец почти нигде не может встретить тех удобств жизни, которые для него служат признаком благосостояния и образованности края, но в том виноваты обычаи народа, столь долго носившего узы турецкого рабства, которое препятствовало развитию в нем способностей, влекущих человека к усовершенствованию своего быта, и которое во многих отношениях ввело между сербов образ жизни их тиранов; виновны столь частые войны, опустошавшие Сербию и отучившие, так сказать, ее думать об удобствах жизни, наконец, виновна новость самая настоящего порядка и вещей»⁶⁰. Рефлексия по поводу привилегированного угла зрения позволяла признать его относительность. Условия жизни в Сербии автор предлагает сопоставить с другими провинциями, находящимися под властью Османской империи, и в этом случае результат будет иным.

Прежде чем перейти к характеристике основных жителей Сербии, Розелион-Сашальский более или менее подробно останавливается на «свойствах и нравах» валахов и цыган⁶¹. И те и другие вызывают у него неприязненные ощущения. Удаленности от цивилизации, в рассказе офицера-исследователя о валахах, соответствует лживость природы, как непрменный атрибут «варвара» – стереотипа, имеющего давнюю литературную традицию. Еще более отталкивающих, лишенных спасительной иронии характеристик удостоены цыгане с их подозрительным

⁵⁸ Там же. С. 30–31.

⁵⁹ Об обстоятельствах назначения миссии, деятельности Розелион-Сашальского и его коллег в Сербии, а также о результатах их работы см.: *Достян И.С.* Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // *Славянское возрождение: Сб. статей и материалов.* М., 1966.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 54.

⁶¹ Там же. Л. 58–59.

бродажничеством и непотребными или даже преступными занятиями. Здесь к уже указанным «варварским» характеристикам (нагота, лень, лукавство) прибавляется тема «развращенного Востока». По-видимому, экскурсии в «этнографию» валахов и цыган выполняют в «Описании» Розелион-Сашальского роль контрастно-проблемного фона для повествования о сербах. «Варварские» («восточные») элементы в их образе жизни и обычаях подверглись таким образом умалению и нейтрализации. Негативному стереотипу «варвара» противостоит модель «благородного дикаря» с его естественной простотой.

Затушевывая «пагубное» влияние Востока, Розелион-Сашальский указывает, и это симптоматично, на «... многие черты [в обычаях сербов], сходствующие с обыкновениями россиян и доказывающие, что они были общими всему словенскому племени»⁶². Доказательствами являются рефрены народных песен, обычай празднования Иванова дня (24 июня, восточнославянский Иван Купала), а также следы язычества, которые несут в себе некоторые «обыкновения, имена и речи»⁶³. Внимание к фольклору и бытовой культуре сербов, равно как и установление ее сходства с этнографией россиян, ведущее к выводу об общности происхождения славянских народов, выдвигает автора «Описания» на передовые рубежи тогдашней науки.

Рожающаяся этнография строилась на интуитивных основаниях. «Описание» содержит любопытный образец физиогномики, позволяющей распознать добрый нрав серба под обманчивыми внешними атрибутами — необходимо лишь внимательно взглянуться в его лицо: «Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильность и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе того доброхотства, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отталкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он был в турецкой одежде»⁶⁴. Двигаясь на ощупь, подобная этнопсихология, тем не менее, с неизменной четкостью воспроизводи-

⁶² Там же. Л. 59об.—60.

⁶³ Последнее замечание, видимо, показалось составителю записки не вполне благонаправленным, поэтому он заключил свои наблюдения успокоительной констатацией: «Сии следы древности изглаживаются более и более. Сколько от времени и обстоятельств, сколько и чрез старание духовенства». Там же.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 60—60об.

ла, как явствует из отрывка, полярность условного Запада и Востока («своего» и «чужого», славянского и турецкого стереотипа).

Рационалистическое благонравие в «Статистическом описании Сербии» берет верх над романтическими тенденциями. Хотя Розелион-Сашальский отдает должное народной поэзии сербов, завоевавшей признание просвещенной Европы, он оказывается неспособным принять все ее проявления. Те из них, что не вмещаются в каноны величественной красоты, списаны на пагубное влияние турок. В результате, заказная этнография сербского народа в сочинении Розелион-Сашальского выглядит переплетением разноречивых концепций. Взгляд из мира цивилизации, хотя и был подвергнут ostracism, сохранил базовую значимость. Доминантным познавательным подходом оставалась сентиментально-руссоистская модель, отягощенная неприятием «варварства» и «восточной деспотии».

Первой попыткой применения романтической стратегии в описании балканских реалий можно считать путешествие Ю. И. Венелина в том же 1830 г. Сценарий литературного подвига сложился еще до поездки на Балканы и только утвердился в сознании Венелина по его возвращении. В письме Инзову, датированном 1832 г., он писал: «Ни одного народа в нынешнем литературном мире нет малоизвестнее Болгарского, и что еще замечательнее, не всякому на севере даже известно, что в углу Бессарабии находится маленькая Болгария, соплеменная Руси. <...> Это открытие нового поприща, посредством которого забытое воскрешается в мире литературном, есть само по себе маленькая благотворная эпоха в его судьбе, похожая на ту, в которую дело забытого колодника вырывается из-под спуда, пускается в ход и отдается человеколюбивому, благородному стряпчему...»⁶⁵. И все же «открытию» болгарских родственников предшествовало их «изобретение» в романтическом сочинении, которое и стало основанием для путешествия, профинансированного Российской Академией⁶⁶.

⁶⁵ *Безсонов П.* Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию // Московитянин. 1856. Т. 3. № 10. С. 97. Сюжет спасения узника (литературного воскрешения) был релевантным идеологии «национального возрождения», и не случайно подвиг Венелина стал в Болгарии ее составной частью.

⁶⁶ Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Т. I. М., 1829. *Гачев Г.Д.* «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный мир // Ю.И. Венелин в болгарском возрождении. М., 1998. С. 27–51. Библ. работ о Ю.И. Венелине см.: Там же. С. 148–204. Документы по организации поездки: Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Публ. подг. Г.К. Венедиктовым. М., 2005. С. 17–44.

В приписке к письму М. П. Погодина С.П. Шевыреву, сделанной во время новоселья, которое праздновал историк 29 апреля 1830 г., Венелин предвкушал прикосновение к легенде: «Право славное дельцо видеть классическую страницу, какова Италия! Наблюдайте, почтеннейший Степан Петрович, рисуйте все с натуры на месте, а по воображению можно и в Москве. После завтра еду и я в страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии – в Болгарию, отечество Бояна, славянского Оссиана, отечество священного нам языка и т.д.»⁶⁷. Наследие неоклассицизма начала века, безусловно, оказывало влияние на представления Венелина, но деятельное вмешательство авторской фантазии в исследовательский процесс и вера в гигантскую миссию по возвращению к жизни великого в древности и забытого ныне народа явно тяготеет к национальной романтике.

Встреча с реальными болгарскими, казалось бы, должна была, если не опровергнуть, то откорректировать изобретенную легенду. Но поскольку Венелин посетил лишь окраинные и обезлюдившие в результате войны 1828–1829 гг. территории, он мог еще какое-то время лелеять свой идеал как подлинное изображение. Разочарование наступило позже⁶⁸. Первые болгарские впечатления Венелин, с восторгом встретивший своих боянов, без труда втискивал в готовую схему: «Я видел в Варне с полдюжины болгарок... точь в точь, т.е. до нитки, одеты как в восточной подмосковной и рязанки. Возьми, дружище, бутылку донского, – писал он Погодину, – поезжай к Сергею Тимофеевичу [Аксакову], выпей бокал, и дай отведать и тем, коим по вкусу ваше русское учение»⁶⁹. Однако в дальнейшем, как показывают путевые заметки Венелина, эти представления усложнялись, напитываясь деталями из наблюдений и рассказов информаторов. Дневник путешествия пестрит этнографическими открытиями. Например, Венелин обнаружил, что с точки зрения турок, болгары приходится русским не братьями, а племянниками. Как и некоторые другие русские наблюдатели, автор уделяет особое внимание занятиям местных жителей. Да и сам стиль записей часто меняется с «юмористического и модно-романтического» на учено-деловой⁷⁰.

⁶⁷ Письма М.П. Погодина С.П. Шевыреву // Русский архив. 1882. № 6. С. 144–147.

⁶⁸ См.: Двѣ писма от Юрія Ивановича Венелина до Василя Априлова // Сборник за народни умотворения. I. София, 1889. С. 176–187.

⁶⁹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина... № 35. С. 95–101. См. также: Там же. № 36. С. 102–114 и др.

⁷⁰ Венелин Ю.И. Путевые записки. Публ. Т.А. Медовичевой // Зап. Отд. рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000. С. 235, 242–243.

Одним из способов объяснения зазора между легендой и реальностью стало пагубное влияние на болгар неславянских элементов, прежде всего греков. Еще в Одессе Венелин познал на себе лживую «черту греческого характера»⁷¹. А во время поездки в Силистрию убедился, что «болгаре в 10 раз более страждут от греков, чем от турков. Я был у митрополита в надежде получить от него какие-либо сведения, но, когда он стал ругать свою паству (болгар), которую он так искусно стрижет, варварами, я взял шляпу и вышел с твердым намерением более не бывать у него»⁷².

Ощущение враждебности окружающих, доводящее до отчаяния, нарастало по мере пребывания в Бухаресте. Венелин оказался изгнанным даже из общества здешних русских чиновников и офицеров, которые заподозрили в нем филера. Но печальнее всего было отчуждение болгар. Амплуа фигляра, чудака, сумасшедшего мерещилось мнительному Венелину в каждом постороннем взоре. Он постоянно чувствовал себя находящимся «между четырьмя глазами», впадал в депрессию и ощущал себя таким же несчастным, «как и Жан-Жак [Руссо] некогда в Лондоне»⁷³. Прекрасная легенда обернулась кошмаром вполне в романтическом духе.

Хотя дневник путешествия содержит немало рассказов простых болгар (в основном переселенцев), с которыми общался Венелин, парадокс ситуации заключается в том, что он так и не нашел общего языка со своим слугой Сидором. Крепостной, мечтающий в этой стране «обезьян»⁷⁴ только о вольной, обещанной ему после поездки, Сидор, называемый в письмах Погодину и дневнике, как правило, Дурнограем, стал главным объектом венелинской иронии. Раздражение на него, как и все прочие негативные эмоции, достигли пика в Бухаресте: «... подобной скотины я от роду не видал. <...> Тут он пускается в резоменты, по коим следовало ему вручить отпускную при выезде из Москвы, и другие, которые бросили бы в ярость и всякого святого. <...> Впрочем, особенного за ним я ничего не заметил; но пусть бы лучше пил или блядничал (т.е. действительно вел себя как скотина. — М. Б.), только бы оставил меня в покое. Стоит только

⁷¹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина... С. 96.

⁷² Там же. № 37. С. 115. Ср.: Венелин Ю.И. Путевые записки. С. 216–217.

⁷³ Безсонов П. Юрий Иванович Венелин // Журнал министерства народного просвещения. 1882. № 6. С. 181. Как вопль отчаяния читается последнее письмо из Бухареста Погодину (3 марта 1831 г.): «Я одинок, вот в чем мое несчастье. Я дойду до крайности. Как дорого стоит мне услуга моя Академии! <...> Работать не могу, ибо я болен душою». Ученое путешествие Ю.И. Венелина... № 45. С. 141–142.

⁷⁴ Венелин Ю.И. Путевые записки. С. 235.

взглянуть на него и сплин готов»⁷⁵. Сословная дистанция в отсутствии антагонизма происхождения (Венелин был сыном прикарпатского священника, но считал себя потомком княжеского рода) воссоздавалась на культурном уровне. Идеализированные болгары были ближе Венелину, чем свой *русский* челядин. Но, очевидно, взгляд господина сказывался и на качестве увиденного за границей, да и на самой способности к адаптации и коммуникации.

Примером более твердой, доктринально заостренной романтической стратегии в ее славянофильском изводе может служить дневник путешествия Ф. В. Чижова по славянским землям в 1845 г. Дневниковые записи делались им с намерением издать на их основе книгу под названием «Наши южные братья – славяне». Другой целью поездки являлась проповедь славянофильского вероучения, имевшая неодинаковый успех, что глубоко расстраивало путешественника.

Находясь в Далмации, Хорватии, Воеводине, Сербии, Чижов, как и пятнадцатью годами ранее А. Г. Розелион-Сашальский, внимательно вглядывался в лица, с тем чтобы выявить степень родства и установить таким образом – на глазок – черты характера местных жителей. В основе категоризации находились типы Российской империи в следующей иерархической последовательности: русские, украинцы (малороссияне), поляки; иногда к ним прибавляются итальянцы, которым Чижов благоволил. Физиономист либо идентифицировал окружающих с тем или иным, весьма условным типажом, либо (реже) констатировал гибридное смешение. Психологические характеристики соответствуют этническим клише в указанном узком диапазоне и колеблются между полюсами: простота (открытость) – хитрость (скрытность). В географическом отношении им соответствуют координаты Восток–Запад (исключение – средиземноморский Юг). Так, например, по Чижову, в деятелях хорватского возрождения «... видно что-то не прямое. Они любят нас, русских, иначе и не встречали бы с радушием, но [это] радушие, подмешанное западом. В физиономиях не видно ничего определенного. Одни – настоящие русские, другие – решительные – малороссияне, третьи – поляки»⁷⁶.

⁷⁵ Ученое путешествие Ю.И. Венелина... № 41. С. 128–129.

⁷⁶ Дневник путешествия Ф.В. Чижова по славянским землям в 1845 г. (18 мая – 12 августа) / [Публ. И.В. Козьменко] // Славянский архив. М., 1958. С. 146. «Сейчас бросилось мне в глаза различие между характером русского и серба – эти больше похожи на наших малороссиян. Вечно сиромахи, вечно бедны, между тем как у нас последняя копейка ребром. <...> Хорваты и в этом больше на нас похожи». Там же. С. 165.

Как и Ю. И. Венелина, Чицова порой посещали сомнения в способности «полезно сделать это путешествие», однако приступы депрессии и уничижительного самокопания сменялись порывами славянофильского и народнического энтузиазма. Во время дружеских застолий, в беседах с единомышленниками или в местной православной церкви Чицов мог почувствовать «решительно – у себя дома, только пели плохо и еще звонят, когда поют»⁷⁷.

Мысль Чицова постоянно колеблется между благами и порчей, которые несет с собой цивилизация. Столкнувшись с необязательностью извозчика, вовремя не подавшего лошадей, он вспоминает «европейскую общественность и все ее устройство», а чуть выше признается: «Правду сказать я люблю, когда в народе при грубом его состоянии грубы и пороки, юначество, разбой; все это, по моему мнению, не растление нравов и не безнравственность. Там все православные, молодцы, они [кутят]»⁷⁸. Верным признаком славянского родства оказывалась и непролазная грязь на дорогах, и плохо ухоженные крестьянские дворы. Чицов уделяет особое внимание положению простого народа, крестьян: «Не в средствах (на постройку дороги. – М. Б.) дело, а в ужасно низком понятии о народе, вот общая беда славянского племени до сего дня»⁷⁹. Однако «возвышение» народа могло увести на калечащий душу западный путь: «Нет, против Европы идти трудно, – далеко еще доходить до того, что она внесла в жизнь человека»⁸⁰. Оставалась надежда, что новый славянский период в истории, начавшийся не с пролития крови (как итальянский или германский), а с братской любви, поможет избежать бездуховности и явит миру невиданный православный и подлинно демократический ренессанс.

Народническая ориентация путешественника, позволившая Чицову сделать немало ценных наблюдений, особенно во время пребывания в Сербии (позднее они станут общим местом в русских записках), омрачалась подавленностью от успехов и заразности Запада и осложнялась фиксацией на славянофильской религиозной утопии.

---

⁷⁷ Там же. С. 149–150.

⁷⁸ Там же. С. 183–184.

⁷⁹ Там же. С. 154. Именно забитость «мужика», заставляла ограничиться внешними наблюдениями и разговорами не с ним, а о нем.

⁸⁰ Там же. С. 236.

РУССКИЕ ОЧЕВИДЦЫ О СПЕЦИФИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В НЕЗАВИСИМОЙ СЕРБИИ (1878-1914)

«Сербия – классическая страна министерских кризисов...»

Из донесения полковника И.Н.Сысоева в
Главное управление Генерального Штаба.
Белград, 17 апреля 1906 г.¹

В последнем (пятом по счету) сборнике «Человек на Балканах» была затронута проблема: «Политическая культура в независимой Сербии»². Обращение к данной категории представилось нам крайне необходимым, поскольку (и это особенно важно именно в случае с государствами «догоняющего развития») ее исследование позволяет «преодолеть ограниченность институционального анализа, ... не способного объяснить, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному»³. Кроме того, опираясь на изучение типа разделяемых людьми ценностей, локальных представлений, содержания символов и стереотипов, прочих аналогичных явлений из сферы *человеческой ментальности*, оно дает возможность проникнуть в мотивацию политического поведения граждан, партий и институтов; выявить истоки множества конфликтов, которые невозможно объяснить традиционными для политики причинами: борьбой за власть, распределением ресурсов и т. д.⁴

¹ Российский Государственный военно-исторический архив [далее – РГВИА]. Ф.2000. Оп.1. Д.822. Л.42.

² Шемякин А.Л. Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия. М., 2009. С.64-85.

³ Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию. М., 2004. С.325.

⁴ Там же.

Таким образом, познание «политической культуры» в сербском контексте может помочь нам разобраться в вопросе «европейскости» страны, совсем недавно (по меркам исторического времени) начавшей выходить из сферы оттоманской цивилизации... При этом должно повторить, что в национальной историографии предпочтение по большей части отдается именно *институциональному* подходу – потому что Сербия и предстает в ней столь часто «современным европейским государством»⁵.

* * *

В настоящей работе нам бы хотелось углубить представления об особенностях политического процесса в независимой Сербии – с привлечением *рукописного* наследия русских путешественников. Выбор таких источников совершенно не случаен – зоркий русский глаз и ранее помогал нам, заглянув за фасад европейских новаций (в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, «современных» систем образования и воинской службы), обнаруживать устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что показывает деформированный и неорганичный характер модернизации «по-сербски».

Это – эксклюзивные и не публиковавшиеся ранее материалы: как бы «для личного пользования» (дневники) или «между нами» (письма). А потому и приводимые в них данные, и высказанные суждения более объективны и откровенны, чем выраженные печатно; они лишены внутреннего отбора и рамок самоцензуры. Такие источники лучше всего способствуют *адекватному* пониманию феноменов из области «духа». Особенно это касается частных записок (писем) людей, наблюдавших Сербию и сербов не проездом, а в течение длительного времени, т.е. непосредственно на месте. Значение их материалов для нашей темы трудно переоценить. Разницу в достоверности оценок двух категорий наблюдателей прекрасно показал французский историк Альбер Мале, – на протяжении полутора лет (1892-1894) исполнявший обязанности наставника короля Александра Обреновича.

Итак: «Внешний лак цивилизации – это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак

⁵ См., например: *Батаковић Д. Успомене Панте Драшкића у српској мемоарској прози // Драшкић П. Моји мемоари. Приредио Д.Батаковић. Београд, 1990. С.19; Љушић Р. Милан Обреновић // Љушић Р. Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С.142; Нова историја српског народа. Београд-Лозана, 2000. С.187-188, и др.*

цивилизации, треснувший в тысяче мест, – это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и что делает из него противника первоначального ложного образа»⁶. За полтора года пребывания в Белграде А.Мале мог себе позволить «рассматривать все не спеша». Вот почему при анализе мы не раз обратимся «за помощью» и к нему...

К счастью, среди русских также имеются такие «долгожители», поэтому наши размышления во многом будут опираться на рукописное наследие П.А.Кулаковского – видного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе (1878-1882), причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии – сразу же по получении страной независимости⁷. Опять-таки, к немалой радости исследователей, личный фонд ученого не утрачен, и, кроме того, в многочисленных архивах (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева) сохранилась масса его корреспонденции из Белграда: Кулаковский любил писать, имея множество адресатов и не чуждаясь журналистского ремесла, что видно хотя бы из числа его статей о Сербии, напечатанных в российских СМИ.

Естественно, что Кулаковский придерживался вполне определенного взгляда на славянство, характерного для определенной части русского общества, «выражавшегося прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений»⁸. И это следует учитывать. Однако, более важно другое – он не был *идеалистом* в отношении сербов: «С первого же знакомства с сербами я почувствовал тот грех, который сотворили наши славянолюбы, заботившиеся всегда тщателью окрасить некрасивое в славянах перед русскими»⁹. С другой

⁶ Мале А. Дневник са српског двора. 1892-1894. Превела и приредила Љ.Мирковић. Београд, 1999. С.204 (запись от 6 декабря 1893 г.).

⁷ Подробнее о П.А.Кулаковском, его жизни, взглядах и творчестве см.: Грот К.Я. Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914; Данченко С.И. Деятельность П.А.Кулаковского в Сербии (Из истории русско-сербских научных связей последней четверти XIX в.) // Культура народов Балкан в Новое время. М., 1980. С.217-230; Она же. Русско-сербские общественные связи (70-80-е годы XIX в.) М., 1989. С.74-92; Шемякин А.Л. Письмо Николы Пашича П.А.Кулаковскому // Историјски часопис. Књ. XL-XLI. Београд, 1995. С.219-232; Лаптева Л.П. Славянский вопрос в мировоззрении П.А.Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 111-126; Она же. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С.725-745.

⁸ Лаптева Л.П. Славянский вопрос в мировоззрении П.А.Кулаковского... С.111.

⁹ Рукописное отделение Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1. Л. 1 об. (дневник П.А.Кулаковского; запись от 12 декабря 1878 г.).

стороны, профессиональный славист и славянофил по своим убеждениям, Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допускавшиеся элитой: «Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов»¹⁰, ибо «грустную картину являет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови (и как в воду глядел. — А.Ш.) — уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией. Мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа»¹¹. Такое равнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны — «Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее — вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны...»¹². В общем, резюмировал ученый, «пробыл здесь я четыре года, много видел и много испытал на себе, и перечувствовал»¹³, поскольку Сербия для него стала страной, «на которую досадуешь и которую в то же время жалеешь»¹⁴. И никак не разорваться!

Как видим, взгляд Кулаковского на Сербию и сербов принципиально отличался от «взора» европейцев, в основе которого (за редким исключением) лежала имманентно присущая Западу «презумпция цивилизационного превосходства»¹⁵, примерами чего пестрят страницы их многочисленных путевых заметок¹⁶...

¹⁰ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 4 (П. А. Кулаковский — Ап. А. Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г.).

¹¹ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 29-29 об. (П. А. Кулаковский — В. В. Макушеву. Станция Пушкино, 6 июля 1882 г.).

¹² ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 9 (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову. Белград, 27 мая 1882 г.).

¹³ Там же. Ф. 377. Д. 833. Л. 2 (П. А. Кулаковский — И. П. Корнилову. Белград, 8 мая 1882 г.).

¹⁴ Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 6 (П. А. Кулаковский — Ап. А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

¹⁵ Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 45. См. также: Тодорова М. Имагинарни Балкан. Београд, 1999 (на языке оригинала — *Todorova M. Imagining the Balkans*. NY., 1997). С. 196.

¹⁶ Приведем один из самых показательных: ученый путешественник из США Уильям Слоан назвал Балканы «этнографическим музеем», где имеется лишь «прошлое в настоящем» (*Sloan W. M. The Balkans: A Laboratory of History*. NY., 1914. P. VII, 3, 56).

Понятно, что в данной статье мы использовали и другие русские материалы: как опубликованные, так и ранее неизвестные. Кроме того, в ней фигурируют и мемуары сербских очевидцев, – но не всяких. Ведь из целого моря их записок следовало выбрать лишь те, что вышли из-под пера *экспертов*, не столько фиксировавших факты, сколько объяснявших их и их природу. Так, несколько лет назад в свет вышло многотомное издание дневника Николы Крстича – две книги размышлений этого блестящего аналитика стали важной частью документальной базы работы¹⁷.

Ну, а теперь, после столь затянувшегося введения, обратимся непосредственно к специфике политического процесса у сербов.

* * *

В октябре 1912 г., по пути из Вены на Балканскую войну, Л.Д.Троцкий заметил, что «хотя от Будапешта до Белграда железнодорожная лента тянется преимущественно в южном направлении, но культурно вы передвигаетесь на восток»¹⁸. И за двадцать лет до этого (в 1893 г.) один из редких сербских интеллектуалов – окружной доктор Лазар Димитриевич фиксировал в дневнике практически то же: «Ориент начинается к югу от Будапешта. Здесь впервые (если следовать от Гамбурга) хозяева поколотили тех, кого власть послала дезинфицировать их жилище после смерти холерного больного...»¹⁹. А в конце тех же 90-х гг. болгарский общественный деятель Стефан Бобчев, возвращаясь из Европы на родину – в Пловдив, записал: «Первое, что бросается в глаза болгарину, приехавшему в Белград с запада, т.е. из Европы, это то, что здесь пахнет Востоком. Белград ему вовсе не чужд, ибо чувствуется, что это уже не чужбина»²⁰. На заре же сербского суверенитета (в 1882 г.) русский славист К.Я.Грот, вынес о нем еще более определенное впечатление – «Совершенный характер уездного городишки; и хотя мне о том уже рассказывали, но действительность превзошла все ожидания. Отсутствие тротуаров и порядочных мостовых, грязь и бедность построек, *патриархальность во всем* (выделено нами. – А.Ш.) – все это приближает Бел-

¹⁷ Крстич Н. Дневник. Јавни живот. III, IV. Приредило М.Јагодић. Београд, 2007.

¹⁸ Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф.325. Оп.1. Д. 165. Л.10.

¹⁹ Димитријевић Л. Како наш народ живи. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С.45.

²⁰ Бобчевъ С.С. Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С.2.

град к городам Востока, отчасти нашего славяно-русского, отчасти турецко-азиатского...»^{21, 22}.

Таков был общекультурный фон, на котором шло развитие независимой Сербии, и делались первые шаги по ее модернизации (европеизации).

В политической сфере (а нас в первую очередь интересует именно она) шаги эти ассоциировались с образованием в 1881 г. политических партий – причем в Сербии они вступили в борьбу спустя всего *четыре года* после их появления в Европе²³. И уже сам факт подобных новаций дает некоторым сербским историкам право полагать, будто на рубеже столетий страна «вплотную приблизилась к европейским образцам»²⁴. То есть, если введена многопартийность, а межпартийная борьба бьет ключом, то это – «почти» Европа. Именно такие выводы диктует *институциональный* подход.

Но почему-то П.А.Кулаковский – очевидец событий – так совсем не считал. И в письме к И.С.Аксакову заметил скептически: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так, как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают и, напротив, в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами»²⁵. Действительно, по словам британской путешественницы, Сербия «всячески стремится предстать в глазах Европы в лучшем виде»²⁶ – страной с тем же «набором» институтов, ценностей, идей.

²¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее – СПб.Ф АРАН) Ф.281. Оп.1. Д.176. Л.28 об. (дневники путешествия в славянские земли в 1882-1883 гг.).

²² Сами сербы, естественно, так не считали. П.А.Кулаковский, прибыв в Белград в конце 1878 г., не без иронии отметил в дневнике: «Как у каждого маленького народа, только что добывшего себе право на самостоятельную жизнь, у сербов полный восторг своим. Даже мостовые в Белграде – отвратительные и грязные, – по мнению сербов, лучше петербургских. Но такое любовное отношение ко всему своему – вполне естественно» (РО ИРЛИ. Ф.572. Д.1. Л.1об.-2 (запись от 22 декабря)).

²³ Подробнее о становлении политических партий в Сербии и их специфике см.: *Шемякин А.Л.* Политические партии в независимой Сербии // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., 2006. С.199-214.

²⁴ *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918-1919) // Србија на крају Првог светског рата (Зборник радова). Београд, 1990. С.137. См. также: *Нова историја српског народа.* С.188.

²⁵ ОР РНБ. Ф.14. Д.189. Л.3 об. (Белград, 12 февраля 1879 г.).

²⁶ *Дарам М.* Кроз српске земље. Превео и приредио В.Милановић. Београд, 1997. С.128.

Однако, институционально имитировать Европу автоматически не значит – быть ею, о чем уже не раз упоминалось. И именно в сфере политической культуры нагляднее всего проявляется это принципиальное *несоответствие* формы и сути, которое на заре сербской независимости обнаружил проницательный Кулаковский. С ним соглашались и редкие сербы, сохранившие холодность разума в период разгула партийных страстей, – «Партии у нас не имеют того значения, какое они имеют в других странах»²⁷. И далее: «Ни одна партия не придерживалась своей программы, но каждая стремится сохранить *формы* и законы современного государства...»²⁸. А другой иностранец (цитированный выше С.Бобчев) вообще возвел наблюдение Кулаковского в *универсальный* балканский принцип – «Партии возникают вскоре после освобождения балканских народов, хотя не было еще никаких предпосылок для их существования»²⁹. В европейском, естественно, смысле.

* * *

В прошлой статье мы констатировали, что крайне немногочисленная сербская элита, разделившись на партии, воспринимала свою политическую роль как *миссию*, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим «грешили» радикалы, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь к «другому» не как к политическому оппоненту, но как к непримиримому врагу. Соответственно, и политику она понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не разделяет ее позицию. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей *партийная борьба* приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало³⁰. Тот же Кулаковский в послании И.С.Аксакову недоумевал: «Меня больно поражало всегда в Сербии ... то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»³¹.

²⁷ Крстић Н. Дневник. Јавни живот. III. С.245 (запись от 14 января 1886 г.).

²⁸ Там же. С.297 (запись от 25 ноября 1886 г.).

²⁹ Бобчевъ С.С. Изъ славянските земи... С.26.

³⁰ Шемякин А.Л. Политическая культура в независимой Сербии... С.67-73.

³¹ РО ИРЛИ. Ф.572. Д. 44. Л.27 об. (П.А.Кулаковский – И.С.Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).

По точной оценке Бобчева, считавшего такой характер борьбы явлением *типичным* в период становления новых балканских государств, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример»³².

Но как объяснить наличие столь жесткого антагонизма, доходившего, порой, до неприкрытых и массовых зверств?

Уже не раз отмечалось, что в основе внутреннего столкновения в Сербии лежал идеологический конфликт, крайне обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в дихотомии: «либеральная идея и традиция»³³, органично перекликаясь со знаменитым русским спором «западников» и «славянофилов»³⁴.

Осенью 1880 г. безусловный прежде русофил, князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские «рельсы», связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный им к власти кабинет «прогрессистов» (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет». По выражению американского историка Майкла Петровича, напредняки («сербские виги», как он их называет) «смотрели на все западными глазами»³⁵⁻³⁶.

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Желание правительства *европеизировать* страну скорым кавалерийским наскоком (т.е. «насадить в ней европейскую культуру»³⁷, или «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»³⁸, как то трактовали русские «гости») вызвало протест оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии.

³² Бобчевъ С.С. Изъ славянските земи... С.27.

³³ См.: Шемјакин А.Л. Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. Београд, 1997. Бр.1-2. С.119-136.

³⁴ Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu veka (XIX-XXI). Beograd, 2006. S.393.

³⁵ Petrovich M.B. A History of Modern Serbia. 1804-1918. Vol.2. NY & Lnd., 1976. P.416.

³⁶ Кулаковский оставил в своем дневнике беглую зарисовку М.Пирочанца: «Он всюду старается заговорить по-французски, как бы хвастая тем, что он может говорить на этом языке, что он светский и т. д.» (РО ИРЛИ. Ф.572. Д.1. Л.13 (запись от 28 октября 1880 г.)).

³⁷ Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898. С.90.

³⁸ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 275.

Отрица «универсальный» характер пути Европы и ее образцов, радикалы провозгласили первоочередной задачей защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что обретенной свободой. Их лидер Никола Пашич писал в конце 1880-х гг.: «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, но, следуя моде, все рвемся к тому, чем так кичатся иностранцы...»³⁹⁻⁴⁰.

В конце концов, в своем стремлении «преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки»⁴¹, реформаторы оказались в меньшинстве, ибо «негативную позицию в отношении модернизации государства на европейский манер занял сам его основатель и главный столп – шумадийский крестьянин»⁴². Радикалы же, с ходу отвергавшие все проекты реформ, напротив, заручились поддержкой масс. Строя свою охранительную доктрину на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности, они и выразили эту «негативную позицию» селяка – неприятие им структурных изменений общества и государства, которые могли бы нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе аграрного статичного мира. В свое время Йован Цвиич удивительно тонко заметил: «Сербский радикализм – это явление настолько же этно-психологическое, насколько и политическое»⁴³.

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии оставалась на уровне *предмодерности*, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума рубежа двух столетий. В условиях, когда «местечковая» лояльность превалировала над общегражданской (П.А.Кулаковский по обыкновению точен и емко: «Сербы Княжества даже не выросли далее шумадинства и не дорасли до сербства»⁴⁴⁻⁴⁵), а «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели замениться безличными отношениями,

³⁹ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615–I–27.

⁴⁰ Даже на парламентскую трибуну Н.Пашич выходил в полудеревенской суконной блузе и грубых сапогах. При этом он носил длинную, до середины груди, бороду (см.: *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. Београд, 1990. Књ. I. С. 13).

⁴¹ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // *Он же.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 270.

⁴² *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 862.

⁴³ *Цвијић Ј.* Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999. С. 64.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 11 (дневник П.А.Кулаковского; запись от 4 октября 1880 г.).

⁴⁵ Во время Тимокского восстания (октябрь 1883 г.) часть повстанцев во главе с Ацей Станоевичем – уроженцем Восточной Сербии, предполагала провозгласить особую Ти-

какие порождает индустриализация» (по верной дефиниции британского наблюдателя из 1918 г.)⁴⁶, политическая партия воспринималась как одна семья, *parteigenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец.

По словам Светомира Николаевича (одного из вождей радикалов, позднее от них отошедшего), «беря пример с русских революционеров, они мнили себя одной большой семьей. Партийное кумовство и побратимство – единственно, что не вошло в программу партии...»⁴⁷. И потому важнейшим символом для них всегда и везде оставался *дом* – в идеологии, организации, внутрипартийном этосе⁴⁸⁻⁴⁹.

Либеральная же верхушка (массовой базы либералы не имели) была переплетена реально родственными узами. Йован Ристич, Радивое Милойкович, Филипп Христич «породнились» через своих жен – родных сестер и дочерей знаменитого «миллионщика» Хаджи-Томы. Йован Белимаркович приходился дядюшкой по матери Йовану Авакумовичу, причем оба принадлежали к не менее знаменитому клану Бабадудичей. На сестре последнего был женат Алимпие Васильевич. А восходящая «звезда» партии Джордже Генчич звал Ристича «отчимом» – его отец и вождь либералов были побратимы со времен юности. Эти примеры либеральной «семейственности» можно множить и далее.

Любопытно в данной связи напомнить еще о двух деталях – местах сбора (или клубами) отдельных партий были особые «партийные» кафаны, порог которых не смел переступить никто иной. Бывало, что чужих изгоняли пинками. Радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки – в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов – «Касина»⁵⁰.

мокскую республику (*Љушић Р.* Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић. Зборник радова. Београд, 1999. С.30).

⁴⁶ *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Београд, 1994. С.271.

⁴⁷ *Николајевић Б.* Радикална странка и Светомир Николајевић. Београд, 1938. С.14.

⁴⁸ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). М., 1998. С.205-207 и далее; *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903-1914. Београд, 2003. С.259-262.

⁴⁹ Показательно определение государства, которое в 1881 г. дал Никола Пашич: «Конституционное государство – это народный дом, который строится и развивается на основе братского договора» (*Пашич Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). Приредили Ј.Перовић и А.Шемякин. Београд, 1995. С.95).

⁵⁰ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890-1914. Београд. 2008. С.275-277.

Столь «родственные» отношения внутри партий и непроницаемые перегородки, воздвигавшиеся между ними, накладывали отпечаток на *приватность* политиков – и по жизни однопартийцы «варились» в собственном соку. Кулаковский отмечал, что «люди здесь живут все какими-то мелкими партиями и считаются друг с другом лишь только на основании принадлежности к той или другой партии»⁵¹. Представить же себе что-то похожее на житейскую приязнь к политическому противнику в Сербии было нелегко – слишком еще далеко отстояла она от европейской практики, когда, по словам Уинстона Черчилля (применительно к Англии), «самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений»^{52–53}. Нет, «у нас обо всем судят с партийной точки зрения, и партийные противоречия переходят в личную вражду»⁵⁴.

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных склок, наполняло ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь предельно «фамильярным», и отношение к

⁵¹ СПб.Ф. АРАН. Ф.281. Оп.2. Д.249. Л.4 (П.А.Кулаковский – К.Я.Гроту. Белград, 26 марта 1881 г.).

⁵² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. М., 1991. С.79.

⁵³ Какое там! Приведем пример вполне возможных в Сербии взаимоотношений министров (членов одного и того же кабинета!), а также политических оппонентов. И все – в одном лице. Посланник России в Софии Ю.П.Бахметьев доносил 7 апреля 1902 г. в Петербург о смене сербского коллеги Йована Джайи: «Заместителем его назначен г. Павел Маринкович, всего более известный двумя крупными скандалами, случившимися с ним в недавнее время. Первый раз, будучи министром народного просвещения, у него вышла какая-то не совсем ясная частная история с военным министром Васичем, вследствие которой они оба были вынуждены подать в отставку, а потом у него было какое-то уличное столкновение с сыном Владана Георгиевича, в котором были пущены в ход и палки, и револьверы» (Архив внешней политики Российской империи (далее – АВ-ПРИ). Ф.Политархив. Д.497. Л.269-269 об.). Насчет «какой-то не совсем ясной частной истории» с полковником Милошем Васичем, справку даст еще один русский очевидец, военный атташе в Белграде полковник Е.А.Леонтович: «Застав неожиданно у себя Маринковича в положении, не оставляющем сомнений в близких отношениях с г-не Васич, военный министр тут же, при пособии своего адъютанта, избил министра народного просвещения и выбросил его буквально из окна» (Российский Государственный военно-исторический архив. Ф.2000. Оп.1. Д.822. Л.1)... Что же касается перестрелки Маринковича с сыном В.Джорджевича, то, по словам Милана Йовановича-Стоимировича – этого сербского Гиляровского, участники ее «ранили ученика сапожника на улице Космайской и подстрелили собаку Ристы Одавича (профессора, известного писателя и переводчика. – А.Ш.)» (Йованович-Стоимирович М. Силуэте старог Београда (трефе издање). Београд, 2008. С.345-346.).

⁵⁴ Крстич Н. Дневник. Јавни живот. IV. С.118-119 (запись от 1 июня 1890 г.).

государству – само его понятие переходило из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, смешивали нередко общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где личных амбиций: «Индивидуальная польза отдельных людей нередко ставится выше государственных и общих интересов»⁵⁵⁻⁵⁶. В подобных условиях компромисс был невозможен. Поэтому и сама политика, повторимся, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»⁵⁷, но как война всех против всех. И, как следствие, постоянные столкновения мнений (разница между ними была зачастую не принципиальной!), а также хаос и нестабильность, становились свойством политического процесса в Сербии. В рамках его *авторитарная* политическая культура с характерным для нее насилием, не имела возможности эволюционировать и дорасти до высот толерантности; соответственно, – идея о бесконфликтном решении проблем была обречена на вечную невостребованность⁵⁸.

В одной неподписанной сербской рукописи начала XX в. автор охарактеризовал эти «особенности» политического процесса в виде чеканной формулы: «Партизанский дух⁵⁹ есть отличие нашей расы. Я сомневаюсь, что когда-нибудь политические страсти обретут у нас более мягкие формы (воистину пророк! – *А.Ш.*). Партизанство – это наша культура, оно питает наш дух. А сектантство и интриганство – составные части нашей политической морали. Ни одна партия в своей борьбе не руководствуется принципами, заложенными в ее программе; личные интересы доминируют в политической

⁵⁵ Там же. III. С.176 (запись от 27 мая 1885 г.).

⁵⁶ Кулаковский отмечал: «Министерство Пирочанца привело Сербию к дезорганизации, когда все интересы государства отождествлены с интересами властвующей партии, ослепленной своей временной силой и спешащей насладиться случайно попавшей в ее руки властью» (см.: *Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С.272*)... Данный принцип «отождествления» был типичен для *всех* субъектов политического процесса в Сербии.

⁵⁷ «Образ врага», пишет В.Г.Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» – это «согласование интересов» (*Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С.161*).

⁵⁸ *Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804-2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С.130.*

⁵⁹ От партизан (*сербск. разговорн.*) – страстный приверженец какой-либо партии.

жизни»⁶⁰. При этом, как водится, все сопровождается призывами к народу – «вот только простой селяк из Черной Травы очень бы удивился, узнав, что острая борьба ведется ради него. Он так и помрет, не оценив столь глубоко осознанных народных интересов»⁶¹.

И русские очевидцы констатировали этот *партикуляризм* мотиваций, лежавший в основе сербской политической жизни. В.И.Ламанский, находясь в 1863 г. в Белграде, наблюдал, как чиновники в противостоянии с начальством «обыкновенно вносят свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чисто-земские интересы»⁶². В начале 80-х гг. Кулаковский также подчеркивал, что «конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсинуации»⁶³, проистекая «не из разницы воззрений и идей, а из чисто личных эгоистических счетов отдельных деятелей»⁶⁴. Как и на рубеже веков (в 1899 г.) К.Ф.Радченко с сожалением указывал на «отсутствие всякого единодушия в вопросах, касающихся самых важных сторон народной и государственной жизни...»⁶⁵.

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных, а не на формальных принципах, то чувство долга к своему ближнему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представал не как представитель *своего* сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж! Как заметил в 1912 г. Йован Жуйович – академик и министр, – «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»⁶⁶. А четверть века ранее (в 1887 г.) Никола Крстич констатировал сей факт

⁶⁰ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр.14434/719 («Конфликт 1914. године»). С.2-3.

⁶¹ Там же. С.12.

⁶² Ламанский В.И. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Русские о Сербии и сербах. С.28.

⁶³ ОР РНБ. Ф.452. Оп.1. Д. 277. Л.4 (П.А.Кулаковский – Ап.А.Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г.).

⁶⁴ Там же. Ф.621. Д.460. Л. 5 об. (П.А.Кулаковский – А.Н.Пыпину. Белград, 17 марта 1880 г.).

⁶⁵ Там же. Ф.818. Д.275. Л.10 об. (К.Ф.Радченко – Т.Д.Флоринскому. Солунь, 9/21 июля 1899 г.).

⁶⁶ Жуйовић Ј. Дневник. Приредило Д.Тодоровић. Т.1. Београд, 1986. С.226.

еще более определенно: «В Сербии нет интеллигенции, независимой и созревшей для парламентской жизни, – той, которая существует в Европе»⁶⁷.

Наглядным подтверждением такого диагноза являлась практика «приватизации» государственного и местных аппаратов победившей партией, невзирая на неготовность ее кандидатов. Чиновничьи должности с *гарантированным* жалованием понимались ею как трофеи, захваченные в политическом сражении и подлежащие разделу среди своих, служа своего рода сатисфакцией за принесенные в оппозиции «жертвы». Кулаковский констатировал: «Всюду по местам государственным рассажены приверженцы кабинета без справок об их пригодности... Теперь правительство ловкими мерами мало по малу захватывает и все общинные выборные должности для своих сторонников»⁶⁸. Прав был сербский автор, подчеркнувший в письме к Н.А.Попову: «Борьба политических партий у нас ужасная. Цель каждой партии – подлый, низкий и личный материальный интерес; а национальный сербский интерес брошен на последний план»⁶⁹.

Показательный образчик такого мышления «на высшем уровне» привел в своем дневнике Никола Крстич. Весной 1889 г. первый регент Йован Ристич (и он же – лидер либералов) жаловался ему: «Я страшно мучаюсь со своими партийцами. Они упрекают меня в том, что я не пригласил их составить правительство (и это при подавляющем-то большинстве радикалов в скупщине. – *А.Ш.*), но они не берут во внимание ситуацию в стране, в то время, как я должен о ней думать»⁷⁰. Достойные слова, однако человек, их произнесший, три года спустя сам нарушил конституцию, отправив в отставку кабинет Н.Пашича и заменив его своими «партийцами», устроившими «террор меньшинства»⁷¹. Что ж, заключал Крстич, «у нас понятия о конституции еще не сформированы; законы не исполняются так, как они прописаны, а потому у нас и возможно то, чего в других странах произойти просто не может...»⁷².

⁶⁷ Крстич Н. Дневник. Јавни живот. III. С.316 (запись от 3 июня 1887 г.).

⁶⁸ РО ИРЛИ. Ф.572. Д. 44. Л.27 об. (П.А.Кулаковский – И.С.Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).

⁶⁹ ОР РГБ. Ф.239. Папка 5. Д.30. Л.25 об. (Е.Бойнович – Н.А.Попову. Белград, 24 декабря 1881 г.).

⁷⁰ Крстич Н. Дневник. Јавни живот. IV. С.69 (запись от 6 марта 1889 г.).

⁷¹ См.: Маријан В. Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији крајем XIX века. Београд, 1996.

⁷² Крстич Н. Дневник. Јавни живот. III. С.237 (запись от 28 декабря 1885 г.).

Следствием было крайне низкое «качество» чиновничества⁷³, а зачастую и министров. Панта Сречкович – крупный деятель Либеральной партии – в письме Н.Г.Гартвигу прямо указывал, что чиновники набирались почти что с улицы⁷⁴ (были бы *свои*): «На упреки новому министру внутренних дел г-ну-Рибарцу, зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: „Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет. Кто был сапожником, пускай снова тем же занимается“...»⁷⁵. Конечно, Стоян Рибарац – член либерального кабинета в 1892-1893 гг. – пышет здесь злобой на предшественников-радикалов, отчего его слова и столь «метафоричны», но базовый принцип кадровой политики *всех* сербских партий при формировании правительств передан в них предельно точно. Главное – не степень профессиональной готовности и наличие опыта, главное – чтобы «свой»... Все в русле той же, хорошо нам знакомой, традиции «личной (или локальной) лояльности».

Из нее же – и различие в восприятии *права* и *справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают несправедливым даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоя-

---

⁷³ По данному поводу Никола Крстич с горечью писал: «Удивительно, насколько же дерзки наши люди! Никто нимало не стесняется принять какую-угодно должность; ему и в голову не приходит, что он не обладает ни знаниями, ни способностями, необходимыми для ее исполнения. Причина этому явлению лежит в том, что и ранее все места занимали люди, абсолютно к тому не готовые. Но каждый рассуждал: „Если кто-то может, то почему и я бы не смог“» (*Крстич Н.* Дневник. *Јавни живот.* IV. С.105). И даже если вдруг люди «способные», то, все равно, при такой системе – всегда что-нибудь не в порядке. В эпоху «первого радикального царства» министр внутренних дел Коста Таушанович жаловался на заседании парламентской фракции «на новых полицейских чиновников за то, что они не хотят работать, хотя вроде бы способные и радикалы». И продолжал: «Мы должны лечить всех чиновников не от неспособности, но от лени». Затем он снова жаловался, теперь – «на чиновничью неспособность и бездельность». На что получил логичный вопрос Ранко Тайсича – «Если министр жалуется на леность чиновников, то скольких из них он за нее наказал?» Ответ: «Министр признает, что не наказывал чиновников; ему препятствовали окружные начальники, приводившие доводы, что, в случае принятия таких мер, будет еще хуже...» (АСАНУ. Бр.9991/1 (Записник седнице Радикалног клуба у Скупштине бр. XII од 30. октобра 1889. г.)).

⁷⁴ «С улицы» – совсем не метафора автора. Тот же Н.Крстич описал, как именно «с улицы», по его выражению, набирались не только чиновники, но даже министры (см.: *Крстич Н.* Дневник. *Јавни живот.* III. С.299).

⁷⁵ АВПРИ. Ф.340 (Н.Г.Гартвиг). Оп.584. Д.32. Л.3 об.

тельства во всяком отдельном случае»⁷⁶. Формальная процедура в их разумении убивала человечность.

Но это, с одной стороны. С другой – в самом таком подходе сквозило отрицание права, *как такового*. Король Александр в разговоре со своим учителем-французом дал ему «справедливый» совет (а тот желал вести себя в Сербии в духе местных обычаев и традиций): «Если Вы хотите уважать здешние привычки и обычаи, то в первую очередь надобно нарушать закон!»⁷⁷. В легенду вошла реплика либерального министра Якова Туцаковича в скупщине в ответ на хвалу оппозиционеров Англии, английских законов, Гладстона: «Какие вы сами англичане, такой я вам и Гладстон, и такие же должны быть у нас законы»⁷⁸. А П.А.Кулаковский писал о напредняках – «Правительство нарушает законы явно и смело, употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели»⁷⁹. Правовое сознание, лежащее в основе европейской политической культуры, как видим, в Сербии еще не сложилось – ни у народа (что естественно в традиционном обществе⁸⁰), ни у элиты (также весьма подверженной стереотипам традиционного мышления), ни у суверена⁸¹, хотя в стране уже функционировало *номинально* европейское политическое пространство – с партиями, конституцией,

⁷⁶ *Јовановић С.* Осећање правде у динараца // *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С.43.

⁷⁷ *Мале А.* Дневник са српског двора... С.197 (запись от 29 ноября 1893 г.).

⁷⁸ Цит. по: *Перишић М.* Либерали и либерализам у Србији 19. века. Београд, 2004. С.266.

⁷⁹ ОР РНБ. Ф.14. Д.191. Л.7 (П.А.Кулаковский – И.С.Аксакову. Белград, 21-27 мая 1882 г.).

⁸⁰ Отсутствие правовой культуры – явление типическое для *всякого* традиционного общества. И в России существеннейшей чертой крестьянского менталитета было «превознесение обычая над законом»: «В народной традиции сквозь века прошло пренебрежение к закону...» (*Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. Т. V. (XIX век). М., 1996. С.73-74). В народном представлении закон «был явлением, подобным грозной природной стихии, он также непонятен и в то же время постоянно угрожает какими-то бедствиями. И при всем этом закон есть то, чем вполне овладело начальство, что оно поставило себе на службу и использует для притеснения бедного крестьянина: Именно поэтому русское народное правосознание связывало с законом не правопорядок и правосудие, а скорее злоупотребление властью и неправый суд. И соответственно не уважало закон» (*Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. Т.2. М., 2000. С.153-154).

⁸¹ Подробнее о политической (правовой) «культуре» двух последних Обреновичей см.: *Шемякин А.Л.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления // *Историки-слависты МГУ. Кн.7 (Х.Х.Хайретдинов).* М., 2008. С.184-208.

парламентом. Что говорить, если Народная скупщина – этот «фактор законодательной власти» – «не стесняется противопоставить *праву*, т.е. решениям суда, *физическую силу*»⁸².

Никола Крстич «синтезировал» в дневнике современный ему уровень правового сознания сербов, увязав его с понятием *свободы*, которой те всегда страшно гордились. Итак: «Где законы так сильно искажаются и не уважаются, там нет и смысла заводить новые институции, ибо они также не будут уважаться. Самая главная наша потребность – это добиться того, чтобы и правительство, и граждане уважали законы; и чтобы оные исполнялись так, как прописаны, – без искажения их значения. Но много еще времени пройдет, пока у нас станут понимать, что первейшее условие обеспечения свободы есть самое строгое исполнение законов. Где законы не пользуются уважением, там свобода не имеет никаких гарантий»⁸³.

Потому-то и конфликты, увы, слишком частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках юридических процедур, а в лобовых столкновениях, – отчего и были столь «популярны» политические убийства. Вспомним хотя бы расстрел Еврема Марковича, весьма «странную» смерть в тюрьме его супруги Илки и Елены Кничанин, ликвидацию лидера контрзаговорщического движения в армии капитана Новаковича и Салоникский процесс, когда на основании явно сфабрикованных улик был расстрелян экс-глава заговорщиков, полковник Драгутин Димитриевич. Какая «судьба»!.. Человек, преступивший закон и уничтоживший последних Обреновичей, сам пал затем от руки несправедливой власти.

Мало того, печальная традиция политических убийств в Сербии со временем не угасла и дожила до наших дней – ровно через сто лет после гибели короля Александра и королевы Драги в Белграде был застрелен премьер-министр Зоран Джинджич.

Как видим, *насилие* в различных проявлениях (причем – и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития Сербии⁸⁴. В чем, собственно, в свете сказанного выше, нет ничего удивительного...

---

⁸² Крстич Н. Дневник. Јавни живот. III. С.94 (запись от 16 июля 1878 г.).

⁸³ Там же. С.273 (запись от 16 мая 1886 г.).

⁸⁴ В книге Латинки Перович целый раздел назван: «Насилие как константа» (см.: Perovic L. Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko drustvo na prelazima vekova (XIX-XXI). S.384-420).

* * *

И еще одно объяснение столь своеобразной культуры участников политического процесса в Сербии. Оно тесно связано с особенностями менталитета сербов.

Как известно, многовековые конфликты с Турцией привели к формированию у них *конфронтационного сознания*, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса «освобождения и объединения сербов» (что *всегда* оставалось для Радикальной партии задачей первой; в том числе и после появления в 1878 г. на сербской границе Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине), оно органично экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Потому и рассматривали соратники Пашича напредняков – сторонников модернизации и проводников *проавстрийского* курса, – как своего рода новых Бранковичей, или же «внутренних турок». Им радикалы отказывали даже в праве на патриотизм. «Люди, которые довели Сербию до Сливницы»⁸⁵, – твердил в 1891 г. их предводитель, – не смеют упоминать о национальной политике, о сербском освобождении и достоинстве Сербского королевства»⁸⁶.

Но год спустя газета «Отпор» («Сопrotивление») назвала уже его самого, к тому времени ставшего премьером, «лжецом, клеветником и изменником родины», закончив столь привычным для сербской политической практики призывом: «Вздернуть Николу Пашича!»⁸⁷. А накануне выборов 1905 г. Коста Кумануди сообщал Милану Ракичу, как орган независимых радикалов (или самостальцев) «Одьек» («Эхо») и старорадикальная «Самоуправа», «с кровавой пеной у рта бросают друг другу одни и те же оскорбления и самые жуткие обвинения, из которых наиболее мягкое – это „предательство“ и „служба интересам Австрии“»⁸⁸. Примеров таких «дискуссий» можно привести множество.

Жесткость характеристик (как выражение степени политического антагонизма) в данных высказываниях не вызывает удивления, лишь

---

⁸⁵ В ноябре 1885 г. вторгшаяся в пределы Болгарии сербская армия потерпела у села Сливница сокрушительное поражение.

⁸⁶ Паши Н. Писма, чланци и говори (1872-1891). С. 333.

⁸⁷ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ.б. 1890-1940. Београд, 2008. С.168-170.

⁸⁸ Цит. по: Радојевић М. Научник и политика. Политичка биографија Божидара В. Марковића (1874-1946). Београд, 2007. С.115-116.

подтверждая сказанное выше. Ее можно понять – всего за сорок с небольшим лет (1875-1918 гг.) Сербия пережила шесть войн и два восстания. И, соответственно, мир для ее граждан (не важно, внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона. Оттого-то в «диалоге» политических сил и присутствуют постоянные взаимные обвинения в «измене родине» (читай – национальным идеалам)... Владан Джорджевич заметил в этой связи: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые – девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что именно она есть хранительница сербского патриотизма»⁸⁹. После Майского переворота 1903 г. число «хранителей» увеличилось – с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики⁹⁰.

Таким образом, национальные, или *внешние*, акценты (за редким исключением) превалировали в сознании сербской элиты над мыслями о необходимости *внутреннего* развития государства. Поиски путей решения задачи «освобождения и объединения» отвлекали у нее слишком много средств и внимания, отодвигая проблему гармонизации отношений между государством и обществом, как и внутри самого общества, на второй план и придавая процессу модернизации страны однобокий и неорганичный характер.

В 1892 г. с немалой дозой самоуверенности первый регент Сербии Йован Ристич внушал Альберу Мале мысль о *диалектике* внешнего и внутреннего факторов, считая что ее перманентные внутренние проблемы – это мелочь, в сравнении с тем, что сербы испытали и через что прошли в своей истории: «Мы имели страшные кризисы, и нынче у нас предвыборный кризис, но мы выкрутимся, и пусть это вас не волнует. Что это по сравнению с прошлым?» – спросил он и гордо добавил: «Мы – те, кто дали знак для борьбы на независимость на всех Балканах. Греция последовала нашему примеру через двадцать лет; болгар же вообще только русские освободили. Пятнадцать лет тому назад целая империя стояла против нас... Именно мы приняли на себя весь удар, сказав себе, что, если турки победят нас, то и с черногорцами будет быстро покончено. Эта империя черпала свои резервы из трех континентов – Европы, Азии и Африки. Это были такие люди –

⁸⁹ Рукописно Одељење Матице Српске. Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ.3. «У војсци». XI.

⁹⁰ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука» // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С.311.

гвардия, я их видел... Но мы все равно все пережили! Что сегодняшний кризис? Делайте спокойно свою работу»⁹¹.

Несмотря на хвастливый тон Ристича (насколько прав Кулаковский: «Пройдут года, и начнется сербская похвальба»⁹², – о русских добровольцах и их жертвах регент и не вспомнил), его «лекция» гостю весьма показательна. С одной стороны, в ней четко выражена мысль, что только *внешнее* заслуживает внимания, ну, а *внутреннее* – как-нибудь само рассосется⁹³. А с другой, это самомнение и постоянное выпячивание своего первенства в истории («самохвальство и исключительность сербская»⁹⁴ – как их назвал Кулаковский) сформировали у сербов систему мышления, в основе которой Ю.М. Лотман видел стремление «осуществить на практике неосуществимый идеал» (в отличие от той, что «стремится приспособить идеал к реальности»)⁹⁵... Перед такими внешними «миражами» меркли рутинные задачи внутренней перестройки⁹⁶.

Зоркий русский глаз давно заметил эту *диалектику*. П.А.Ровинский в 1868 г. назвал «самодовольство»⁹⁷ одним из отличий сербского

⁹¹ Мале А. Дневник са српског двора... С.74-75 (запись от 6 октября 1892 г.).

⁹² ОР РНБ. Ф.14. Д.189. Л.20 об. (П.А.Кулаковский – И.С.Аксакову. Белград, 19 июня 1880 г.).

⁹³ Не рассосалось! По иронии истории, кризис 1892 г., спровоцированный антиконституционными действиями самого Ристича, ровно через год завершился госпереворотом – 17-летний король Александр (не без содействия отца, конечно), как мальчишку, переиграл многоопытного регента, лишив его власти.

⁹⁴ Там же. Ф.451. Оп.1. Д.277. Л.8 (П.А.Кулаковский – Ап.А.Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

⁹⁵ Лотман Ю.М. Культура и взрыв... С.142.

⁹⁶ Впрочем, национальная мегаломания была свойственна не только одним сербам, но и болгарам (с их национальным идеалом – Сан-Стефанской Болгарией), полякам (с фантазиями о Речи Посполитой, «от можа – до можа»), черногорцам. О последних русский военный агент в Цетинье Н.М.Потанов записал в дневнике: «Черногорец грызет всю зиму сухое козье мясо, но мечтает о царстве Душана...». Как и его государь, «князь-поэт» Никола Петрович-Негош, которому «не дают покоя сны о „Балканском царстве“» (Потанов Н.М. Руски војни агент у Црној Гори. Т.П. Дневник. Подгорица – М., 2003. С.40).

⁹⁷ Особый всплук такого «самодовольства» (которое отнюдь не способствует трезвой *самооценке*) последовал после ярких сербских побед в Балканских войнах. В.Н.Штрандман оставил свидетельство о посещении белградских госпиталей: «Один из раненых в комнате, где работала моя жена, спросил меня, почему Россия во время Японской войны не принимала сербских добровольцев. Если бы она их приняла, то результат войны был бы абсолютно другим. И японцы были бы разгромлены наголову». А «раненый артиллерийский офицер был уверен, что для того, чтобы никто не дерзнул нарушить послевоенную мирную жизнь на Балканах и вообще в Европе, следовало заключить союз между Сербией и Англией. На мой вопрос, почему именно с Англией,

характера⁹⁸. А Кулаковский в письме Майкову подчеркивал: «„Царство Душана не дает сербам спать“ – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую... заставляет больше мечтать и меньше делать. Это печально в государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно»⁹⁹. И как резюме (но уже из другого письма): «Сербы слишком невоздержанны в своих желаниях и слишком ленивы, чтобы сами могли сделать что-нибудь прочное...»¹⁰⁰. Тот же мотив – в послании К.Ф.Радченко Т.Д.Флоринскому: «Сербия Королевства вместо того, чтобы обратить внимание на свои внутренние дела, пытаются вести внешнюю политику», которая является «повторением рокового стремления Душана на восток. Между тем, положение дел в самой Сербии, да Вы знаете и сами...»¹⁰¹. К этому лишь добавим, что *легитимность* данных наблюдений вполне подтверждают выводы историографии: «Обновление царства Душана являлось идеалом для многих сербских националистов XIX в.»¹⁰².

Ровинский писал, что страна «производит впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении»¹⁰³. В результате – «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность»¹⁰⁴. Сорок пять

офицер ответил: „У нас есть армия с непобедимой артиллерией, а у Англии есть флот“» (*Шtrandман В.* Балканске усомене. Београд, 2009. С.232).

⁹⁸ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Русские о Сербии и сербах. С.56.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф.451. Оп.1. Д.277. Л.8-8 об. (Белград, 18 октября 1880 г.).

¹⁰⁰ СПб.Ф АРАН. Ф.281. Оп.2. Д.249. Л.13 (П.А.Кулаковский – Н.Я.Гроту. Белград, 27 ноября 1882 г.).

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф.818. Д.275. Л.11 (К.Ф.Радченко – Т.Д.Флоринскому, Солунь, 9/21 июня 1899 г.).

¹⁰² *Макулевий Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006. С.85.

¹⁰³ Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Русские о Сербии и сербах. С.109.

¹⁰⁴ *Он же.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II ... С.74-75.

лет спустя В.Н. Штрандтман вспоминал: «Сербы говорили мне, что они живут от сегодня до завтра, под давлением возможного нападения соседки. И когда я спрашивал их, почему Белград столь непрезентабелен – в сравнении с болгарской столицей, они отвечали, что нет смысла строить большие дома, ибо неприятель рано или поздно все равно их разрушит»¹⁰⁵. А в начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист зафиксировал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий»; но «многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом...»¹⁰⁶.

Именно в этом взгляде «на сторону», повторим – одна из основных причин консервации традиционного состояния сербского общества и «один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»¹⁰⁷, что, в свою очередь, обеспечивало устойчивость в ней архаичной политической культуры.

Причем, как до Ристича о том говорилось открыто, так и после него. К примеру, митрополит Михаил в мае 1875 г. писал И.С. Аксакову: «Правда, что наш народ молод и, собственно говоря, еще не начал жить новой государственной жизнью, ибо до тех пор, покамест он совершенно не освободится от чуждого ига и не соединится в одно, не может быть и серьезного слова о какой-нибудь более... прогрессивной и плодотворной жизни его, или же об осуществлении каких-нибудь высших государственных или народных идей»¹⁰⁸. Еще более откровенен вождь сербских радикалов Никола Пашич четверть века спустя: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня более высоким идеалом, чем гражданская свобода сербов Королевства»¹⁰⁹. А в 1905 г., выступая в Скупшине, он с ясностью чеканной формулы

¹⁰⁵ Штрандтман В. Балканске успомене. С.124. См. также: *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломате. Превео и приредио С.Марковић. Београд, 2009. С.207.

¹⁰⁶ *Комаров Г.В.* В Белград на Пасху. 1914 г. // Русские о Сербии и сербах. С.575.

¹⁰⁷ *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф.Матвеева. М., 2003. С.76.

¹⁰⁸ Митрополит Михаил – И.С.Аксакову. Белград, 19 мая 1875 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т.1. М., 1961. С.226.

¹⁰⁹ *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Сербия и коментари. Београд, 1989. С.129.

повторил свое кредо: «Все внутренние вопросы, и даже конституционный», «я всегда подчинял идее скорого освобождения»; это она обратила «меня к политике и радикализму...»¹¹⁰.

Иные, *гражданские*, мотивы, как уже отмечалось, звучали у сербских политиков крайне редко. Если мы хотим иметь школы, как в Норвегии, а институты, как в Дании, тогда нам надо избегать военных расходов, — говорил напередняк Воислав Маринкович. «Если же хотим вести какую-то национальную политику и создавать Великую Сербию, тогда мы должны превратить нашу страну в военный лагерь...»¹¹¹. Но эти, практически единичные, голоса не имели никакого влияния на политику Сербии в период 1903-1914 гг. — в этот, якобы, «золотой век» сербской демократии и парламентаризма, — как до сих пор считает немало национальных историков, что является явной нтяжкой¹¹², — своего рода «современной мистификацией того времени»¹¹³.

* * *

И «военный лагерь» был создан! После аннексии Веной Боснии и Герцеговины в 1908-1909 гг., когда вновь предельно актуализировался национальный (т.е. «внешний») фактор.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось — в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту *сербского дела*. По словам Николы Пашича, «война будет популярна и бестрепетна к жертвам...»¹¹⁴. Одновременно правительство Королевства обратилось к России, вставшей было на сторону сербов. Однако, в марте 1909 г., учитывая неготовность ее к войне, Германия ультимативно потребовала санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию, при содействии Берлина. Угроза подействовала — и Петербург

¹¹⁰ Цит. по: *Popović-Obradović O. Koreni antimoderne političke kulture u Srbiji // Ista. Kakva ili kolika država. Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX-XX века. Priredila L. Perović. Beograd, 2008. S.335.*

¹¹¹ *Ibidem. S.336.*

¹¹² Побывав в 1912 г. на Балканах, Л.Д.Троцкий, прекрасно знакомый с европейской политической практикой, подчеркнул: «Парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер, хотя и не столь примитивный, как в Болгарии...» (*Троцкий Л.Д. Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. С.526*).

¹¹³ *Лазућ М. Друштвени односи у Србији у време закаслелог капиталистичког развоја // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2009. Св.3. С.24.*

¹¹⁴ *Амфитеатров А.В. Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. С.466.*

был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый status-quo¹¹⁵.

Сербия отступила, но это отступление было временным. В отблеске последнего «триумфа» Габсбургов уже являлась тень царя Пирра... Аннексия заставила сербскую элиту прийти в себя, и в стране началась активная внутренняя работа¹¹⁶. Ее результатом стало то, что к началу Балканских войн (1912-1913 гг.) Королевство имело сильную и хорошо вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. «Война, которую желали все»¹¹⁷⁻¹¹⁸, – назвал вторжение в Турцию современный автор. Его плоды оказались впечатляющими: сербские войска выиграли несколько решающих сражений I-ой Балканской войны – при Куманово, Битоле, Прилепе и т.д.

Очевидец событий из России (инженер и строитель порта Прахово на сербском берегу Дуная) И.П. Табурно четко показал механизм этой неожиданной трансформации пребывавшей в состоянии вечной анархии страны в единый военный лагерь. Причины подобного «волшебного» превращения понятны – в свете сказанного выше... Приведем пространную цитату из части его доклада, где о том говорится: «Как оказалось, Сербия была прекрасно подготовлена к войне. Могу утверждать, что лучше всех союзников. Оружие, обмундирование, снаряжение, обоз – все было в достаточном количестве и в лучшем виде. Денежные средства также оказались налицо – более ста миллионов. Она даже была в состоянии кое-что уделить и союзникам.

¹¹⁵ В «пороховом погребе Европы». 1878-1914. М., 2003. С.381-382.

¹¹⁶ Русские дипломаты давно уже заметили, что единственным средством для прекращения хаоса в Сербии была бы «встряска, которая заставила бы здешних политических деятелей надолго отказаться от преследования своих личных и партийных, корыстолюбивых и властолюбивых целей и обратиться к единой деятельности в пользу своего отечества» (АВПРИ. Ф. Политаирхив. Д.2896. Л.166 об. (Б.Н.Евреинов – В.Н.Ламздорфу. Белград, 11 июля 1906 г.).

¹¹⁷ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Том I. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С.75.

¹¹⁸ Русский наблюдатель донес до нас свои впечатления от мобилизации в Сербии: «В течение трех дней явилось 95 % призывных, через неделю их было 98 %, лишь 2 % оказались больными, но и из этих многие явились, прося их взять, в надежде поправиться в дороге. Вы думаете, что слышен был плач матерей, жен, сестер, отправляющих своих близких на возможную смерть... Нет, если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы, ее сейчас останавливали, пристыжая: „Как не стыдно плакать – такое святое дело“. Устыженная отвечала: „Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев; плачу от того, что дождалась это увидеть“» (ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.1348 – Табурно И.П. Доклад о ходе I Балканской войны и ее результатах. С.9-10).

Подумать, что всего четыре года назад, во время провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины, Сербия ничего еще не имела, ибо если бы она была хоть мало-мальски готова к войне, неминуемо затеяла бы драку с Австрией – таково было настроение. Она принуждена была проглотить предложенную графом Эренталем „пилюлю“ только потому, что для войны у нее ничего не было готово. И вдруг, через четыре года, она оказалась во всеоружии своей силы, хотя сравнительно и скромной по размеру, но весьма внушительной по качеству¹¹⁹...

Казалось, что сербы за тридцатилетний период владычества Австрии смирились с мыслью и свыклись с владычеством ее этими двумя чисто сербскими провинциями. Казалось, что провозглашение аннексии будет принято просто, как формальность. На деле оказалось иначе. Поэтическая натура большое значение всегда придает форме. Облик играет большую роль: поэт округляет его, создает из него то, что его душа хочет – жаждет. Обнажите этот облик, представьте его в естественном, неприкрытом виде, и поэт приходит в ужас.

Так произошло и с сербским народом: когда сняли форму временной оккупации Боснии и Герцеговины, он, увидев реальность, возмутился присвоением Австрией того, что привык духовно считать своим. Иллюзия исчезла, осталась голая правда. Босния и Герцеговина – австрийская. Возмущению сербов не было предела. Однако, увы, наружу выступила собственная нагота, слабость и бессилие. Но сербский народ не упал духом. Подхвачен был всей страной клич: „За дело!“».

И, как резюме, – «Сербы за свое возрождение (иначе это назвать нельзя) должны быть благодарны Австрии, графу Эренталу...»¹²⁰.

Все так! Тем не менее, опять же, увы.

Ибо, победы – победами, но стоило наступить миру, и былые политические язвы вновь обнажились. По-солдатски прямолинейный

---

¹¹⁹ В 1908 г. Милован Милованович обратился к Степе Степановичу с просьбой дать информацию о военных возможностях страны. Ответ генерала был обескураживающей: «Сербия может вооружить только сорок тысяч человек, которые будут в состоянии сражаться всего пятнадцать дней» (Цит. по: *Мекензи Д.* Милован Милованович. Београд, 2007. С.100). Мобилизация 1912 г. застала Сербию в качественно иной ситуации – «она уже могла сформировать 11,5 дивизий, обеспеченных артиллерией и ружьями» (*Рябинин А.А.* Балканская война // *Малые войны первой половины XX века.* М.-СПб., 2003. С.143).

¹²⁰ ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.1348. Л.10-13.

генерал Панта Драшкич без обиняков назвал вещи своими именами: «Как только для нас, сербов, проходит опасность, мы тут же перегрызаемся между собой»¹²¹. Поводом к очередному конфликту стал знаменитый «Спор о приоритете» в новых (т.е. вошедших в состав Королевства в 1913 г.) областях. Указ «О старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными», изданный по инициативе Стояна Протича – министра внутренних дел и старого друга Н.Пашича, предполагал введение «первенства» гражданских чинов во всех торжественных случаях; и, бывало, что, при явном нежелании элитного чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь уездный начальник лет 25-28 оказывался там на разных церемониях выше полкового командира в штаб-офицерском звании. И все это в условиях действия осадного положения. Такая ситуация (в конкретных проявлениях), действительно, была нетерпимой. Однако, «заговорщики», создавшие в 1911 г. тайное общество «Черная рука», решили использовать ее для лобовой атаки на правительство.

Тем более, что во время и после Балканских войн офицерство стало вести себя в Старой Сербии и Македонии крайне независимо. По словам русского военного агента, полковника В.А.Артамонова, «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову»¹²². Настолько высоко, что, когда во время кризиса в отношениях с Болгарией по поводу раздела территорий, захваченных у турок в ходе I-ой войны, раздался слух, будто Пашич готов отдать их часть Софии, они открыто пригрозили кабинету¹²³, член «Черной руки» Люба Йованович-Чупа, от имени организации, высказал премьеру, что «они изрубят его в куски на Теразиях, если он хоть что-то уступит болгарам»¹²⁴.

Воспользовавшись очередной ссорой (командира Вардарской дивизии Дамняна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива), после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве...»,

¹²¹ Драшкић П. Моји мемоари. С.117.

¹²² Цит. по: Винокуров В.С. Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). СПб., 2006. С.251.

¹²³ Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С.318.

¹²⁴ Жујовић Ј. Дневник. Т.2. Београд, 1986. С.32.

заговорщики потребовали его отмены и сатисфакции «униженным» офицерам. Глава правительства, Н. Пашич, отказался идти на уступки. В ответ (после неудачной попытки двинуть войска из Скопья на Белград¹²⁵) те вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой ценой* – вплоть до переворота – сместить премьера. В личных амбициях и эгоистичных резонах независимцы пошли на тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, – точно сформулировал „диагноз“ Воислав Вучкович, – оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»¹²⁶.

Глубинный смысл этого конфликта, с точки зрения «политической культуры» его участников, вскрыл автор уже не раз цитированной нами рукописи: «Радикалы хотели власти, *долгой и неделимой* власти. И потому готовили не только общественное мнение к своему долговому владычеству, но и рассматривали новые территории, Старую Сербию и Македонию, в качестве будущей радикальной колонии. Апис и заговорщики хотели власти в армии, такой же *долгой и неделимой*. Они пытались превратить армию в свою будущую колонию... Оба фактора присваивали себе все заслуги за военные успехи и вошли в жесткий клинч, так как мешали друг другу. Радикальные лидеры побаивались „преторианцев“, казавшихся им препятствием для создания *радикального царства*... В этом столкновении заговорщиков с радикалами оппозиция стояла на стороне армии, но совсем не потому, что желала защищать правое дело, а дабы иметь защиту со стороны мощной силы в борьбе с радикалами. Было необходимо свалить Пашича любой ценой, и момент ей показался подходящим»¹²⁷.

Перед нами – привычный и давно нам известный набор представлений сербской элиты, фундамент которого составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и *мессианская* претензия на политическое господство. Все же «другие» объявлялись врагами – в борьбе с ними были хороши все средства.

¹²⁵ Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука»... С.327.

¹²⁶ Вучковић В. Унутрашње кризе Србије и Први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV-XV. Београд, 1965. С.188.

¹²⁷ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр.14434/719 («Конфликт 1914. године»). С.2.

Кульминацией «Спора о приоритете» явились роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король в мае 1914 г. возвратил ему мандат на власть – для их организации. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением. Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г.Гартвиг. Именно он рекомендовал Петру I оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Итак, в борьбе с «Черной рукой» (этим мощным антиконституционным участником сербской политики) «парламентский» режим формально устоял, но... при поддержке другой нелегитимной силы – российской императорской дипломатической Миссии.

* * *

А затем все понеслось с калейдоскопической быстротой. Сараевское убийство и ультиматум Австро-Венгрии; ее нападение на Сербию и героическая борьба сербов, дважды (в ходе Церского и Колубарского сражений) пославших в нокдаун сильнейшего на порядок противника; относительное затишье до осени 1915 г. и октябрьское австро-германо-болгарское вторжение; беспримерная «Сербская Голгофа» и эвакуация армии и правительства с албанского побережья на остров Корфу зимой 1916 г.

Казалось бы, в военное время особенно требуется единство нации и согласие ее элиты. Однако в сербской ситуации этого не произошло. Прибыв на Корфу, П. Драшкич вновь констатировал у своих земляков рецидив хронической болезни: «Как только непосредственная опасность спадает, и наступает краткое затишье, у нас, сербов, сразу же начинаются политические раздоры»¹²⁸.

Кульминацией таких «раздоров» стал Салоникский процесс 1917 г. и физическая ликвидация лидера заговорщиков 1903 г. (а затем – «Черной руки») Д. Димитриевича. К периоду Корфского затишья относится и начало острого соперничества в политических верхах Королевства. Возросшие амбиции принца-регента Александра и его «ревность» к

¹²⁸ Драшкич П. Моји мемоари. С.158.

Николе Пашичу привели к появлению первых глубоких трещин в их отношениях¹²⁹...

Дальнейшее известно: Сербия вышла из войны «триумфатором» — т.е. лидером и ядром объединенного югославянского государства, Королевства СХС. Однако в сфере политической культуры ее элиты ничего не переменилось. Только к старым партийным сварам «шумадинцев» добавились новые распри между ними и «пречанами» — на фоне явно-скрытой конфронтации с хорватами и словенцами, которые (в отличие от сербов) именно в межвоенной Югославии завершили процесс своей национально-политической консолидации... Но это уже другая тема¹³⁰.

---

¹²⁹ Там же. С.157-159; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1985. С.312-319.

¹³⁰ Подробнее об этом сюжете см.: *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. СПб., 2008.

В. Б. Хлебникова

СОТРУДНИКИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ В ЦЕТИНЬЕ И КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ-НЕГОШ. ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

В 1878 году после Берлинского конгресса Черногория стала полноправным европейским государством, и правительства некоторых стран установили с ней постоянные отношения. Одной из первых была Россия, которая давно «курировала» политическую жизнь княжества через главу консульства в Дубровнике А.С. Ионина. До начала Первой мировой войны в Черногории активно работала и старалась влиять на внутри- и внешнеполитический курс страны российская дипломатическая миссия, сотрудники которой были главным звеном в цепочке русско-черногорских отношений. Эти отношения, в свою очередь, занимали особое место в балканской политике России. От усердия, настроения, оценок русских дипломатов, трудившихся в Цетинье, во многом зависело то, какие политические решения будут приняты в российском министерстве иностранных дел и при дворе. А эти оценки и настроения, конечно, складывались под воздействием черногорской политической элиты и, особенно, князя Николая. Черногорский монарх был неординарной и неоднозначной фигурой, он вызывал у современников сложные, часто противоположные чувства: и восхищение, и гнев, и уважение, и насмешки, и желание сотрудничать, и стремление избежать с ним контактов. Николай Негош, как никто другой, умел манипулировать людьми. В настоящей статье речь пойдет о том, как развивался российско-черногорский дипломатический диалог на рубеже XIX–XX веков, какую роль в нем играли личные связи российских дипломатов и черногорского двора, насколько адекватно понимали друг друга партнеры.

Вопрос об открытии российской миссии в столице вновь провозглашенного государства был решен еще в мае 1878 г., а в ноябре А.С. Ионин официально вступил в должность министра-резидента и вручил

князю Николаю верительные грамоты¹. В то время Ионин имел свою, вполне определенную точку зрения на события, произошедшие на Балканах в 1877-1878 гг. Он был убежден, что без победы России в русско-турецкой войне Черногория бы погибла. После завершения военных действий ситуация в стране была крайне тяжелой, нестабильной. И хотя князь Николай являлся опытным руководителем, правил своим народом четверть века, русский дипломат был уверен, что без помощи российских политиков господарь вряд ли справится с навалившимися проблемами. Это мнение разделяли и другие россияне, работавшие в Черногории во время войны и после нее. Например, в своем донесении Ионин ссылался на слова барона Врангеля: «Князь теряет, не знает, что делать, за что ухватиться»². Настроенные несколько покровительственно, российские дипломаты не торопились брать на себя груз черногорских проблем. Глава миссии А.С. Ионин четко ставил задачи перед своим секретарем А.Н. Шпейером. Он настоятельно советовал не погружаться чрезмерно во внутренние дела страны, быть передаточным звеном между Петербургом и Цетиньем и помнить, что российское правительство еще не определило своей дальнейшей политики на Балканах и не знает, в какой степени ему будет полезна Черногория³.

С другой стороны, россияне уже были втянуты в самые разные дела, стоявшие перед князем Николаем, и исполняли их достаточно энергично. Например, барон Врангель занимался оказанием денежной помощи шести тысячам беженцев из Боснии и Герцеговины, скрывавшимся на территории Черногории. Россия в то время ежемесячно посылала в княжество 5 тысяч червонцев, которые должны были помочь послевоенному устройству⁴, без этой финансовой поддержки Черногория не могла выстоять. В январе 1879 г. Шпейер писал Ионину: «Денег в княжестве ни гроша». Кстати, и русским приходилось нелегко в сумятице и неразберихе послевоенного времени. О состоянии миссии можно судить по таким словам секретаря: «У нас в кассе денег тоже нет. Ускорьте высылку, скоро мне и за еду платить будет нечем»⁵. Ви-

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Главный архив, V-A2, ф.161, оп.181/2, д.1042, л.322об.

² Там же, д.1049, л.385-385об. Рагуза, 2/24 октября 1878

³ Там же, д.1042, л.206-207об.

⁴ Там же, д.1049, л.344об.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф.939, Ионин А.С., оп.1, д.143

димо, эти совместные трудности очень сблизили черногорского монарха и российских дипломатов. Между ними сложились доверительные отношения, что можно оценить по содержанию официальной и частной переписки. Княгиня Милена обижалась на Ионина за то, что он не прислал ей своей фотографии. Шпейер собирался звать князя Николая «на пирог» по поводу переезда на новую квартиру⁶. Когда в 1880 г. Ионин отправился на новое место работы, господарь писал ему: «Если бы меня кто-нибудь спросил, как тебе без господина Ионина, я бы сказал, как соколу без правого крыла»⁷.

Князь Николай немало потрудился над тем, чтобы такие почти семейные отношения сложились с официальными представителями Российской империи. Он постоянно и настойчиво подчеркивал свою духовную близость России, преданность и благодарность, намеренно создавал особую эмоциональную атмосферу, в которой должны были развиваться политические контакты двух стран. После убийства Александра II не только вся официальная пресса скорбела, сам черногорский монарх не упускал случая написать русским друзьям, как безмерно он огорчен, рассказывал в частном письме к Ионину, что убит душевно и телесно. Александр II, признавался он, «...был для меня настоящим отцом, которому посвятил я свою сыновью любовь, покорность и послушание». «Как переживем эту утрату! Как забудем!», — без конца восклицал Николай⁸. Князь пытался сохранить эту семейственность в отношениях с российскими дипломатами в течение многих лет. Когда в 1888 г. его дочери Стана и Милица отправились учиться в Смольный институт, он писал Ионину: «если бы я просил Вас присмотреть за ними, это выглядело бы так, что я забыл о той любви, которой вы окружали их с колыбели»⁹. Трудно сказать, насколько искренним был Николай в те годы, но он действительно смог придать особую тональность своим отношениям с российскими политиками и добиться того, чтобы последние принимали близко к сердцу нужды Черногории. В 1882 г. ему был оказан самый радушный прием во время визита в Петербург, что вызвало раздражение австрийского представителя в Цетинье барона Теммеля. С большим удовольствием Шпейер сообщал министру иностранных дел о том, как австриец «... на улице позволил себе громко и в самых неизысканных выражениях

⁶ Там же, д. 143, л. 163-164об.

⁷ Там же, д. 135, л. 43об.

⁸ Там же, д. 135, л. 80-82

⁹ Там же, д. 135, л. 105-106

высказывать свои чувства и оканчивал эти публичные представления изорванием в клочки черногорской газеты», описавшей прием, оказанный князю в России¹⁰. Понятно, что при таком настрое тот же Шпейер постоянно выступал в роли ходатая за черногорское правительство, хлопоча о высылке денег из России и о других услугах.

Однако подобное единомыслие и теплота стали вскоре уступать место трезвому взгляду на положение дел в княжестве. В ноябре 1884 г. произошла смена состава миссии, новые сотрудники министр-резидент К.И. Аргиропуло и секретарь П.Д. Вурцель столкнулись с несколькими сложными вопросами. Первый состоял в том, что черногорское правительство постоянно делало за границей долги и не могло вернуть их в срок, рассчитывая при этом на российскую помощь. По тону донесений из Цетинья становится ясно, что непомерные долги княжества заботят российское правительство едва ли не больше, чем самого князя Николая. Второй вопрос, вызвавший настороженность российских дипломатов, касался семейных дел черногорского монарха, в частности, воспитания его старшего сына Данилы. Щедро финансируя Негошей, российские руководители попытались получить гарантии, что престолонаследник будет также верен курсу на союз с империей, как и его предки. Внимательно наблюдая за юным князем, сотрудники миссии делали не очень утешительные выводы о том, что Данила избалован, мало образован и не проявляет политических талантов своего отца. Поэтому министр-резидент предложил отправить княжича в Петербург для обучения в привилегированном военном учебном заведении, где юноше смогли бы привить как полезные навыки, так и любовь к России. Неожиданно государь отказался сделать это под предлогом слабого здоровья своего первенца и высказал твердое намерение отправить его в Швейцарию.

Такое решение насторожило российских дипломатов, по мнению которых отказ князя не соответствовал его постоянным заявлениям о любви к России. Началось обсуждение судьбы черногорского престолонаследника, за которым развернулась тончайшая и интереснейшая дипломатическая игра, затеянная черногорским монархом. Чтобы сгладить впечатление от собственной несговорчивости и в то же время еще больше привлечь русских к своим делам, князь просил прислать его сыну русского воспитателя, офицера, который бы стал не только педагогом для Данилы, но и негласным военным агентом России в княжестве. Согласиться на это означало усилить военную составляющую

¹⁰ АВПРИ, ф. Политический архив (далее – Политархив), 1882, оп.482, д.1520, л.256 об.

в русско-черногорских контактах, чего Россия старалась избежать после Берлинского конгресса. Отказаться – дать князю основание отстранить российских покровителей от воспитания будущего правителя. Началась долгая переписка и консультации, в ходе которых не без труда был найден компромисс. Воспитатель был назначен, им стал полковник русской армии Овсяный (в других документах Овсяной. – В.Х.). Но это назначение российский военный министр сопроводил условием: «ввиду того, что наименование полковника Овсяного в приказе воспитателем наследника черногорского престола может вызвать различные неблагоприятные для князя Николая толкования в иностранной, особенно в австрийской печати, высочайше повелено 20-го того же мая (1886 г. – В.Х.), не присваивая полковнику Овсяному официального звания воспитателя, уволить его в бессрочный отпуск за границу»¹¹. Представляется очевидным, что в своей дипломатической игре Николай Негош весьма преуспел. Он польстил российскому императору тем, что уговаривал назначить русского воспитателя своему сыну, и смог преодолеть сопротивление императорского военного министерства, не считавшего оправданным чрезмерное военное сближение с Черногорией. Косвенным подтверждением того, что князь выиграл партию, может быть информация о тайной высылке из России денег на вооружение черногорской армии именно в это время¹². Скорее всего, сотрудники дипломатической миссии в Цетинье поняли, что князь манипулирует ими, но исправить ситуацию не смогли.

Экономическое положение Черногории во второй половине 80-начале 90-х годов XIX века стало отчаянным. Как бы ни пытались наши соотечественники дистанцироваться от бед черногорцев, они снова должны были помогать. В 1890-1891 гг. русские буквально спасали страну от гуманитарной катастрофы. Неурожай обернулся страшным голодом, бороться с которым погрязшее в долгах княжеское правительство было не в силах. Известный русский славист П.А. Ровинский, живший тогда в княжестве, сообщал в частном письме: «народ кормится благодаря щедрой помощи русского народа». Он писал: «Раздачей помощи голодающим... заведует особый комитет под председательством владыки (главы черногорской церкви. – В.Х.). Но более всех работает секретарь нашей миссии П.Д. Вурцель. На Цетинье его квартира с утра... осаждена просителями, в собраниях комитета на нем также лежат все обязанности по письменной части и, сверх того,

¹¹ Там же, д.3331, л.14-14об.

¹² Там же, д.3332, 1886, л.34

он совершает поездки до Подгорицы и Никшича, чтобы оказывать помощь на месте, таких поездок он до сих пор совершил около 10, и я удивляюсь, как у него хватает сил и энергии». Копия этого письма хранилась у Н.П. Игнатьева, из чего можно сделать вывод, что оно было зачитано в Славянском благотворительном обществе¹³. Не только П.Д. Вурцель, но и К.И. Аргиропуло летом 1891 г. объехал почти всю страну, чтобы составить личное мнение о масштабах катастрофы¹⁴. П.А. Ровинский помогал в организации переезда нескольких тысяч голодавших семей в Сербию. В Мариинском женском институте, содержавшемся на деньги русской императрицы, постоянно кормили бедняков. В России шел так называемый кружечный сбор средств для помощи черногорцам. Может быть, поэтому середина и вторая половина 90-х годов XIX века была временем, когда отношения князя Николая и российских дипломатов, если и не были прежними, но все же оставались сдержанно-доброжелательными.

Совсем другим стало содержание диалога в конце 90-х годов. Реакция официальных кругов России на те или иные инициативы князя Николая превратилась в исключительно сухую и подчеркнута незаинтересованную. Министром-резидентом с июля 1897 г. был К.А. Губастов, его секретарем С.А. Лермонтов. К этому времени долги Черногории превзошли все разумные пределы, но князь Николай продолжал вести активную политику, создавая в Европе имидж значительной фигуры на Балканах. В какой-то момент им заинтересовались правящие круги Великобритании, не упускавшие случая потеснить Россию в восточных делах. Весной 1898 г. черногорский монарх посетил Лондон, предварительно сообщив о своих планах в Петербург. То ли для того, чтобы заставить Россию поволноваться по поводу внешнеполитического курса Черногории, то ли не желая обострять отношения с российскими покровителями, князь нарочито вежливо запрашивал мнение российского министерства иностранных дел по поводу своей поездки. Ответ был сухой и немногословный: «Разумеется, может ехать», – было написано на соответствующем донесении¹⁵. Не добившись заинтересованности, государь продолжил игру. Он посетил Губастова перед отъездом и стал вести разговор о возможной женитьбе князя Данилы, намекая на то, что не исключает предложений со стороны европейцев. Губастов сообщал начальству: «Князь Николай говорил мне неоднократно, что

¹³ ГАРФ, ф.730, оп.1, д.3763

¹⁴ АВПРИ, ф. Политархив, 1891, оп.482, оп.1, д.1544, л.33-34

¹⁵ Там же, д.3321, 1897-1898, л.3

ему желательно, чтобы сын его женился на русской, и даже в минуту отъезда полусутоливо сказал, что если в Лондоне заговорят с ним о какой-нибудь невесте для князя Данила, то он придумает подходящий предлог для прекращения разговоров по этому поводу»¹⁶. В Лондоне черногорский монарх поступил как раз наоборот. Была достигнута договоренность о браке Данилы с одной из внучек королевы Виктории. Но династическое положение княжеской семьи являлось слишком скромным для такого брака. Князь стал просить, чтобы Россия поддержала его намерение принять королевский титул. Наверно, он был удивлен тем, с какой легкостью получил благословение из Петербурга: «Император не возражает против принятия королевского титула князем Николаем и планов английского брака»¹⁷. Такая скудная информация скорее разочаровала, чем порадовала князя. Россия упорно делала вид, что она оставляет за Черногорией и право самой решать свою судьбу и нести ответственность за все, что делает правящая элита княжества. Тогда правитель Черногории разыграл последний козырь, который должен был принести ему победу в деле восстановления прежней дипломатической активности России в княжестве. Князь начал ежедневно принимать у себя английского министра-резидента Кеннеди, обсуждать с ним все проблемы, начиная с государственных и кончая семейными. Он постарался вести себя с британским подданным так, как когда-то с россиянами. «Его высочеству представлялось, что при содействии Кеннеди ему удастся поправить финансы княжества, образовать компанию для устройства порта в заливе Вал-де-Ноче. Собеседники рассуждали о браке наследника. Наконец, князю пришла довольно странная мысль предъявить турецкому правительству требование через английское посольство в Константинополе о возмещении расходов на содержание черногорского войска в усиленном составе на албанской границе во время беспорядков в Беранском округе. Ни одно из этих вождедений не встретило отказа со стороны услужливого моего английского коллеги», — доносил в Петербург Губастов¹⁸. Ироничный тон донесения свидетельствовал о провале тактики князя Николая, пытавшегося заставить русских «ревновать» и бояться потерять влияние в Черногории. Равнодушная покладистость российского министерства иностранных дел означала, что черногорский монарх потерял доверие со стороны своих российских покровителей.

¹⁶ Там же, д.3322, Принятие князем Николаем королевского титула

¹⁷ Там же, л.4-5

¹⁸ Там же, д.3321, л.9-9об.

Безразличие щедрых прежде друзей повергло Николая в полное уныние, которое могло быть и искренним, и притворным. Беседы российского министра-резидента и господаря приобрели меланхолический и пессимистический оттенок. «Я оставил князя в весьма мрачном настроении духа... Он говорил мне о своем желании уйти в монастырь и передать правление князю Даниле», — писал Губастов начальству в январе 1899 г.¹⁹ Буквально в каждом донесении министр-резидент передавал ходатайства князя о списании российского долга с Черногории, и от каждого такого донесения веет скукой и досадой. Там же мы находим подробные описания лихорадочных поисков черногорской камарильей новых кредиторов, к неудаче которых русские дипломаты не проявляли ни малейшего сочувствия. Летом 1899 г. Губастов занял позицию резонера: «Благоразумнее было бы, вместо бесплодного искаательства денег в Европе, постараться упорядочить на месте финансовое положение княжества. По отзыву ближайших советников князя, сделать это не только возможно, но и не особенно трудно. Необходимо, прежде всего, чтобы князь ограничил расходы своего дома и своих сыновей, затем не создавал бы бесполезных должностей для разных славянских пришельцев или не назначал им пенсии, и, наконец, не выходил бы из пределов раз утвержденных для разных ведомств годичных ассигнований. Те же самые советники не верят однако, зная характер и привычки князя, в возможность осуществления этих благих пожеланий»²⁰. Холодный и отстраненный тон посланий Губастова ясно показал, что российская миссия стала, наконец, тем самым «передаточным звеном», о котором когда-то рассуждал Ионин. На этом этапе российско-черногорских отношений князь Николай оказался в проигрыше.

Его бесконечные просьбы о помощи принесли только один практический результат — в Цетинье из российского министерства финансов был командирован чиновник по фамилии Миллер, которому было поручено разобраться, почему помощь черногорцам оказалась такой дорогой и куда делись деньги, которые Россия щедро давала много лет подряд. Миссия Миллера продолжалась несколько месяцев и закончилась докладом, по сути, повторявшим выводы Губастова: «Хотя князь и княгиня держатся старого очень скромного образа жизни, но приемы иностранных высоких особ и знатных туристов, число коих все возрастает».

¹⁹ Там же, д. 3348

²⁰ Државни музеј — Цетинье. Архивско одељење. Ф. Приновлени рукописи (далее — Принов. рук.), 1899, фас. XLII, део 2

тает, путешествия членов княжеской семьи за границу, празднества и торжества в Черногории приобрели небывалую прежде пышность. Особенно большие расходы стали производиться с совершеннолетием князя-наследника Даниила. Постройка его дворца, постоянные поездки за границу и, наконец, свадебные празднества повели к новым большим займам»²¹. Миллера повергла в шок история с получением денег черногорцами на австрийской почте в Триесте и венгерской почте в Фиуме. Князь Даниил предложил отцу послать в Австро-Венгрию своего адъютанта М. Поповича, который там заявил, что из Черногории сделаны крупные переводы. Когда выяснилось, что никаких переводов не было, скандал разгорелся небывалый, а княжеству грозило уголовное преследование со стороны австрийских властей²². История командировки Миллера весьма напоминала диалог двух глухих. Один партнер решительно не слышал другого. Российские политики не понимали, как князь Николай позволяет себе жить не по средствам и выдает свою страну за то, чем она не является. А господарь не мог понять, почему России не очевидно: если он не станет вести жизни на широкую ногу, не будет пытаться встать на одну ступень с другими правителями, о нем и его стране никто и не вспомнит.

Какой же прок России от такого союзника? Следует признать, что у каждой стороны были свои резоны, но диалогу они не помогали, а вредили.

В 1900 г. К.А. Губастова сменил П.М. Власов. Это был педантичный и сдержанный человек, ставивший служебный долг превыше всего. Его можно назвать представителем самой компетентной и бескомпромиссной части русского чиновничества, про таких говорили: «ревностный служака». Даже если из Петербурга приходили не сочувственные рекомендации, а резкие выговоры, даже если Власову пеняли на несговорчивость и чрезмерное усердие, он оставался при своем мнении, которое отстаивал, не боясь испортить карьеру. Власов с первого до последнего дня пребывания в княжестве был полон решимости перенести русско-черногорские политические контакты с почвы не оправдавших себя кумовства и семейственности на почву практической выгоды и расчета. И сразу же понял, что сделать это будет очень нелегко. Сколько бы ни внушал Власов черногорскому монарху мысль о необходимости финансового оздоровления страны и наведения в ней порядка, он наталкивался на полное равнодушие, «князь слушал

²¹ АВПР, ф. Политархив, оп.482, 1899-1902, д.3349

²² Там же, л.34-35 об.

рассеянно»²³. Княжеское семейство попыталось сыграть с Власовым в уже знакомую игру. В 1900 г. его осаждали слезными просьбами о помощи и спасении, но не предпринимали никаких шагов для исправления ситуации собственными силами. «Все черногорские власти находятся в состоянии какого-то оцепенения, делами не занимаются и не чувствуют себя в силах принять какое-либо решение. Все их помыслы обращены единственно на ожидаемое ими избавление от финансовых затруднений при помощи императорского правительства. Я подвергаюсь чуть ли не ежедневным допытываниям о наступлении этой счастливой минуты. В цетинской бюрократической среде и в торговом люде распространяются беспрестанно самые оптимистические новости о полученных уже княжеским правительством от нас суммах», – сообщал министр-резидент начальству²⁴. Однако расчет черногорского двора на то, что новый глава миссии постарается зарекомендовать себя в Цетинье лучшим образом путем добывания дополнительных субсидий для Черногории, не оправдался. Тогда тактика изменилась.

24 марта 1901 г. российскую миссию посетил младший сын Николая Мирко и сделал несколько шаблонных заявлений, что Черногория – «одна из губерний России», семья князя Николая – «ее истинные сыны» и т.д. После этого вступления посетитель поспешил переложить ответственность за натянутость в отношениях двух стран на предшественников Власова. Юный князь, писал министр-резидент в своем донесении, «без всякой воздержанности и с нескрываемой злобой отзывался весьма нелестно о моих предшественниках, так и в особенности о русском своем воспитателе, о начальнице здешнего института и о г. Ровинском, называя их непатриотами и нерусскими»²⁵. Как видим, общая неудовлетворенность состоянием русско-черногорского диалога в умах черногорской камарильи была перенесена на конкретных людей, россиян, много лет живших и работавших в княжестве. Именно их черногорская элита считала виновными в том, что качество двухсторонних отношений испортилось. Власов конечно, был причислен к этой группе. После визита к министру-резиденту, княжич Мирко заехал к секретарю миссии Лермонтову, пожаловался на холодный прием и, заодно, приписал Власову большую часть суждений, которые сам же и высказал²⁶. Все последующие попытки «надавить» на дипло-

²³ Там же, 1901, д. 1563, л. 24-28.

²⁴ Там же, 1899-1902, д. 3349, л. 39.

²⁵ Там же, д. 1563, л. 112.

²⁶ Там же, д. 1563, л. 113 об.

мата, продемонстрировать ему свое неудовольствие и разочарование («князь не доволен Россией и мной») наталкивались на твердую позицию Власова. Он не устал твердить одно и то же, настаивал на сокращении расходов княжеской семьи и призывал черногорских руководителей решать свои проблемы собственными силами. Не удивительно, что черногорский двор считал Власова своим обидчиком и не упустил случая пожаловаться на него в Петербург.

Российский чиновник ответил взаимностью. Он составил собственное мнение о руководителях княжества, которое неоднократно и предельно откровенно передавал в министерство иностранных дел России. По его мнению, Николай — это не вождь народа, а лендлорд, помещик, который видит в своем народе только оброчных крестьян. Делами занимается поверхностно, попал под влияние своего старшего сына, равнодушного и малообразованного, но привыкшего жить не по средствам. Черногорских министров Власов разделил на две группы. Одни — бездарности, льстецы и тунеядцы, ставшие «слепыми орудиями» в руках князя и демонстрирующие вместе с ним враждебное отношение к России. Другие — «истинные патриоты», способные на «серьезное дело», «искренне расположены к России, видя в ней одной надежду на спасение», но «они не пользуются на князя никаким влиянием»²⁷. Конечно, было бы неправильно считать, что российский дипломат был большим патриотом Черногории, чем сами черногорцы. Странно было бы думать, что только те политики княжества, которые делали ставку на дружбу с Россией, отражали истинные интересы своего отечества. Субъективизм воззрений Власова очевиден. Однако в данном случае важно не то, кто был более предвзятым и больше ошибался. Важно отметить, что диалога больше нет, от былой доверительности и дружелюбия не осталось и следа, несмотря на то, что Россия продолжала в полном объеме финансовую и дипломатическую поддержку Черногории.

Министерство иностранных дел России попыталось оценить ситуацию в Цетинье объективно и обратилось за советом к авторитетному эксперту, известному дипломату графу Нелидову, считавшемуся специалистом в балканских делах. Тот упрекнул Власова за то, что последний слишком много внимания обращает на заигрывания князя Николая с представителями других европейских государств и слишком часто дает понять черногорцам, что они всем обязаны России. Нелидов не увидел в поведении господаря ничего особенного («обычная

²⁷ Принов. рук., 1901, фас. XLIX, део 2, П.М. Власов В.Н. Ламздорфу 10 мая 1901, № 42.

восточная политика интриг») и рекомендовал Власову быть менее требовательным²⁸. Однако министр иностранных дел В.Н. Ламздорф не считал «интриги» черногорского двора такими уж незначительными. «Обиженный недополучением одной из ожидаемых им от императорского правительства субсидий, князь Николай в минуту неудовлетворения ... способен войти в какую-либо далеко не отвечающую интересам Черногории сделку с любым иностранным агентством», — размышлял он²⁹.

В контексте данной темы интересно обратить внимание читателя не на то, насколько надежным в глазах российского МИДа союзником был черногорский правитель. Гораздо важнее отметить, как по-разному оценивали масштаб этой личности и ее политические качества в Черногории и в России. Князь Николай в Черногории был необычайно популярен на рубеже XIX – XX вв., о чем свидетельствует, например, литература того времени³⁰. Югославянская интеллигенция рубежа XIX – XX веков считала господя идейным борцом за свободу славянства. И сегодня эта фигура очень значима для черногорцев. Новейшая политическая история страны после распада социалистической Югославии началась с возрождения прежней государственной символики, с пересмотра и переоценки всего, что связано с семьей князя, и с лозунга «Вернемся в Европу», который взяла на вооружение ныне правящая в стране верхушка, имея в виду, что Черногорское княжество было вполне европейским государством. Сам Николай видел себя продолжателем дела знаменитого Петра II Негоша, поэтом и борцом, соперником сербских королей, лидером балканских народов. А в глазах российского министра иностранных дел он выглядел капризным, неосторожным, непредсказуемым, способным из-за личной обиды нанести вред своей стране. Особого пиетета и уважения к князю мы не видим в мемуарах С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова и других российских политиков. Многим он казался эгоистом, притворщиком, суетной корыстной фигурой. Такие диаметрально противоположные оценки многое объясняют в трениях России и Черногории в начале XX века. Строить диалог на фоне полного взаимного непонимания и недоверия было невозможно.

Из тупика, возникшего на почве конфликта Власова и черногорской элиты, князь нашел самый удачный для себя выход. Пользуясь

²⁸ АВПРИ, ф. Политархиф, оп.482, д.3334, весьма доверительное письмо Нелидова, Рим, 22 мая/4 июня 1901, л. 54-56

²⁹ Там же, д.3334, 1895-1912, л.54об., 57об

³⁰ *Матавуй С.* Бильешке једног писца. Београд, 1953

личными связями при дворе Николая II, он добился разрешения посетить Петербург и использовал эту поездку для того, чтобы без посредников объяснить с российскими руководителями. Особенно сетовал на поведение Власова. «По наблюдениям его королевского высочества в первое время пребывания Вашего в Цетинье, Вы относились с некоторым недоверием к историческим целям, намерениям и чувствам, одушевляющим как самого князя и его семью, так и всех правительственных деятелей княжества», — пересказывал В.Н. Ламздорф Власову жалобы черногорского монарха³¹.

Вернувшись из российской столицы, господарь сменил гнев на милость. Он принял министра-резидента и устроил трогательную сцену, разыгрывать которые, по мнению иностранных дипломатов, был большой мастер. Власов доносил в Петербург, что князь, немного попеняв на прежние недоразумения, заключил его в объятия со словами: «Забудем прошлое и поработаем вместе на пользу Черногории и на укрепление вековых традиций и чувств, связывающих ее с Россией». Однако Власов не мог не заметить, что поведение монарха было неровным: «На смущение и неудовольствие князя Николая указывают как весьма мрачное настроение и растерянность, в коем пребывает со дня возвращения..., так и незнание..., как держать себя со мной и своими министрами. При них он всегда сдержан и даже суров со мной в разговорах, умышленно избегает смотреть на меня; без них же, наоборот, старается выказывать мне большую предупредительность, внимание и утонченную любезность»³². Скорее всего, Николай искал новую интонацию в русско-черногорских официальных контактах, переоценивал прежние неудачи, пытался утвердить свою самостоятельность во внутренних делах и в то же время не оттолкнуть от себя подозрительного Власова.

Попытки наладить заново диалог закончились очень быстро. Стоило российскому дипломату не поддержать очередного начинания черногорского правителя, как конфликт разгорелся с новой силой. Речь идет о планах военной реформы, которые захватили воображение князя Николая в 1902 году. Для княжества эта реформа была очень важна. Укрепление собственных вооруженных сил давало надежду на повышение авторитета в глазах балканских стран, на привлечение внимания великих держав, на новые субсидии из России. И как ушат холодной воды отзыв Власова об этой инициативе: «Сомневаюсь же я

³¹ Принов.рук., 1901, фас.XLIX, д.1, В.Н. Ламздорф П.М. Власову 17 декабря 1901

³² Там же, фас.L, део 2, П.М. Власов В.Н. Ламздорфу 11 января 1902

потому, что на осуществление этого дела потребуется затрата известной доли энергии, теоретических знаний, как и практического опыта, а их не имеется у княжеского правительства..., как нет у него и нужных в серьезных предприятиях навыка и постоянства, чтобы поддерживать на должной степени раз поставленное на ноги дело, как нет у него никакой любви к делу и деятельности вообще. Пока они новы, ими интересуются и даже увлекаются, стоит же просуществовать им год-два, как всякий интерес к ним пропадает навсегда»³³. К чести Власова нужно отметить, что свое недоверие и скепсис в отношении черногорских руководителей он никогда не переносил на народ. Напротив, он часто предлагал своему начальству сместить акценты в Черногории, давать деньги не на нужды княжеского окружения, а на развитие образования и производительных сил маленькой страны. Но это уже была чистая благотворительность, к политике она не имела никакого отношения, и все проекты Власова, составленные обстоятельно и пространно, были погребены под зеленым сукном российского МИДа³⁴. Сам он уехал из княжества в 1902 г., затаив на князя последнюю обиду. В июле 1902 г. все иностранные представители в Цетинье были награждены черногорскими орденами. Только Власов не был отмечен наградой³⁵.

Дальнейшее развитие российско-черногорского сотрудничества показало, что поменять министра-резидента было куда легче, чем понять друг друга. Весь груз нерешенных вопросов лег на плечи нового руководителя миссии А.Н. Щеглова. Стали сбываться с угнетающей быстротой прогнозы Власова относительно перспектив военной реформы в Черногории. Из России уже поступали деньги на ее проведение, а преобразования и не начиналась. Щеглов предложил создать из этих сумм особый резервный фонд, «иначе вся ассигнованная на этот год дополнительная субсидия окажется в распоряжении князя на его личные надобности». Император Николай II лично написал на этом донесении: «Правильно»³⁶. В конце декабря 1902 года российский дипломат так описал реакцию господаря на принятое царем решение: «князь Николай несколько задумался после этого сообщения, и

---

³³ АВПРИ, ф. Политархив, оп.482, д.3334, л.85 об.-86, секретная депеша П.М. Власова 19 марта 1902.

³⁴ Хлебникова В.Б. Социальная политика Черногорского княжества и Россия (конец XIX – начало XX в.) // Славянский альманах, М., 2006, с.137.

³⁵ Принов. рук., 1902, фас. L, део I, В.Н. Ламздорф П.М. Власову 28 июля 1902.

³⁶ АВПРИ, ф. Политархив, д.3351, 1902-1915, л.44 об.

лицо его затуманилось»³⁷. Туманным выглядело и будущее российско-черногорское сотрудничество. Весной 1903 года Щеглов повторил путь Власова. Он погрузился в безрадостные финансовые дела княжества; должен был постоянно одергивать князя Николая, пытавшегося переключить внимание общественности с внутренних проблем на внешнюю политику; выслушивал время от времени сомнительные монологи князя Данилы о том, как плохо отец управляет страной³⁸. К прежним тягостным вопросам добавилась новая проблема, сильно взволновавшая Щеглова. В черногорскую экономику стали внедряться итальянцы. Российский министр-резидент все время высказывал опасения, что черногорское правительство неосторожно подпишет какие-нибудь договоры с Италией, которые приведут к закабалению страны. «Очень тяжело и неприятно являться каким-то опекуном князя и интересов его страны, но что же делать, если иначе могут пострадать и наши интересы...», — писал он³⁹. Не понравилось главе миссии «странное» поведение князя Николая и его сыновей в дни, когда в Белграде был убит король Александр и его жена: «Лица, близкие ко двору, доверительно сообщили мне, что князь Николай серьезно надеялся быть избранным на сербский престол. Те же надежды питал юный княжич Мирко». Когда на это российскому дипломату намекнул итальянский представитель, Щеглов не сдержался и ответил резко: «императорское правительство не склонно поощрять мании величия и, конечно, не станет ломать копья из-за фантастических планов его высочества»⁴⁰. Можно не сомневаться, что князю донесли об этих словах и понятно, какой была его реакция. Сам Щеглов уже рвался из Черногории хотя бы в отпуск, думая, что он выглядит Дон Кихотом, спасающим черногорцев от них самих⁴¹.

В 1904 г., когда Россия неудачно воевала с Японией, в двухсторонних контактах обнаружился еще один повод для непонимания. Сначала князь Николай, видимо от чистого сердца, предложил свою помощь, он готов был прислать «1000 отборных черногорцев для разведочной службы при нашей армии». Секретарь миссии М.К. фон Мекк сказал об этом российскому военному агенту в Цетинье М.Н. Потапову, тот

³⁷ Там же, л.53.

³⁸ Принов. рук., 1903, фас.Л1А, депеша А.Н. Щеглова от 21 марта/ 3 апреля 1910, № 10.

³⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д.3334, л. 136 об.

⁴⁰ Принов. рук., 1903, фас.Л1А, депеша А.Н. Щеглова 4 июня 1903 г., № 34.

⁴¹ Там же, 1903, фас.Л1А, 12/25 июля 1903.

отреагировал довольно бестактно, заявив, что «черногорцы при совершенно недостаточных знаниях своих, могут служить в настоящее время лишь помехой для наших войск, а никак не подмогой». Столь негативная оценка боевых качеств черногорских военнослужащих была оценкой трудов и самого военного-агента, командированного в княжество для модернизации его армии. Зная, что князю доносили обо всем, что происходило в столице и в дипломатическом корпусе, можно не сомневаться, что слова Потапова быстро дошли до ушей господаря. Очевидно, монарх был глубоко уязвлен такими отзывами о его воинах. На следующий день князь взял свое предложение обратно, ехидно заметив, что и без черногорцев Россия скоро победит. Теперь обиделся фон Мекк, ответив, что «Россия вообще ни в чьей "помощи" не нуждается»⁴². С того дня российские дипломаты стали постоянно подозревать черногорцев в стремлении преувеличить военные неудачи империи на Дальнем Востоке. Любые политические контакты с европейскими странами в миссии стали рассматривать, как желание заменить российское покровительство другим, более надежным. Щеглов начал постоянно жаловаться на то, что от российских дипломатов многое скрывают при дворе, высказывать опасения относительно возможного сближения княжества с Австро-Венгрией и сомневаться в союзнической верности черногорцев. Он писал в Петербург: «Слишком большая заботливость наша об интересах Черногории вселила в ум господаря убеждение, что мы нуждаемся в ней и будем вечно ее содержать, что бы она ни сделала. Смею думать, что для пользы самой Черногории следовало бы вывести князя Николая из этого заблуждения, наглядно показав ему, что Россия вовсе не постесняется прекратить свои милости...»⁴³. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф и даже сам Николай II, ознакомившись с этим донесением, согласились с мнением Щеглова.

Однако среди российских дипломатов были и те, кто спокойней смотрел на происходящее в Цетинье. Д.А. Капнист, работавший в Вене, считал, что нелепо подозревать князя Николая в склонности перейти под опеку Австрии и что вообще не стоит остро реагировать на маневры небольших балканских государств. Он писал: «Грозить же господарю сокращением материальных средств каждый раз, когда он перестанет кланяться и уверять в верноподданнических чувствах, казалось также не вполне уместным. Низкие поклоны и плоские за-

⁴² Там же, 1904, фас. ЛII-Б, донесение М.К. фон Мекка 6/19 августа 1904

⁴³ Там же, 1904, фас. ЛII-Б, доверительная депеша А.Н. Щеглова 24 января 1904, № 63

верения князя ровно ничего не стоят, и он может возобновить их во всякое время и по первому приглашению». По мнению Капниста, страсти по Черногории – это буря в стакане воды. Он был убежден, что «материальные расходы, затрачиваемые на организацию черногорской армии, являются...наименее целесообразными из всех милостей России к Черногории. Затрата денег на содержание одной лишней русской дивизии казалась бы несравненно производительней затраты вдвое большей суммы на содержание целого черногорского корпуса»⁴⁴. Ситуация в Цетинье становилась все более дискомфортной для сотрудников российской миссии. В начале 1905 г. уехали из страны Щеглов и фон Мекк, поссорившись не только с князем, но и между собой. На прощанье Щеглов отозвался о князе Николае следующим образом: «Умный, талантливый, но легко увлекающийся и привыкший слишком высоко ценить значение своего княжества»⁴⁵. Это было косвенным признанием того, что российская миссия не смогла заставить господаря быть послушным инструментом в руках империи, что князь оставил за собой право принимать те решения, которые он считал нужными.

Затем случился знаменитый инцидент Ю.Я. Соловьева, который описан самим дипломатом в мемуарах⁴⁶. Поэтому здесь речь пойдет о последствиях этого конфликта. В Цетинье приехали новые сотрудники миссии министр-резидент П.В. Максимов и секретарь П.А. Лобачев. Князь Николай по уже сложившейся традиции старался очаровать нового российского представителя, о чем Максимов писал так: «...отпустил меня князь весьма любезно, настаивая, чтобы я почаще являлся к нему даже по собственному почину». Также демонстративно дружелюбно вел себя господарь и по отношению к Лобачеву, который сообщал: «Князь Николай пользуется всяким случаем, чтобы выказать мне свою любезность и благоволение, что при известном знакомстве с тактикой князя является малоутешительным. Он, видимо, обдумывает на досуге какую-нибудь комбинацию»⁴⁷. Показная любезность никого не обманула, Максимов приехал в Черногорию с уже сложившимся предубеждением, он был сразу настроен против черногорского двора («мне, доподлинно известно, что князь клялся

⁴⁴ Там же, 1904, фас. LI-A 1 / 14 ноября 1904.

⁴⁵ Там же, 1905, фас. LIV, депеша А.Н. Щеглова 21 января 1905, № 1.

⁴⁶ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893-1922. Минск, 2003.

⁴⁷ Там же, 1905, фас. LIV, П.А. Лобачев министру иностранных дел 24 декабря 1905, № 82.

головой своих детей, что русские его первые враги»). Поэтому новый министр-резидент язвительно отзывался о таких начинаниях черногорского монарха, как введение конституции, и время от времени заводил с ним перепалки по поводу антирусских настроений, проявившихся во время ссоры князя Данилы и Ю.Я. Соловьева. Он писал в Петербург, как уговаривал князя Николая не преувеличивать провинности Соловьева: «и какие же оскорбительные для моего самолюбия я получил тогда ответы», но «закрыв глаза на разбушевавшегося черногорского правителя», чтобы не навредить российско-черногорскими отношениям⁴⁸.

Такой же обличительный тон позволил себе и военный агент Потапов в записке, составленной 15 мая 1906 г. на имя начальника Генерального Штаба: «На языке лести, на деле ...представители княжества откровенно и даже цинично проводят в жизнь стремление эмансипироваться в политическом отношении от России. При этом не упускается случай не только «лягнуть» русскую политику, русских государственных деятелей и вообще все русское (до присвоения нам собирательного эпитета «пьяницы» включительно), но иногда грубо попирается даже и самое достоинство России». Самых черногорцев Потапов обвиняет в алчности, «большой подкупности», «неразборчивости в средствах для приобретения денег», в «широко развитом шпионстве». Потапов убежден, что на русские деньги Черногория создала себе «дурную репутацию» за границей⁴⁹. Все сердило русских политиков в 1906 г. в княжестве, особенно сближение с Италией. За усиление экономических, военных и политических контактов с итальянцами Максимов буквально изводил князя бесконечными упреками. Он сам описал в донесении, как во время визита в миссию премьер-министра Л. Миюшковича, долго перечислял последнему все прегрешения властей княжества. Когда же черногорский премьер решил возразить и заметил, что все экономические предложения, сделаны е итальянцам, сначала были доведены до сведения российского министерства финансов, Максимов не счел нужным признать справедливость этого замечания. Он даже не заметил, как во время перепалки из уст Л. Миюшковича невольно вырвалось искреннее признание, что «за последние годы известные приемы некоторых русских представителей оскорбляли его высочество именно в чувстве его безграничной любви к свободе

⁴⁸ Там же, 1906, фас. LIV (I), депеша П.В. Максимова министру иностранных дел 8 февраля 1906, № 6.

⁴⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп.482, д.3352, л.77-77об.

и независимости»⁵⁰. Диалог по-прежнему не налаживался, российская сторона не понимала, о какой самостоятельности может говорить патрону клиент, постоянно принимающий пожертвования. Черногорская элита недоумевала, как может дружественная Россия, ставящая своей целью славянскую свободу, так несправедливо притеснять своего верного союзника. Обе стороны были глубоко оскорблены. В этом неудачном диалоге как раз и проявились все принципиальные разногласия российских и черногорских лидеров. Одни рассчитывали на безусловную покорность, другие на суверенитет за чужой счет. И то, и другое выглядело недостижимым.

Российские дипломаты, очевидно, уже и не пытались найти общий язык с черногорцами, окончательно убедив себя самих в неблагодарности последних. Но даже в пылу раздражения Максимов не мог не признать, что имеет в лице черногорского князя дело с весьма одаренным и незаурядным политиком, под обаяние личности которого многие попадали против своей воли. «Нельзя... отнять у князя два очень важных для него качества. Это отличное знание окружающих его своих людей и положительно врожденное и инстинктивное умение почти всегда очаровывать своих собеседников, которые и знают его недочеты, но относятся к нему всегда снисходительнее, чем следует, так как многое господарю удается и многое сходит с рук», – писал он⁵¹. Самого Максимова нельзя признать таким же тонким психологом, каким был Николай Негош. Донесения министра-резидента грешат патернализмом и менторским духом. Он говорил о «нечистосердечности», «неполной корректности», «несуразных претензиях» черногорского правителя, был решительно настроен принудить Николая к послушанию: «Я склонен... с непреклонной твердостью добиться от его королевского высочества не только самой чистосердечной политической исповеди, но и неопровержимых доказательств его решения в будущем не поступаться вековыми заветами своих предков и черногорского народа в смысле единения с Россией»; «При этом господарю придется дать понять самым решительным образом, что, получая от России постоянную нравственную и материальную помощь, он не имеет права к ней относиться с видимым невниманием и холодностью, подмеченными даже здешними иностранными представителями»⁵².

---

⁵⁰ Принов. рук., 1906, фас. LIVA, депеша П.В. Максимова министру иностранных дел от 5 июля 1906, № 36.

⁵¹ Там же, 1906, фас. LIVA, депеша 29 июня 1906, № 34.

⁵² Там же, 1907 (I), фас. LVA, донесение П.В. Максимова министру иностранных дел 26 декабря 1907, № 66.

Возможно, и сам министр-резидент не понимал, как же этого добиться. Однако при всей очевидности того, что российские дипломаты явно проиграли черногорскому монарху в умении добиваться своих целей, хочется отметить их принципиальность и патриотизм. Несмотря на то, что цели империи были недостижимы, и купить преданность черногорцев было невозможно никакими суммами, сотрудники миссии продолжали настаивать: принимая помощь России, Черногория взяла на себя обязательства, которые должна выполнять в полном объеме, а не так, как это казалось правильным князю Николаю. Эта верность отечеству и служебному долгу заслуживает самого искреннего уважения.

После боснийского кризиса ситуация на Балканах была такой, что снова приходилось раскрывать кошелек и помогать друзьям. Одно за другим проводились Особые совещания по черногорским делам (2 апреля 1908, 7 августа 1909, 17 декабря 1909, 24 февраля, 27 апреля, 10 августа 1910). Во время Особого совещания в апреле 1908 г. военный агент России Потапов при самых высоких чинах озвучил реальный потенциал Черногории. Из своего бюджета она тратила на армию 250 000 крон, «идуших, главным образом, на гвардейскую роту князя и на музыку», а просил союзник 1 млн. рублей в год на то, чтобы его армия могла выполнить боевые задачи. На совещании постоянно вспыхивали перепалки по поводу того, что же делать с дорогой Черногорией. Максимов твердил одно: «Нельзя закрывать глаза на недостатки князя, политика которого отличалась за последнее время, да и в прошлом, полной, иногда цинической беспринципностью». Министр иностранных дел видел ошибку в другом: «наблюдение и контроль за расходованием субсидии на практике часто сводилось к тому, что делались попытки управлять Черногорией», и был по-своему прав⁵³. Эти споры показывают, в каком тупике оказалась российская дипломатия в княжестве. Осознание ненадежности союзника уже было, а как с ним поступить, по-прежнему оставалось непонятным. И российско-черногорские отношения, и внутренние дела черногорцев двигались по накатанной колее. Поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн писал в 1909 г.: «Вряд ли я сообщу... что-нибудь новое, сказав, что ныне, как и всегда, черногорское правительство ощущает острую нужду в деньгах и принимает все старания, чтобы ими раздобыться. Черногория может одно время больше интересоваться своей конституцией, в другое Адриатической дорогой, процессом о бомбах, аннексией Боснии и Герцеговины, но без всякого риска ошибиться можно сказать,

⁵³ АВПРИ, ф. Политархив, оп.482, д.3353, 3356.

что во всякое время она более всего занята изысканием денежных средств, другими словами, заключением иностранного займа»⁵⁴.

Все следующие сотрудники миссии, как будто сговорившись, давали Николаю в сущности одну и ту же характеристику. Н.Н. Дьяченко в 1909 г. писал: «Зная впечатлительную, увлекающуюся натуру князя Николая и имея в виду, что он обладает способностью быстро менять свои решения и настроения, я... все же не решился бы отказать ему в искренности...»⁵⁵. Новый руководитель миссии С.В. Арсеньев тоже прошел путь от лояльного отношения к черногорскому монарху до резко критического. Сначала С.А. Арсеньев помог ему стать королем, разделив все хлопоты и просьбы по этому поводу. Затем убедился, что непомерно амбициозная политика двора поставила страну на грань банкротства. Много раз С.А. Арсеньев сталкивался с господарем по поводу албанского движения против Турции. Правитель Черногории подстрекал албанцев бунтовать против турецких властей, Россия сдерживала военные авантюры своего подопечного, причем, как уже бывало, дело доходило до прямых угроз лишить непослушного «питомца» денежные средства: «Король ответил, что и без того субсидии приходят неаккуратно, и он будет рад избавиться от опеки России», — сообщал в Петербург С.В. Арсеньев⁵⁶. Арсеньева сменил А.А. Гирс, но характер диалога оставался прежним, натянутым и иногда откровенно враждебным. Сколько ни пытался Гирс сдерживать воинственные настроения короля Николая накануне и во время двух балканских войн, как ни осуждал страстное желание расширить территорию Черногории за счет албанских земель, все было напрасно. Король Николай оставался таким же неуправляемым и непредсказуемым партнером. Чего стоит секретная телеграмма Гирса, отправленная в Петербург 19 марта/1 апреля 1913 г.: «Только что вернулся от короля, пожелавшего меня видеть. Речь зашла о начавшемся вчера штурме Скутари и дала повод его величеству, на мое замечание об ответственности, которая всецело падет на него за отказ подчиниться требованиям держав, в недопустимых по резкости выражениях обрушиться на последние и заявить мне, что он никакого внимания на них обращать не будет и продолжит штурм до конца. Я оказался вынужденным прервать беседу...»⁵⁷. История борьбы за Скутари показала, до какой

⁵⁴ Принов. рук., 1909, фас. XLI, поверенный в делах Е.Ф. Штейн управляющему МИД 26 апреля 1909, № 22.

⁵⁵ Там же, донесение Н.Н. Дьяченко 18 июня 1909, № 29.

⁵⁶ АВПРИ, ф. Личный архив Арсеньева, 1910-1916, л. 115об.

⁵⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, МИД, 1913, оп. 470, № 133, телеграмма № 148, л. 95.

степени ограничены были возможности российских дипломатов влиять на внешний курс Черногории, и как далеко мог зайти король Николай в своих претензиях. В течение нескольких месяцев произошло много неприятных для России и Черногории событий. Был закрыт Мариинский женский институт, много лет работавший в Цетинье. Российские военные инструкторы были отозваны из королевства. Все субсидии были приостановлены. В черногорской армии недовольство было так велико, что военный гарнизон в Ипеке стал требовать «присоединения к Сербии, заявляя, что при создавшихся новых обстоятельствах два сербских господаря излишни»⁵⁸. Однако Николай с упорством, достойным лучшего применения, продолжал притворяться верным союзником России, которому необходимо помочь. Нежелание прислушаться к рекомендациям из Петербурга за большой грех он не считал.

На фоне этих бурных и скандальных отношений особенно красноречивым выглядит эпизод, описанный поверенным в делах Н.С. Обнорским, на время заменившим Гирса в Цетинье. «Призвавший меня сегодня король Николай сообщил мне, что подписал текст предварительного мирного договора с Турцией, и что он ожидал наступления этого торжественного момента, чтобы просить представителя России довести до сведения императорского правительства, что король Черногории выражает искреннее сожаление, что под влиянием не зависевших от его воли причин его величеству пришлось начать войну вопреки советам России, но что на будущее время его величество твердо намерен следовать советам и указаниям государя императора и императорского правительства, помятуя, что Черногория может быть сильной лишь в единении с Россией. При этом король просил меня ходатайствовать о возобновлении военной субсидии и восстановлении деятельности русских инструкторов», — писал начальству Обнорский 10/23 июня 1913 г.⁵⁹. Поведение короля Николая не выглядело циничным только в его собственных глазах. Гирс предлагал заявить черногорскому правительству, «что отныне заключенная с ним военная конвенция признана нами утратившей силу, и что заключение новой не входит в намерения императорского правительства»⁶⁰. Однако уже было поздно менять внешнеполитические подходы в отношении балканских друзей. Приближалась Первая мировая война. Именно

⁵⁸ Там же, № 133, л. 287.

⁵⁹ Там же, № 133, секретная телеграмма поверенного в делах Н.С. Обнорского 10/23 июня 1913 г., л. 211.

⁶⁰ Там же, № 133, л. 240, секретная телеграмма А.А. Гирса 2/15 августа 1913, № 378.

это событие положило конец и маневрам короля Николая, и суверенитету Черногории. Усилия России по возвращению верных союзников, способных помочь в нужный момент, пропали втуне. Черногория не смогла защитить собственной территории, не говоря о том, чтобы оттянуть на себя австрийские войска, как это когда-то планировалось в Генеральном штабе Российской империи.

История российско-черногорского дипломатического диалога – это яркий пример разрушения стереотипов. Представления о нерушимой русско-черногорской дружбе, заполонившие научную и популярную литературу России и югославянских народов, не нашли практического подтверждения в повседневной жизни. Сотрудничества двух правительств не получалось, так как слишком разные цели ставили перед собой Россия и Черногория. Правящие круги Российской империи убедили сами себя в том, что славяне будут вечно признательны за помощь в деле освобождения от османского ига и станут послушно выполнять распоряжения Петербурга. Руководители балканских стран, особенно Николай Негош, на первый план ставили свои собственные интересы, часто путая династические задачи с национальными. Ничто не помешало королю Черногории поступать во внутренней и внешней политике так, как он считал целесообразным. Никакие обязательства по отношению к России он не считал приоритетными. Из-за этого чувство глубокого разочарования настигло каждого из российских дипломатов, работавших в Цетинье на рубеже XIX – XX веков. Никто из них не смог остаться лояльным по отношению к черногорскому монарху. Каждый по-своему негодовал и возмущался тем, насколько неверны и неблагодарны славянские друзья. Однако это разочарование не стало поводом для переоценки общего политического курса России в Черногории. Несмотря ни на что российские правящие круги продолжали оказывать финансовую и дипломатическую помощь черногорской элите. Почему так произошло – это тема отдельного научного поиска.

РУССКИЕ ОТКРЫВАЮТ «СТРАНУ ОРЛОВ»

С завершением Великого восточного кризиса 1875-1878 гг. в отношениях России и балканских народов начался новый этап. Сербия, Черногория и Румыния согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г. получили международно-признанную независимость, а болгары, хотя и не добились аналогичного статуса, тем не менее, заложили основы собственной национальной государственности, что позволило им позднее – в начале XX в. – также обрести собственную державу. С этого момента балканские народы, традиционно рассматривавшие Россию в качестве своей главной союзницы, приступили к поиску новых внешнеполитических ориентиров в изменившихся международных условиях – когда на смену «концерту великих держав» пришли два соперничающих военно-политических блока – Антанта и Тройственный союз. Кроме того, завершение этапа борьбы за национальную независимость дало балканским странам новый импульс к поиску путей территориального расширения собственных пределов, что неизбежно вело как к межгосударственным конфликтам, так и к росту противоречий с теми балканскими народами, которые еще только заявляли о своих национально-государственных приоритетах. Учитывая, что в конце XIX – начале XX вв. наиболее динамично развивающимся этносом на Балканах стали албанцы, российское руководство закономерно стало обращать внимание на албанское национальное движение, рассматривая его не только как вызов для родственных России славян – сербов и черногорцев, но и как самостоятельный фактор балканской и общеевропейской политики.

Говоря о международном аспекте албанского вопроса, следует учитывать, что великие державы, проводившие политику поддержания статус-кво на Балканах, после разрешения вопроса о территориальном разграничении между балканскими государствами на основе решений Берлинского конгресса 1878 г., на какое-то время перестали открыто проявлять интерес как к балканскому региону, так и к

албанским сюжетам. В частности, они оставили без ответа меморандумы, содержавшие проекты будущего государственного устройства албанских земель, которые в период обострения македонского вопроса и греко-турецкой войны на рубеже XIX – XX вв. направлялись в адрес Порты и правительств великих держав албанскими организациями, действовавшими за пределами самой Албании. Албанский вопрос признавался хотя и теоретически существующим, но находящимся даже не на втором, а на третьем плане **актуальной** балканской политики. В дипломатических документах, относящихся к этому времени, албанские сюжеты, как правило, упоминались косвенно и применительно к тем или иным конфликтам между балканскими государствами. В частности, пристальный интерес великих держав, в первую очередь, России и Австро-Венгрии, привлек вооруженный конфликт на сербо-турецкой границе в районе городка Вранье в июне 1899 г. В нем с турецкой стороны принимали участие албанцы и он вызвал определенное напряжение в отношениях Сербии и Османской империи¹.

Однако в плане анализа **перспективного** изменения ситуации на Балканах, албанские сюжеты к этому времени стали все больше и больше занимать умы европейских дипломатов, и в первую очередь, Балльплатца. Внешнеполитическое ведомство монархии Габсбургов отводило албанским землям роль своеобразного буфера на пути расширения как территории, так и влияния славянских государств Балканского полуострова. Как неоднократно отмечал в своих обстоятельных донесениях, относившихся к 1897-1898 гг., российский посол в монархии Габсбургов П.А. Капнист, «отказавшись от всякой завоевательной политики на Балканском полуострове и от всякого значительного расширения занятой уже на нем территории (на деле Вена и придерживалась данного принципа вплоть до начала Первой мировой войны. – П.И.), – австро-венгерское правительство постоянно озабочено ограждением приобретенного и не теряет из виду обеспечения своих интересов в будущем на побережье Адриатики. Самостоятельное развитие Албании и ограждение этой провинции от всякого внешнего посягательства (как со стороны Италии, так, и со стороны славянских соседей. – П.И.) или слияния с одним из балканских государств, составляет поэтому предмет постоянных забот венского кабинета»².

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.Политархив. Оп.482. Д.2080. Л.2.

² Там же. Д.2083. Л.153.

Первые активные контакты лидеров албанского национального движения и российских представителей на Балканах относятся к началу XX в. — периоду нарастающей борьбы албанцев против Османской империи, достигшей наивысшего размаха во время вооруженных восстаний 1908-1912 гг. Одним из первых дипломатических документов на эту тему можно считать донесение от 4 мая 1910 г. российско-го дипломатического представителя в Призрене Разумовского. В нем указывалось, что «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»³. К этому же времени относятся и первые развернутые публикации о ситуации в албанских землях в российской периодической печати. В частности, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье в газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы последнего охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расшириться при вовлечении в свою орбиту многочисленных албанских племен как католического, так и мусульманского вероисповедания⁴.

Интерес России к происходившему в Албании был связан в первую очередь с необходимостью выяснения целей и значения албанского национального движения и перспектив его взаимодействия с аналогичными явлениями в среде православных народов Балканского полуострова — в первую очередь, болгар, сербов и черногорцев. Российская дипломатия руководствовалась в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию и в связи с этим с опасением относилась к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетинье от 13 мая 1910 г., подчеркивалась не-

³ Там же. Д. 2082. Л. 45.

⁴ Новое время, 1910, 30 мая.

обходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»⁵.

Первыми российскими представителями, вступившими в непосредственный контакт с албанскими лидерами, стали консулы в городах Османской империи и журналисты. В процессе их непосредственных контактов происходило постепенное узнавание друг друга и взаимное преодоление стереотипов – главными из которых являлись представления основной части российского общественного мнения о дикости албанцев и непримиримости их этнических, религиозных и политических противоречий со славянами Балканского полуострова, и, с другой стороны, убежденность лидеров албанского национального движения в том, что Россия в лице ее дипломатии отождествляет албанцев с турецкими властями.

В 1911 г. Россия, как и другие великие державы, уже предполагала возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А.А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»⁶.

В июле 1912 г. специальный корреспондент Санкт-Петербургской газеты «Речь» В. Викторов (выделявшийся среди своих коллег стремлением к объективности, заинтересованностью и познаниями в области албанских сюжетов) посетил штаб-квартиру одного из руководителей очередного восстания – Риза-бея. Они провели беседу в присутствии других албанских лидеров – Байрам Цурри и Асан-бея. В ходе продолжительного разговора, Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Османской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский

⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.

⁶ Там же. Д. 2084. Л. 231.

народ»⁷. «Наша теперешняя борьба, – продолжал он, – это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого – Салоникского – мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами. Это – борьба против издевательств комитета (младотурок. – П.И.) над нашими справедливыми и законными требованиями»⁸.

Говоря о взаимоотношениях между Россией и албанцами накануне Первой мировой войны, следует учитывать, что для Санкт-Петербурга они объективно оставались в тени развития союзнических отношений с Сербией и Черногорией, которые, в свою очередь, находились с албанцами в сложных и внутренне противоречивых отношениях. Тем не менее, вряд ли будет преувеличением утверждать, что основной задачей российской дипломатии на «албанском направлении» являлось не только и не столько защита интересов Сербии и Черногории, а противодействие попыткам Австро-Венгрии «добиться преобладающего влияния в Албании»⁹.

Привлекательность балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами – незавершенностью процессов национально-государственного строительства здесь и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан – выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов – выразил югославский историк М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отстаые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона¹⁰. Вместе с тем, по словам историка, географическое положение, открывающее «ворота трех континентов», сделало Балканы «постоянной целью великих держав». Поэтому «за их взаимными столкновениями и договоренностями, касающимися данного региона, можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века...»¹¹. По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей

⁷ Речь, 1912, 28 июля.

⁸ Там же.

⁹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С.334.

¹⁰ *Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S.277.*

¹¹ *Ibid.*

и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию в регионе, М. Скакун приходит к выводу, что «балканская бочка с порохом» являлась не проявлением воли самих балканских народов, а скорее выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, а их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹².

Кульминацией взаимодействия России и албанцев накануне Первой мировой войны стала подготовка визита в Санкт-Петербург в мае 1914 г. Турхан-паши Пермети – главы сформированного к этому времени правительства автономной Албании. Как отмечал предварительно встречавшийся с ним российский дипломатический представитель в Риме А.Н. Крупенский, целями поездки Турхан-паши было «во-первых, объяснить положение Албании и невозможность умалять престиж страны, независимость которой важна и для России, во-вторых, – добиться назначения туда русского посланника, а не только консула, и, в-третьих, – ходатайствовать перед Императорским правительством о преподании Сербии, с которой Албания желает сохранять лучшие отношения, советов обращаться более человечно с мусульманами. Об этой последней его просьбе он меня настоятельно просил сообщить...»¹³.

Несмотря на развивавшиеся российско-албанские контакты, в российском министерстве иностранных дел продолжало господствовать убеждение в реакционности албанского национального движения и его опасности для интересов союзников России на Балканах – в первую очередь, Сербии и Черногории. Наиболее жестко и последовательно подобной линии придерживался российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг, по сути, отказывавший албанцам в праве на самостоятельное государственное развитие.

На эту роль российского посланника, вполне понятную в силу испытывавшихся Гартвигом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но создававшую определенные трудности для осуществления российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), прямо указывал в своих воспоминаниях занимавший в то время пост министра иностранных дел России С.Д. Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического

¹² Ibid. S.278.

¹³ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.2115. Л.26.

подъема и ожидания близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде, Н.Г. Гартвиг, предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть, в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась все вероятнее»¹⁴.

Характерным для Гартвига является его частное письмо Сазонову от 14 января 1914 г., в котором он заверял министра иностранных дел, что Россия может не опасаться со стороны Сербии каких-либо непродуманных действий во внешнеполитическом плане, а в особенности в албанском вопросе, в котором, оказывается, «сербы очень осторожны и совсем подчиняются Вашим советам и указаниям»¹⁵. Комментируя при этом итоги второй Балканской войны, российский посланник прямо заявлял, что «идея славянской солидарности, совершенно отсутствующая у болгар», «напротив проходит красной нитью через всю сербскую историю», оставляя в стороне даже такое сравнительно недавнее событие, как развязанная Белградом сербо-болгарская война 1885 г.¹⁶.

Гартвиг называл албанские вооруженные отряды, действовавшие на территории Сербии, не иначе как «разбойничьими шайками», а самих албанцев — «диким восточным народом», который «не разбирается в дипломатической казуистике, а преклоняется лишь перед реальной силой»; в связи с этим он отрицательно оценивал образование автономной Албании, которую рассматривал как государство, подаренное «дикому племени», руководствующемуся в своих действиях «разбойничьими инстинктами»¹⁷.

Однако целый ряд российских дипломатов во главе с комиссаром в Албании А.М. Петряевым высказывались за более активное вовле-

¹⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С.94-95.

¹⁵ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.532. Л.21.

¹⁶ Там же. Д.530. Л.134.

¹⁷ Там же. Л.178, 188.

чение албанцев в балканские дела и учет их интересов. Они поддерживали стремление правительства Сербии установить контакты с албанскими лидерами в целях стабилизации обстановки в регионе и недопущения сербо-албанских вооруженных столкновений.

В ответ на запрос министерства иностранных дел России, российский генеральный консул во Влере А.М. Петряев, занявший пост представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании, представил свои соображения относительно выдвинутых сербским правительством предложений, касавшихся мероприятий, которые, по его мнению, должны быть реализованы европейскими государствами в целях предотвращения дальнейших нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию. Данные меры включали в себя оккупацию Албании международными войсками и организацию в этой стране силами великих держав местной администрации и жандармерии. В своей депеше от 7 ноября 1913 г. Петряев подчеркнул, что предлагаемая в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представляет собой чрезвычайно сложную и на деле трудно-выполнимую задачу, и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям «высшей политики»¹⁸. При этом, по его оценкам, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, указывал Петряев, являются действенным средством установления порядка в пограничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании, достижение в ней политической стабильности и нейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению комиссара, могут начаться лишь от адриатического побережья и распространяться вглубь страны исключительно медленными темпами, что займет в конечном итоге несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По его словам, в данных условиях сербское правительство должно само предпринять необходимые усилия для нормализации сербо-албанских

¹⁸ Там же. Д.2908. Л.15.

отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. Сербия – полагал Петряев – должна извлечь для себя уроки из того обстоятельства, что восстание албанцев, вспыхнувшее осенью 1913 г., было во многом подготовлено извне при помощи специально направленных к албанцам профессиональных агитаторов и выделенных им значительных денежных средств. В связи с этим сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами. В этих целях ему необходимо вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактами (крупными феодалами. – П.И.) и за известную плату поручить им охрану сербо-албанской границы. По словам российского представителя, этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес там успешные результаты. Что же касается предъявления сербской стороной денежных претензий, то, как подчеркивал Петряев, белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство¹⁹.

После получения информации о данных предложениях Гартвиг имел объяснение с премьер-министром Сербии Н. Пашичем, который заявил, что «сербское правительство по опыту убедилось, что материальная помощь албанцам, к сожалению, редко удерживает их от предательской измены в удобную для них минуту, и не раз обращали они полученное от сербов оружие против славянского населения»²⁰. Тем не менее, продолжал Пашич, некоторые албанские племена в последнее время проявляют стремление установить добрососедские отношения с сербским населением; вследствие чего местные сербские власти уже распорядились о выдаче денежных пособий отдельным влиятельным байрактарам. Однако, заключил глава кабинета, сербское правительство все же полагает, что пограничные волнения и столкновения едва ли прекратятся без установления в Албании администрации и международной жандармерии²¹.

Говоря о взаимоотношениях России и албанских лидеров в рассматриваемый период, не следует забывать, что именно российская дипломатия в ходе работы Совещания послов великих держав в Лондоне в

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д.531. Л.432.

²¹ Там же.

1912-1913 гг. согласилась с включением в состав Албанского государства ряда стратегически важных территорий (в первую очередь Шкодера), несмотря на протесты Сербии и Черногории. Осенью 1913 г. Санкт-Петербург не поддержал планы сербского руководства по организации новой военной экспедиции в направлении Адриатического моря через территорию уже получившей к тому времени автономию Албании.

Следует особо отметить, что в донесениях российского представителя Международной контрольной комиссии в Албании А.М. Петряева особое место занимал вопрос об оказании срочной помощи мирному населению Албании, которое испытывало на себе разорительные последствия многочисленных кровавых войн и междоусобиц, постоянно прокатывавшихся по албанским землям.

В памятной записке от 2 декабря 1913 г., переданной на Певческий мост британским посольством в Санкт-Петербурге, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества получило достоверные доклады о плачевных бедствиях, испытываемых тысячами беженцев в Албании, и ясно, что без немедленной помощи очень многие из них не смогут пережить зиму. Правительство Его Величества будет готово принять участие совместно с Россией, Францией, Германией, Австрией и Италией (если эти державы изъявят аналогичное желание) в гарантировании займа на общую сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов (60.000 ф.ст.), то есть по десять тысяч фунтов (10.000 ф.ст.) на каждую державу, и оно искренне верит, что Императорское Правительство будет готово гарантировать эквивалентную долю»²².

4 декабря 1913 г. вопрос об оказании помощи беженцам из турецких областей, вошедших в состав Сербии, обсуждался на заседании Контрольной комиссии. Как сообщал Петряев, «оказание помощи албанским беженцам, число коих доходит до 30.000 человек, признано Комиссией настоятельной необходимостью... Комиссия решила пригласить пока местные правительства в Валоне (Исмаил Кемали. – П.И.) и Дураццо (Эссад-паша. – П.И.)... в ее распоряжение (часть текста не была расшифрована. – П.И.) часть свободной кассовой наличности, всего около 10.000 турецких лир, причем нашла, что лучшим способом оказания помощи были бы не денежные выдачи, но организация общественных работ. Денежное содействие Европы весьма желательно, но я считал бы более практичным не специальный благотворительный, а

²² Там же. Д.2113. Л.23.

общий денежный заем на нужды Албании, из которого могла бы быть выделена необходимая сумма на помощь беженцам»²³.

На следующий день, 5 декабря, российский дипломат в своей депеше нарисовал более полную картину ситуации, сложившейся вокруг проблемы албанских беженцев:

«Число укрывающихся ныне на албанской территории албанцев и македонцев достигает приблизительно 30.000 человек, из коих громадное большинство мусульмане. Они проживают в Эльбассане, Дураццо (Дуррес. – П.И.) и Скутари (Шкодер. – П.И.). По словам недавно посетившего меня корреспондента Times положение их ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть. Местные правительства в Дураццо, Валоне, Эльбассане и Скутари, по мере сил, поддерживают их, но находящиеся в их распоряжении средства далеко не достаточны.

Контрольная комиссия получила уже от Эссада Паши, Измаил Кемалю и командующего международным отрядом в Скутари уведомления о том, что у них не хватает средств для спасения от голода такой массы несчастных людей.

Итальянское, австрийское и английское правительства уже пришли на помощь в этом деле, предоставив в распоряжение консулов в Дураццо и Скутари в общей сложности около 30.000 франков. Но эта частичная благотворительность не могла существенным образом изменить положение беженцев.

Контрольная комиссия на нескольких заседаниях обсуждала вопрос, изыскивая способы, коими могла бы быть облегчена их участь. При обмене мнений, мы пришли к заключению, что оказание денежной помощи в розницу не принесет действительной пользы, тем более, что установление контроля за расходованием денег представляет большие затруднения. Нет никакой гарантии в том, что они не попадут попросту в руки обыкновенных разбойников. По мнению Комиссии, самое лучшее было бы организовать на пожертвованные средства общественные работы и соединить таким образом благотворительность с пользой.

Как мы могли заметить, местные автономные правительства относятся к этой идее очень сочувственно. Весь вопрос заключается лишь в средствах. Валонское правительство уже согласилось предоставить в распоряжение Комиссии из имеющейся у нее свободной наличности 2000 турецких лир. Эссад Паша мог бы дать, по расчетам Комиссии,

²³ Там же. Л.27.

от 8000 до 10000 турецких лир; ответа от него на наш запрос еще не получено.

Разумеется этих денег недостаточно и без помощи Европы в этом деле трудно обойтись. Предположение о выдаче Албании на беженцев заимообразно 60000 фунтов стерлингов заслуживает полного сочувствия, но, как я уже позволил себе заметить... специальный благотворительный заем не практичен. Рано или поздно Европе придется вести такие же переговоры об общем займе для Албании, так как на очереди стоят вопросы о содержании князя, организации жандармерии и администрации. Ввиду этого может быть было бы целесообразнее поднять теперь же вопрос об общем займе, гарантированном всеми великими державами, а из него могла бы быть уже выделена сумма на оказание помощи беженцам»²⁴.

Таким образом, британская идея была в принципе поддержана правительством России, которое, однако, сообщило кабинетам европейских стран, что, по его мнению, более целесообразной является постановка вопроса об общем албанском займе для покрытия насущных потребностей Албании как в деле организации жандармерии, так и на покрытие других расходов, в том числе и на помощь беженцам. В связи с этим министр иностранных дел России С.Д. Сазонов предложил одновременно рассмотреть вопрос об участии всех великих держав в организации албанского Национального банка, иначе «при равномерном распределении доли, выпадающей на державы, не будет равномерного распределения их прав и участия в контроле»²⁵.

Наконец, говоря об отношении России к албанцам и албанскому вопросу, следует упомянуть частное письмо, которое 12 марта 1913 г. Петряев отправил из Лондона на имя князя Г.Н. Трубецкого. В нем он рассматривал вопрос о границах и устройстве Албании в весьма примечательном смысле. Дипломат, в частности, считал выгодным для России расширение территориальных пределов новообразованного государства в южном направлении (в сторону Греции) с тем, чтобы сдержать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также сдержать рост националистических настроений в самой Албании. Кроме того, российский дипломат прямо обвиняет сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориально-го разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города

²⁴ Там же. Л.28.

²⁵ Там же. Д.2908. Л.35.

Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего нашего несомненного внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П.И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии (Шкумби. — *П.И.*), хотя этнически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется все это создавать сначала. Таким образом, при устройстве будущего самоуправления Албании — греческое влияние на местные дела будет очень значительно, тем более что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны, им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они, по-видимому, ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно и мы могли бы уступить даже Корицу.

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь четыре греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П.И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общинной, находится под верховным ведением Кон/польского Патриарха. Это обстоятельство

также говорит в пользу сохранения суверенитета Султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон/польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет, и я не сомневаюсь, что албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашско-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви – то есть новой схизме.

Думается это – не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу.

Ваше сомнение относительно годности Дураццо, как административного центра, для меня не совсем ясно. Если на этот порт будет проведена сербская железная дорога и город будет обставлен разными международными гарантиями, то, на мой взгляд, он явится самым подходящим местом, по крайней мере на первое время, для правительства, обставленного также разными гарантиями и международным контролем. Нужно иметь также в виду, что центр экономической и политической жизни Албании будет всегда тяготеть к адриатическому побережью. В крайнем случае можно, напр., устроить так, как это было сделано во времена реформ в Македонии, т.е. Салоники были всегда административным и реформенным центром для Македонии, но в известные времена года Ген. Инспектор и состоявшие при нем органы контроля переезжали на время в Монастырь (Битоль. – П.И.) и Ускуб (Скопье. – П.И.). Нечто подобное можно устроить и для Албании. Впрочем всё это вопросы второстепенные в сравнении с теми, которые еще не решены»²⁶.

К слову сказать, деятельность международной комиссии по разграничению Южной Албании, созданной по решению Лондонского совещания послов великих держав 1912-1913 гг., также была далека от совершенства. Протесты против принципов и характера ее работы приобретали подчас своеобразные формы. Российский дипломатический представитель в Афинах князь С.Л. Урусов сообщал в октябре 1913 г. о бойкоте населением Эпира итальянских товаров в знак протеста против «враждебности», проявляемой итальянским делегатом в комиссии. Сама комиссия действовала неумело, – подчеркивал Урусов

²⁶ Там же. Д.2087. Л.269-272.

при ссылке на греческого министра иностранных дел, – врываясь в сопровождении многочисленных кавасов (жандармы или полицейские в Турции, обычно охранявшие иностранных дипломатических представителей. – П.И.), «известных всем разбойников», в частные жилища и требуя присутствия женщин, чтобы убедиться в «материнском» языке. По свидетельству дипломата, делегаты стали понимать недопустимость подобных приемов, «несовместимых с сложившимися местными понятиями об уважении к домашнему очагу». В донесении от 6 ноября 1913 г. российский представитель в Афинах вновь вернулся к вопросу о деятельности южноалбанской разграничительной комиссии. Ссылаясь на свои беседы с главой правительства Э. Венизелосом и министром иностранных дел Д. Панасом, Урусов отметил, что убедился «в желании их поскорее покончить с вопросом об эпирской границе, а следовательно и в стремлении устранить серьезные причины к неосуществлению этой задачи. Председатель Совета министров не раз высказывал сожаление и беспокойство, что делегаты вместо того, чтобы быстро наметить хоть какую-нибудь границу, приемлемую или нет, задержались сначала на целый месяц (подчеркнуто в тексте. – П.И.), дожидаясь приезда отсутствовавших коллег, а потом, когда наконец собрались, то затормозили дело внутренними раздорами среди самой комиссии. Атмосфера смуты, господствующей в разграничиваемом новосоздаваемом государстве, точно отражается и на людях, пришедших извне заниматься его устройством. Насильное вторжение в дома, допрашивание преимущественно старых женщин, говорящих по-албански, лживая передача переводчиками ответов допрашиваемых крестьян, – все это вызывало демонстрации, брожение, недоверчивость, которые отнюдь нельзя взваливать на ответственность властей»²⁷.

Что же касается судьбы Дьяково (Джяковица. – П.И.), то мнение Петряева явно не вписывалось в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав 1912-1913 гг. и оценок, превалировавших в Санкт-Петербурге: «Я думаю, что австрийцы уступят Дьяково и может быть давно бы сделали это, если бы не было со стороны сербов разных неуместных заявлений и выступлений qui indisposent les autrichiens» («которые портят настроение австрийцам» – П.И.)²⁸.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Россия и албанцы в целом находились на этапе не только взаимного узнавания, но

²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.332. Л.145-146.

²⁸ Там же. Д.2087. Л.272.

и в определенной степени учета взаимных интересов. Албанские лидеры рассматривали Россию как одну из ведущих сил в международных делах и стремились заручиться ее поддержкой, а российский МИД понимал необходимость учета интересов албанцев при выработке долгосрочной стратегии на Балканах и путей урегулирования проблем региона.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («История Косово»), проект № 08-01-00495а.

ОБРАЗЫ ГРЕКОВ В ПИСЬМАХ КОРОЛЕВЫ ЭЛИНОВ ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ (конец XIX в.)

Великая княжна Ольга Константиновна, внучка Николая I и дочь великого князя Константина Николаевича¹, стала женой греческого короля Георга I² в 1867 г., когда ей едва минуло 16 лет. Проведя более полувека в Греции, Ольга Константиновна соприкасалась с различными социальными слоями греческого общества и прекрасно их знала. На протяжении всей жизни она вела огромную переписку, которая является уникальным источником, в том числе, по истории России и Греции³. Наиболее частым адресатом был ее младший брат великий князь Константин Константинович, (генерал-адъютант, президент АН России, поэт-романтик)⁴. Представляется интересным выявить образы греков в ее переписке с братом, с которым она была особенно откровенной.

Следует сказать, что королева имела замечательные способности к языкам, усердно их изучала и уже через несколько лет после ее при-

---

¹ Ольга Константиновна (1851-1926), великая княжна, королева элинов. Дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны.

² Георг I (Вили) (1845–1913), Γεώργιος Α', Βασιλεύς των Ελλήνων; 24 декабря 1845, Копенгаген – 18 марта 1913, Салоники. Официально титул переводился в России как «король элинов», собственно «царь (император) греков». Второй король Греции нового времени (1863–1913), преемник баварского принца Оттона I и основатель ветви датских Глюксбургов на греческом престоле. Второй сын короля Дании Кристиана IX. По рождению принц датский Кристиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский.

³ При выполнении проекта РГНФ 07-01-02006а «Россия и Греция в письмах греческой королевы Ольги к брату великому князю Константину Константиновичу. (1867-1914 гг.)» в 2007 – 2008 гг. были «расчитаны» письма объемом более 128 а.л., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ). (Руководитель проекта – О.В.Соколовская).

⁴ Константин Константинович (1858-1915), великий князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте и по Оренбургскому казачьему войску, президент Академии наук с 1899 г.

езда в Грецию она знала как народный греческий язык «демотики», так и язык высших слоев общества «кафаревусу», понимала все оттенки греческого языка, что позволяло ей легко общаться как с представителями высшего общества, так и с простолюдинами.

Афины, куда еще при первом греческом короле Оттоне (1833-1862), была перенесена столица, представляли собой маленький, довольно пыльный город с небольшим населением приблизительно в 100 тыс. человек. Новая столица с помощью архитекторов из Баварии была украшена несколькими публичными зданиями в древнегреческом стиле, в центре возвышался строгий королевский дворец, построенный также баварцами. Греция в те времена – это сельскохозяйственная страна, но с развитой морской торговлей. Высшее общество было крайне узким и состояло преимущественно из семей военных, крупных землевладельцев, судовладельцев или торговцев; в него входил также весь дипломатический корпус.

Ольга, получившая превосходное образование в Петербурге, а затем в Афинах, превосходно знала историю как Древней, так и современной Греции (С.М.Соловьев преподавал ей историю России, а знаменитый греческий историк К.Папаригопулос – историю Греции). С первых лет своего царствования она отдавала дань уважения, прежде всего, героям греческой национально-освободительной войны 1821-1829 гг., (в результате которой было создано греческое королевство). Королева эллинов Ольга даже застала в живых «последнего героя славной войны за независимость» – старика Канариса⁵. Она всю жизнь особенно ценила людей действия – военных, среди которых были дети этих героев. С ними королева близко столкнулась весной 1878 г., т.е. в конце русско-турецкой войны, когда Греция после жарких внутриполитических боев, все же решилась вступить в военные действия против Турции⁶. Находясь вместе с мужем в приграничных районах, (например, в Фивах, где стояло пятитысячное греческое войско), она видела их в действующей армии. Она писала, что ее друзьями были

⁵ Канарис Константинос (ок. 1790-1877) – участник греческой национально-освободительной войны 1821-1829 гг. Премьер-министр Греции в 1864-1865 гг. Королева Ольга писала брату из Афин 3/15 сентября 1877 г.: «Вообрази себе, что сегодня ночью умер старик Канарис. Очень его жалко, последний герой славной войны за независимость...». ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.205. Л. 86-87. Афины 3/15 сентября 1877 г.

⁶ Греция лишь в последний момент вступила в войну против Турции в 1878 г., когда исход русско-турецкой войны был предрешен, что вызвало раздражение русского царя Александра II. Но, несмотря на это, по решению великих держав, в 1881 г. к Греции были присоединены новые области – Фессалия и часть Эпира с преобладающим греческим населением, что укрепляло греческую государственность.

«милый Колокотрони»⁷, который командовал горной батареей, а также командующий полевой батареей – Хаджи-Петрос⁸. Это были сыновья героев греческой войны начала XIX в., а теперь сами – brave вояки. Но были среди военных, как писала Ольга, и «некоторые генеральские мумии», как, например, старик Суцдос, который «был так хорош в своем желтом, с зеленоватыми отливами парике», что гостивший в Афинах великий князь Павел Александрович⁹, сын Александра II, а в будущем зять греческой королевы, просил Ольгу «набить парик после смерти генерала и подарить ему»¹⁰.

Круг общения юной королевы составляли в основном дамы разного возраста из знатных афинских семей – Колокотрони, Сингру, Анаргеро и др. С ними она общалась в дни приемов, на балах и, как не удивительно это звучит сегодня, катаясь на коньках, что позволяла погода в Греции более ста лет тому назад. Они все состояли в афинском дамском «Skating-клубе» и представляли собой занимательное для современных греков, греющихся на 25-градусном солнышке даже в январе, зрелище. Ольга в 1884 г. писала: «Понемногу женские члены Skating-a облакаются в форму, т.е. в белые платья, с темно-красными плюшевыми шляпами. Теперь мадам Бахметева, Ditty Messala и я так одеты»¹¹.

Однако за первые десять лет пребывания в Афинах Ольга не сошлась близко ни с одной из знакомых гречанок, даже своих ровесниц. Во-первых, один за другим у нее появлялись дети¹², и Ольга имела

⁷ Колокотронис Теодорос (1770-1843) – главнокомандующий войсками Морей в ходе греческой войны за независимость 1821-1829 гг., в результате которой было создано новогреческое государство.

⁸ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 205. Л.100-102. Фивы 6/18 октября 1877 г. Имеется в виду сын генерала Хаджи-Петроса, героя греческой войны за независимость.

⁹ Павел Александрович (1860-1919), великий князь, сын Александра II, дядя Николая II, женат с 1884 г. на греческой принцессе Александре (1870-1891), генерал-адъютант, генерал от кавалерии по гв. кавалерии.

¹⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 213. Л. 35. № 8. Афины 11/23 февраля 1885 г.

¹¹ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 205. Л. 112. Афины 11/23 ноября 1877 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 205. Л. 212. №2. Афины. 5/17 января 1884 г. Л. 2-3. Имеется в виду жена российского посланника в Афинах Ю.П. Бахметева. Д. Мессала – дочь личного секретаря греческой королевы.

¹² К этому времени королева Ольга была матерью пятерых детей. Это: Принц Константин Греческий (1868–1923), наследник греческого престола; принц Георгий Греческий, Георгиос (Джорджи) (1869–1957), принцесса Александра (1870-1891); принц Николай Греческий (Ники) (1872–1938); принцесса Мария (1876-1940); позже родились еще трое – дочь Ольга (1880), которая умерла в восьмимесячном возрасте, а затем принц Андрей (1882-1944) и принц Христофор (1888-1940).

возможность свои светские обязанности, которыми она всегда тяготилась, сократить до минимума; во-вторых, никто из знакомых гречанок не привлек ее внимания чем-либо особым: Ольга относилась к ним с симпатией, но и с некоторой иронией, называя их в письмах «оливками». Позже она писала: «Великосветское общество, никогда меня не привлекало; под их светским лоском так трудно узнать первобытную душу; некоторые, право, научились чувствовать, как *принято*, а не как *чувствуется*»¹³.

Годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., особенно после вступления в нее Греции, сильно изменили отношение греческой королевы Ольги к окружающим ее людям. Ольга писала брату: «Здесь все вооружаются да вооружаются, волонтеры собираются со всех концов Греции. Что-то еще будет, что предстоит нам! Если, право, война начнется у нас, то Афинам и всем прибрежным народам *беда*. Если бы нам послали русскую эскадру на помощь, вот это было бы недурно, *бедных оливок* защищать; тогда мы бы могли начать воевать с *туркой*, не боясь за берега!»¹⁴ Русскую «эскадру» отец Ольги великий князь Константин Николаевич, возглавлявший в то время Морское министерство, естественно прислать не мог, за неимением таковой, но гарантии безопасности Греция получила.

Молодой 27-летней королеве пришлось много времени проводить вне дворца и семьи, «усердно работая по утрам с дамами на Красный Крест»: они шили простыни, заготавливали корпию и бинты для раненых. «Я ведь все время только и думала, как бы быть, как можно полезней в это роковое время...». – Писала молодая королева брату Константину из Афин¹⁵. В 1878 г. королева Ольга сначала робко, а потом всерьез занялась работой с ранеными и больными, и страстно и на всю жизнь увлеклась медициной. Уже в апреле 1878 г. она сообщает брату: «...Сегодня я видела первых раненых! ...Я усердно молилась Богу, помочь мне и когда я вошла в залу (их только 20 человек), то я вдруг стала покойна и все другие глупые чувства исчезли, и осталось только *неожиданное* чувство жалости и любви. Я подходила к каждому и говорила с ними, и они так были милы, рассказывали, шутили, и гляделись такими благодарными»¹⁶.

¹³ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.212. Л. 101-101об. №20. Афины. Бернсторф. 7/19 августа 1884 г.

¹⁴ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 205. Л.78. 21 августа/1 сентября 1877 г.

¹⁵ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.206. Л. 280. Афины. 17 февраля/9 марта 1878 г.

¹⁶ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.206. Л.34-35. Афины. 24 марта/5 апреля 1878 г.

С этого дня на протяжении всех тридцати восьми лет переписки с братом каждое письмо содержало подробное описание ее посещений госпиталей, которую она сама называла – «лазаретной хроникой», и постепенно возникающей связи с ее подопечными, как правило, простыми греками. Госпитальная работа и искреннее, не показное служение страдающим стало главным делом ее жизни, неодолимой потребностью ее нежной, глубоко верующей, романтической души... Постепенно она возглавила в Греции госпитальное движение, руководила всеми делами греческого Красного Креста. Ольга Константиновна основала школу сестер милосердия, станцию первой медицинской помощи, построила в Афинах лучший на Востоке в то время госпиталь «Эвангелизмос» («Благовещение»), который действует до сих пор, глазную больницу, а позже – свой собственный госпиталь в Пирее¹⁷. Посещая больных, она познавала греческий народ, и постепенно «открывала для себя Америку» – образ того грека, который она полюбила искренне и на всю жизнь.

Афины. Апрель 1878. Брату: «Вот уже я три раза была у моих милых раненых. Они такие славные, простые, я так люблю простой народ. Ты бы видел, как они со мной разговаривают! Один из них подарил мне на память свою пуговку, скривленную пулей, я обещала ему сохранить ее... и храню свято». Другой раненый кандиот¹⁸ завещал ей после смерти пулю, вынутую из груди, которую она отослала его родным на Крит. Ольга ходила через день в госпиталь пешком, стесняясь огласки в афинской прессе, «которая узнает все сейчас же, и сплетен бездна»¹⁹. «Ты думаешь, что мои раненые – солдаты?, писала Ольга, – Нет, солдат-то очень мало, ведь раненые наши те добровольцы, которые отправлялись в Фессалию и Эпир драться с турками. Между ними были и солдаты, но немного, так как солдаты для этого бежали из своих полков, а это ведь наказывается, хотя оно довольно понятно с их стороны, что патриотизм иногда сильнее дисциплины. Сегодня у меня было 5, 6 не больше, а другие – разные люди, рабочие, мужики, ремесленники. Право, хотя солдат окружает особенная поэзия, но и мои раненые все-таки очень милы и дрались хорошо. Есть между ними и предводитель инсургентов, молодец, который удивительно храбро

¹⁷ См. Соколовская О.В. Роль греческой королевы Ольги в переводе Евангелия на новогреческий язык в 1901 г. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений века. Санкт-Петербург. 2002. С.213.

¹⁸ Кандиот означало – житель острова Крит.

¹⁹ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.206. Л. 37-38. Афины. 1/13 апреля 1878 г.

переносит все страдания; он ранен в ногу, и ему долго еще придется пролежать. Один был священник... Несколько дней до смерти он подарил мне апельсин, выбрав самый лучший в ящике своего столика... Не правда ли, такой подарок дороже самых богатых? ... Но при всем этом, при их грусти и отчаянии, меня удивляет видеть, что они смерти именно не боятся! Ни один уже мне говорил: «если бы мы боялись смерти, то мы бы не пошли драться»²⁰. Ольга описывала брату многочисленные истории ее больных, сохраняя их имена и образы. Она читала им молитвы, стараясь облегчить боль. Одним из ярких впечатлений была ее первая попытка смягчить страдание молитвой раненому юноше Влахосу в июле 1878 г.: «Мне пришла мысль, что, может быть, его обрадует услышать мою молитву, и я сказала ему: «Хочешь, я прочту тебе какую-нибудь молитву?» и, встав на колени, я начала читать «Отче наш», держа его руку. Голос у меня дрожал и прерывался от волнения, но я старалась отчетливо произносить слова, которым сам Христос научил нас, и в которых так много утешения. Кончив, я перекрестила его, а он, собрав все силы, отчетливо и внятно произнес: «Благодарю и Да здравствует наследник!». «Две недели назад, после его смерти, сюда пришла его бабушка, старуха крестьянка, я ее видела и говорила с ней; и больно было видеть, как она грустила и плакала, и я начала плакать»²¹. О своей искренней любви к простым людям королева Ольга осмеливалась писать только младшему брату Константину, который был душевно близок ей, прося никому об этом не говорить.

Греческая королева была счастлива, узнав о решении Берлинского конгресса, по которому Греции передавались часть Эпира и Фессалия. «Наконец наступил светлый день для этих несчастных, писала она. — Вообрази себе, что за счастье для моих раненых, что их кровь не понапрасну текла! А те, которые умерли, не имели этого утешения, но зато они это Там узнали!»²²

Активная борьба греков за демократизацию, которую они неустанно вели на протяжении десятилетий, прошедших после получения независимости, заставляла европейские державы-покровительницы — Англию, Россию и Францию — считаться с этим, и в 60-х годах XIX столетия произошел окончательный поворот к парламентской монархии. Георг I (1864-1913), присягнувший Национальному собранию на верность Конституции в 1864 г., в отличие от Оттона, с самого начала

²⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.206. Л. 75. Пирей. 9/21 июня 1878 г.

²¹ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 206. Л. 79. Пирей. 30 июня/12 июля 1878 г.

²² ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 206. Л. 79-80. Пирей. 30 июня/12 июля 1878 г.

назывался королем «независимого и конституционно-монархического государства». Новая греческая Конституция формально являлась одной из самых демократических в Европе. Она вводила нормы государственной жизни, способствовавшие развитию буржуазного общества и парламентаризма. Однако прерогативы королевской власти в действительности были значительными: ему принадлежало право законодательной инициативы, право назначать и увольнять министров, а также роспуск парламента и другие. Георг I был тонким политиком и всячески подчеркивал уважение к греческой нации. Так, плакат при входе на железнодорожную станцию в Пирее гласил: «Да здравствует греческий народ!» и только потом: «Да здравствует король!» Его правление ознаменовалось началом всесторонней модернизации греческого общества и экономики. Помня пример предыдущего греческого короля Оттона, свергнутого в ходе революции 1862 г., и обладая хорошим политическим чутьем, Георг I чтит Конституцию; будучи сам лютеранином, уважал православную религию страны и королевы Ольги, не вступал в прямой конфликт с национальной буржуазией и настойчиво отстаивал интересы своей маленькой страны и ее народа.

Политическая жизнь в Греции больше напоминала ни на минуту не прекращавшуюся бурю, сметавшую одно правительство за другим, ломая политическую карьеру и судьбы людей. За первые двадцать лет правления Георга I сменилось 39 правительств, которые возглавлялись личными партиями: Маврокордатоса, Вулгариса, Канариса, Кумундурса (10 раз), Трикуписа (6 раз), Делиянниса (9), Заимиса (3), Теотокиса (3) и др. Буквально смертельная схватка происходила между двумя главными политическими деятелями Греции XIX в. — Харилаосом Трикуписом (1832-1896) и Теодоросом Делияннисом (1820-1905) о путях становления государства. Трикупис разработал широкую программу социально-политического развития Греции в направлении свободного развития капитализма и буржуазной государственности. Он автор исторической речи короля 1875 г., в которой провозглашался принцип составления правительства парламентской партией большинства. Политика Делиянниса, мечтавшего о немедленном создании Великой Греции, привела к войне с Турцией в 1897 г., в которой Греция потерпела сокрушительное поражение и чуть не лишилась государственности. Это соперничество продолжалось на протяжении десятилетий и вылилось в личную трагедию. Обожаемая братом красавица София Трикупис и Теодорос Делияннис, встретившись однажды в Лондоне, полюбили друг друга, но их брак не состоялся из-за политической вражды мужчин. В результате

никто не создал семьи, София пережила и смерть брата в изгнании, и убийство возлюбленного²³. В наши дни памятники непримиримым врагам стоят перед старым зданием парламента в Афинах недалеко друг от друга.

Ольга Константиновна, впитавшая с детства идеалы российского абсолютизма, с самого начала возненавидела государственное устройство Греческого королевства – конституционную монархию, которая, с ее точки зрения, слишком ограничивала права короля. Но особенно ее возмущали нравы, царившие на греческом политическом Олимпе, а более всего – сами политики, в искренность которых она никогда не верила. «Не могу я сочувствовать, как ни старайся, этому политическому строю, и всем действиям от него происходящим!»²⁴ И еще она писала: «Как я люблю народ, так я ненавижу депутатов. Закон здесь существует только для того, чтоб его обходили; справедливость здесь отвлеченное понятие!»²⁵ С годами ее нелюбовь к ним только возрастала, особенно, начиная с 1877 г. «Министерство чуть было не разошлось... Право стыдно с их сварами в такую минуту создавать новые затруднения...» «Патриотизма в них ни на грош! ... и эти люди называются «представителями народа». Гадость какая!»²⁶ А также: «И в этой милой атмосфере живут и развиваются мои дети... возвышающего, облагораживающего *никогда ничего...*!»²⁷ «Король, – писала Ольга, – ... страной не управляет, даже не может выбирать отдельных министров и каждая каналья может сделаться министром... Представь себе, *морской* министр, бывший офицер, понимает о морских делах столько же, сколько я об астрономии»²⁸.

«... Управление страной, самое ответственное, самое высокое, самое святое дело, за которое честный человек едва ли возьмется, не имея на то должную подготовку, – сетовала королева в очередном письме к Константину Константиновичу, – А здесь это сделалось

²³ Tatsios T. The Megali idea and the Greek-Turkish war of 1897. N.-Y. 1984. P.139; Соколовская О.В. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914. М. 2003. С.231-232; R.A.H. Η Ελλάς της εποχης του Γεωργίου του Α' Αθηνα. 1993. Π. 302-303.

²⁴ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 213. Л. 35. № 8. Афины 11/23 февраля 1885 г.

²⁵ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 221. Л. 25. 105. № 22. Афины 30 апреля / 12 мая 1893 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.225; №45. Афины. 10/22 июня 1897 г.

²⁶ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 206. Л. 138-139. Татой. 27 октября/8 ноября. 1878 г.

²⁷ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 218. Л. 141-142 об. № 27 Афины 26 октября/ ноября 1890 г.

²⁸ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 218. Л. 141-142 № 27 Афины 26 октября/ ноября 1890 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 221. Л. 26. (105) № 22. Афины 30 апреля / 12 мая 1893 г.

какой-то безнравственной игрой, каждый по очереди за это берется, пробует свою систему, портит, путает и уходит, давая место такому же, если не негодяю, то человеку вполне неспособному заниматься подобным делом. И бедная страна все это терпит — беспорядок, путаница, неурядица, безнравствие принимают все большие размеры». Она возмущалась, что во время выборов «народ всячески подкупают и деньгами, и вином, и обещаниями, превращая его в стадо баранов, бросающееся то в ту, то в другую сторону»²⁹.

В апреле 1885 г. она, в который раз, осуждала греческую политическую борьбу и ее методы: «... У нас опять начались или, вернее, продолжают политические дрязги: партия Трикуписа понесла полное поражение в выборах, вследствие чего Трикупис (чтоб ему пусто было!) подал в отставку. Бедный Вилли (греческий король Георг I — О.С.) должен был снова отправиться в Афины разбирать этих сук... сыновей — уж извини, пожалуйста, но самые нецензурные выражения, еще слишком хороши для них!» Особенно она не любила ярого националиста старика И. Делиянниса, который занимал премьерское кресло множество раз, также как и Х. Трикупис, но довел страну до банкротства в 1890-м. «У нас только что был обед для нового министерства — старик Делияни совсем рамолик, совсем старый дурак; обед был оригинален, и мы все более или менее занимались изучением нравов». Выводы ее были радикальны: «Я не в состоянии, *словами* выразить все, что накипело в моей душе, против этих людей... и где свобода? Во время турецкого ига каждая отдельная личность была свободнее, чем теперь. Здесь почти что нет свободного человека; если он хоть сколько-нибудь причастен политике, то он продал и свободу свою, и совесть, и все, что заставляет уважать человека»³⁰.

Сам король Георг I относился к демократическим симпатиям греков достаточно спокойно, о чем много написано в мемуарной литературе³¹. Он призывал королеву Ольгу также относиться к этому также хладнокровно. Но греческая королева была более резка в своих суждениях. «... Все эти господа грызутся между собою, один друго-

²⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2 Д. 221. Л. 25 об. (105) № 22. Афины 30 апреля / 12 мая 1893 г.; ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2 Д. 223. Л. 107-108. № 25. Афины 17/29 апреля 1895 г.

³⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2 Д. 223. Л. 13-15. № 4. Афины 12/24 января 1895 г.

³¹ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959; Christmas W. King George of Greece. L. 1914; Nicolson H. King George the Fifth. His Life and Reign. L. 1952; *Σκάνδαλη Ανδρέα Σπ. ΠΡΙΓΝΗ ΓΕΩΡΓΙΟΣ: Η ζωή και το έργο του 1869-1957*. Αθήνα. 1955.; Dakin D. The Unification of Greece. 1770-1923. L., 1972. P. 168.

го погубить хочет. Willy говорит: пусть они насытятся вполне своей Конституцией!»³²

Ольгу угнетало то, что прошли времена, когда Греция была привязана к России, а теперь полностью повернулась в сторону Запада. Так ее семеро детей были все воспитаны учителями в прозападном духе, дома они говорили в основном по-английски. Огорчало ее также, что «православное в Греции все больше превращается в национальное знамя, а не есть потребность народной души...» И далее: «Дух православия — это простота и откровенность, а здесь впадают во всякие католические веяния, нетерпимость, высокомерие... И они воображают, что они — законные дети и наследники Византии»³³. «И вся эта прелестная система представляет цивилизацию, прогресс и все то, чем Европа заменила прежние христианские и монархические начала. Фу, омерзение!»³⁴

После девятнадцати лет, проведенных в Греции, Ольга Константиновна писала брату в 1886 г., что она «пришла к грустному заключению, что все здесь преимущественно живут *материальной* жизнью — никакой отвлеченности и психологии для них и в них не существует... Мессала (ее секретарь — О.С.) тут единственное исключение и Колокотрони до известной степени тоже; а все другие, которых я постоянно вижу, все материальны до крайности. — Ты не поверишь, как это подчас бывает утомительно. Говорят, что вообще у всех южных народов внутренний мир мало развит. Во всей южной природе разлито столько поэзии, что на жителей ничего не осталось»³⁵.

Однако периоды разочарования быстро сменялись у деятельной по натуре королевы Ольги новыми увлечениями. Так, в апреле 1886 г. после беседы с 23-летним унтер-офицером, больного чахоткой (что было не редкостью в Греции того времени), в ней, как она писала брату, «снова зажглась гаснувшая любовь!» «По мере того, как он говорил, — писала Ольга, — волнение его все усиливалось, слезы так и текли по его бледным щекам и, наконец, он стал рыдать, повторяя, что его полк скоро отправится на границу, что товарищи его будут драться, а он, вместо того, чтоб быть убитым или раненым на войне, должен умирать в госпитале. Сквозь слезы он повторял: я клялся умереть за Короля и

³² ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д. 203. Л. 40-45 № 6. Афины 14/26 ноября 1875 г.

³³ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.226. Л. 64-67. №63. Татой 14/26 августа 1897 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.229. Л. 71-76. № 12. Афины 22 февраля/6 марта 1899 г.

³⁴ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.223. Л. 107-108. №25. Афины 17/29 апреля 1895 г.

³⁵ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.214. Л. 113-114. №16. Афины. 29 марта/10 апреля. 1886 г.

отечество.... Я тоже заплакала, видя это отчаяние, заплакала от сочувствия и от умиления – вот благородные чувства, которые, несмотря на горестную причину, коей были вызваны, не могли не порадовать меня «среди всякой пошлости». Я чувствовала такое благоговение перед этим человеком, который плакал не оттого, что умирает, а оттого, что умирает не той смертью, которой желал умереть, потому не мог положить жизнь свою за отечество! Мне кажется, что Господь Бог нарочно послал меня к этому человеку в минуту этого отчаяния; как-будто Он хотел показать мне, что много хорошего еще кроется в этой стране, что стоит только поискать и найдется много благородного. Ведь меня в последнее время охватило полное омерзение – все одна пошлость кругом, корысть, эгоизм, куда ни посмотришь...»³⁶

В собственной семье она также находила все меньше понимания, не только со стороны мужа, но и подраставших детей, которые получали образование в Европе и в прозападном духе. Ольге не удалось даже обучить их русскому языку³⁷. «Вероятно, – писала Ольга, – это естественно, что ласковые, радостные лица, с которыми встречаю меня мои больные, согревают мою душу. Я *все более* сознаю, что моя стихия – госпиталь!...»³⁸ Королева в конце века получила диплом сестры милосердия, часто присутствовала на самых тяжелых операциях, делала перевязки больным и всю жизнь принимала хинин, который в то время считался панацеей от всех заразных болезней (ведь ей не раз приходилось находиться у постели умирающих от чахотки).

Еще в марте 1884 г. осуществилась заветная мечта Ольги: была открыта построенная на деньги русского царя и богатых греков больница «Евангелизмос», расположенная неподалеку от королевского дворца. «Чистота, тишина, простор, воздух и повсюду неслышно ступающие сестры в белых косынках и передниках, т.е. прелесть – именно то, о чем я мечтала. Но это конечно внешний вид. Однако старшая сестра оказалась хорошей особой и уходом вообще все довольны, но ... сестер еще очень мало (10), многих пришлось отпустить, новых находить ужасно трудно (Восток!!!)»³⁹. В те времена гречанкам было запрещено ухаживать за больными мужчинами. Ольга старалась принять на службу в госпиталь хороших врачей и незаурядных личностей. Так,

³⁶ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.214. Л. 120-1221. №17. Афины. 5/17 апреля 1886 г.

³⁷ Ольга была православной и пыталась привить это своим сыновьям. ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.225. Л. 15-16. №4. Афины. 11/23 января 1897 г.

³⁸ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.225. Л. 17-18. №4. Афины. 11/23 января 1897 г.

³⁹ ГАРФ.Ф.660. Оп.2 Д.212. Л. 139-140. №27. Татой. 29 сентября/11 октября 1884 г.

старший доктор пирейского госпиталя Афендилис перевел на греческий язык «Марию Стюарт» Шиллера и посвятил королеве свой труд.

Наверное, самый яркий пример любви и сочувствия королевы эллинов к простым грекам стало ее участие в судьбе юного эвзона Павлоса, потерявшего ногу в греко-турецкой войне 1897 г. Она писала: «Вечером у нас был психологический разговор, и он мне излил всю свою наболевшую душеньку; мне его *невыносимо* жаль – подумай в 23 года, здоровому, полному жизни, лишиться ноги; вообще он в ровном добродушном, даже веселом настроении духа, но иногда он сильно сознает свое несчастье и тогда трудно его развеселить; ужасно я люблю, когда он оживляется и начинает рассказывать про свою деревню, про работу и жизнь свою, подтрунивая над своим деревенским бытом; как люблю я эти простые, неиспорченные городом натуры! Эти крестьянские души сто раз занимательнее салонных, особенно здешних, в которых, по-моему, мало глубины. Вот 2 ½ месяца, что я навещаю его два раза в день; он без меня не завтракает и не обедает, надо отдать мне полную справедливость, что я всегда все пересаливаю...; он так ко мне привык, что и ему будет трудно отвыкать от меня. И если б ты знал, что это за прелестное дитя природы (опять ты скажешь «открыла Америку»), но откуда же он берет свою замечательную деликатность и чуткость – у него никогда не бывает проявления мужицкой грубости – и подумаешь, что за доля горькая!!! Вот эти простые люди, солдаты, мужики, так милы – с ними хорошо и спокойно. Но сколько несчастных на сем свете.... И нельзя им всем помочь, а они идут, идут со всех сторон за помощью...» Правда, многие ее обманывали «самым наглым образом»⁴⁰.

В августе 1897 г. королева взяла Павлоса с собой в летнюю резиденцию Татой, предоставив ему комнату в старом доме. Часто она сидела возле церкви с Павлосом и ранеными солдатами, которые также находились в Татое под присмотром ее невестки – сестры кайзера Вильгельма Софии. Солдаты рассказывали ей, как она писала с восторгом, про войну и про всякую всячину. «Мне с ними сто раз веселее и симпатичнее, чем с господами, – писала Ольга брату, – какой грех портить такой чудный народ – ему нужно патриархальное правительство, а не эту безумную конституцию с этим национальным бичом – депутатами»⁴¹. Ольга заказала Павлосу в Англии протез и выписала из

⁴⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.225. Л. 242-249. №51. Афины. 30 июня/12 июля 1897 г.; Ф.660. Оп.2 Д.226. Л. 40-42. №59. Афины. 31 июля/12 августа 1897 г.; Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. Л. 292-293. № 56. Афины 29 ноября/11 декабря 1899 г.

⁴¹ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.226. Л. 64-67. №63. Татой 14/26 августа 1897 г.

России звонаря, чтобы обучить его звонарскому делу. А через два года, сломив сопротивление своей семьи, построила ему маленький домик и привезла его старуху-мать, чтоб им было, где «голову преклонить»⁴².

В Татое 1885 г. Ольга наблюдала простой народ совсем близко: организовала маленький медицинской пунжт «Рай», в котором помогала врачу делать перевязки. Участвовала в сборе винограда, любуясь живописными нарядами крестьян: в то время еще некоторые мужчины носили национальный греческий костюм с белой многослойной юбкой – фустанеллу, а женщины – красивые и очень тяжелые многослойные наряды⁴³. Нравились ей танцы и военные песни эвзонов, их дворцовой стражи. «Приятно иметь их, чувствуешь, что в них настоящий военный дух; недаром они горцы и большею частью волонтеры. Не то, что несчастные маленькие рекрутики, взятые на год, кот[орые] еле-еле могут выучиться, как держать ружье»⁴⁴.

С простым народом королева эллинов близко сталкивалась во время ее многочисленных поездок по стране, особенно в годы войн и природных катаклизмов – чаще всего землетрясений, а также объезжая новые присоединенные районы Фессалии после греко-турецкой войны 1897 г. Ольга писала: «Сегодня две недели, что мы приехали и я была уже в девяти домах с фессалийцами; сегодняшние два дома произвели на меня особенно тяжелое впечатление, много больных, особенно жаль детей, которые не поправляются, потому они едят один сухой хлеб; со мной был мясной экстракт и я показала одной бедной матери, как следует его употреблять и видела, как бедный ребенок попробовал его и как он показался ему вкусен. Не смейся надо мной, но если б ты знал, какое во мне горит пламенное желание быть независимой, ходить и ездить одной, куда и когда хочу, помогать, утешать, перевязывать раны, служить этим несчастным; знаешь ли, какое гадкое чувство пить и есть по несколько блюд, когда только что видела, что маленькие

⁴² ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.229. Л. 65. Афины 11/23 февраля 1899 г.

⁴³ Из письма греческой королевы брату: «Ykiathos прелестнейший остров, живописный, весь покрытый зеленой, цветущий – с возвышенности, далеко, далеко, в голубой дымке, мы увидели прозрачное очертание св. Афинской горы... В Ykiathos-е женщины носят национальный костюм; особенно по праздникам они надевают свой лучший убор – нельзя сказать, чтоб костюм был грациозен, но он живописен и богат; рубашка и бархатная куртка, шитые золотом, а юбка из хорошей шелковой материи в бесчисленных складках и кругом даже иногда обшита парчевой материей – как они только выдерживают всю эту тяжесть, да еще в таком климате!». ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.223. Л. 119-121. №27. Афины 25 апреля/7 мая 1895 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.227. Л. 158-167. № 31. Афины 13/25 апреля 1898 г.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.213. Л. 134-135. № 26. Татой 22 июня/4 июля 1885 г.

дети грызут один лишь черствый хлеб, что малютки гибнут, потому у матерей молоко исчезло от недостаточного питания... Мне противно стало наряжаться – я чувствую себя хорошо только в старом черном платье, когда я не отличаюсь особенно от окружающей меня нищеты; но это я только тебе пишу... Ходя по этим домам, видя тихое горе матерей, оплакивающих своих деток, не выдержавших лишений, я вспоминаю Достоевского – как он бы описал все это. Что на меня производит самое глубокое впечатление, это когда я вижу, как люди страдают и не жалуется – мне тогда становится так стыдно за самое себя – ведь если подушка в постели не так лежит, то я готова ворчать, и ворчу, а те, лишены всего – и ни слова... Да, есть о чем задуматься!»⁴⁵

В конце 1898 г. Ольга Константиновна писала брату: «Замечаю одну вещь, *очень* знаменательную; за весь этот год войны и всяких испытаний и горестей, я привязалась к Греции сильнее, чем за целых 30 лет; наши порядки, конституцию, депутатов, злоупотребления – все это я ненавижу по-прежнему, всеми силами души, а с народом я сроднилась, он мне стал и близок и дорог – и этому причина всякие Павлы, Косты, Митсы, Яни и тому подобные»⁴⁶.

Проводя много времени среди больных и раненых в греко-турецкую войну, Ольга обратила внимание на то, что молитвы и сам текст Евангелия, который она им постоянно читала, плохо понимают простые греки. С этим была связана ее попытка в 1899-1901 гг. сделать перевод евангелических текстов на новогреческий язык, которая вызвала неоднозначную реакцию в греческом обществе. Так нелюбимые ей греческие политики, особенно националисты во главе с И. Делияннисом, возглавили кампанию против перевода, которая закончилась беспорядками в Афинах в ноябре 1901 г., когда в результате перестрелки были убитые и раненые. Делияннис и оппозиция усмотрели в ее попытке перевода Евангелия руку России, которая, якобы стремилась отрешить греческую церковь от главного ее достояния – оригинала Нового Завета. Ольгу обвинили в поддержке панславизма, враждебного великодержавным идеям греков. Конечно, отношение народа к королеве несколько не изменилось. И даже в самые горячие дни бунта Ольга, несмотря на крайнее возбуждение толпы и опасения семьи, как писал российский посланник в Афинах барон Р.Р. Розен, ежедневно в

⁴⁵ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.221. Л. 25-26. (23) № 6. Афины 22 января / 3 февраля 1893 г.; (25) № 7. Афины 29 января / 10 февраля 1893 г.; ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.225. Л. 288-290; №103. Афины 29 декабря / 10 января 1897 г.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.660. Оп.2 Д.229. Л. 293. № 56. Афины 29 ноября / 11 декабря 1899 г.

своём открытом ландо, в сопровождении одной только фрейлины, совершала поездки в русский госпиталь в Пирее, и ей приходилось проезжать через ревущую толпу. Однако при виде ее толпа «замолкала и, глядя с уважением, расступалась»⁴⁷.

Позже Ольга писала своему старинному другу генералу А.А. Кирееву: «Евангелие на церковно-греческом языке, которое народ не понимает, обратилось в национальное знамя, в один лишь символ народного единения, а суть учения Спасителя остается мертвой буквой для народа... У нас на Востоке невежество к религии и равнодушие к ней приняли колоссальные размеры... Чем же бороться против этого, если не распространением Евангелия на понятном для простого народа языке; чем же современный греческий язык, на котором все мы говорим и пишем, хуже всякого другого наречия на белом свете?»⁴⁸.

Греция отблагодарила королеву Ольгу за ее искреннюю любовь к народу и огромную филантропическую деятельность. Ее именем назван проспект в центре Афин, а возле действующей до сих пор больницы «Эвангелизмос» ей был поставлен беломраморный памятник, напоминающий о судьбе королевы, твердо шедшей по дороге «православного служения людям»⁴⁹.

---

⁴⁷ Соколовская О.В. Роль греческой королевы... С. 217.

⁴⁸ Там же. С. 220.

⁴⁹ Nicholas Prince of Greece. My Fifty Years. L., 1926. P. 165.

Р. П. Гришина

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И БАЛКАНЫ (1870-е гг.)

В 2009 г. вышло из печати скромное по тиражу – 100 экз., но весьма интересное издание Саратовского государственного университета – Славянский сборник¹, посвященный 100-летию местного университета.

Сборник назван межвузовским, однако, из 16 статей, вошедших в его состав, только две принадлежат авторам из других российских городов, что говорит о «плотности» саратовцев в подготовке и издании книги. Она, как представляется, знаменует складывание в Саратовском университете самостоятельного научного центра по изучению проблематики русско-балканских взаимоотношений и, в частности, темы «Балканское направление внешней политики России в XIX-начале XX в.» – половина материалов Славянского сборника посвящена разработке ее разных аспектов. Это и глубокий историографический анализ литературы последних лет с выходом на синтезирующие позиции (статья О.Н. Исаевой «Балканская ловушка для Российской империи»), и тщательные конкретные исследования, основанные на архивных документах и проработке материалов прессы (С.А. Кочуков², О.М. Курчатова³, Н.А. Учаева⁴, Л.В. Ланник⁵ и др.).

---

¹ Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7. Саратов, 2009.

² Кочуков С.А. К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х гг. XIX в.

³ Курчатова О.М. Консервативно-монархическая печать России о перевороте в Сербии 29 мая 1903 г.

⁴ Учаева Н.А. Мифы и реалии Балканских войн 1912-1913 гг. на страницах русской периодической печати.

⁵ Ланник Л.В. Первая мировая война и исторические судьбы зарубежных славянских народов.

Уже первоначальный, беглый контент-анализ материалов сборника позволяет уловить особенность подхода саратовских ученых к базовым характеристикам российской внешней политики указанного времени. Вот используемый ими лексикон: миф о славяно-православном братстве, этноконфессиональные иллюзии, доктрина славянской взаимности, славянское единство, провиденческая миссия России, единство православного мира, мифические идеологемы, мыслящее религиозными категориями сознание, патернализм, претензии России на руководящую роль в балканских делах, традиционализм в дипломатической деятельности и т.п.

Главный тренд исследовательских разработок саратовских ученых – критическое отношение к предшествующей, во многом идеологизированной и мифологизированной историографии. Авторы «Славянского сборника» убедительны в своих размышлениях вывод, складывающийся у читателя: царская Россия не была в состоянии добиться удовлетворительного решения своих внешнеполитических задач на Балканах, теряла авторитет на международной арене и в балканском регионе. И одной из причин этого являлись те идейные основания и ценности, на которых базировалась не только внутренняя политика, но и внешнеполитическая деятельность императорского двора: саратовские историки оценивают их как романтически-возвышенные и одновременно традиционные, во многом архаичные. Эта оценка связывается с приданием во внешней политике России слишком большого значения идее славянской взаимности и этноконфессионального братства при недостаточном учете подвижек, происходивших в расстановке сил на международной арене, что приводило российскую дипломатию к досадным просчетам. Не доставало жизненной прозы и – более того – прагматики, на что уже давно настроилась элита западных держав.

Фактор религиозного единства большого массива балканцев и русских, обозначившийся во внешней политике России в ранние годы XVIII в., со временем превратился для русских правящих кругов в краеугольный камень строительства отношений с населением отдаленного региона, ему придавалось значение глубинной стародавней традиции. Во второй половине XIX в. для усиления воздействия идеологии, основанной на признании единства православного мира, в качестве дополнительного фактора стала активно использоваться *идея славянского единства*, общих славянских корней. Славянофильство имело в России значительный общественный авторитет и, хотя в официальной политике оно не становилось в первый ряд, сумело сыграть большую

роль в формировании характерного общественного, да и дипломатического приема. Мысль об этнорелигиозном родстве русских и балканских славян, получив достаточно широкое распространение, стала внедряться и в сознание балканцев. По мнению О.Н. Исаевой, идея усилить православное братство подчеркиванием единства его славянских корней была связана с ослаблением «значения православия в качестве связующего звена между Россией и балканским населением»⁶.

Стремясь проникнуть в суть проблемы славянского этнорелигиозного братства и взаимоотношений между славянскими народами, образа их общественной жизни, саратовские ученые ставят ряд важных вопросов, например: насколько реально это братство существовало, являлось ли действительно некоей данностью? Подобных трудных вопросов много. Среди них: каковы были национально-государственные интересы Российской империи на Балканах, степень их соответствия реальной политике в этом регионе, соотношение геостратегических, идейно-политических и этических соображений в проводимой политике, взаимосвязь между *ценностями* и *интересами* в балканской политике России⁷. С.А. Кочуков, в частности, считает постулат о России как центре славяноправославного мира и ее предназначении покровительствовать и защищать славян не более, чем мифологемой⁸. Анализируя средства, с помощью которых эта мифологема распространялась в русском обществе, автор приходит к выводу: это печать газетно-журнальная, давление со стороны славянофильских кругов и, конечно, церкви, причем влияние последней, считает Кочуков, было особенно значимо с точки зрения обработки крестьянского населения.

Другой вопрос – насколько идея этнорелигиозного единства была обоснована, исходя из степени включенности ее составных частей (православия и общих славянских корней) в общественное сознание, с одной стороны, России и, с другой стороны, балканских стран, например, Болгарии. Материалы «Славянского сборника» подводят читателя к выводу, что формат этнорелигиозного славянского братства был не более, чем фантомом, мифом. Но мифом, *востребованным в России*, – ее властью и государственной идеологией, а затем в значительной мере и общественным сознанием. В выводах большинства авторов сборника проявляется неудовлетворенность тем, что над «действительными национально-государственными интересами России»

⁶ Исаева О. Указ. соч. С. 69.

⁷ Кочуков С.А. Указ. соч. С. 68.

⁸ Там же.

преобладали идеологические, осененные представлениями не только об освободительной миссии старшего брата, но и совсем уж идеалистическими – о провиденчестве, мессианстве.

* * *

Материал, предложенный саратовскими авторами, дает повод к размышлениям по поднятым вопросам.

Один из них – в какой мере в постановке задач внешней политики России на балканском направлении учитывалось знание о Балканском полуострове не просто как о географическом и стратегическом объекте, но и о населявших его народах. Обращает на себя внимание тот факт, что желание правящей элиты России создать столь крепкую – духовную – основу для общения с балканскими славянскими братьями не подтверждалось изучением строя их жизни, их нравов и обычаев, особенностей характера и взаимоотношений. Не строилось и положительных вариантов восприятия балканскими народами (их разными социальными средами и структурами) государства-освободителя из-под турецкого гнета в случае его прихода с северо-востока. И, что не менее важно, – восприятия государства-освободителя уже после акта освобождения страны, манер его администрации, способов наставничества и прочее, реальному отношению балканцев к полученному дару и возможному появлению у них желания самим распорядиться добытой тем или иным путем свободой.

Из публикаций журнала «Вестник Европы» вытекают для конца 1870-х гг. такие, например, констатации: «Наше знание славянства вообще, и южного в том числе, до сих пор крайне ограничено, /.../ до сих пор знакомство с ним было уделом немногих специалистов и любителей». Этот вывод подкрепляется мнением А.Н. Пыпина: «Вся Болгария изучена крайне мало и новые исследования необходимы»⁹. Примерно таким же было в России и представление об отношении болгарского населения к православной церкви и ее обрядам, к христианскому учению: отсутствовало знание и понимание того, что «церковный энтузиазм» народа после обретения в 1870 г. своей автокефалии значительно уменьшился, и что действие фактора православного единства в Болгарии вообще трудно сопоставимо с его влиянием в России – оно было значительно меньшим. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русским священникам, продвигавшимся вместе с

⁹ Цит. по: *Самойленко Н.И.* Вас. И. Немирович-Данченко о Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Дриновский сборник. Том III. Харьков – София. 2009. С. 86.

войсками, приходилось немало удивляться тому, что многие болгары, особенно молодые, не знали богослужебного порядка, не знали, как приложиться к кресту. Вот собственноручная запись одного из священников (состоял при передвижном дивизионном лазарете): «Они, бедные, и креститься почти не умеют, в церкви не снимают шапок и фесок, в крестном ходе нет порядка»¹⁰.

Если подходить к поставленным проблемам с имагологическими лекалами, неизбежно приходишь к констатации: на реализации балканского направления российской внешней политики в середине XIX-начале XX в. отрицательно сказывалось отсутствие (или крайняя недостаточность) систематического знания о местном славянском населении, его характерных особенностях, укладе жизни, общественных стремлениях, надеждах и представлениях о будущем. Действительно, тогда его еще и не могло быть по чисто историческим (календарным) причинам, но беда состояла в том, что серьезного стремления организовать такое изучение также не было. Образы балканцев, например, сербов и болгар, подвергались лишь внешнему и часто случайному наблюдению. В пору, когда в зарождавшихся общественных науках внешнее наблюдение считалось верным и единственным гарантом объективности, не было и речи о таких сложных вещах, как системное изучение «другого», «иного»; скорее, наоборот, – русские представления о самих себе, русские ментальные особенности экстраполировались на балканцев. Отсюда и неправомерные ожидания, надежды, обиды, что, конечно, не способствовало взаимопониманию.

Или такой нюанс: славянофилы немало сделали для расширения кругозора русской интеллигенции о «славянстве» как таковом, а также в пользу самих балканских славян, снабжая их книгами, церковной утварью, создавая фонд помощи. Но, абсолютизируя «славянскую самобытность», которую видели в православной вере, во-первых, и общинном мироощущении, во-вторых, то есть, концентрируясь на как бы *исконно славянских чертах* характера, славянофилы односторонне ориентировались на сходство явлений и пропускали, таким образом, отличия, а то и принципиальные различия¹¹.

Другой аспект несоотношения (и даже столкновения) ментальностей при реализации внешней политики России на Балканах – патерналистский настрой русских представителей – носителей великодер-

¹⁰ Там же.

¹¹ Сравни: Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 43.

жавной идеологии, скованных к тому же сословными условностями, которые, попав на полуостров, оказывались в чуждом им «социальном бульоне». А насаждавшаяся в русском обществе идея важности «кровно-родственных связей», настраивала ее протагонистов рассчитывать в делах в первую очередь на силу притяжения, когда же в реальности начинала действовать сила отталкивания и даже отторжения, это ставило властную верхушку России и руководство ее внешнеполитического ведомства в трудное положение, вызывало обиды и раздражение.

Балканцы же, пожалуй, быстрее освоили ситуацию – учитывая характерность российской политики, ее особенности, падкость великого государства и его представителей на превознесение и возвеличивание – они научились использовать «большого покровителя» как объект для манипулирования.

* * *

В свете сказанного интерес представляет сюжет о проявлениях российского общественного мнения в отношении событий на Балканах накануне Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Его бурную активизацию во второй половине 1870-х гг. фиксировали как современники, так и ученые-историки конца XIX и последующего столетия. В историографии непреложным считается отметить роль и значение русского общества, проявившего в 1876-1878 гг. большую заинтересованность в балканских делах и словом и делом оказавшего помощь славянским братьям. Хочу при этом обратить внимание на два важных, на мой взгляд, обстоятельства.

Все пишущие на эту тему авторы не только выделяют факт участия российского крестьянства в общественном движении, но и единодушно подчеркивают наибольшую отзывчивость именно этого слоя населения при сборе финансовых средств в фонд помощи балканским славянам, боровшимся за независимость от Османской империи. С.А. Никитин, опираясь на отчеты Славянского комитета, писал: «Таким образом, материальную помощь южным славянам оказывали по преимуществу широкие трудовые массы народа. Вклад обеспеченных слоев (буржуазии и дворянства) по сравнению со средствами, шедшими от трудящихся, был несоизмеримо мал»¹². Другой исследователь – Л.И. Ровнякова, не ограничиваясь утверждением: «В защиту братского болгарского народа выступили представители всех слоев общества»,

---

¹² Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960. С. 305-306.

фиксирует конкретные социальные группы, участвовавшие в движении. Это – образованные круги, художественная и писательская интеллигенция, университетская профессура, а также революционно настроенные группировки. Специальное место в движении Ровнякова находит и для «простых русских людей». И в подтверждение приводит слова начальника Петербургского жандармского отделения, сообщавшего в октябре 1876 г. в III-е отделение: «Сочувствие к южным славянам полное и, по моему мнению, оно явственнее всего обрисовывается в простом необразованном классе»¹³. Но откуда «необразованный класс» черпал знания о событиях на Балканах? Почему нес «последнюю копейку», чтобы поддержать славянских братьев?

Тем более, что согласно историографическому стереотипу, движение считается спонтанным, неорганизованным.

Стоит отметить, что орловская исследовательница А.И. Шепарнева, посвятившая свою диссертацию выяснению отношения русского общественного мнения к Крымской войне, исключает «простых русских людей» из числа факторов общественного влияния. Перечислив эти влиятельные факторы, принадлежавшие главным образом к образованной элите, она продолжает: «Представители других слоев русского общества, например, *крестьяне и мещане*, в силу почти поголовной неграмотности и невозможности доступа к печатным изданиям были не в состоянии высказывать письменно свое мнение /.../ Об их позиции можно судить лишь по немногим произведениям фольклора того времени, дошедших до нас, и косвенным свидетельствам, содержащимся в отчетах офицеров жандармского управления и в воспоминаниях и заметках помещиков (курсив мой. – Р.Г.)»¹⁴.

В середине 1870-х гг. со времени Крымской войны прошло двадцать лет, сменилось всего одно поколение, и все изменилось настолько, что и крестьяне примкнули к влиятельным факторам? Но тогда о чем пишет русский историк рубежа XIX-XX вв. С.Ф. Платонов: «Страдания балканских славян под игом турок и самоотверженная борьба черногорцев и сербов за своих угнетенных братьев вызвали в русском обществе необыкновенное возбуждение /.../ Желание помочь «братьям-славянам» охватило все русское общество. После *могучего подъема патриотических чувств* по поводу польского мятежа 1863 г. это

¹³ Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать. 50-70-е годы XIX в. Очерки. Л., 1986. С. 202-203.

¹⁴ Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения. 1853-1856. Орел, 1995. С. 4-5.

было *второе* столь же могучее выражение *народных чувств* во имя славянского единения (курсив мой. – Р.Г.)»¹⁵. Платонов сообщает, что в 1863 г. при первых же *слухах* о попытке вмешательства дипломатов западных стран в русско-польские отношения «*все слои русско-го общества* обнаружили высокий подъем патриотических чувств»; по его мнению, «русское общество стало *сознательно* относиться к польским притязаниям и горячо поддержало правительство в борьбе с мятежом (курсив мой. – Р.Г.)»¹⁶.

Не правда ли, возникает ощущение, что «народные чувства» поднимались как-то избирательно и именно тогда, когда это нужно было русскому правительству! Применительно к событиям в России в связи с польским восстанием уместно замечание Н. Бердяева. Он писал: «Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире. Католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу»¹⁷.

Применительно к балканским событиям надо сказать, что служение общественного мнения интересам государства поначалу проявлялось не так прямо и заметно, как в польском случае, поскольку инициатором движения (как ни странно, слово «инициатор» употребляют и те авторы, кто считает возбуждение российского общества спонтанным) в пользу южных славян были славянофильские круги, в известной степени противостоявшие правительству, и только позже Александр II стал использовать общественный подъем как опору в своей политике.

Начало кампании было положено прессой. Корреспондент одной из газет в 1875 г. обрушился на бездействие Славянского комитета, после чего И.С. Аксаков поставил задачу: «Теперь всего нужнее возбуждать общественное мнение»¹⁸. Призыв был услышан, за работу принялись местные славянские комитеты, сеть которых охватывала всю Россию. На службу были поставлены все способы доведения информации до народа: устный (индивидуальный, групповой, массовый – беседы, сходки), письменный (исходя из уверенности, что печатный

¹⁵ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник по русской истории. СПб, 1993 /с издания 1917 г./ . С. 714.-715.

¹⁶ Там же. С. 710.

¹⁷ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990 /с издания 1918 г./ . С. 9.

¹⁸ См. Никитин С.А. Указ. соч. С. 274.

текст обладает «магическим» воздействием на население благодаря повышенному доверию к печатному слову), а также с помощью определенной символики (примером может служить история с изготовлением Самарского знамени для болгарских повстанцев).

Особую роль в том, что движение по оказанию помощи балканским славянам приобрело довольно широкий размах, сыграла именно пресса. Хотя, как отмечается в литературе, среди журналистов и корреспондентов квалифицированных людей было не так уж много. Среди заслуживших благодарность и признание современников – В.И. Немирович-Данченко (брат известного театрального деятеля), в 1876 г. он распространял материалы в глубинке, а когда началась Русско-турецкая война 1877-1878 гг. отправился в Болгарию, где почти целый год находился при действующей армии, отсюда и присылал захватывающе интересные материалы. Он был живым свидетелем того, как русские воспринимали балканскую действительность, которую до тех пор практически не знали. Украинский историк Н.И. Самойленко выделяет корреспонденции Немировича-Данченко как имеющие большую историческую ценность, считает, что они отличались значительно более высоким качеством в сравнении с массой публикаций, заполонивших с началом войны русские периодические издания; из-за их масштаба российской общественности приходилось кормиться некомпетентностью тыловых и прочих журналистов в Восточном вопросе, «грубым непониманием болгарского национального характера»¹⁹.

Такая газетно-журнальная агитация, местами приобретающая фанатичный, истеричный характер, как и деятельность славянских комитетов, особенно радикального крыла этого идеологического течения, к сожалению, не получила в историографии научного, беспристрастного анализа. Повышенная активность этих институтов создавала в русском обществе излишнее возбуждение, нагнетала казенный патриотизм, мешала людям рационально воспринимать действительность. Примечательны слова В.О. Ключевского, осторожность его характеристики состояния русского общества периода балканского кризиса 1870-х гг. (при глухой ссылке на недостаток источников): «Говорят, одушевление к делу южных славян охватило и массы. Даже сильнее, чем интеллигенцию. *Хотя говорят это преимущественно газеты*, охотно верится этому, охотнее, чем противному. Масса увлекается легче, по недостатку анализа; особенно если источник увлечения

¹⁹ Самойленко Н.И. Указ. соч. С. 86.

прост, говорит чувству и бескорыстен. Говорят далее, но уже не газеты, а мыслители, что такое увлечение — небывалое явление в нашей истории, которым можно гордиться. Тем хуже для нас, что мы, прожив тысячу лет, не испытали еще даже такого увлечения. Несмотря на то, можно поверить и этому /.../ и вот народное чувство вырвалось на свежий воздух человеческих, национальных, нравственных интересов. Общество всколебалось от страха подернуться плесенью от бездействия и зарости травой от затишья, подобно стоячему пруду. Таким образом, текущие события вдвойне любопытны: они наглядно показывают, как делаются исторические события и как сочиняются исторические легенды /.../. Не удивительно, если историки часты открывают в исторических событиях смысл, которого не подозревали их читатели, когда этот смысл был тайной и для современников событий»²⁰.

Крестьяне менее всего участвовали в пропагандистской и другой работе славянских комитетов, членами которых были по преимуществу дворяне, — они попросту в них не входили. Но именно они, как низовые слои мещанства стали главным объектом славянской пропаганды. Откуда крестьяне могли знать о балканских событиях, разбираться в них? И первые публикации в прессе, и научный интерес к Балканам становились достоянием, прежде всего, образованной части общества. Поэтому вряд ли можно говорить серьезно о пробуждении такого интереса со стороны неграмотного в своей массе крестьянства. Да и низового мещанства тоже, о чем свидетельствует наблюдение Л.В. Кошман: представления горожан о событиях в стране подчас основывались на слухах, газета была нечастым гостем в мещанском доме²¹.

Очевидно, основным источником «балканского знания» русского крестьянина являлась Русская православная церковь. В условиях сильной централизации власти в нашем государстве, когда местные органы самоуправления были практически лишены инициативы, а общественная жизнь сильно ограничена, ей принадлежала в этом отношении ведущая роль. Именно церковь располагала инструментом овладения общественным мнением *через овладение сознанием* отдельного человека. Задача внедрить в это сознание сведения, настроения и оценки, из которых делаются желаемые заключения, решалась с помощью разносторонней церковно-религиозной практики. В селах священники по

²⁰ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 327.

²¹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 278.

предписанию духовного начальства рассказывали народу о страданиях братьев-христиан, в церквах читались воззвания, говорились проповеди, местные архиереи распространяли подписные листы²². Синод призывал слать деньги в Петербургский славянский комитет. Церковная деятельность переплеталась с комитетской-славянофильской, а также с государственно-административной: волостные старшины побуждали к пожертвованиям по предписанию губернаторов²³.

Правда, не надо забывать, что для славянофилов идеал православия и самодержавия заключался в допетровской эпохе²⁴ и что культурное наследие именно этой эпохи преобладало в «среднем и низшем классе народа», как считали некоторые русские профессора – интеллектуалы. А это долго «определяло собою умственное и нравственное развитие народа, мешая быстрому распространению новых воззрений...»²⁵.

Однако важно такое обстоятельство – общественное движение в России в поддержку борьбы балканских славян за освобождение получило большой размах не только в результате целенаправленного воздействия на массовое сознание со стороны заинтересованных структур – свою роль сыграли чувства действительного сострадания простых русских людей к терпящим бедствие далеким балканцам, желание облегчить их страдания. Не случайно и стремление русских добровольно поучаствовать в военных действиях на полуострове. В конечном счете, балканскими событиями 1870-х гг. была затронута тонкая струна русской душевности, вызвавшая ответные действия. Кстати, еще Бердяев говорил, что у России – женская душа.

---

²² Никитин С.А. Указ. соч. С. 303, 305.

²³ Там же.

²⁴ См. Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 683.

²⁵ Цит. по: Кошман Л.В. Указ. соч. С. 260.

РОССИЙСКИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАКЕДОНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

По Сан-Стефанскому прелиминарному мирному договору, заключенному 19 февраля (3 марта) 1878 г., в состав автономного Болгарского княжества была включена большая часть Македонии. Однако проходивший с 1 (13) июня по 1 (13) июля 1878 г. Берлинский конгресс великих держав внес серьезные коррективы. Согласно подписанному договору Македония была возвращена Османской империи (ст. 1) с условием проведения реформ в ней (ст. 23).

К этому времени можно отнести и возникновение македонского вопроса во внешнеполитическом его аспекте – как вопроса международной политики, а Македонии как объекта международной политики. Главная составляющая македонского вопроса в тот период – политическое будущее так называемых македонских вилайетов Османской империи. В этой связи актуализируется и другой аспект македонского вопроса – этнический, т.е. вопрос о происхождении, этногенезе и национальной принадлежности македонских славян¹. Если он и выходил на первый план когда-либо, то лишь для общественности и научных кругов. Для реальной политики и политиков он не имел никакого значения, точнее, имел сугубо практическое – пропагандистское обеспечение претензий на территорию Македонии.

---

¹ Б.Н. Билунов отмечал, что "в научной и публицистической сферах македонский вопрос ставился и ранее. Так, в соответствии с мнением П. Славейкова, редактора болгарской константинопольской газеты "Македония", македонский вопрос существовал подспудно в 1860-70-е годы, когда отдельные романтически настроенные македонцы, считавшие себя истинными потомками Александра Македонского, стали отличать себя от болгар". См. *Билунов Б.Н. К истории македонского вопроса.* // Болгария и Россия. Сборник трудов Б.Н.Билунова. М., 1996. С.330.

Логика процессов национального возрождения, возникновения национально-освободительных движений², создания национальных государств на Балканах, коими был ознаменован XIX век, неизбежно ставила на повестку дня вопрос об объединении всех представителей одной национальности, проживающих на еще не освобожденных территориях Османской империи, в рамках соответствующих – своих – государственных образований. Возникла проблема определения будущих границ – и здесь интересы Греции, Сербии и Болгарии должны были фатально столкнуться в Македонии, остававшейся в рамках Турции. На Македонию в той или иной мере претендовали все названные страны, история которых так или иначе была с ней связана. Активно дискутировался вопрос о национальной принадлежности македонских славян. Лучшей иллюстрацией политизированности данных о национальности македонских славян являются статистические данные о Македонии, приводимые ее странами-соседками.

По болгарским данным, собранным в 80-е и 90-е годы XIX в. и опубликованным в 1900 г., в Македонии проживало 2 258 224 человека. В том числе: болгар – 1 181 336 человек, греков – 228 702 человека, сербов – 700 человек, влахов – 80 767, албанцев – 128 711, турок – 499 204, евреев – 67 840 человек и т.д.³

Согласно сербской статистике 1889 г., (учитывавшей, по видимости, население всей т.н. Старой Сербии, т.е. в том числе и Косова) в Македонии проживало 2 870 620 человек. Из них:

² Как метко выразился в своё время К.Н.Леонтьев: “У многих вождей и участников этих движений XIX века цели были действительно национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат везде и всюду был один – космополитический.” (*Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С.309.*) Более чем через полвека после смерти Леонтьева западный исследователь Х. Кон сделал вывод (в чем-то перекликающийся с мнением русского философа) о том, что “национализм периферии” возникает “как протест против существующей государственной формы, а импульсом для него служит культурное влияние Запада, стремление к имитации форм организации передовых стран” (*Миллер А.И. Теория национализма Эрнста Геллнера и её место в литературе вопроса / Национализм и формирование наций. М., 1994. С.13-14.*) Не менее важным представляется взгляд другого исследователя национализма Б. Андерсона на объект своего изучения, как на культурную систему возникающую в эпоху Просвещения и приходящую на место религиозного и династического принципа, “когда прежние источники легитимности рушатся, а на смену им приходит именно нация как суверен”. (*Миллер А.И. Бенедикт Андерсон: национализм как культурная система / Национализм и формирование наций. М., 1994. С.60,62.*)

³ Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. (No. 4, 1914). (Доклад международной комиссии по расследованию причин и ведения балканских войн. Вашингтон, 1914.) P.28.

сербов – 2 048 320 человек, болгар – 57 600 человек, греков – 201 140, албанцев – 165 620, турок – 231 400, владх – 69 665, евреев – 64 645 человек и т.д.⁴

По греческим данным, опубликованным в 1904 г., в Македонии (без Косовского вилайета) насчитывалось 1 724 818 человек. Из них:

греков – 652 795 человек, болгар – 332 162, турок – 634 017, владх – 25 101, евреев – 53 147 человек и т.д.⁵

Не оставались в стороне от этой дискуссии и российские наблюдатели.

1. Официальные представители Российской империи на Балканах.

В русской дипломатической переписке одно из первых упоминаний этнического состава населения Македонии можно встретить у консула в Битоли М.А.Хитрово в его донесении от 20 марта 1861 года в российское Посольство в Константинополе: «На пути от Солуни до Вардара я встретил смешанное население болгар и албанцев, между которыми преобладал греческий язык; далее за Вардаром греческий элемент совершенно исчезает, деревни населены исключительно болгарами и общеупотребительный язык – славянский, и чем более удаляешься от моря и вдаешься внутрь страны, тем язык этот становится шире и более переходит к греческому наречию»⁶. В марте же 1862 г. он пишет: «Ни в одном из городов здешней местности не встречал я болгарского населения столь развитого в гражданском отношении, как в Велесе»⁷.

Русские консулы в Македонии на рубеже XIX – XX в. официально не решались однозначно определять характер ее славянского населения. Например, консул в Битоли А.А. Ростковский в предисловии к своему исследованию «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году»⁸ скромно отметив, что не является филологом, писал, что «не решился даже на попытку выяснения вопроса к какой народности – сербской или

⁴ Ibid. P.30.

⁵ Ibid.

⁶ Сенкевич И.Г. Новые материалы по истории южных славян (из рукописного наследия М.А. Хитрово) // Славянский архив. М., 1963. С. 240.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ «Живая старина». 1899. №1. С.62-112. См. его же статью «Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г.» // Там же. 1900. №4. С.393-425, 565-583.

болгарской – принадлежат македонские славяне, так как мне кажется, что македонское наречие представляет переходную ступень от сербского к болгарскому языку, и потому я внес их под одну общую рубрику славян, разделив их только на патриархистов, экзархистов и мусульман. Что касается первых, то за исключением Кырчовской и Дебрской каз, где они сербофильствуют, остальные находятся под греческим влиянием и имеют в своих церквях богослужение на непонятном для них греческом языке, а также посылают детей в греческие школы, в коих учителя стараются, хотя и безуспешно, их выучить говорить по-гречески. Эти патриархисты известны у греков под именем «эллинов болгарофонов». А.В. Амфитеатров вспоминал: «Когда я, будучи в Битоли, спросил г. Ростковского, почему он держится такой осторожной классификации, он с полной откровенностью ответил, что несмотря на свое семилетнее пребывание в Битоли, полное постоянного общения с местными славянами, он до сих пор не решается определить, где в последних проведена граница между болгариним и сербом». А.В. Амфитеатров отмечал, что того же мнения придерживался и Н.А. Илларионов – генконсул в Солуни (Салониках), тридцать лет знакомый с Балканским полуостровом⁹.

2. Журналисты и общественные деятели

Примечательно замечание военного журналиста П.А. Риттиха, посетившего Македонию летом 1901 г., о том, что деление славян Ускуба (совр. Скопье) «на сербов и болгар совершенно не выдерживает критики: это один и тот же народ, охваченный либо болгарской, либо сербской пропагандой. Т.к. болгарская пропаганда ведется болгарами издавна, т.е. в течение более 30 лет, а сербы начали тут работать лишь с 1886 г., то естественно, что в городе большинство славян охвачено болгарской пропагандой, но и сербы не дремлют и ежегодно охватывают немалую толику адептов от болгар, что явствует из того, что за последние годы число болгар в Скопии и ее епархии не увеличилось, а уменьшилось»¹⁰.

В начале 70-х гг. в газете «Македония», чей издатель Петко Славейков принадлежал к плеяде великих деятелей болгарского возрождения, отмечалось, что «в Македонии, земле милой всякому болгарину,

⁹ Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903.

¹⁰ Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. С.-Пб., 1909. С.143-144.

чувства самосознания нет у большинства наших»¹¹. А русский консул доносил в ноябре 1885 г. из Битоли: «македонские болгары никогда не делали разницы между болгарами и сербами»¹².

О том же писал П.А. Риттих (он путешествовал по Балканам вместе с корреспондентом «Нового времени» В.П. Сватковким): «Турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее. Последствием такого отношения турецкого правительства к славянскому элементу в Македонии явилось то, что *македонцы в массе не имеют и по сию пору национального и политического самосознания* (Курсив Риттиха. – М.Я.)»¹³.

Амфитеатров прямо писал: «...Турецкая власть вообще не считается с национальным делением своих народов, а признает лишь религиозное. Взамен статистики по национальностям у нее имеются рекрутские списки, разделяющие мусульман, подлежащих воинской повинности (пуфуз), от христиан, платящих освободительный от воинской повинности налог (бедели-аскеризэ). Для нее существуют православные, католики, иудеи, мусульмане, гебры, но о народности православных, католиков, иудеев, etc. турецкая власть говорит лишь тогда, когда эта народность и исповедуемая ею религия сливаются для нее в общий и нераздельный символ. Православная вера для турок – греческая вера. Вот почему и сыграл такую важную роль в истории болгарского возрождения и освобождения Экзархат, отделивший болгар от Вселенского патриархата в отдельную группу. Как народность болгары не выделялись в мнении турок из ряда других «рум-милети». Но когда туркам выяснилось, что болгары – не греческой веры, а своей собственной, болгарской, – они, хотя и с крайним неудовольствием, полные самых тяжелых предчувствий, принуждены были признать болгар новую, специальной народной единицей. Вот почему также каждый шаг пропаганды в Македонии для серба вдесятеро труднее, чем для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно с болгарской. Болгары несли македонскому народу плоды осязательные: славянское богослужение, славянскую школу и, главное, официально признанную национальность. Сербам же – что касается богослужения и школы – до сих пор приходится выпрашивать славянского

¹¹ Косик В.И. Македония – споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С.321.

¹² АВПРИ.Ф.180.Д.1437.Л.202-203.

¹³ Риттих П.А. Указ. соч. С.141.

языка, как милости, или отвоевывать силой и скандалами у греческих епископов, сплошь фанатиков-фанариотов»¹⁴. Отсюда и стремление сербского правительства видеть во главе Ускюбской патриаршей митрополии митрополита-сербя – без этого формального признания проживания в Македонии сербов со стороны Турции как бы и не было.

Посетивший Македонию в 1897-1899 гг. П.Н. Милюков писал о том, что водораздел по этно-религиозному признаку в Македонии проходил зачастую и через семьи, когда одни называли себя «экзархистами», другие «патриархистами», а третьи «грекоманами»¹⁵.

В самой России вопрос об национальной принадлежности достаточно широко обсуждался на страницах двух наиболее влиятельных газет – «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Нового времени». В «Ведомостях» в этом обсуждении участвовали белградско-софийский корреспондент М. Юркевич (под псевдонимом М. Горюнин), софийский корреспондент К. Попов, барон Таубе (подписывал свои статьи «Т.М.К.») и Н. Дурново. В «Новом времени» на эту тему высказывались балканский корреспондент П. Вожин, В. Сватковский (под псевдонимом «Нестор»), много путешествовавший по Балканам, и А. Башмаков (под псевдонимом «Вещий Олег»), также большой знаток Балкан.

Русские авторы во многом не соглашаясь и дискутируя между собой, были едины во мнении (выделялась лишь позиция Н. Дурново), что вопрос о национальности македонских славян чрезвычайно запутан. Вот как выразил эту точку зрения П. Вожин: «Болгарин докажет вам как дважды два четыре, что Македония исконная болгарская страна, что тамошние сербы и греки лишь заблудшие овцы болгарского народа. Серб будет ссылаться на общность языка и утверждать, что македонцы его родичи. Грек категорически заявит, что в Македонии нет ни сербов, ни болгар, а одни «эллины»... При чрезвычайной перемешанности, чересполосности населения, полном отсутствии научной статистики разобраться в этих претензиях чрезвычайно трудно... Во всяком случае, от этих споров страдает, главным образом, само македонское население. Истомленное турецким режимом... оно делается легкой добычей политических агитаторов. В стране царит раскол»¹⁶.

«Нестор» так писал о славянах Македонии: «Население Македонии... более близкое к Сербии на Западе и к Болгарии на юго-востоке,

¹⁴ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С.28-29.

¹⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.128-129.

¹⁶ «Новое время». 1901. 21 марта.

представляет собой славянскую массу без сколько-либо значительного национального самосознания, настолько пластичную, что из нее не особенно трудно путем воспитания по желанию вылепить болгар или сербов»¹⁷.

Совершенно иного взгляда придерживался постоянный автор «Санкт-Петербургских ведомостей» Н. Дурново. Он оспаривал точку зрения «Нового времени», состоящую в том, что «русское общество не может разобраться в подробностях болгарских и сербских распрей» (В полемическом задоре он даже назвал однажды сотрудников этой газеты «панболгаристами», что, разумеется, не соответствовало действительности.). По-своему трактуя известные исторические факты, Дурново утверждал, что в далеком прошлом «славяно-македонцам» удавалось создавать свои царства, «освободясь от болгарского ига». Категорически отказывая болгарам в каком-либо праве на Македонию, он заключал: «Если мы не желаем признать славяно-македонское население сербским, несмотря на близость его языка сербскому, то мы не имеем никакого права считать его болгарским, а должны его считать за славяно-македонцев, за исключением славян скопийской и дебарской епархий, которые говорят исключительно сербским языком»¹⁸.

Диаметрально противоположным было мнение журналиста «Нового времени»: «Фикцией является... в учении мнимого сепаратизма изобретение Македонии и македонцев как страны, имеющей свой народ, свой патриотизм, свои цели и свою цельность... Македонской народности нет на свете. Существует лишь географическое понятие, название коему «Македония»... Тут не только нет цельной народной личности «македонской», но и ее образоваться не может, ибо теперь поздно, раз уже история каждой из отдельных народностей ее составляющих, давно шествует по пути все возрастающего национализма»¹⁹.

В редакционной статье 5 февраля 1901 г. «Санкт-Петербургские ведомости» высказывали следующую мысль: «Македонцы – народность смешанного этнографического типа, но имеющая свои самостоятельные признаки. Живя в течение нескольких веков в одной провинции, болгары, сербы, греки, румыны смешались в народность одного общего типа». Так писать, мог, конечно, автор, совершенно не знакомый с Македонией.

¹⁷ Там же. 1902. 21 августа.

¹⁸ «Санкт-Петербургские ведомости». 1901. 24 февраля.

¹⁹ «Новое время». 1902. 4 августа.

«Новое время» в редакционных статьях от 5 апреля и 22 августа 1902 г. заявляло: «Самый вопрос о принадлежности македонских славян к болгарскому племени глубоко спорный; на севере же страны, в ускубской епархии, на границах королевства Сербии население... естественно должно быть ближе сербам» (5 апреля). 22 августа: «25 лет назад в Македонии была та же неопределенная славянская масса населения, близкая болгарам или сербам, смотря по отдельным местностям, но просвещаемая исключительно болгарями». Как писал задолго до этого П. Вожин, «всякий македонец, не желавший слышать обедни на греческом языке, делаясь экзархистом, становился тем самым и болгариним»²⁰. Через некоторое время он добавит к этому: «С той же легкостью, с которой македонцы объявляли себя «болгарами», в местностях, подверженных непосредственному влиянию сербов, они стали называть себя «сербами»²¹.

Делая промежуточный вывод, можно отметить, что на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в указанный период отсутствовала единая точка зрения на национальную принадлежность македонских славян. Часть авторов рассматривала их как самобытную группу населения, из чего предлагалось предоставить им автономию. Другие же авторы писали о смешанном, болгаро-сербском составе населения края. На страницах «Нового времени», утверждавшего тезис о неоднородности македонского населения при преобладании на северо-западе сербов, а на востоке и юге болгар, проводилась мысль о необходимости раздела Македонии, как по этнографическим, так и по политическим мотивам.

***

Население внутренних сельских районов Македонии было вдалеке от всех международных кризисов, политических потрясений и войн. Набеги разбойничьих албанских шаек – вот, пожалуй, что их больше всего касалось. Вопрос о национальной самоидентификации просто не стоял. «Самый искренний ответ македонского славянина на вопрос, кто он, это – “я христианин”, – отмечал в начале XX в. А. Амфитеатров²². Однако в приложении к изданию, откуда взяты эти строки, Амфитеатров вынужден признать преобладание болгар в Македонии²³.

²⁰ Там же. 1901. 29 марта.

²¹ Там же. 1902. 29 июня.

²² Амфитеатров А. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1907. С.17.

²³ Там же. С.233-234.

А журналист В. Теплов писал в начале 1903 г. о том, что болгарский торговый агент в Битоли, «собрав местных именитых людей, объявил им желание болгарского правительства, чтобы они оставались спокойны (в условиях развивающейся смуты. — М.Я.), на что они ответили, что они знать не хотят о Болгарии, так как они македонцы, а не болгары»²⁴. Риттих рассказывает о подобном интересном случае в 1901 г. В трех верстах от Велеса ему и Сватковскому попался навстречу болгарский (т.е. экзархийский) священник. Завязался разговор. «Самым любопытным и многозначительным его ответом, — пишет Риттих, — было то, что он — *чистый македонец ...и не умеет говорить ни по-болгарски, ни по-сербски, а говорит по-македонски*. Болгарами же считает себя, сказал он, половина (его) деревни, а другая половина считает себя сербами»²⁵.

Вероятно, вовсе не являются преувеличением слова русского посланника в Сербии Г.Н. Трубецкого о том, что население Македонии являлось «тестом, из которого можно было вылепить и сербов и болгар»²⁶.

---

²⁴ Македонская смута // Русский вестник. 1903. №4. С.831.

²⁵ Риттих П.А. Указ. соч. С.214.

²⁶ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 39.

ПОСЛЕДНИЕ ОБРЕНОВИЧИ В СЕРБИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

После 1878 г. важной чертой политического развития Сербского государства было укрепление режима личной власти монархов из династии Обреновичей. В апреле 1893 г. сын Милана Обреновича Александр провозгласил себя совершеннолетним, узурпировав власть в стране в своих руках. Было сформировано новое коалиционное правительство напредняков и радикалов во главе с Лазаром Докичем – бывшим воспитателем Александра. Милан, вернувшись в страну из Австро-Венгрии, стал соправителем сына. В апреле 1894 г. специальным указом ему было возвращено сербское подданство и права члена королевской фамилии. В мае того же года была отменена конституция Сербии 1888 г., которую заменили старым Уставом 1869 г. Опираясь на него, король фактически установил авторитарный режим. Вождь радикалов Никола Пашич был смещен с поста посланника Сербии в России.

Последующие годы правления Обреновичей характеризуются усилением личной власти монарха, свертыванием парламентаризма и постоянной сменой правительств. За неполных два года кабинеты менялись с фантастической быстротой: январь-март 1894 г. – Джордж Симиче, март-октябрь – Светомир Николаевич, октябрь 1894 г. – июнь 1895 г. – Никола Христич, а затем сербское правительство возглавляли напредняк Стоян Новакович¹ (1895-1896) и снова Д. Симич

---

¹ Стоян Новакович являлся не только значительным государственным деятелем Сербии 2-й половины XIX – начала XX в., но и крупным ученым – историком и филологом. Российский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой писал, что «сербы гордились им. В политическом мире его имя произносилось тотчас после Пашича. Последнему он уступал в хитрости и умении ладить с людьми и обстоятельствами. Он был больше ученый, чем политик, но главным двигателем его жизни был пламенный патриотизм, в науке и в политике для него существовала одна Сербия...». (*Трубецкой Г.Н. Российская*

(1896-1897). С 1897 по 1900 г. кабинетом министров руководил Владан Джорджевич. Очередная смена власти привела к образованию в 1900 г. «Свадебного министерства» Алексы Йовановича. Обстановка в Сербии накалялась. 6 апреля 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, разработанную напредняками в 1896 г. и введившую двухпалатную систему представительства (Народную скупщину и Сенат), что вызвало раскол внутри Радикальной партии. Часть радикалов образовала в мае 1901 г. свою партию – Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы» или «младорадикалы»), которую возглавил профессор Любомир Стоянович.

Эти непростые политические процессы в Королевстве давно пребывают в сфере внимания исследователей. И в этой связи, донесения российских дипломатических, полицейских и военных агентов – очевидцев событий в Белграде и Сербии в конце XIX – начале XX в., являются важным источником, как реальные и живые свидетельства бурной политической жизни страны в указанный период. Среди них, в первую очередь, отметим донесения А.И. Будзиловича и В.В. Тржецяка – заведующих балканским отделом российского Департамента полиции.

* * *

Соответствующая агентура департамента полиции была создана в 1886 г. в Бухаресте и первоначально возглавлялась А.Е. Мищенко, которого в 1890 г. сменил полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его смерти в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк. В ее функции входила слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. В ведении агентуры находились Румыния, Болгария и Сербия, а среди осведомителей Тржецяка было немало балканских политических фигур. Так, например, агентами В.В. Тржецяка были Гаспар – комиссар бухарестской полиции, Гнедич – помощник градоначальника Белграда, Йован Джайя – известный сербский политик, министр полиции, а после отставки – редактор и издатель газеты «Народ». Всего же под началом Тржецяка в Румынии действовало 16 агентов, пять в Болгарии, двое в Сербии и один в Вене². Особо среди агентов Тржецяка выделялся Антон Макарович Прудкин (1880-1942), действовавший под псевдо-

---

дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах, Монреаль, 1983. С. 93). Умер С. Новикович в Нише весной 1915 г.

² Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки. М., 2004 С. 73

нимом Антон Михайлович Озеров. Именно от него Департамент полиции получал оперативную информацию о деятельности болгарских и македонских революционеров, переброске на территорию России оружия и нелегальной литературы³. Однако деятельность балканской агентуры сопровождалась скандалами, связанными в первую очередь с деятельностью ее секретного сотрудника Александра Вейсмана⁴, что снижало эффективность ее работы и привело в результате к ее закрытию в феврале 1904 г.

В тоже время, А. Вейсман явился организатором охраны Александра Обреновича, «на содержание которой король уплачивал вначале около 70.000 франков в год, а затем, со смертью Милана (в январе 1901 г. — Я.В.) эта сумма уменьшена. Из этого отпуска львиную долю получал сотрудник Вейсман, который был главным распорядителем охранной службы при короле. Обстоятельство это еще более упрочило служебное и материальное положение Вейсмана и еще более убедило его в том, что он якобы является главным агентурным работником Департамента полиции в Болгарии и Сербии»⁵. После смерти Будзиловича Вейсман попытался встать во главе заграничной агентуры и даже ездил с этой целью в Петербург, где представлялся самому Л.А. Ратаеву — начальнику особого отдела Департамента полиции, а с 1902 г. — заведующему заграничной агентурой. Однако мечтам Вейсмана не суждено было сбыться, и во главе балканской агентуры был поставлен Владимир Валерианович Тржецяк, первым шагом которого стал отказ от охраны сербского короля Александра Обреновича⁶. «Вскоре после моего назначения, — отмечал он в своем донесении от 23 августа 1903 г., — я был у короля Александра и, отказавшись от оплачиваемой им охраны, уверил его в постоянной готовности служить ему безвозмездно». «Насколько своевременным был этот шаг показали последующие кровавые события в Белграде», — отмечал российский

³ О деятельности А.М. Прудкина подробнее см.: *Каширин В.Б.* Опасные связи капитана Прудкина. Легендарный болгарский моряк и секретные службы России // *Родина*. 2009. № 8. С. 122-126.

⁴ Авантюрная деятельность А. Вейсмана как агента сама по себе может являться предметом специального исследования (см.: *Вишняков Я.В.* Уничтожить всю коварную Европу // *Родина*. 2007. № 1. С. 39-43).

⁵ ГАРФ. Ф.505. Д.39. Л.421 об.-422.

⁶ Однако убеждение в том, что именно А. Вейсман, а не В.В. Тржецяк, был главой заграничной агентуры российского департамента полиции долгое время было весьма устойчиво в общественных кругах Европы, а затем перешло на страницы исторических исследований. Об этом, например, пишет В. Дедиер в своей книге «Сараево. 1914.» (см.: *Dedijer. V. Sarajevo. 1914.* Knj. II. Beograd, 1978. S. 222).

полицейский агент⁷. Но, «лишившись 12.000 франков в год, Вейсман остался весьма озлоблен отменой охраны и уверен был, что таковая исключительно вследствие моего настояния произошла», — оправдывался впоследствии В.В. Тржецяк⁸.

Но именно Вейсман предоставил российскому правительству достоверные сведения об убийстве сербского короля Александра Обреновича, «за которые он получил 1000 франков от посланника (в Белграде — Я.В.) Чарыкова и кроме того дано мною 500»⁹, — писал в департамент полиции Тржецяк. После осуществления кровавого переворота 29 мая 1903 г. В.В. Тржецяк составил, на основании сообщений А. Вейсмана, подробное описание убийства королевской четы¹⁰. Вот, например, как он изложил последние минуты жизни Александра и его жены: «Сведения о последних минутах короля и королевы крайне сбивчивы и разноречивы. В общем, по показаниям самих убийц, король, в одной красной шелковой рубаше закрывал собою одетую лишь в пеньюар королеву, и первая пуля, пущенная офицерами Античем и Христичем в голову короля была смертельна; королева была вначале ранена в живот. Когда король и королева упали, то заговорщики продолжали стрелять в них, так, что у короля было 23 раны, а у королевы 20. Последний выстрел в королеву, в правый ее глаз, сделал полковник Машин, обозвав при этом королеву публичной женщиной. Вслед

---

⁷ Имеется в виду убийство сербского короля Александра Обреновича и его жены Драги 29 мая 1903 г. Отказ от охраны Александра Обреновича породил слухи о непосредственном участии российского Департамента полиции в трагических событиях в Белграде. В качестве примера приведем выдержку из письма эмигранта Феликса Видимовича Волховского к эмигранту Ивану Николаевичу Кашиинцеву от 7 августа 1903 г., в котором он излагает просьбы редакции издававшейся в Женеве антиправительственной газеты «Революционная Россия»: «Вас просят также прислать сведения о русской политике на Балканском полуострове и главнейшие сообщения о македонских делах и революционном движении. Между прочим, меня спрашивали принимало ли русское правительство прямое или косвенное участие в уничтожении Обреновичей. Вы, вероятно, можете там все это узнать. Еще просили вам передать, что давно хотели выслать Вам все издания «Революционной России» и другие издания той же фирмы, но боимся, что проект этот не получит пока осуществления, экспедиция уверила, что за вами и за другими эмигрантами контора Вейсмана зорко следит, и что вследствие этого неудобно получить эти вещи, и что они могут повредить вашему положению» (ГАРФ. Ф.102. Оп. 316. Д.1. Ч.14. Т.III. Л.42).

⁸ ГАРФ. Ф.505. Д. 39. Л.423.

⁹ Там же. Л.427 об.

¹⁰ См. Вишняков Я.В. «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 68-77

за этим обнаженные трупы королевы, а затем короля были выброшены в окно заговорщиками в дворцовый сад, где и пролежали до 6 часов утра. В 6 часов утра трупы короля и королевы были завернуты в саваны и перенесены в новый дворец, где произведено было вскрытие, а затем в ночь с 29 на 30 мая тела были отвезены на санитарных дрогах в сопровождении жандармов и полицейского чиновника в церковь св. Марка на старом кладбище, где и похоронены»¹¹. В эту же ночь были убиты братья королевы, глава правительства Д. Цинцар-Маркович и военный министр М. Павлович¹².

Убийство королевской четы 29 мая 1903 г. было далеко не случайным, явившись следствием серьезного внутривластного кризиса и резкого падения авторитета королевской власти, чему немало способствовало покушение на Милана Обреновича, совершенное 24 июня (6 июля) 1899 г. (т.н. «Иванданский атентат»). Событие это было использовано Миланом для очередного удара по лидерам Радикальной партии. Вскоре был арестован ряд видных ее деятелей – Коста Таушанович, Аца Станоевич, Любомир Живкович, а также лидер партии Н. Пашич, который был доставлен из Пожареваца. В связи с покушением арестовали даже русского подданного, химика И. Содомского, который, однако, был вскоре выпущен на свободу, требуя впоследствии с сербских властей компенсацию за полученные страдания. Непосредственный исполнитель покушения Стеван Кнежевич,

---

¹¹ Там же. С. 72. Этот же документ был переведен на сербский язык и в октябре 1927 г. опубликован в журнале «Новая Европа», куда его передал Душан Семиз – поручик сербской армии и член офицерской организации «Черная Рука», оставшийся после Первой мировой войны в России. Семиз был арестован в ходе сталинских репрессий, проживал в Мышкине, где и умер в 1955 г. (см. *Nova Evropa*. Кнж. XVI. Вр. 7. 11 oktobra 1927. S. 225-230 // РГВА (особый архив) Ф.579. Д.50).

¹² Убийство генерала Павловича, награжденного орденом Св. Георгия за проявленное мужество в войне 1877-1878 гг. является отдельным, трагическим сюжетом той майской ночи. Генерал в течение получаса отстреливался из револьвера от заговорщиков во главе с капитаном М. Йосиповичем, пока не был убит. Российский военный агент И.Н. Сысоев – сосед министра по лестничной площадке, являясь свидетелем расправы, писал: «Когда смолкла перестрелка и солдаты удалились, я вошел в квартиру генерала, и глазам моим представилась картина полного разрушения; на полу валялись щепы, обломки мебели и домашней утвари, масса битого стекла, обвалившаяся штукатурка; все изломано, исковеркано; повсюду на стенах, и даже на потолке следы ударов пуль. Войдя в кабинет, я увидел убитого генерала, лежащего в луже крови. На обезображенном трупе его найдено 17 штыковых и пулевых ран. Во время кровавой расправы с генералом, объятые ужасом несчастные жена и взрослая дочь его скрывались на чердаке и остались живы; женщин решено было не убивать» (цит. по: *Шемякин А.Л.* Убиение генерала Павловича. Как убивали в Белграде георгиевского кавалера // *Родина*. 2007. № 9. С. 66).

несмотря на свои заявления о невиновности, был приговорен к смертной казни и расстрелян в тот же день. Значительные сроки заключения получили лидеры радикалов: К. Таушанович – 10 лет тюрьмы, а Стоян Протич, Л. Живкович и Милан Джурич – по 20 лет каторжных работ. Н. Пашич, осужденный на пять лет заключения, сумел избежать наказания, благодаря произнесенной на суде покаянной речи с выражением его преданности династии Обреновичей и обещаниями прекратить политическую деятельность – после объявленного 13 сентября 1899 г. помилования он поспешил отправить королю Александру верноподданническую телеграмму¹³. Вместе с тем, расправа над радикалами мало что изменила. Российский представитель в Белграде П.Б. Мансуров отметил в донесении в августе 1899 г.: «За исключением престарелого и потерявшего свой авторитет Ристича, никто из дорожащих своею политическую репутацией государственных людей не решается связать свое имя с нынешним строем»¹⁴, тем более, что лидеры Радикальной партии вскоре были выпущены на свободу, амнистированные (после женитьбы Александра Обреновича) по случаю дня рождения королевы Драги; при этом они официально были объявлены жертвами милановского режима.

В литературе укоренилось мнение о том, что это покушение было инспирировано самим Миланом для укрепления режима правящей династии и расправы над ненавистными ему радикалами. Свидетельства российских дипломатов позволяют несколько скорректировать данную точку зрения. За полтора года до вышеозначенных событий, российский посол в Вене граф Капнист в своем донесении от 19.02./3.03. 1898 г. привел разговор с «лицом, пользующимся полным доверием г-на Симича, который недавно был проездом в Вене и изъявил желание меня видеть во время пребывания моего в Будапеште». Вот как он изложил содержание данного разговора: «Во всей стране господствует мнение, что без благоволения России Сербии осталось бы лишь отказаться от всех своих заветных вождедений и ступешваться перед угрожающим напором Болгарии и ее пропагандой в Македонии. Между тем Милан еще не стар и может вредить своему отечеству еще неопределенное время. В этих обстоятельствах Радикальная партия, не желая прибегнуть ни к открытому восстанию, ни

¹³ Подробнее см.: *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996. С. 352-376; *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића. 1893-1903. Београд, 1973.

¹⁴ *Раденић А.* Прогони политичких противника... С. 776.

к покушениям решительно не знает, что ей делать и что предпринять, чтобы не дать отечеству окончательно погибнуть. Предводители этой партии спрашивают себя, не лучше ли сделать отчаянную попытку, бросившись очертя голову в предприятие на так называемую Старую Сербию, чем гибнуть постепенно и безнадежно. Им желательно было бы знать, как Россия отнеслась бы к перевороту, который низверг бы Обреновичей, чтобы возвести на сербский престол черногорскую династию или же Карагеоргиевичей». Реакция российского посла на эти слова была вполне предсказуема. Он ответил, что «ожидать от России, чтобы она высказалась вперед перед партийными вожаками о том, как она относится к замышляемому ими перевороту, значило бы ожидать, чтобы она вступила с ними в сообщничество, а такое предположение я считаю оскорбительным для императорского правительства и выражать его при себе не позволю». Вместе с тем Капнист высказал вполне определенное отношение к Милану российских правящих кругов: «Что же касается того, как относится Россия к Милану, то наше правительство не скрывает, что от него нечего ожидать милостей там, где он хозяйничает. Своим доброжелательством и милостями Россия располагает по своему усмотрению, но вмешиваться во внутренние дела страны и вступать в сообщничество с теми или другими партиями, она считает неуместным, нежелательным». Российский дипломат при этом пророчески резюмировал, что «несмотря на явные преувеличения, внушенные партийным духом, картина внутреннего положения Сербии представляется не лишенной опасности для ее внутреннего спокойствия»¹⁵. Интересен также факт, что сам Н. Пашич, уже после свержения Обреновичей, оправдывался в сербской прессе за свое поведение на процессе Кнежевича тем, что «вынужден был принести повинную, чтобы тем спасти от верной казни своих товарищей по несчастью. Кроме того, Пашич действовал таким образом вследствие увещаний Генчича, с которым еще ранее вел переговоры о династии Обреновичей»¹⁶.

Джордже Генчич – бывший министр внутренних дел в кабинете В. Джорджевича, был арестован в ноябре 1900 г., по возвращении из Австрии. Ему было предъявлено обвинение в оскорблении короля, причем в одном из писем Генчич заявил, «что если король не примет мер к восстановлению поруганной его чести, то он будет считать себя разрешенным от обязательств верноподданного». Российский

¹⁵ АВПРИ. Личный архив Гартвига. Оп. 584. 1897/1898. Д.49. Л. 20 об.-24.

¹⁶ Там же. Ф.Политархив. Д.503. Л.11.

дипломат П.Б. Мансуров отметил, что «король усматривает затем угрозу в имеющимся в одном из писем выражении: коею мерою мерите, отмерится вам»¹⁷. Мансуров задал вопрос королю, почему Генчич вернулся, на что «король отвечал, что сторонники короля Милана привыкли к безнаказанности»¹⁸. Суд приговорил Генчича к семи годам тюрьмы, но король его помиловал. Характерно, что после того, как Генчич выслушал приговор, к нему подошел германский посланник и демонстративно пожал ему руку¹⁹.

Буквально сразу после покушения, возникли слухи о причастности к нему российской полиции. Заведующий в те годы агентурой российского Департамента полиции на Балканском полуострове Будзилович доносил в апреле 1900 г. из Бухареста, что в немецкую газету «*Bukarester Jagblatt*», редактор которой Герман Бомхес, как отмечает Будзилович, «мой хороший знакомый», из Белграда поступила статья некоего Петровича²⁰, в которой говорится, что начальник русской секретной службы состоял «в сношениях с Кнежевичем, во время проживания последнего в Бухаресте, который затем покушался на жизнь экс-короля Милана»²¹. Будзилович, отрицая какую-либо связь с Кнежевичем, особо подчеркнул в конце донесения: «Что же касается Кнежевича, то таковой мне совершенно неизвестен»²². Подозрения о причастности российских агентов к покушению Кнежевича были и у Александра Обреновича. В январе 1901 г., уже после смерти Милана, министр внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягин запросил у графа Ламздорфа донесения поверенного при сербском дворе Мансурова, в которых он «по просьбе Его Величества короля Александра сообщал будто бы министерству иностранных дел, для доклада Государю императору, сведения об участии представителей русской заграничной политической полиции в заговоре на жизнь бывшего сербского короля Милана»²³.

¹⁷ Раденић А. Прогони политичких противника... С. 833.

¹⁸ Там же. С. 834.

¹⁹ Там же. С. 835.

²⁰ Будзилович быстро выяснил, кто скрывался под фамилией Петрович. «По выяснении в Белграде личности автора „Петровича“, указывавшего адрес „Hotel Imperial“ оказалось, что Петрович в гост. „Imperial“ не проживает, а что на эту гостиницу на имя Петровича получает письма быв. министр полиции в Белграде Генчич, ближайший сподвижник и друг Милана» (ГАРФ. Ф.102. Оп. 316. I. Ч.2. Т.1 Л.18).

²¹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 316. I. Ч.2. Т.1 Л.10-11.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же. Ф.102. Оп. 316. I. Ч.2. Т.1 Л.32.

«Иванданский атентат», по словам сербского историка С. Йовановича, показал, что всего лишь одна «револьверная пуля может положить конец целой династии»²⁴. Вопрос о наследнике приобретал в этой связи немаловажное значение. Укрепить положение династии супруга Милана, королева Наталья, пыталась путем брака Александра или с русской, или с черногорской княжной, что могло создать перспективы объединения двух славянских государств под скипетром новой династии; подобные переговоры велись и с греческим королевским домом. Милан, в течение всего 1900 г. вел переговоры в Вене и Берлине о возможной женитьбе своего сына на одной из немецких принцесс. Молодой король, ради Драги – женщины значительно его старше, и к тому же имевшей весьма сомнительную репутацию²⁵, отверг все возможные варианты, причем свое намерение жениться на Драге он держал втайне до 3 июля 1900 г., а затем постепенно стал посвящать в свои планы высших государственных чиновников и военных, заставив последних принести унижительную клятву на верность престолу, что вызвало негодование младших офицеров, окончательно приведя их к мысли о необходимости свержения династии Обреновичей²⁶.

Торжественное венчание короля Александра и Драги состоялось 23 июля 1900 г. в Белградской соборной церкви. Этот шаг Александра отвернул от него значительную часть сербского общества и вызвал отставку правительства В. Джорджевича. Не приняли это решение Александра и в Петербурге, хотя Николай II и согласился стать кумом молодых, но своего представителя так и не прислал. Планировавшийся их официальный визит в российскую столицу также не состоялся. Даже Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Находясь в это время за границей, он, после объявления помолвки, порвал с ним, и, отказавшись возвращаться на родину, умер в январе 1901 г. в Вене. Известны слова Милана, сказанные им после пресловутой женитьбы его сына: «Саша, мой сын, это чудовище в человеческом облики. Я все терпел, даже когда он попал в лапы этой падшей женщины, а теперь точно знаю, что он пропал. Министры и наместники отвернулись от него – все это дело рук Машинки. Боже, что за позор для Сербии.

²⁴ *Йовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. II. Београд, 1931. С. 136

²⁵ В 1890 г., после развода с Миланом, бывшая королева Наталья поселилась во Францию, а Драга стала ее придворной дамой на вилле в Биаррице. Именно там, в 1895 г., навещая свою мать, Александр Обренович смертельно влюбился в Драгу, которая уже осенью 1897 г. вернулась в Белград в статусе любовницы сербского короля.

²⁶ *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 52.

Женщина, которая отдавалась любому за 10 франков, теперь королева Сербии»²⁷. Причем Милан не ограничился только заявлениями, пытаясь, видимо даже устроить заговор против собственного сына. По крайней мере, Будзилович доносил, что «около недели тому назад агенты Милана выкрали на болгарской уже территории (между Пиротом и Софией) почтовую сумку, в которой было собственноручное письмо короля Александра к князю Фердинанду и письмо сербского министра иностранных дел к сербскому консулу в Софии. Письма эти имели важные политические предложения. После этой кражи Милан посетил Бухарест, где провел три дня и делал разные политические предложения Румынии в ущерб Сербии и Болгарии, но, кажется, его предложения забракованы и он убрался в Австрию»²⁸. Н.В. Чарыков, уже после смерти Милана, отмечал в донесении 21 ноября 1901 г.: «Покойный король Милан оставил, или же еще при жизни вручил императору Францу Иосифу мемуар, в котором он высказал различные обвинения против короля Александра и его супруги, и между прочим приписал своему сыну какие-то враждебные России выходки и обязательства. По сведениям короля, означенный мемуар был недавно доставлен из Вены в Петербург и этим король готов был объяснить упорные слухи об охлаждении к нему русского правительства»²⁹. Он же добавлял далее: «Наконец, король рассказал, что покойный полковник Будзилович (Грабо) передал ему секретно, через сербского посланника в Софии, что он, Грабо, получил из Петербурга от своего начальства письмо, написанное симпатическими чернилами и сообщавшее, что происки врагов короля увенчались успехом и что поездка сербской королевской четы не состоится. Вызванный в Белград, Грабо упомянутого письма королю не показал, взялся лично выяснить дело в Петербурге, просил короля снабдить его письмами и выкалывал другие странности»³⁰. Резюмируя вышесказанное, российский посланник писал: «Мемуар его отца вероятно существует. Письмо из Петербурга химическими чернилами вернее всего выдуманно, может быть, тем Вейсманом, который служил тайным агентом Грабо в Софии и Белграде»³¹.

²⁷ Последњи Обреновићи. Убиство краља Александра и Драге 29 маја 1903. Истина прича из најновије историје. Нови Сад, 1903.

²⁸ ГАРФ Ф. 102. Оп.316. I. Ч.2. Т.1 Л.18 об.

²⁹ Раденић А. Прогони политичких противника... С. 839.

³⁰ Там же С. 840.

³¹ Там же С. 837.

Известно, что австро-венгерские правящие круги также стремились к свержению неуравновешенного Александра, оказав заговорщикам значительное содействие. В этой связи личная жизнь самого Милана Обреновича, как показывают документы Будзиловича, также в немалой степени интересовала Вену. Еще в 1887 г. Н.Г. Гартвигу доносили о сложных отношениях Милана и его жены – королевы Натальи³². «Мало того, вопреки желанию короля, она предприняла поездку в Россию, которая, при блестящем приеме, оказанном ей там, еще больше усилила обаяние ее в народе. Мысль о возможности его низвержения и королеве-регентше не давала ему покоя»³³. Именно поэтому, «своим непристойным поведением (оргии с m-me Nasos, Millet, Христич), он сделал пребывание в Сербии королевы невозможным»³⁴. Связь Милана с Артемизой Христич, у которой от него родился сын Георгий, и стала основной причиной развода с Натальей, который был оформлен в октябре 1888 г. После смерти Милана, как отмечал в своем донесении от 14 марта 1901 г. полковник Будзилович, австрийское правительство предложило Артемизе переехать из Константинополя в Вену, «дабы завладеть всеми подлинными и фотографированными письмами Милана. Кроме того, имеет в виду предложить Артемизе 400 тыс. франков, как материальное обеспечение ее сына, происходящего от короля Милана, возвести его в графский титул, воспитать и образовать на средства австрийского правительства и в будущем выставить его наследником сербского престола. Не сомневаюсь, что эти происки Австрии в будущем могут создать для Сербии некоторые осложнения, тем более, что Австрия может встретить поддержку в своих подпольных происках в среде сторонников короля Милана, проживающих в Сербии, которые, несмотря на смерть последнего, остаются солидарными со стремлениями Австрии»³⁵. В январе 1903 г. российские правящие круги были встревожены сообщениями о том,

³² Известный российский публицист, внук знаменитого историка Н.М. Карамзина, князь В.П. Мещерский, посетив Сербию во время обострения Восточного кризиса 1875-1876 гг., остался в восхищении от встречи с Натальей Кешко, ставшей княгиней Сербии: «Эта необыкновенная юная женщина имеет в себе именно те волшебные прелести доброй феи или, говоря серьезно, все великие добродетели и духовные прелести женщины-христианки, которая в состоянии вместить в своем сердце сильнейшую любовь к своему народу и любовь к Богу вместе со страданиями за свой народ» (Шипка и Плевна – слава русского оружия: из истории Балканской войны 1877-1878 гг. М., 2003. С. 12).

³³ АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.29. Л.36.

³⁴ АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.29. Л.36 об. -37.

³⁵ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. I. Ч.2. Т.1. Л. 43 об.-44.

что некто Вильям Брендель из Мюрцшлагге (Штирия) «выдает себя за сына покойного короля Милана и королевы Натальи, рожденного ими до брака, и указывает, что в силу этого обстоятельства, он мог бы явиться претендентом на сербский престол»³⁶.

Именно поэтому австро-венгерские представители в Белграде посланник К. Думба и военный атташе Помянковский, восприняли свершившийся переворот совершенно спокойно, полагая, что перемена династии вернет по отношению к монархии времена «милановщины»³⁷, а К. Думба первым из иностранных дипломатов оказался на месте трагедии. Не случайно также и то обстоятельство, что после переворота 29 мая 1903 г. многие представители сербских политических кругов находили приют в австрийской империи. «Эти деятели, составляя в руках Австрии прекрасное оружие для производства дальнейших беспорядков и волнений на Балканском полуострове, — доктор Владан Джорджевич с его приверженцами, состоящими, главным образом, из уволенных от сербской службы военных генералов, министров и чиновников, представителей сербской либеральной и напредняцкой партий», — отмечал В.В. Тржецяк³⁸.

Также, исходя из сведений российских дипломатических агентов на Балканах, утверждение ряда авторов о том, что после введения конституции 1901 г. старые радикалы, в главе с Н. Пашичем, «удовлетворенные отстранением большинства народа от участия в политической жизни страны, стали, по существу, верными помощниками и защитниками династии»³⁹, кажется нам не совсем верным. Об этом говорят и косвенные факты их общения с заговорщиками, хотя степень их участия в подготовке переворота до конца не выяснена. Сербский историк С. Йованович отмечал, что попытки руководителей заговора Генчича и Новаковича установить контакты с вождями Радикальной партии — Н. Пашичем, С. Протичем и Л. Живковичем окончились неудачей⁴⁰. Однако, на основании донесений российских агентов, представляется возможным сделать вывод о том, что если радикалы и не участвовали в непосредственной разработке планов пе-

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д.502. Л.177.

³⁷ Аустро-Угарска и Србија. 1903-1918. Документи из Бечких архива. Т. I. 1903. Београд, 1973. С. 45-49.

³⁸ ГАРФ. Ф.505. Д.81 Л.18.

³⁹ См. Павлюченко О.В. Россия и Сербия 1888-1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев, 1987. С.35.

⁴⁰ Йовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. II. Београд, 1931. С.342.

реворота, то общественная почва для свержения Обреновичей была подготовлена не без их участия. Отметим также, что сам Н. Пашич был осведомлен о подготовке убийства. За 5 дней до его осуществления, по просьбе Генчича, его поставили в известность о готовящихся событиях. Пашич предпочел немедленно уехать за границу, откуда и следил за развитием ситуации в Белграде⁴¹. Российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков доносил, что участие радикалов в заговоре «не выяснено», но он же заметил, что «среди радующихся офицеров видны два деятеля крайней радикальной партии». Об участии радикалов в этих событиях, уже после осуществления переворота, упоминал также российский посланник в Софии Ю.П. Бахметьев: «Но насколько теперь постепенно делается известным, заговор имел гораздо большие разветвления, чем сперва предполагалось; в нем участвовал и сам Калиевич и даже дочь хорошо известного вашему сиятельству почтенного генерала Груича, девушка 22 лет, вместе с женой министра Живковича, присутствовала на ночном заседании, когда была решена участь королевской четы»⁴².

* * *

Первый план ее ликвидации был разработан офицерами еще в августе 1901 г. Покушение предполагалось совершить 11 сентября на балу ресторане «Коларац» в честь рождения королевы Драги, а во главе заговора встали поручики Антоние Антич и Драгутин Димитриевич (Апис)⁴³. Тогда же были установлены контакты офицеров с политическими деятелями Сербии – в декабре 1901 г. на связь с ними вышел Д. Генчич, который только три месяца назад освободился из пожаревацкой тюрьмы. Как отметил С. Йованович – «Генчич оказывал большое влияние на заговорщиков. У него был необходимый политический опыт, и они готовы были его слушаться как вождя»⁴⁴. Непосредственно он вовлек в заговор Белградского адвоката Алексу Новаковича. Вскоре был обозначен основной круг политических деятелей вовлеченных в подготовку переворота. Туда также вошли Драгомир Райович – представитель напредняков, известный либерал Йован Авакумович, контакт с которым был установлен во время совещания 1 ноября 1902 г.,

⁴¹ АСАНУ. Оставштина М. Живановића. Бр.14434/8.

⁴² АВПРИ. Ф.Политархив. Д.2868. Л.206.

⁴³ Vasić D. Devetsto treća (Majski prevrat). Beograd, 1925 (reprint izd. 2000). С. 54.

⁴⁴ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Београд 1931. С.342.

ближайший родственник Петра Карагеоргиевича Яков Ненадович и банкир Никола Хажди-Тома⁴⁵.

Непосредственное осуществление переворота было возложено на офицеров 6-го пехотного полка. Первоначально руководство по подготовке переворота осуществлял полковник Дамьян Попович. Он, однако, был перемещен из Белграда, и его функции перешли к полковнику Александру Машину – родному брату первого мужа королевы Драги, который, как заметила российская газета «Новое Время» «был одной из наиболее ненавистных населению креатур Милана, с непонятной жестокостью исполняя его сумасбродные приказы и в Цетинье вел себя самым безобразным образом, как сербский посланник за время министерства Владана Георгиевича (Джорджевича – Я.В.), ухаживая за австро-венгерскими агентами и оскорбляя черногорский двор. Он перешел в оппозицию вместе с Владаном Георгиевичем, когда после бракосочетания короля Александра с Драгой, его удалили из дворца и даже из Белграда...»⁴⁶.

По сообщениям белградской прессы, в ходе переворота погибло 10 офицеров, из них 3 генерала и 2 подполковника. За первые полтора года после свержения Обреновичей было уволено в отставку 4 генерала, 15 полковников, 8 подполковников, 5 капитанов и 20 молодых офицеров. 1 генерал, 1 полковник и 20 офицеров были зачислены в резерв. 3 подпоручика подали в отставку сами, а 2 – отставлены от службы против собственного желания. К суду было привлечено 260 офицеров разных чинов⁴⁷. Заметим также, что в истории независимой Сербии это был первый крупный политический акт, в котором офицерство показало как свою реальную силу, так и то, сколь значительно оно может влиять на ее политическую жизнь. Однако события мая 1903 г. не только не вывели страну из тяжелого внутривнутриполитического кризиса, а привели к еще большему его углублению, поскольку именно с этого времени началось столкновение руководителей Радикальной партии, ставшей после переворота ведущей политической силой в Сербии, и сербскими военными – непосредственными организаторами переворота, занявшими после 1903 г. влиятельные посты в армии и претендовавшими на роль политических лидеров страны.

Донесения российских представителей в этом смысле весьма показательны. Так, например, Н.В. Чарыков отмечал, что «главную

⁴⁵ Nenezić Z. Masoni u Jugoslaviji (1764-1980). Beograd, 1984. С.244.

⁴⁶ Новое Время. 31 мая 1903 г.

⁴⁷ АВПРИ. Ф.Политархив. Д.2869. Л.124.

причиной избрания князя Петра Карагеоргиевича явилось решение офицеров, располагающих еще белградским гарнизоном, что они не допустят иного выбора»⁴⁸. Он же особо подчеркивал: «С прекращением междуцарствия здесь начинает проявляться некоторая реакция в смысле осуждения совершенных ужасов. Королю может удастся при нашей поддержке и пользуясь этим настроением, высвободиться постепенно из рук мятежного офицерства. Однако, опасения, или вернее надежды австро-венгерского посланника, что правление Карагеоргиевичей не продолжится и вызовет усобицу, возрастают».⁴⁹ Эти же свидетельства дают яркую характеристику состояния сербского общества после осуществления переворота, который мало что изменил в патриархальных представлениях сербского общества о принципах доступа к институтам власти. Российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков доносил в С.-Петербург в июле 1903 г.: «В Сербии оказывается до 300 бедных родственников короля Петра со стороны Ненадовичей. Многие из них приехали теперь в Белград и ожидают, что король начнет завтра же массовое увольнение теперешних чиновников и даст им места последних»⁵⁰.

Также показательна в этом смысле данная российским представителем характеристика настроений значительной части сербского общества после убийства королевской четы: «Между тем с самых первых часов междуцарствия, среди сербов обозначилось стремление воспользоваться последним, чтобы положить конец тем затруднениям, которые потерпела Сербия от присутствия на ее престоле национальных династий. „Нам нужен король“, — говорили сторонники этой мысли, который был бы выше нас всех, который бы не состоял бы в родстве или семейной вражде с тем или другим из своих поданных. Обреновичей погубили Луневицы, Карагеоргиевичей погубят Ненадовичи. Нам нужно, наконец, спасти Сербию от этих начал и губительных терзаний, призвав на сербский престол иностранного принца»⁵¹. В этой же связи в Белграде было немало сторонников установления республики, а подобные тенденции проявлялись даже среди некоторой части офицерского корпуса, что не ускользнуло от внимательного взгляда того же Н.В. Чарыкова, который отметил, что «среди офицеров, наряду с

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д.2868 Л.50.

⁴⁹ Там же. Л.91.

⁵⁰ Там же. Л.120.

⁵¹ Там же. Л.69-69 об.

приверженцами Карагеоргиевича, есть сторонники республики»⁵². Эти тенденции, однако, были достаточно быстро локализованы, том числе не без участия представителей российской балканской агентуры. В.В. Тржецяк доносил по этому поводу: «С убийством короля в городе Белграде тот час же в лице вновь избранного министра юстиции Любомира Живковича стали проявляться республиканские тенденции, которые имели немало сторонников среди белградской учащейся молодежи; в том же направлении стали усиленно работать и по указаниям из Вены и многочисленные австрийские агенты, наводнившие последнее время Белград. Еще до получения телеграммы Государя Императора о согласии на избрание князя Петра Карагеоргиевича, по указанию посланника Чарыкова, при посредничестве Вейсмана, было передано новому министерству, что русское правительство находит необходимым, чтобы республиканская агитация была немедленно парализована во избежание возникновения осложнений и без того серьезного политического положения Сербии. Вследствие этого указания посланника Чарыкова, полковник Александр Машин явился на собрание белградских студентов, обсуждавших необходимость и своевременность введения республики, и заявил, что они все будут расстреляны войсками, если немедленно не разойдутся. Желание полковника Машин немедленно было исполнено, так как население Белграда совершенно терроризировано местными войсками»⁵³. Против установления республики были и главные политические лидеры страны: «Относительно провозглашения республики Пашич прямо заявил, что она в Сербии немислима. Народ и армия ее не желали и не желают»⁵⁴.

Вместе с тем, переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры, власть была передана демократически избранным государственным структурам⁵⁵. Сразу же после осуществления переворота была созвана Скупщина, с небольшими изменениями восстановлена конституция 1888 г., заметим, кстати, по форме и содержанию действительно одна из самых демократических европейских конституций. Выбранная Народная

⁵² Там же. Л.23.

⁵³ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. I. Ч.14. Т. II. Л.113-113 об. См. также: ГАРФ. Ф.505. Л.38 об.-39.

⁵⁴ Новое время. 5(18) июня 1903 г.

⁵⁵ Никифоров К.В. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3. С. 7-20.

скупщина состояла из 160 депутатов, из которых 74 мандата получила Радикальная партия, Независимая радикальная партия получила 61 место, 19 мест взяли либералы и только 1 место получили напредняки⁵⁶. Новое правительство сформировал С. Груич, а Н. Пашич вошел в состав обновленного кабинета в январе 1904 г., получив в нем пост министра иностранных дел. В ноябре 1904 года он вновь стал сербским премьер-министром.

* * *

Либерально настроенные современники оценили свержение Обреновичей как важный шаг в превращении Сербии в правовое конституционное государство. Вот, например, что писало российское либеральное издание «Новое Время»: «Все газеты высказывают надежду, что начинающаяся сегодня эпоха принесет стране благо. „Odjek“ думает, что Сербия будет в будущем действительно правовым государством и станет с достоинством равноправно в ряды семьи цивилизованных европейских государств»⁵⁷. Показателен также и тот факт, что трагическая судьба королевской четы вызывала мало сочувствия не только в Сербии, но и в соседних балканских государствах. Ю.П. Бахметьев доносил из Софии, что «все единогласным негодованием порицают диких и пьяных убийц, но о самом короле никто не жалеет». А факт того, что дипломатический представитель Сербии в Софии Павле Маринкович, несмотря на объявленный князем Фердинандом официальный траур, «не только не отслужил у себя панихиды за упокой души королевской четы, но и на третий день встретил тех, которые приходили к нему с соблезнованиями, с бокалом шампанского за здравие нового короля», — также весьма показательно характеризует отношение политических кругов страны к событиям в Белграде⁵⁸.

С другой стороны, «заговорщики», не имея ни лидера, ни политической платформы или какой-либо программы, просто не могли установить режим военной диктатуры, и, получив после переворота влиятельные посты в армии, стали преториацами уже нового режима. Именно поэтому, еще Н.П. Полетика, назвав сербские конституции «потемкинской деревней», созданной для того, чтобы «производить впечатление на иностранцев», отметил, что «Сербия является классической страной дворцовых и государственных переворотов, тайных

⁵⁶ Теплов В.А. Сербская неурядица. СПб., 1903. С. 40.

⁵⁷ Новое Время. 31 мая (13 июня) 1903 г.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д.2868. Л.106-106 об.

покушений и убийств, помимо взяточничества, казнокрадства и продажной бюрократии. Вопреки распространенному у нас (благодаря стараниям Милюкова и других „славянофилов“) в период 1908-1917 гг. мнению, что Сербия – демократическая и патриархальная страна *par excellence*, влияние безответственных факторов в политической жизни Сербии выпирает наружу во все периоды сербской истории <...>. Движущей силой сербской политической жизни была армия; все попытки политических партий – Либеральной, Прогрессивной и Радикальной – установить в государственной жизни известный режим юридической ответственности парализовывались, помимо противодействия военщины тем фактом, что эти партии приходили к власти путем государственного переворота. Династии правили страной постольку и до тех пор, пока опирались на армию»⁵⁹.

Донесения российских дипломатических агентов также весьма показательно иллюстрируют этот тезис. Приведем выдержку из донесения российского дипломата Муравьева-Апостола-Коробьина, в котором он анализирует внутривосточное положение Сербии спустя два месяца после переворота: «Исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались все те же. Одна ночь, хотя бы и столь значительная, не смогла их переродить. Уснули на время страсти, встрепенулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Однако для осуществления последних требуется время, и много времени, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности, оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок. Флаги сняты, потух фальшивый блеск иллюминаций, умолкла музыка – снова начались, притихшие на время, бесконечные раздоры партий. Как и следовало ожидать первый сигнал эти раздорам был дан самим же сербским войском»⁶⁰. К.А. Губастов, бывший в 1897-1901 гг. российским дипломатическим представителем в Черногории и сменивший в 1904 г. на посту посланника в Сербии Н.В. Чарыкова, в записке министру иностранных дел России графу Ламздорфу был еще более категоричен: «Стремление к насильственным переворотам находится в них самих, в общественных условиях страны, в народном характере. Это вполне подтверждается всею историей. С 1830 г., т.е. с тех пор как Милош сделался закон-

⁵⁹ *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903-1914 гг. Л., 1930. С. 107.

⁶⁰ АВПРИ. Ф.Политархив. Д.2868. Л.212.

ным признанным князем и до сегодняшнего дня в Сербии происходит непрерывное кипение политических страстей, подобное кипению расплавленного и нагреваемого металла в котле. Это брожение не есть парламентская борьба партий, обычная, не говорю уже в настоящих конституционных, но даже в лжеконституционных государствах. Нет, это просто необузданное стремление по природе жадных, страстных и полубразованных, полуголодных демократов к достижению посредством низкопоклонства (при Милоше, при Михаиле, и при Милане) или посредством некоторой ловкости, власти, чтобы из вчерашнего ничтожества сделаться министрами, из недавней жертвы превратиться в свою очередь в мстителя и мучителя»⁶¹. Он же, в январе 1905 г., пересказывая разговор, состоявшийся у него с «неким доверительным лицом», писал: «Глухая, беспощадная борьба между заговорщиками и их жертвами не прекращается. На днях полковник Васич, бывший в „свадебном“⁶² кабинете военным министром, человек умный, энергичный, и не без влияния, которого заговорщики побиваются более других, принужден был скрыться из Белграда. Ему удалось вовремя узнать, что шла серьезная речь о необходимости его „исчезновения“. Все это вместе взятое составляет грустную картину „возрожденной Сербии“, как теперь принято её называть, и я не вижу никаких задатков на более утешительное будущее, — так закончил свое доверительное сообщение мой собеседник»⁶³. Еще один российский дипломат в Белграде Б.Н. Евреинов, чуть позже — в 1906 г., дополнял своего коллегу: «Партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия. Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения, неизбежно будут все более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным, кризис»⁶⁴.

Таким образом, после воцарения Петра Карагеоргиевича, внутрисербский конфликт только усилился, приобретя, однако, новые формы, что вовлекло в бурные обсуждения политической жизни широкие слои сербского общества. Кризис вступал в новую фазу своего развития, что связано уже с новыми пониманиями национальных задач Сербии как южнославянского «Пьемонта». В этой связи, в

⁶¹ АВПРИ. Ф.166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д.98. 1905 г. Л.7 об.

⁶² Имеется в виду кабинет министров, возглавлявшийся Алексеем Йовановичем.

⁶³ АВПРИ. Ф.Политархив. Д.2869. Л.121 об.

⁶⁴ Там же. Л.167 об.

заклучение, приведем еще одну выдержку из донесения Евреино-ва от 11 июня 1906 г.: «Взятый в отдельности каждый сербский политический деятель является по-видимому хорошим патриотом. Он искренне любит свое отечество, от всего сердца скорбит о тех тяжелых условиях, в котором оно постоянно находится, в волнующих его раздорах, но причину всех невзгод он усматривает исключительно в интригах Австрии, с одной стороны, и нежелании России помочь Сербии – с другой. В чем должна заключаться помощь России – этого никто точно сказать не может. Идеал этой помощи, как я мог заключить, состоит только в том, что Россия должна была бы поднести Сербии все венгерские провинции, населенные сербами, Боснию, Герцеговину, Старую Сербию и образовать из нее сербскую империю»⁶⁵.

---

⁶⁵ Там же. Л.166 об.

В. Б. Каширин

ВЫСШИЙ И СТАРШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ АРМИЙ СТРАН БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ОЦЕНКАХ И СУЖДЕНИЯХ РУССКИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Поколение балканских военачальников, которые получили генеральские чины в первые полтора десятилетия XX в., занимает особое место в военной истории Балкан. Оно стало первым поколением генералов современных постоянных армий европейского образца в странах полуострова. Время активной профессиональной деятельности этих людей пришлось на период ускоренной, «догоняющей» политической и военной модернизации молодых государств на Балканах, когда, по общему мнению современных историков, введение новых форм, структур и методов государственного и военного управления существенно опережало темпы необходимой для этого эволюции общественного сознания и психологии народов региона. В 1900-е гг. для всех балканских государств завершилась организационная трансформация прежних милиционных вооруженных сил, фактически, народного крестьянского войска, в современные по своей структуре постоянные армии с сильным (пропорционально для каждой страны) кадром мирного времени, обученным запасом и отлаженными схемами развертывания при мобилизации частей первой и второй очереди. Совершенствовалось обучение войск, росла их военнотехническая оснащенность, шло быстрое улучшение их материальной части. Руководить всеми этими процессами выпало на долю тем генералам, которые сами начинали службу субалтерн-офицерами в армиях совершенно другой, уходящей или уже ушедшей эпохи. И эти люди были вынуждены – насколько это вообще в человеческих силах – трансформироваться вместе со сменой поколений и эпох в своих армиях, вырабатывая лично в себе новые типы военачальников и военных руководителей, которых требовало новое время. А впереди

им предстояло самое суровое испытание в надвигавшихся войнах за реализацию местных «великих национальных идей».

Именно поколению балканских генералов производства 1900-х довелось предводительствовать армиями своих стран в самом большом числе войн и военных кампаний, какое выпадало военным людям на Балканах в эпоху Нового и Новейшего времени. Так, многие сербские генералы эпохи Великой войны были участниками 6 войн, их болгарские современники – 5 (считая Русско-турецкую 1877–1878 гг.), румынские – 4 (считая поход против советской Венгрии), греческие – 5. Наконец, все они были глубоко вовлечены и в политическую борьбу в своих странах – участвовали в переворотах и революциях, возглавляли правительства и занимали министерские посты, становились жертвами репрессий.

Генералитет балканских армий начала XX в. изучен достаточно хорошо. Количественно он был невелик, и на сегодняшний день изданы книги и статьи с жизнеописаниями практически всех его видных представителей. Увидели свет дневники и мемуары многих из них. Также в последние десятилетия были опубликованы исчерпывающе полные биографические справочники по генералам Княжества и Королевства Сербия и Третьего Болгарского царства¹.

Выдающиеся достижения балканских армий в войнах 1912–1913 и 1914–1918 гг. привели к тому, что большинство их крупных военачальников еще при жизни стали образами военно-патриотической мифологии. Ярче всего, на наш взгляд, это проявилось в сербской историографии и народной исторической памяти, в которых глубоким почитанием окружены все четыре воеводы Сербии – Радомир Путник, Степа Степанович, Живоин Мишич и Петар Бойович. Эти люди еще при жизни превратились в бронзовые памятники самим себе. В историографии других балканских стран также практически отсутствуют критические оценки деятельности, служебных и личных качеств их видных военачальников в эпоху войн начала XX в. К примеру, в Болгарии в период государственного социализма историками превозносились генералы-русофилы – Радко Димитриев, Никола Иванов, Георгий Вазов, Никола Генев и др. В современной же болгарской историографии больше внимания обращается на других военачальников – Николу Жекова, Костантина Жостова, Ивана Фичева и др. Подчас не

---

¹ Недев С. Командването на българската войска през войните за национално обединение. 1885–1912–1913–1915–1918. София, 1993; Милићевић М., Поповић Љ. Генерали војске кнежевине и краљевине Србије. Београд, 2003.

профессиональные достижения, а политическая ориентация (читай – русофобия) является негласным критерием для зачисления этих людей в пантеон военной славы Болгарии. Хотя, конечно, военный профессионализм и политические симпатии – это две совершенно разные вещи; талантливые военачальники были среди деятелей самых разных политических взглядов, как и люди малоспособные.

С идеологической и психологической точки зрения идеализация того поколения балканских генералов представляется закономерной. В широком восприятии успешные полководцы и старшие военачальники всегда персонифицируют в себе лучшие качества войска и народа. И, коль скоро признано, что балканские армии в начале XX в. с огромным упорством, мужеством и колоссальными жертвами вели борьбу за национальные идеалы и добивались в ней выдающихся побед, это резко ограничивает возможность критического подхода к оценке командного состава этих армий. Точно так же: если в национальной историографии господствуют убеждения о шедшей в предвоенные годы успешной и гармоничной ускоренной модернизации общества и армии по западному образцу, то с этим плохо сочетаются любые негативные и скептические оценки в отношении руководства вооруженных сил и государства.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют несколько иначе, более критично, взглянуть на состояние и развитие высшего командного состава балканских армий в первые полтора десятилетия XX в., на личности многих его представителей. Насколько эти офицеры и генералы на самом деле соответствовали по своим профессиональным и личным качествам сложности стоявших перед ними задач? Иными словами, в какой мере молодые балканские государства того времени были способны находить и выдвигать в высшие эшелоны своих вооруженных сил достойных и должным образом подготовленных людей? Поиск ответов на эти вопросы уже в то время занимал многих, ибо от этого зависела способность предвидеть и предсказывать многие события и процессы в военно-политической жизни всей Юго-Восточной Европы. Внимательно работала над решением данной задачи и русская военная разведка в странах Балканского полуострова. Суждения ее представителей о высшем и среднем командном составе местных армий были незаменимым элементом общей оценки русским Генштабом военного потенциала каждого из балканских государств и их возможных коалиций.

Источниковую основу данного исследования составили донесения русских военных агентов в балканских странах в начале XX в., сохранившиеся в фонде Главного управления Генерального штаба (ф. 2000) в

РГВИА. Отечественные историки-балканисты давно нашли дорогу к сокровищам фонда ГУГШ, однако до сих пор его материалы, относящиеся к Балканам, использовались в высшей степени фрагментарно. Можно утверждать, что корпус донесений русских военных агентов в балканских странах в конце XIX – начале XX в. как единое целое, еще далеко не введен в научный оборот, за исключением лишь материалов русского военного агента в Черногории в 1903–1915 гг. генерал-майора Н.М. Потапова². В работе исследователей с материалами военных агентов преобладал сугубо страноведческий подход. Историки-сербисты (Ю.А. Писарев, А.Л. Шемякин, Я.В. Вишняков, В.С. Винокуров) изучали донесения военных агентов в Белграде и Цетинье, румынисты (В.Н. Виноградов, А.С. Агаки, Б.Б. Кросс) – донесения военного агента в Бухаресте. Документы военных агентов в Болгарии и Греции вообще очень мало использовались историками. До сих пор еще не было осуществлено удачной попытки провести общее качественное исследование материалов русских военных агентов во всех странах балканского полуострова в тот период.

Важно отметить, что, как показывает опыт эвристической работы в РГВИА, донесения военных агентов о высшем и старшем комсоставе армий каждой конкретной балканской страны, за разные годы, собирались делопроизводителями старого Генштаба в отдельные дела с соответственными заголовками. Это обстоятельство служит еще одним подтверждением того, что подробное изучение высшего офицерства балканских (как и всех прочих) армий рассматривалось разведкой русского Генштаба как особая и одна из приоритетных задач деятельности. В своих донесениях на эту тему, которые всегда шли под строгим грифом «весьма секретно», русские военные агенты характеризовали генералов и старших офицеров балканских стран предельно прямо, порой даже резко; часто сообщались ценные психологические детали. Отметим, что характеристики давались на очень многих генералов, иногда весьма развернутые. Поэтому, несмотря на стремление максимально насытить это исследование выдержками из архивных документов, мы сможем цитировать лишь некоторые из них, стараясь выделять общие оценки и суждения.

1. Сербия: «Безлюдье полное».

Вплоть до начала Первой мировой войны все донесения русских военных агентов в Белграде о состоянии высшего командного состава

² Потапов Н.М. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902-1915 гг.; Т. II. Дневник 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. М. – Подгорица, 2003.

сербской армии так или иначе затрагивали проблемы количественного и качественного дефицита в Сербии надлежаще подготовленных генералов и старших офицеров, а также чрезвычайного глубокого политического раскола в их рядах. Здесь мы сосредоточимся только на оценках профессиональных качеств сербского комсостава и оставим за пределами своего внимания проблему его участия в политической жизни страны, которую в рамках этого же сборника, на близкой документальной базе, разбирает в своей статье Я.В.Вишняков.

В первые годы XX в. главные объектом внимания русской разведки в Сербии была судьба военного наследия Милана Обреновича и попытки его ревизии. При этом русские наблюдатели отмечали огромную роль личного, т.е. весьма субъективного фактора в таких серьезных процессах, как начатая при Александре Обреновиче реформа сербской армии. По сути, на повестке дня стоял вопрос о возвращении созданной Миланом регулярной армии к народной милиции. И ключевым деятелем предстоявшей реформы был полковник Милош Васич, военный министр в 1900–1901 гг. Вот как характеризовал его русский военный агент, полковник Генштаба Евгений Александрович Леонтович: «В общем Милош Васич человек неглупый, не без способностей, чрезвычайно решительный и энергичный, но, как человек молодой, с ограниченной служебной опытностью и громадным самомнением, он решается на слишком резкие перемены в армии, руководствуясь исключительно своим мнением и своим взглядом на вещи и совершенно игнорируя мнения высших начальников, которые не одобряют его реформы. Делает он, правда, то, что до него делали все другие военные министры, считавшие необходимостью уничтожить все, что было сделано их предшественниками. Каждый военный министр, вступая здесь в должность, считает своею обязанностью представить проект коренных реформ в армии. Вот почему в Сербской армии так часты перемены в основных ее положениях и ломка ее организации»³.

Леонтович отмечал также, что в те годы в сербском генералитете были крайне сильны антиболгарские настроения и стремление к реваншу за Сливницу. Одним из главных болгарофобов он называл все того же Милоша Васича и давал этому весьма интересное и ценное объяснение. Дело в том, что, по сведениям Леонтовича, в бытность Васича военным атташе в Софии тот занимался вещами весьма неблагоприятными для человека на такой должности – переодевался и

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 819. Л. 1–5 об. (Е.А.Леонтович – В.П.Целебровскому. 12 декабря 1900 г. № 37).

инкогнито ходил в казармы болгарской армии, напайвал нижних чинов и пытался получать у них разные служебные сведения. Закончилось это тем, что однажды он был схвачен и жестоко избит, явно с ведома высших военных властей Болгарии; а затем болгарская сторона настояла и на отзывании Васича, который после всего, естественно, не мог не стать ястребом реванша над Болгарией⁴. Так, личные обиды порой могут переплетаться с большой военной политикой.

Реформаторская деятельность горячего и беспокойного Васича была прервана его совершенно внезапной отставкой с поста военного министра, причины которой не имели ничего общего ни с политикой, ни с военным делом. В апреле 1901 г. Васич застал свою жену *in flagranti* с министром народного просвещения Маринковичем и тогда он, по словам русского военного агента, «при пособии своего адъютанта избил министра народного просвещения и выбросил его буквально из окна»⁵. Король Александр был вынужден уволить обоих министров. При всей занятости и густом балканском колорите этого адюльтерного скандала, он мог иметь весьма серьезные последствия для всей сербской армии, поскольку, как с полным правом утверждали русские наблюдатели, с каждой сменой военного министра в Сербии полностью менялась концепция военной реформы. С уходом Васича на повестку дня встал вопрос об отмене предложенного им фактического обратного превращения вооруженных сил Сербии в народную милицию.

Вместо Васича военным министром был назначен полковник Божидар Янкович. Характеризуя его, русский военный агент отмечал, что тот был напередняком по своим политическим взглядам, в прошлом – любимцем Милана Обреновича, его человеком. Ранее Янкович командовал Дринской дивизией, однако из-за резко отрицательного отношения к женитьбе короля Александра попал в опалу и был назначен на более низкую должность начальника штаба Действующей армии.

Леонтович докладывал: «На мой вопрос, какого он мнения о направлении деятельности бывшего военного министра и какой характер намерен он придать армии – полковник Янкович ответил, что совсем не одобряет ее и что относительно армии у него свои проекты, которые он постарается привести в исполнение исподволь. Очевидно, организации сербской армии предстоит новая ломка. И так почти каждый год. Трудно, конечно, при этих условиях, чтобы сербская армия представляла

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 1–2 об. (Е.А.Леонтович – В.П.Целебровскому. 5 мая 1901 г. № 33).

когда-либо что-нибудь стройное целое, могущее претендовать на внимание и с которым надобно было бы серьезно считаться»⁶.

Однако на посту военного министра Божидар Янкович пробыл еще меньше, чем его предшественник, – всего 4 месяца. Русский поверенный в делах в Белграде коллежский асессор Евреинов посвятил причинам отставки Янковича подробное донесение, которое из МИДа было передано в Главный штаб и приобщено к одному из дел о старшем командном составе армии Сербии. В этой депеше Евреинов, хотя и не был военным человеком, дал резко отрицательную оценку профессиональных качеств Янковича: «Уход полковника Янковича, человека недалекого и малосведущего в делах, не вызовет сожаления. У меня есть основания предполагать, что вообще отставка его была вызвана скорее личным опасением его обнаружить полное свое незнание дела на предстоящей Скупщине, чем вышеупомянутыми разногласиями с королем»⁷.

Иначе оценивал личность Божидара Янковича русский военный агент. По поводу его назначения на должность начальника Моравской дивизии Леонтович писал в рапорте от 25 марта 1902 г.: «Полковник Янкович, несомненно, хороший и дельный офицер, но, к сожалению, по убеждениям своим напредняк и сторонник сближения с Австрией»⁸. Решив отменить проект военной реформы своего предшественника, Янкович, по сути, выступил против идеи возвращения регулярной сербской армии на уровень народной милиции. Обозначалась та же коллизия: сторонники старого проавстрийского режима (в лице милановца и напредняка Янковича) выступали за развитие вооруженных сил Королевства как сильной регулярной армии. Выдвиженцы пророссийского (в тех условиях) режима короля Александра Обреновича по соображениям экономии скудных денежных средств страны вынужденно тяготели к милиционной армии. Русские военные представители затруднялись однозначно характеризовать это явление и особо подчеркивали роль личного фактора в развитии вооруженных сил Сербии.

Сразу же после Майского переворота 1903 г. Янкович, как явный и несомненный сторонник и креатура милановского режима, был уволен в отставку и только в 1912 г. в начале 1-й Балканской войны

⁶ Там же.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 5–7 об. (Евреинов – в МИД. 14 августа 1901 г. № 68).

⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 8–13 об. (Е.А.Леонтович – В.П.Целебровскому. 25 марта 1902 г. № 5).

возвращен на службу – с назначением командующим 3-й армией, которая освобождала Косово и Метохию. Отметим, что для сербской армии, с ее постоянными политически мотивированными отставками старших офицеров, подобные назначения, порой после весьма долгих перерывов в службе, были достаточно типичны. И это не могло улучшать качество вождения сербских войск. В 1-ю Балканскую войну 3-я армия Янковича практически не участвовала в борьбе с турецкими войсками, вместо этого подавляя сопротивление иррегулярных албанских формирований. В 1913 г. во время Межсоюзнической войны генерал Янкович возглавлял 3-ю армию, находившуюся на правом фланге сербских войск в битве с болгарами на Брегалнице. В ходе той быстротечной войны Янкович действовал не слишком удачно. Даже сербские офицеры (к примеру, дивизионный интендант Моравской дивизии 1-го призыва Ж.Пейович) говорили русскому военному агенту полковнику В.А.Артамонову, что Янкович проявил нерешительность во время перехода его армии в наступление против болгар⁹.

Как представляется, именно не вполне удачные действия Янковича летом 1913 года, а также его преклонный возраст (1849 г.р.) стали причинами того, что в Великую войну он уже не получил назначения в действующую армию и был вместо этого направлен на должность начальника штаба союзной черногорской армии. На этом посту он также не смог добиться осязаемых успехов, как в силу особенностей и качеств войска Черногории, так и из-за неприкрытого саботажа черногорским руководством коалиционного взаимодействия с союзной Сербией. Современные сербские военные историки М.Миличевич и Л.Попович пишут: «Генерал Божа Янкович был одним из наименее способнейших офицеров сербского войска, который может быть поставлен в один ряд с воеводами Радомиром Путником, Живоином Мишичем, Степой Степановичем и Петром Бойовичем»¹⁰. Однако мы должны заметить, что за всю его военную карьеру ему, по сути, так и не удалось в деле проявить свои способности и тем самым подтвердить или опровергнуть цитированную высокую оценку.

Сменивший Леонтовича на военно-агентском посту полковник Генштаба И.Н. Сысоев был непосредственным и близким свидетелем кровавых событий 29 мая 1903 г.; к самому Майскому перевороту и

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3143. Л. 78–82 (приложение к рапорту Артамонова в Огенквар ГУГШ № 492).

¹⁰ *Миличевич М., Попович Љ.* Генерали војске кнежевине и краљевине Србије. Београд, 2003. С. 112.

осуществившим его офицерам-«завереникам» он относился с резким и устойчивым отвращением. Этот взгляд он систематически отражал на страницах своих рапортов в Главный штаб в Петербурге. Главный и, по сути, неоспоримый вывод Сысоева о последствиях Майского переворота для сербской армии заключался в том, что, хотя именно войско, в лице группы своих офицеров, уничтожило Обреновичей и возвело на престол Карагеоргиевичей, последним досталось наследство в виде деморализованной, расколотов переворотом и потому отброшенной назад в своем развитии армии. Все это особенно сильно проявилось именно в высшем эшелоне ее командного состава.

По оценке русского генштабиста, первые же кадровые решения нового руководства Сербии в отношении высшего командного состава были политически мотивированы, имели экстраординарный и во многом пагубный для армии характер. Комментируя увольнение в отставку большой группы сторонников прежнего режима из числа высших офицеров армии, Сысоев восклицал эмоционально (что редко встречалось в рапортах русских военных агентов): «Вообще, грустное зрелище представляет теперь сербская армия! Все нравственные основы ее расшатаны; правительство самым грубым образом попирает военные законы и убивает в корпусе офицеров веру в его беспристрастие и справедливость»¹¹.

Абсолютно политизированным называл Сысоев назначение на пост начальника Главного Генерального штаба Сербии полковника Радомира Путника – будущего первого воеводы Королевства и легендарного вождя сербской армии в трех войнах. В своем рапорте от 29 июля 1903 г. Сысоев так отзывался о назначении Путника, который прежде вообще находился вне поля зрения русской разведки:

«Указом короля Петра от 16 июля начальником Главного Генерального штаба, вместо полковника Пешича, назначен генерал Радомир Путник. Назначение это из ряда вон выходящее, так как Путник назначен на должность прямо из отставки, в которой находился 8 лет, и вместе с реактивированием он был произведен из полковников в генералы. При Обреновичих Путник был гоним, потому что они подозревали в нем сторонника династии Карагеоргиевичей. Будучи вынужден вследствие сего уйти в отставку, Путник, человек бедный и многосемейный, искал частной службы, но и тут ему пришлось считаться с преследованием Обреновичей; так – когда он был избран на

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 23–26 об. (И.Н.Сысоев – В.П.Целебровскому. 23 марта 1904 г. № 12).

должность белградского городского головы, — король Александр не согласился на это; то же случилось, когда Путник был выбран на должность заведующего городскими сборами. Находясь в отставке, Путник писал в газетах и занимался политикой; он принадлежит к крайней радикальной партии, находившейся в открытой вражде с режимом короля Александра. Непосредственного участия в совершении государственного переворота 29 мая Путник, насколько известно, не принимал; но он целиком является ставленником партии, совершившей переворот. О новом начальнике штаба я слышал от людей самых противоположных политических взглядов лишь только хорошие отзывы; все решительно отзываются о нем как об офицере способном, дельном и работающем; в особенности подчеркивают его честность и твердость в убеждениях, которые он проявил в дни нужды и опалы, что так редко наблюдается в Сербии»¹².

Итак, русский военный агент, хотя и называл вновь назначенного главу «мозга армии» Сербии креатурой захватившей власть радикальной партии, все же отдавал должное его общеизвестным трудолюбию и принципиальности. С фигурой Путника русские представители связывали надежды на преодоление последствий переворота в сербской армии и на ее оздоровление. Однако постепенно в их оценках начал преобладать скепсис. Докладывая 30 ноября 1904 года о формировании радикальского правительства Николы Пашича, Сысоев писал:

«Военный министр в новом министерстве остался прежний — генерал Путник, хотя, по-видимому, в нем все разочаровались, так как ничем пока он себя не проявил; но среди сербских генералов и полковников положительно нет ни одного серьезного кандидата на этот пост. Генерал Путник, не принадлежа явно ни к партии «завереников», ни к их противникам, действует по отношению к офицерам примиряющее или старается, по крайней мере, придерживаться этой политики, и с этой стороны деятельность его заслуживает симпатии. В отношении военной деятельности здесь наблюдается полнейшее затишье. В военном министерстве работает несколько комиссий по различным вопросам улучшения организации и быта армии, но труды этих комиссий еще не закончены и не объявлены»¹³.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 17–19 об. (И.Н.Сысоев — В.П.Целебровскому. 29 июля 1903 г. № 65).

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 29–30 об. (И.Н.Сысоев — В.П.Целебровскому. 30 ноября 1904 г. № 49).

В мае 1905 г., по поводу назначения очередного главы военного ведомства Сербии полковник Сысоев писал: «Сербская армия давно уже ждет энергичного и умного военного министра, который взял бы ее в твердые руки; но, к сожалению, таких или нет совсем, или они еще не всплыли наружу, — *безлюдье полное* (курсив мой. — В.К.)»¹⁴. Ситуация с подготовкой высшего сербского комсостава к управлению войсками на войне представлялась русским наблюдателям плачевной. Вот как отзывался тот же Сысоев о руководителях больших маневров сербской армии в восточной Сербии в сентябре 1905 г.:

«Начальник Восточного отряда, командир Тимокской дивизии, пехотный полковник Живкович. Известен своею строгостью и требовательностью по службе, строевую и казарменную часть которой знает хорошо; но в тактическом, а тем более в стратегическом отношении, как признают все единогласно, — несостоятелен. Это тип „ремешка“ старого времени.

Начальник Западного отряда, командир Шумадийской дивизии, Генерального Штаба полковник Степанович. Лично храбрый, чрезвычайно работающий, но не отличается особыми военными дарованиями.

Главный руководитель и организатор маневров, начальник Главного Генерального штаба, Генерального штаба полковник Машин. Известный враг покойной королевской четы Обреновичей и один из главнейших участников заговора против них. По соображениям дипломатического и гуманитарного свойства, лично его я знаю мало; но, во всяком случае, он совершенно не производит на меня впечатление человека, по силе ума и воли способного и достойного руководить операциями армии. От других я тоже не слышал, чтобы о нем отзывались как о выдающемся военном таланте, хотя и считают его не лишенным способностей.

Вообще, в сербской армии нет старших начальников, которые бы известны были как выдающиеся своими военными дарованиями и подготовкою, — по этой части в ней большая бедность, как, впрочем, и во многом другом»¹⁵.

Формулируя общие выводы о маневрах 1905 г., Сысоев докладывал: «Войсковые начальники, старшие и младшие, не имеют навыка в управлении войсками (мало практики в маневрировании). В особенности плохо старшие начальники справляются с кавалерией,

¹⁴ Там же. Л. 31–32 (И.Н.Сысоев — в Главный Штаб. По VII Отделению. 17 мая 1905 г.).

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 817. Л. 19–20 (И.Н.Сысоев — в ГУГШ (по Военно-Статистическому Отделу). 25 октября 1905 г. № 34).

которой совершенно не умеют пользоваться»¹⁶. А год спустя тот же Сысоев писал в рапорте по поводу отмены маневров в 1906 г.: «Одним из крупнейших недочетов в сербской армии является слабая подготовка старших начальников, начиная от командиров частей и выше, к управлению войсками в поле, что ясно было видно и признано всеми на прошлогодних осенних маневрах»¹⁷.

Даже более резко оценивал высший комсостав сербской армии премьер-министр Сысоева, подполковник Генштаба Владимир Петрович Агапеев, занимавший должность военного агента в Сербии с ноября 1907-го по октябрь 1909 г. Вот как звучат лишь некоторые его характеристики, данные в 1908 г., накануне Аннексионного кризиса:

«1. Военный Министр – Генерального штаба генерал Степан Степанович, около 55 лет; участвовал в сербо-турецкой и сербо-болгарской войнах, считался тогда своим начальством образцовым ротным командиром, но теперь к командованию высшей тактической единицы он не способен, для этого у него не хватает ни необходимых познаний, ни ума: командуя на маневрах в 1905 г. одной стороной, он действовал крайне ошибочно. В качестве военного министра он много работает, но занят мелочами. С подчиненными груб и суров (когда он командовал дивизией, то против него 4 офицера и 30 унтер-офицеров составили заговор с целью его убить и повести дивизию из Крагуеваца в Белград, где соединиться с недовольными режимом и захватить в свои руки власть); скрытен и бестактен; к русским симпатии не выказывает.

2. Начальник Главного Генерального штаба – Генерального Штаба генерал Радомир Путник, около 62 лет, болезненный, страдает астмой, участвовал в сербо-турецкой и сербо-болгарской войнах; образованный, составил себе здесь славу способного для службы генерального штаба. В силу болезни, вероятно, замечается в нем недостаток энергии и инициативы. Во время его 3-х летнего в общем управления военным министерством армия не стала лучше. Ставленник старордикальной партии. [...]

3. Начальник Моравской дивизии – Генерального штаба полковник Петар Бойович, около 52 лет; один из интеллигентных и способных офицеров, очень трудолюбив и кроме службы занимается литературной деятельностью. Насколько могу судить, боязнь потерять службу делает его приверженным к букве закона, неспособным принять на себя в

¹⁶ Там же. Л. 39–40.

¹⁷ Там же. Л. 42–43 об. (И.Н.Сысоев – в ГУГШ. По части 1-го Обер-Квартирмейстера. 10 июля 1906 г. № 20).

решительную минуту ответственность и вообще чересчур осторожным. В революции 1903 г. он ни к одной стороне не примкнул, не только не участвуя в движении лично, но даже не высказывая своих взглядов.

4. Начальник Дринской дивизии – полковник Илья Гойкович – прошел службу в пехоте. Ему около 57 лет. Считается малоспособным; малообразован и интриган. Положением своим обязан заговорщикам, которым сочувствует, хотя лично участия в революции 1903 г. не принимал. Раньше был большой приверженец короля Милана, а теперь считается русофилом»¹⁸.

Безусловно, Агапеев совсем недавно прибыл в Сербию, да и вообще вся его служба там продлилась недолго. Он никак не мог успеть стать глубоким знатоком этой страны и ее войска. С другой стороны, именно из-за этого он вряд ли стал бы брать на себя ответственность столь категорично судить о командном составе сербской армии, основываясь лишь на своих личных впечатлениях. Напротив, он подчеркивал, что в своих оценках опирается также и на мнение собеседников в сербской военной среде. Можно ли говорить, что Агапеев совершенно не разобрался в служебных качествах высших сербских офицеров? Думается, нет. К примеру, он дал совершенно верную оценку профессиональным талантам и масштабу личности Живоина Мишича. Поддерживая ходатайство Мишича, в то время отставного полковника, о приеме в русское юнкерское училище его 17-летнего сына Александра, бежавшего из дома в Россию, Агапеев докладывал: «Полковник Живоин Мишич вышел в отставку лишь в силу политических обстоятельств, как несочувствовавший перевороту в Сербии в 1903 году; на самом деле он является одним из [наи]более способных офицеров сербской армии, и весьма вероятно, что теперь, когда воспоминание об этом событии по-немногу сглаживается, он займет в армии один из высших постов»¹⁹.

Нельзя не отметить, что Агапеев совершенно верно характеризовал значение Мишича для сербской армии и, по сути, предсказал его возвращение на службу и продвижение к высоким должностям. Русские военные представители в Сербии вообще характеризовали будущего воеводу Мишича исключительно с хорошей стороны, отмечая его

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 46–47 об. (В.П.Агапеев – Ф.Ф.Палицыну. 21 октября 1908 г. № 87).

¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3143. Л. 1–2 (В.П.Агапеев – в Главное управление Генерального штаба. 16 декабря 1908 г. № 132). Подробнее об учебе сына Мишича в русском юнкерском училище см.: *Каширин В.Б.* «Смее ли се ја, син таквог оца, осрамоћен вратити у Србију»: Александар, син Живојина Мишића, у руском јункерском училишту // Војно-историјски гласник. Београд, 2008. Бр.1. С. 107–143.

талант, трудолюбие, склонность к решительным действиям. Однако другие трое из четырех будущих прославленных воевод Сербии – Путник, Степанович и Бойович – получали в донесениях русской разведки, по меньшей мере, скептические, а иногда и резко негативные оценки.

Подчеркнем, кстати, что далеко не только русские военные наблюдатели достаточно критично оценивали общий уровень высших сербских военачальников накануне Великой войны. Так, британский военный атташе полковник Кристофер Бёрдвуд Томсон, прикомандированный к сербской армии во время войн 1912–1913 гг. и близко наблюдавший ее работу, позже поделился вынесенным впечатлением с американским посланником на Балканах Чарльзом Вопичкой: «Исходный материал сербской армии – отличен, но хороших генералов не хватает. Путник – стар и осторожен. Янкович и Степанович слишком стары для активной работы. Бойович, хотя и в расцвете лет, не утруждает себя так, как мог бы. Лишь однажды за шестнадцать дней посетил он войска под его командованием. А ближайшая часть находилась на расстоянии трех часов пути на моторе, шести – верхом. Дивизионные командиры Штурм, Терзич и Маринович имеют высокую репутацию, и заслуженно, но они слишком молоды в чинах. Полковник Павлович по всеобщему убеждению является человеком, которому принадлежит большая часть заслуги в победе на Брегалнице»²⁰.

Насколько обоснованными были подобные оценки и суждения, в свете событий войн 1912–1918 гг.? К примеру, Радомир Путник, которого русские военные представители считали усердным работником и одаренным штабным руководителем, в полной мере проявил эти качества во время Балканских войн и в начале Великой войны. Однако при этом необходимо отметить, что заслуга Путника в победе над турками в Кумановском сражении 10–11 (23–24) октября 1912 г. вряд ли была действительно так велика, как это принято считать в сербской военно-патриотической традиции. Достаточно напомнить, что так и не успевшая закончить мобилизацию и развертывание Вардарская армия Халепли Зеки-паши к началу сражения под Кумановом насчитывала всего 58 тыс. человек, а в одной лишь сербской 1-й армии королевича Александра, наступавшей на Куманово, насчитывалось 132 тыс. человек²¹. Тем не менее, в первый день Кумановского сражения 1-я сербская

²⁰ *Vopicka Ch.* *Secrets of the Balkans: Seven Years of a Diplomatist's Life in the Storm Centre of Europe.* Chicago: Rand, McNally & Company, 1921. P. 33.

²¹ *Скоко С.* *Войвода Радомир Путник.* Т.1. Београд, 1984. С. 246; *Erickson E.* *Defeat in Detail. The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913.* Westport, Connecticut; London, 2003. P. 173.

армия пережила опасный кризис. Зеки-паша, сознавая численное превосходство противника, сделал ставку на решительное наступление с целью разбить по частям сербскую 1-ю армию, до подхода всех ее сил на поле сражения. Первоначальный натиск турок на короткое время сделал эту угрозу реальной, чему способствовало и отсутствие связи между сербскими высшими штабами и войсками.

Ценное свидетельство об этом оставил тот же самый полковник Томсон, прикомандированный к сербской армии во время войн 1912–1913 гг. и близко наблюдавший ее работу. Во время Кумановского сражения он находился непосредственно при штабе 1-й армии королевича Александра. По наблюдениям Томсона, управление сербскими войсками в этой битве было достаточно слабым. Он писал: «Высшего командования там было очень мало; это было просто солдатское сражение (*soldier's battle*) – тяжелая, жестокая борьба, упорная доблесть в передовой линии, хаотическая сумятица в тылу»²². Сербские военные историки также отмечают, что в ходе Кумановской битвы связи с войсками не имел не только штаб Верховной команды, но даже штаб 1-й армии²³. Ее дивизии были предоставлены самим себе, и они с честью выполнили стоявшую перед ними задачу. Таким образом, пожалование Путнику за Куманово высшего чина воеводы – впервые в сербской армии – было скорее признанием его общих заслуг в деле подготовки вооруженных сил Королевства к войне, нежели наградой за управление войсками в первом генеральном сражении с турками. Фактически, в лице Путника король Петр наградил все свое войско, т.е. мобилизованный народ Сербии.

В годы Первой мировой войны воевода Путник, вновь возглавивший полевой штаб всей сербской армии, играл скорее роль живого символа сербских побед, чем реального руководителя стратегической и оперативной работы. Зато с ней блестяще справлялись подобранные и выдвинутые лично Путником сотрудники – прежде всего Живоин Мишич и Живко Павлович; и это можно считать одной из главных заслуг первого воеводы перед своей страной и армией. Однако крайне слабое и уже подорванное здоровье не позволили самому Путнику деятельно управлять вооруженными силами Сербии в Великую войну. Существует даже версия, что в последние дни Июльского кризиса

²² Thomson Ch.B. *Old Europe's Suicide or The Building of a Pyramid of Errors. An account of certain events in Europe during the Period 1912–1919.* New York: Thomas Seltzer, 1922. P. 26.

²³ Скоко С. Указ. соч. Т.1. С. 276.

1914 г. австрийцы выпустили в Сербию задержанного ими в Будапеште Путника именно исходя из циничного расчета на то, что престарелый и больной воевода во главе полевого штаба сербской армии принесет им больше пользы, чем вреда. Сам Конрад фон Гётцендорф сказал генералу Альфреду Крауссу: «Это я предлужил императору освободить Путника. Намного лучше, чтобы сербами командовал старый и необразованный Путник, нежели один из младших генералов, учившихся во Франции»²⁴.

В целом, у нас нет оснований говорить об ошибочности той весьма умеренной оценки, которую в предвоенный период давали Радомиру Путнику русские генштабисты. Иностранные наблюдатели вообще довольно скептически оценивали работу сербских высших штабов в ходе Балканских войн. Полковник Томсон так вспоминал о первом и самом трудном для сербов дне Кумановской битвы: «Престолонаследник был во многих смыслах одинок в тот день. Его высокий ранг подарил ему командование целой армией; его чрезвычайная молодость делала трудным для него подчинять своей воле штаб военных экспертов. В штаб-квартире Первой сербской армии был обычный процент старших офицеров, подготовка которых в мирное время отняла у них любые человеческие качества и способность воображения, какие у них когда-либо могли быть; которые рассматривали войну как науку, а не как драму; людей, лишенных гибкости ума, вечно ищущих аналогии между их собственной ситуацией в каждый конкретный момент и некоей приблизительно похожей ситуацией в карьере их любимого стратега (обычно — фон Мольтке). А так как на войне аналогии, по меньшей мере, всегда несовершенны, таким людям не хватает быстроты решений и, почти неизменно, они следуют линии наименьшего сопротивления»²⁵.

Отметим, что для британских офицеров начала XX в. вообще было свойственно скептическое отношение к традиционной штабной работе, выстраиваемой под влиянием классического образца германского Большого Генерального штаба. Неслучайно в приведенных словах Томсона и упоминание личности Мольтке-старшего. В то время среди сербских офицеров среднего звена, как и почти во всех других европейских армиях, действительно преобладало интеллектуальное влияние прусской военной мысли. Однако сербские генералы, конечно, не были немецкими воспитанниками (за исключением осербившегося

²⁴ Цит. по: Скоко С. Указ. соч. Т.2. Београд, 1984. С. 33.

²⁵ Thomson Ch.B. Op.cit. P. 27.

немца Пауля Штурма, переименовавшего свое имя на Павла Юришича); с большим основанием их можно считать продуктами национальной военной школы.

Далее Томсон рассказывает, что офицеры штаба 1-й армии в тот самый первый день Кумановский битвы уговаривали королевича Александра отдать приказ о стратегическом отступлении, которому, по их мнению, в тех условиях не было альтернативы. Однако престолонаследник поступил противоположным образом — он приказал контратаковать. И его мнение, подкрепленное в штабе Верховной команды авторитетом его царственного отца и полковника Живко Павловича, восторжествовало. По мнению Томсона, Кумановская битва стала поворотной точкой в жизни королевича Александра Карагеоргиевича.

Хотя британский военный наблюдатель не называл поименно никого из чинов штаба 1-й армии, советовавших отступить, за словами Томсона все же угадывается фигура полковника Петара Бойовича, начальника этого штаба, т.е. ближайшего помощника престолонаследника. Именно его британец Томсон обвинял в отсутствии энергии и бездеятельности, а русский генштабист Агапеев еще раньше отмечал у него же боязнь инициативы и ответственности.

Тем не менее, Бойович был опытным штабным руководителем, трудолюбивым работником; он подчеркнуто держался вне партий и группировок, был лично предан и близок королевичу Александру и пользовался его доверием. Именно поэтому в начале кампании 1914 г. Бойович был назначен на высокую должность командующего сербской 1-й армией. На этом посту Бойович в ходе оборонительной фазы знаменитой битвы на р. Колубара действовал неудачно. Вверенная ему армия оказалась сильнее всего затронута деморализацией и разложением, что отмечали, в частности, и русский, и французский военные представители при Верховной команде. А адъютант королевича-главнокомандующего Панта Драшкич в своих воспоминаниях прямо писал, что деморализована была не только 1-я армия, но и сам генерал Петар Бойович²⁶. В итоге, Александр Карагеоргиевич принял решение об отрешении Бойовича от должности. Формально он освобождался от нее из-за последствий ранения в ногу, полученного им в августе 1914 года под Шабцем. Новым командующим 1-й армией был назначен генерал Живоин Мишич, до того момента помощник начальника штаба Верховной команды воеводы Путника. А свой воеводский чин Бойович получил, последним из сербских генералов, за успехи, одержанные в

²⁶ Драшкић П. Моји мемоари. Приредило Д.Батаковић. Београд, 1990. С. 97.

самом конце войны, на Салоникском фронте союзников, скорее в благодарность от королевича Александра за преданность, нежели как признание его полководческих заслуг. В памяти сербских военных он до сих пор живет как «воевода без битвы».

Таким образом, и о Петаре Бойовиче как о военном руководителе и командире русские генштабисты судили достаточно точно. В чем действительно глубоко ошиблись и военные агенты России, и их коллега из Великобритании, и ряд других современников – так это в оценке полководческих качеств и военных дарований Степы Степановича, второго по производству воеводы сербской армии. В ходе обеих Балканских войн он не имел особой возможности проявить свои таланты. Осенью 1912 г. возглавляемая им смешанная сербско-болгарская 2-я армия действовала на левом фланге наступающих сербских сил, на стыке с союзными болгарскими, и не принимала непосредственного участия в обоих крупных полевых сражениях той кампании на Македонском театре – при Куманове и Битоле. Затем Степанович командовал сербскими войсками при осаде Адрианополя, находившимися в качестве союзного контингента при болгарской осадной армии генерала Николы Иванова. Во время Межсоюзнической войны 1913 г. 2-я армия Степановича успешно вела оборонительные бои против болгар на северном фланге, на старой сербо-болгарской границе. Здесь сербские войска на заранее подготовленных укрепленных позициях сражались с противником, не имевшим численного превосходства.

И только начавшаяся Великая война позволила Степановичу сразу же выступить во всем блеске своего дарования. Благодаря его решительным и умелым действиям на посту командующего 2-й армией состоялся знаменитый «марш на Дрину» – ускоренная перемена фронта развертывания главных сил сербской армии и их переброска к западным рубежам. И сразу же затем армия Степановича одержала громкую и решительную победу в Церской битве – первом крупном сражении Первой мировой войны. И во всех следующих операциях Степанович продолжал проявлять и таланты военачальника, и сильный характер. Своими достижениями второй воевода Сербии вновь подтвердил ту давнюю истину, что ни обширное военное образование, ни профессиональная начитанность, ни знание иностранных языков, ни даже любовь подчиненных в мирное время не являются необходимыми условиями для успешной деятельности полководца на войне. Приходится признать – русские военные представители, судя о Степановиче до войны, исходили именно из этих формальных критериев. И жестоко ошиблись, показав тем самым, что возможности разведки

верно оценивать в мирное время полководческие качества того или иного военачальника вообще достаточно ограничены.

Балканские войны создали или упрочили служебную репутацию целого ряда выдающихся старших офицеров сербской армии – представителей более молодого поколения ее комсостава. Среди них были и штабные работники, и строевые командиры, и специалисты в различных областях военного управления. Полковник В.А.Артамонов в своих донесениях называл их имена: полковники Генштаба Стеван Хаджич и Живко Павлович, Петар Пешич и Миливоје Анджелкович-Кайафа, подполковник Генштаба Милан Туцакович, пехотный подполковник Душан Туфекджич, полковник артиллерии Светомир Матич, подполковник инженерных войск Георгий Лазич, высший интендант Боривое Малени, полковник медицинской службы Сима Каранович.

С другой стороны, после Балканских войн в высшем и старшем офицерстве сербской армии с новой силой вспыхнули интриги, борьба группировок, попытки использовать в них различные придворные и политические силы. Здесь мы не будем подробно останавливаться на этих сюжетах, которые изучены достаточно неплохо. Напомним лишь, что осенью 1913 г. из-за острого столкновения с вождями радикальной партии в отставку вторично был отправлен генерал Живоин Мишич, помощник начальника Главного Генерального штаба Путника, один из главных творцов сербских побед. Его противники воспользовались тем, что Путник находился в отпуске, и обвинили Мишича в неправильной оценке обстановки в Албании, что якобы привело к вторжению албанцев в Западную Македонию и Косово и восстанию их тамошних соплеменников.

Албанская инсurreкция в сентябре 1913 г. способствовала продвижению по службе полковника Дамньяна Поповича, который жестоко и с полным успехом справился с подавлением мятежа и изгнанием вторгнувшихся албанских банд. За это он получил генеральский чин. И очень скоро затем грянул знаменитый скандал из-за отказа Поповича подчиниться так называемому «Указу о приоритете», отдававшему гражданским властям на новых территориях Королевства церемониальное первенство над военными. Попович вновь был уволен в отставку, однако офицерство в Косово и Македонии продолжало кипеть антиправительственными (т.е. антирадикальскими) страстями; в его среде даже обсуждались замыслы государственного переворота, и это буквально за месяц до Сараевского убийства!

Другим успехом радикалов стала отставка военного министра Милоша Божановича, который был вынужден уйти с поста военного

министра в декабре 1913 г. после начала парламентского кризиса по вопросу принятия военного бюджета. Его сменил полковник Душан Стефанович – аполитичный офицер, о котором Артамонов докладывал, что тот, будучи генштабистом, предпочел перевестись в сухопутные войска из-за неприятия партийного духа в Генеральном штабе Сербии²⁷.

За Милошем Божановичем полковник Артамонов, как и многие другие, признавал способности военного администратора, однако было известно, что талантами полководца тот не обладал. Однако Божанович в прошлом был адъютантом короля Петра и имел тесные связи с «заверениками» 1903 г. и «чернорукскими» кругами, а это в тогдашней Сербии обеспечивало лучшие условия для продвижения по службе. С самого начала Великой войны он был поставлен во главе самостоятельного Ужицкого отряда («Ужичка војска»), численностью в 30 тыс. человек, который должен был действовать на верхней Дрине, т.е. на крайнем левом фланге сербского фронта – в прямом соседстве с союзными черногорцами. К началу сентября 1914 г. (по старому стилю) общая сила Ужицкого и Санджакского отрядов составляла 55 батальонов, 2 эскадрона, 77 орудий и 3 добровольческие четы, тогда как у австрийцев на верхней Дрине оставались лишь 3 батальона 8-й горной бригады и 9-я бригада ландштурма; всего – 7–8 батальонов и 2 горные батареи²⁸.

Сербская Верховная команда возлагала очень большие надежды на глубокий рейд Ужицкого отряда и нанесение им удара по основной коммуникационной линии XV и XVI корпусов противника – железной дороге в долинах рек Кривая и Кривача. Однако генерал Божанович проявил медлительность и нерешительность; вместо стремительного рейда по тылам противника Ужицкий отряд вначале стал укрепляться на занятых позициях, а затем начал отход, притом без давления противника. Благоприятный момент был упущен, и сербская армия потеряла возможность маневром решить в свою пользу тяжелую битву на Дрине. В Верховной команде действия Божановича вызвали возмущение; он был смещен и заменен генералом Вукоманом Араичем. Однако Артамонов не ожидал, что за провал в Боснии Божановича постигнет действительно строгое взыскание: «Может быть, благодаря политическим влияниям, которые помогали выдвигению генерала

²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3168. Л. 11-12 об. (В.А. Артамонов – в Огенквар. 10 января 1914 г. № 6).

²⁸ Лукић Ђ. Битка на Дрини 1914. Београд, 1966. С. 153.

Божановича более, чем его военные таланты, ему удастся избежать заслуженных последствий его деятельности»²⁹. Действия Божановича во главе Ужицкого отряда стали одним из наиболее ярких примеров того резко отрицательного воздействия, которое оказывали политически мотивированные назначения старших военачальников на боевые операции сербской армии.

В начале мировой войны на службу в сербскую армию, как это уже случалось раньше, были возвращены уволенные по политическим мотивам Живоин Мишич, Милош Васич, Дамњян Попович. На первый взгляд, перед лицом внешней опасности все прежние ссоры и счёты были забыты, и высший комсостав сербской армии сплотился воедино для борьбы с общим врагом. Однако всего через два с половиной года состоялся чудовищный по своему цинизму Салоникский процесс, на котором режим Александра Карагеоргиевича жестоко расправился с военной оппозицией, что оказало тогда сильнейшее деморализующее воздействие на сражающуюся сербскую армию. И это событие подтвердило справедливость всех прежних суждений русских военных наблюдателей о том, что политическая борьба разъедала и разрушала сербский старший командный состав и становилась, таким образом, одним из главных препятствий на пути его естественного и качественного профессионального обновления.

В целом, ход и итоги Балканских (как и начального этапа Первой мировой) войн показали русским наблюдателям, что их худшие опасения относительно скорости и качества реформирования сербской армии не оправдались. Несмотря на известные русской разведке слабые стороны отдельных представителей старшего комсостава сербской армии, как и общие изъяны системы выдвижения на высшие военные посты в Сербии, вооруженные силы королевства оказались способны сражаться в трудных условиях и побеждать сильнейшего противника. Проявил себя и целый ряд выдающихся старших офицеров рангом ниже — тех, кто обещал стать достойной сменой сербским генералам поколения 1900-х. Однако к началу Великой войны ключевые посты в сербской армии продолжало контролировать это старшее поколение, далеко не все представители которого отвечали сложности задач предстоявшей борьбы. Наконец, сохраняла всю свою остроту проблема борьбы группировок в сербской военной элите и их противостояние с гражданскими властями в лице радикальной партии. А это ставило под

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3174. Л. 268 (В.А.Артамонов — в Огенквар. 24 сентября 1914 г. № 674).

угрозу процесс реформирования сербской армии с учетом опыта Балканских войн, восстановления и увеличения ее боевой мощи. Данное обстоятельство вселяло обоснованные тревоги в руководство русского Генштаба и его разведки, которые меньше всего были заинтересованы в возникновении нового военного конфликта на Балканах в 1914 г.

2. Болгария: «Нищета болгарской армии в отношении высшего служебного персонала».

В донесениях русской военной разведки о высшем комсоставе болгарской армии, наряду с характеристиками профессиональных качеств высших офицеров Болгарии, давались оценки их политических симпатий, а также суждения о кадровой политике Фердинанда Кобурга и о проблеме коррупции в высшем эшелоне болгарской армии. Все эти вопросы зачастую оказывались тесно и самым причудливым образом переплетены между собой. Если в рапортах о представителях сербского высшего командного состава лишь иногда упоминалось об их отношении к России и Австро-Венгрии, то в докладах о болгарских генералах сведения об их внешнеполитических симпатиях (иными словами, о русофильстве или русофобии) составляли важнейшую качественную характеристику.

Кто персонально олицетворял собой для русской разведки русофобские, стамбуловистские силы в болгарском генералитете в 1900-е гг.? Это генералы Михаил Савов, Рачо Петров, Стефан Паприков и ряд других; все – ветераны прежних войн и деятельные участники политической жизни Болгарии, с определенными заслугами перед своей страной. Но русская разведка оценивала их служебные и деловые качества достаточно низко. Так, первый военный агент России в Болгарии полковник Генштаба Н.И.Протопопов (назначен 20 апреля 1902 г.) отмечал, что Савов, в то время полковник и начальник Софийского военного училища, был человеком бесхарактерным, до крайности честолюбивым, не брезгавшим никакими средствами для достижения своих целей. Фигурой-противовесом Савову русский военный агент называл полковника Радко Димитриева, одного из вождей пророссийского переворота 1886 г. и бывшего эмигранта, в то время – начальника оперативного отделения Штаба армии (т.е. Генерального штаба) Болгарии³⁰.

Именно генералы Рачо Петров и Михаил Савов, соответственно на постах министра-председателя и военного министра стамбуловистского правительства, замарали свои имена в масштабной коррупционной

³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 862. Л. 171–173 об.

делке при закупке боеприпасов в Австро-Венгрии в 1903 г., получившей в Болгарии название «афера Шарль и Жан»³¹. В 1911 г. демократическое правительство Александра Малинова возбудило судебное дело против Рачо Петрова, Михаила Савова и Николы Геннадиева, обвинив их в присвоении в общей сложности 9 млн. франков. Все перипетии этого и других коррупционных скандалов русские военные агенты излагали в своих рапортах весьма подробно и красочно, не скупясь на резкие характеристики замешанных в них болгарских генералов.

По поводу временной отставки Савова в октябре 1908 г. Леонтьев писал: «Влияние и связи Савова и князя всем известны; для того, чтобы отпустить от себя этого „преданного“ и, вместе с тем, опасного человека, Е[го] В[ысочеству] нужно было опереться на весьма серьезные мотивы. Правда, общественное мнение давно уже приковало Савова к позорному столбу, но князь не привык им руководствоваться в своих действиях, считая себя и свои собственные интересы выше каких бы то ни было посторонних мнений и суждений, особенно исходящих из среды его подданных»³². В 1912 г. именно Савов, человек, на котором, по мнению русских наблюдателей, было негде ставить клеймо, был назначен помощником главнокомандующего болгарской армией царя Фердинанда. Фактически – руководителем вооруженных сил Болгарии. И именно он стоял за самыми трагическими для Болгарии решениями – о штурме Чаталджи и о нападении на сербские позиции.

Еще в бытность генерала Савова военным министром его деловые качества оценивались Леонтьевым достаточно низко. Он, к примеру, писал: «Генерал Савов весьма рассеян и именно в отношении чисел не обладает хорошей памятью. Убедившись в этом, я принял за правило после каждого с ним разговора проверять полученные сведения у Начальника штаба и не раскаялся в этом, т.к. не раз обнаруживал крупные неточности»³³. В том же рапорте военный агент подчеркивал, что любимцы и выдвигенцы Савова – «люди менее способные и осведомленные и в отношении России не вполне надежные»³⁴.

³¹ Подробнее об этом см.: *Маркѳв Г.* Нашумелите международни афери на Третото Българско царство. Стара Загора, 1998. С. 95–112.

³² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 770. Л. 58–60 об. (М.Н.Леонтьев – Ф.Ф.Палицыну. 6 ноября 1908 г. № 260).

³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 779. Л. 4–5 (М.Н.Леонтьев – Ф.Ф. Палицыну. 12 февраля 1906 г. № 23).

³⁴ Там же.

Начальником штаба болгарской армии, у которого Леонтьеву приходилось проверять точность полученных от Савова сведений, был генерал Радко Димитриев – человек, которого все русские военные агенты единодушно называли и самым талантливым военным деятелем Болгарии, и главной опорой русского влияния в ее вооруженных силах. Принималось во внимание, что сам Димитриев, формально беспартийный, говорил о своем сочувствии партии цанковистов – политической силе Болгарии, наиболее последовательной в своей пророссийской ориентации. Не исключал Радко Димитриев и того, что ему придется вынужденно уйти из армии и заняться политикой. Русская разведка весьма внимательно относилась к подобным словам. Однако Леонтьев давал высокую оценку служебным качествам Радко Димитриева отнюдь не как дань признания его русофильским взглядам. Напротив, она основывалась исключительно на профессиональных критериях и имела характер экспертного суждения.

На ключевом посту начальника Штаба Димитриев находился с 1904-го всего лишь до весны 1907 г., затем он был назначен начальником 3-й инспекционной области. По оценке Леонтьева, непосредственной причиной смещения Димитриева послужила его роль в расследовании вышеупомянутого дела о военных заказах – самого громкого коррупционного скандала в истории болгарской армии. По этому поводу Леонтьев докладывал 5 апреля 1907 г.: «Перемещение Димитриева вероятнее всего вызвано его поведением в деле о заказах за границей. Для болгарской армии и для русско-болгарских интересов это большая потеря; генерал Диков прибыл и вступил в исправление должности. По многим отзывам и личным впечатлениям он во многом уступает своему предшественнику»³⁵.

Об упомянутой кадровой перестановке Леонтьев писал тогда же: «Как никак, в данный момент об уходе Димитриева приходится очень сожалеть; правда, при существующих условиях, он был связан в своей деятельности по рукам и ногам, но эти условия не могут считаться нормальными и рано или поздно должны были измениться.

Несмотря на такое свое положение, генерал Димитриев очень много сделал по своей специальности; достаточно вспомнить, что им выработаны планы сосредоточения и стратегического развертывания болгарской армии на всех возможных фронтах, приведены и напечатаны статистические данные о соседних государствах и, что главное,

³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 770. Л. 36 (М.Н. Леонтьев – в ГУТШ. 5 апреля 1907 г. № 74).

за противников решены с возможным приближением задачи их сосредоточения к болгарской границе; много также труда положил генерал Димитриев на тактическую подготовку высших начальников и, в частности, офицеров Генерального штаба, среди которых завоевывал себе с каждым днем все большие и большие симпатии своим знанием дела и вместе с тем своей доступностью и сердечностью. Я знаю нескольких офицеров Генерального штаба, итальянских воспитанников, которые не далее как 2 года тому назад говорили о своем новом начальнике штаба с ненавистью, называя его „изменником“ и „предателем“, а теперь сожалеют об его уходе.

Как мне кажется, уход генерала Димитриева особенно почувствуется в случае войны: для должности начальника штаба главнокомандующего в болгарской армии потребуется генерал с особыми способностями, решительный и с громадной инициативой; из остальных генералов, может быть, найдутся хорошие командиры корпусов или начальники промежуточных штабов, но как на начальника штаба главнокомандующего я не могу указать ни на одного; на мой взгляд, не подходит к этой должности и теперешний заместитель Димитриева – генерал Диков»³⁶.

Представитель русского Генштаба в Софии отлично понимал, что в рамках кадровой политики Фердинанда Кобурга нахождение талантливых и уважаемых русофилов на руководящих постах в армии могло быть явлением лишь временным и непрочным. Вдобавок, правящий в Болгарии режим хорошо научился использовать русофильски настроенных генералов для извлечения выгоды в отношениях с Россией. Примечателен в этом отношении рапорт Леонтьева о еще одной служебной командировке в Россию Радко Димитриева в феврале 1909 г.: «Рекомендую только что выехавшего в Петербург Радко Димитриева как способнейшего генерала болгарской армии, искренне расположенного к России человека; в то же время считаю долгом отметить, что выбор на него мог пасть исключительно с намерением эксплуатировать его русские связи и личные качества с определенными целями. Димитриева уже не впервые посылают в Россию; его командировка весной девятьсот шестого года особенно памятна по своим неожиданно отрицательным для нас результатам, в коих он лично менее всего виноват. Со времени этой командировки Димитриев только терпится на службе. Князем и военным министром он особенно нелюбим; как

³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 770. Л. 37–40 (М.Н. Леонтьев – Ф.Ф. Палицыну, 6 апреля 1907 г. № 77).

бывший эмигрант не пользуется их доверием. Это ему самому хорошо известно. В местных делах он правильно ориентирован и знает действительную цену людям и их стремлениям, но, по своему добродушию и некоторой природной наивности, может и на этот раз оказаться невольным орудием в чужих руках во вред нашим, да и болгарским интересам»³⁷.

Еще одним проявлением кадровой чехарды в высшем эшелоне болгарской армии, а также подтверждением непрочности позиций генералов-русофилов, стало то, что преемник Радко Димитриева генерал Вичо Диков был снят с должности начальника Штаба армии всего через полгода после своего назначения. Совершенно неожиданно генерал Диков был назначен начальником Софийского военного училища, а его место занял генерал Атанас Назлымов, 44-летний уроженец Болграда в Бессарабии. Весьма интересен рапорт Леонтьева о подоплеке этой кадровой перестановки. Русский военный агент полагал, что данное решение исходило от самого князя Фердинанда, хотя формально его инициатором был военный министр генерал Данаил Николаев, старейший и наиболее влиятельный русофоб в среде болгарской армии. Сам князь заявил Вичо Дикову, что решил поставить его во главе военного училища, дабы поднять уровень воспитания и дисциплины юнкеров.

Леонтьев комментировал: «Характерно, что тем же приказом 2-го ноября „неопытный“ Назлымов, позволивший социализму свить гнездо в Софийском военном училище, назначен начальником Штаба армии, т.е. на пост еще более серьезный и ответственный».

Нового начальника штаба болгарской армии русский военный агент характеризовал следующим образом: «Заместитель Дикова генерал Назлымов считается серьезным, дельным генералом и, судя по прошлому, вполне честным человеком; начав службу в кавалерии, он прошел академию генерального штаба в Турине, после чего служил в штабе армии и в кавалерийской инспекции, затем последовательно был командиром 1-го конного полка (в Софии), помощником начальника штаба армии и, наконец, начальником военного училища, каковое место занял после Савова, назначенного военным министром.

На всех постах Назлымов показал себя хорошим, добросовестным работником и весьма требовательным, строгим начальником. Подчиненные зовут его „тринчиком“ (тринчик или тренчик – узкий плетеный ремешок,

³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 779. Л. 18–18 об. (М.Н.Леонтьев – В.А.Сухомлинову, 8 февраля 1909 г. № 42).

деталь разных частей военного костюма того времени, в переносном значении – строгий и ограниченный командир-службист. – В.К.).

В последнее время своим педантичным, строгим отношением к юнкерам он возбудил против себя некоторое неудовольствие и нарекания со стороны их родителей и родственников; это обстоятельство плохо гармонирует с аттестацией, данное ему Николаевым. [...]

Наряду со многими положительными качествами, генерал Назлымов, по общим отзывам, отличается и крупным недостатком, а именно – отсутствием широкой инициативы; для начальника штаба это, конечно, очень большой минус.

Что касается политических воззрений Назлымова, то, как кажется, он никогда их определенно не формулировал. Многие считают, его стамбуловистом и русофобом; будущее его поведение покажет, насколько такая репутация справедлива.

Я слышал мнение, что с назначением Назлымова в генеральном штабе пойдут в ход итальянские воспитанники, в ущерб своим „русским“ сотоварищам. Это было бы очень жалко, т.к. так называемые „итальянцы“ в массе не отличаются симпатиями к России, а в служебном отношении, по своей академической подготовке, стоят неизмеримо ниже слушателей нашей академии»³⁸.

Очень скоро Леонтьев окончательно разъяснил для себя политические взгляды генерала Назлымова. По мнению русского наблюдателя, откровенно недружественные России мотивы лежали в основе плана Назлымова по созданию в Болгарии своей Академии генерального штаба и по ограничению влияния русского высшего военного образования. Леонтьев писал: «Нечего и говорить, что, работая над подобными проектами, генерал Назлымов и ему подобные слепые недоброжелатели всего русского, заботятся не о пользе дела, а исключительно о возможном ограничении области русского влияния, в постоянном страхе перед Россией и ее воображаемыми захватными планами»³⁹.

Ряд крупных перестановок в высшем эшелоне болгарской армии произошел весной 1910 г. Генерал Назлымов был смещен с поста начальника Штаба армии и назначен инспектором кавалерии. Полковник Леонтьев комментировал: «Генерал Назлымов был плохим начальником штаба армии и, вероятнее всего, будет таким же инспектором

³⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 770. Л. 45–47 (М.Н.Леонтьев – Ф.Ф. Палицыну. 8 ноября 1907 г. № 169).

³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 781. Л. 13–14 об. (М.Н.Леонтьев – А.З.Мышлаевскому. 17 сентября 1909 г. № 165).

кавалерии. Человек узкий, педант, мелочный, без инициативы и энергии; почти всю службу прослужил в генеральном штабе, а посему, надо думать, технически отстал от кавалерийского дела»⁴⁰.

Как показало будущее, Леонтьев судил достаточно верно. В начале 1-й Балканской войны Атанас Назлымов возглавил Конную дивизию, единственное соединение болгарской кавалерии. По общему мнению наблюдателей и позднейших исследователей, действия болгарской конницы в войне с турками не были отмечены никакими успехами. Напротив, она даже не смогла качественно выполнить функции оперативной разведки перед фронтом развертывания основных сил, из-за чего болгарское командование имело смутные представления о силах и действиях противника. Впрочем, виной тому были не только качества Назлымова как кавалерийского начальника, но и распоряжения вышестоящего командования, стремившегося держать конницу оттянутой назад, а также сам характер пересеченной местности на гористом Фракийском театре военных действий. Звездным часом болгарской конницы стала осенняя кампания 1916 г. в степях Добруджи против русских и румынских войск. Однако командовали ей тогда уже другие генералы, и прежде всего Иван Колев. В августе 1913 г. Назлымов был уволен в отставку; на службу он вернулся в 1915 г., однако на ответственные командные должности в войска действующей армии он больше не назначался...

Вернемся к назначениям весны 1910 г. Тогда же был уволен от службы главный интендант генерал-майор Илия Димитриев (однофамилец Радко). И комментарий по этому поводу русского военного агента также примечателен: «Уход в отставку генерала Димитриева с поста Главного интенданта, надо полагать, есть дело личное генерала Николаева; последнее время между ними были большие нелады, отголоски которых нашли место и в недавних моих донесениях. Уже после его ухода, генерал Николаев аттестовал мне его как человека ленивого, не обладающего широтой взглядов, необходимою для исполнения предстоявшей ему в военное время должности начальника тыла армии.

Мнение генерала Николаева мне кажется пристрастным и тем более не заслуживающим внимания, что сам Николаев ни на какую широту взглядов претендовать не может. Мне лично генерал Димитриев представляется человеком весьма способным и знающим свое дело, а

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7359. Л. 2–3 об. (М.Н. Леонтьев – Ю.Н. Данилову. 31 марта 1910 г. № 59).

посему уход его со службы, особенно при теперешней нищете болгарской армии в отношении высшего служебного персонала (курсив мой. – В.К.), надо признать фактом, заслуживающим сожаления. Последние годы ходили слухи о денежных неправильностях, допущенных Димитриевым в свою пользу, но проверить справедливость их я не имел возможности; сами по себе такие слухи весьма правдоподобны, так как его хозяйственная деятельность имела место и во времена бывшего военного министра генерала Савова, оставившего по себе самую недостойную память именно в этом отношении»⁴¹.

В этом докладе Леонтьева особенно примечательны две вещи: слова о «нищете» болгарской армии на достойных офицеров высшего звена, а также то, что, даже допуская коррумпированность генерала Или Димитриева, русский военный агент считал возможным характеризовать его как способного и полезного на его прежнем месте работника.

Преемником Димитриева на посту главного интенданта стал генерал Вичо Диков, до того момента начальник военного училища, один из наиболее видных болгарских русофилов в генеральских чинах. Данное его перемещение по службе также было проникнуто духом кадровой политика Фердинанда Кобурга. Леонтьев докладывал по поводу назначения Дикова: «Король и высшие военные круги его не любят и не доверяют ему, но считают необходимым с ним церемониться, имея в виду существующие к нему симпатии со стороны офицерства. Находя опасным оставлять его долее во главе Военного училища, ему предложили пост Начальника дивизии в Русуке, т.е. там же, где он 3–4 года тому назад был начальником инспекционной области. После естественного при таких условиях отказа его устроили на место Главного интенданта, очевидно, только временно. Отсюда при первом же удобном случае его легко будет уволить от службы. Несмотря на некоторые отрицательные качества, как то нерешительность, мягкость, некоторое двуличие, все же Дикова надо считать одним из выдающихся болгарских генералов»⁴².

Но гораздо большее внимание Леонтьева, естественно, привлекла фигура назначенного приказом 27 марта 1910 г. нового начальника Штаба болгарской армии – генерала Ивана Фичева. Этому во многих отношениях незаурядному болгарскому военному деятелю было суждено стать непосредственным автором плана стратегического

⁴¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7359. Л. 2–3 об. (М.Н.Леонтьев – Ю.Н.Данилову. 31 марта 1910 г. № 59).

⁴² Там же.

развертывания и начальных операций вооруженных сил своей страны в 1-й Балканской войне. Он же был главным военным экспертом с болгарской стороны во время переговоров по образованию Балканского союза.

Еще в январе 1907 г. Леонтьев так отзывался о Фичеве, в то время помощнике начальника Штаба армии, по поводу его назначения начальником дивизии: «Человек очень ограниченный, интриган, всюду преследует свои личные материальные интересы; лет 10 тому назад за неблаговидную деятельность в качестве заведывающего изданием различных учебных пособий, уставов и т.п., был исключен из Генер. штаба; реабилитирован был исключительно благодаря своим связям со стамбуловистами и симпатиям Князя; командного опыта не имеет; пользуется особым доверием и любовью ген. Савова; симпатизирует австрийцам и итальянцам. Человек совершенно ненадежный, способный продать кого и что угодно; 47 лет; женат; две дочери; в чине с 1903 г.»⁴³.

Три года спустя после этого 50-летний Иван Фичев был назначен начальником Штаба армии. В своем рапорте по этому поводу полковник Леонтьев повторял и уточнял свою прежнюю характеристику этого генерала. Изложив основные данные его послужного списка и отметив ученые труды Фичева, Леонтьев продолжал: «Это внешняя сторона характеристики; к сожалению, внутренняя – далеко не так всесторонняя и совсем не блестящая. Люди, знающие генерала Фичева, определяют его как человека ограниченного, узкого, карьериста, склонного к интригам, в военном деле мало сведущего, скользкого по верхам, пристрастного, нравственно неустойчивого и, при всем том, с чрезвычайным самомнением и апломбом. Карьерой своей Фичев обязан, главным образом, стамбуловистским течениям; он уже несколько раз выставлялся кандидатом в военные министры и очень возможно, что будет им в скором времени, после ухода генерала Николаева и, во всяком случае, демократического правительства; последнее условие необходимо, так как Фичев был одним из членов чрезвычайного суда, осудившего покойного Каравелова, основателя демократической партии. Теперешнее назначение Фичева надо объяснить дворцовыми влияниями, все благодаря той же стамбуловской, а следовательно и „патриотической“ репутации; однако, трудно сказать, насколько и эта специальная репутация надежна; имея в виду

⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 770. Л. 27–29 об. (М.Н.Леонтьев – в ГУГШ. 18 января 1907 г. № 9).

вышеуказанную моральную неустойчивость и неопределенность Фичева, кажется, что и в ней можно сомневаться»⁴⁴.

Для сравнения приведем оценки, которые давали Фичеву представители других иностранных разведок. Французский военный атташе в Софии майор Камиль Луи де Матарель в августе 1912 г. так характеризовал Фичева: «Пользуется доверием царя и армии и удовлетворяет всем необходимым условиям, чтобы играть важную роль, которая выпала бы на него в случае войны – хитер, энергичен, умен, сообразителен, с примечательной последовательностью взглядов и большим самообладанием. Бывший ученик академии в Турине, он имеет обширные познания, много работает и в курсе всего»⁴⁵. В совершенно секретном докладе Эвиденц-бюро австрийского Генштаба, составленном после Балканских войн, отмечалось, что Фичев – интеллигентен, необычайно трудолюбив, очень начитан; что разработанный им план войны лежал в основе побед над турками, а также что он был противником атаки Чаталджи и занятия Константинополя. По оценке австрийской разведки, Фичев пользовался огромным авторитетом в болгарской армии, при этом он занимался политикой и любил представлять себя дипломатом. Там же отмечалось, что по своим политическим взглядам начальник штаба армии был стамбуловистом, а отнюдь не русофилом⁴⁶.

Итак, наиболее жесткую оценку личным и служебным качествам Фичева давал именно русский военный агент. В том, что касается продажности этого генерала, она была абсолютно точна. К примеру, в январе 1915 г., после задержания в Болгарии нескольких пароходов и барж с контрабандным оружием для Турции, Фичев, в то время военный министр, получил от австрийского посланника графа Адама Тарновского взятку в 50 тыс. левов за пропуск контрабанды⁴⁷. Склонность Фичева к политике и интригам также подтверждалась на протяжении всей его деятельности. С другой стороны, генерал Иван Фичев

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7359. Л. 4–6 (М.Н. Леонтьев – Ю.Н. Данилову. 6 апреля 1910 г. № 61).

⁴⁵ Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи. Съставители С.Славова и Ц. Дойнова. София, 1977. С. 58.

⁴⁶ Нойков С. Оценки на германския и австро-унгарския Генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // Военно-исторически сборник. София, 1983. Кн. 2. С. 48.

⁴⁷ Лалков М. Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917 г.). Австро-унгарската дипломатия в борба за съюзници през първата световна война. София, 1983. С. 192, 249.

действительно стал автором стратегического плана, который принес болгарской армии убедительную победу над Турцией в 1-й Балканской войне. Однако нельзя сбрасывать со счетов и то, что именно заключенная при участии Фичева сербско-болгарская военная конвенция (т.е. вынужденно ошибочное распределение сил болгарской армии между Фракийским и Македонским театрами военных действий) стала одной из причин потери Болгарией Македонии. Наконец, Фичев как начальник Штаба болгарской армии нес ответственность, по крайней мере, формальную, и за решения о штурме Чаталджи, и за начало битвы с сербами на Овчем поле летом 1913 г. Впрочем, русские военные наблюдатели отмечали, что реальная ответственность Фичева за эти катастрофические ошибки была не столь велика; они объяснялись ненормальной организацией процесса верховного управления болгарской армией.

В рапорте под грифом «весьма секретно» от 11 октября 1910 г. Леонтьев представил руководству Генштаба «Общую характеристику болгарской армии», в которой, в частности, отмечал:

«Старшие болгарские начальники по недостатку практики в мирное время не вполне подготовлены к высшему командованию, но, можно надеяться, что под соответствующим руководством сверху и при содействии офицеров генерального штаба, получивших хорошее военное образование в русской и иностранных академиях, и пользующихся в армии известным влиянием, худо ли хорошо, но задачу свою исполнят.

Вся масса офицерства, в общем, может считаться на высоте положения; недостаток практики в управлении боевыми единицами разных величин, несомненно, скажется и по отношению к младшим начальникам, но сравнительно в меньшей степени; во всяком случае, как этот, так и некоторые другие дефекты с избытком покроются чувством долга, служебной добросовестностью и общим патриотическим порывом»⁴⁸.

Примечательно, что широким слоям русской военной элиты предлагалась другая, всецело хвалебная характеристика командного состава болгарской армии. Офицер русского Генштаба Йордан Пехливанов – болгарин и выпускник Софийского военного училища – в сентябре 1912 г., писал в самом начале Балканской войны в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии»:

⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7359. Л. 12–15 (М.Н. Леонтьев – Ю.Н. Данилову. 11 октября 1910 г. № 187).

«Что касается высшего командного элемента, то он в Болгарии, безусловно, на высоте своего положения. Болгарская армия насчитывает целый ряд выдающихся генералов, которые занимают высшие строевые и командные должности. Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу.

Помощник главнокомандующего царя Фердинанда генерал Савов давно намечен на этот ответственный пост. Его способности, энергия и характер неоднократно испытаны. Он занимал два раза пост военного министра и является организатором вооруженных сил Болгарии. Последние 5–6 лет генерал Савов не находился в рядах армии и специально готовился к своему высокому назначению.

Командующие армиями генералы Кутипчев, Димитриев (Радко) и Иванов одни из популярнейших в армии. Кроме генерала Кутинчева, все остальные окончили курс Николаевской Академии Генерального Штаба»⁴⁹.

Разумеется, писал это офицер-болгарин, притом в тот момент, когда вся Россия и ее армия горячо сочувствовали Балканскому союзу в его начавшейся борьбе с Турцией. И все же нельзя не удивиться похвалам Пехливанова в адрес генерала Савова или словам о том, что чем более высокую ступень на служебной лестнице занимал начальник в болгарской армии – тем ближе он был к идеалу. Как представляется, гораздо более взвешенную и беспристрастную оценку профессиональных качеств болгарской военной верхушки дал русский генштабист Всеволод Буняковский, сотрудник Императорской Николаевской Военной Академии, автор научного исследования операций 1-й Балканской войны на Фракийском театре, который писал:

«Среди высшего командного состава, к коему, кроме начальников инспекционных областей, будущих командующих армиями, следует отнести не только начальников дивизий, но и командиров бригад, в военное время действовавших как дивизии, процент получивших высшее военное образование и вполне подготовленных к своей деятельности, был не велик – всего около 30%. Остальные, главным образом, были из числа отличившихся в войны 1877–1878 и 1885 годов. Правда, в последнее время в Болгарии получили большое развитие маневры крупными частями, укомплектованными запасными до штатов

⁴⁹ Пехливанов Ю. Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. Научно-библиографический журнал. 1912. № 33. С. 1379–1380.

военного времени, а равно, полевые поездки и военные игры старших начальников, но эти меры не могли вполне возместить недостатка их общего высшего военного образования. Поэтому, большая часть старших начальников, в общем, являлась не вполне современно подготовленной и необладающей широким военным кругозором. Замечалось в верхах армии и некоторое разнообразие во взглядах на военные явления. Таким образом, высший командный состав может быть признан пестрым, но от большинства начальствующих лиц нельзя отнять присущей всему болгарскому народу жажды деятельности и упорства в достижении цели»⁵⁰.

В ходе Балканских войн целый ряд оценок, которые давали высшему комсоставу болгарской армии русские военные специалисты, подтвердился полностью или частично. Вооруженные силы Болгарии добились триумфальных побед при Лозенграде, Люле-Бургасе, штурмом взяли первоклассную для балканского региона крепость Адрианополь. Однако они потерпели трагические неудачи при попытке прорыва Чаталджинской укрепленной линии и в сражении на Брегалнице, несмотря на выдающееся мужество и высокую подготовку простых солдат и младшего комсостава.

Эти две войны дали обширный материал для практических выводов и соответствующих кадровых решений по высшему командному составу болгарской армии. И действительно, перестановки в нем начались сразу же после заключения Бухарестского мира (1913). Однако, как очень хорошо показывают донесения полковника Ю.Д. Романовского, продиктованы они были, сплошь и рядом, соображениями, не имевшими ничего общего с проблемами служебного соответствия и профессиональных качеств. По сути, в августе 1913 г. началась масштабная чистка армии от людей, неугодных режиму Фердинанда Кобурга, и прежде всего — от генералов-русофилов. Она явилась важной прелюдией к вступлению Болгарии в мировую войну на стороне Центральных Держав и Турции. Ни в Третьем Болгарском царстве, ни в коммунистической, ни в современной Болгарии эта тема — по понятным причинам — практически не получила никакого отражения в историографии. Однако донесения Романовского от осени 1913 г. достаточно ярко освещают эту неприглядную страницу в истории болгарской армии.

В конце июня 1913 г. военным министром Болгарии был назначен генерал-майор Георги Минчов Вазов — глубокий и убежденный

⁵⁰ *Буняковский В.* Балканская война. Действия I и III болгарских армий. (Критико-историческое исследование). Ч.1. Пг., 1917. С. 23–24.

русифил, воспитанник Одесского юнкерского училища (1880). Став одним из руководителей неудачного августовского переворота 1886 г. в Софии, он затем эмигрировал в Россию, окончил Николаевскую Инженерную академию (1888) и служил в Туркестане на постройке Кушкинской крепости⁵¹. В 1-ю Балканскую войну Вазов был призван из запаса, занимал должность военного коменданта Лозенграда, затем руководил Восточным сектором осады Адрианополя.

Назначение генерала Вазова на пост военного министра объяснялось не только его административными способностями, но и желанием Кобурга добиться этим шагом расположения России в сложной для Болгарии политической обстановке. После образования русофобского правительства «либеральной концентрации» Георги Вазов сохранил в нем свой пост, но ненадолго. 22 августа 1913 г. он был уволен в отставку без всякой видимой причины и заменен генералом Климентом Бояджиевым, уроженцем г. Охрида в Македонии, талантливым военачальником и стамбуловистом по политическим взглядам. Причиной отставки Вазова стали его давние и прочные русофильские убеждения. Романовский докладывал: «Генерал Вазов – человек весьма энергичный, хороший боевой генерал и отличный администратор, являлся именно таким человеком, в каком в настоящее время нуждается болгарская армия. Однако, будучи убежденным сторонником России, он пришелся, как говорится, не ко двору и был заменен Бояджиевым, македонцем и убежденным стамбуловистом»⁵². По воспоминаниям самого Георгия Вазова, генерал Радко Димитриев, сообщивший ему новость об отставке ранним утром 23 августа, при этом сказал: «Ты знаешь, Вазов, наше пребывание в армии имеет смысл до тех пор, пока политика русофильская, ... и я оставляю армию». Вазов отвечал: «К отставке я давно готов»⁵³.

Через несколько дней состоялось назначение самого Радко Димитриева на пост посланника Болгарии в Санкт-Петербурге. В этом можно было усмотреть попытку улучшения дипломатических отношений с Россией, но, прежде всего, это было удаление из армии вождя русофильского офицерства, который бурной ночью 9 августа 1886 г.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 1 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову. 23 июля 1913 г. № 255). Подробнее о жизни и службе Г.Вазова в России и Болгарии см.: *Вазов Г. В пустыните на Средна Азия. Службата ми в Русия. Спомени на един офицер* София, 1993; *Митев Т. Генерал Георги Вазов*. София, 1983.

⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 2–3 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову. 1 сентября 1913 г. № 290).

⁵³ *Митев Т. Указ. соч. С. 174.*

с револьвером в руке «верноподданнически» просил князя Александра Баттенберга поставить свою подпись под отречением от престола, в чем и преуспел⁵⁴. Кобург не забывал об этом. Вопрос о судьбе должности начальника Штаба болгарской армии вызывал особый интерес Романовского. Номинально этот пост продолжал занимать генерал Иван Фичев. Он страдал почками и с мая 1913 г. находился в отпуске по болезни. Впрочем, осведомленные люди, в том числе и Романовский, полагали, что его недуги были в большей степени дипломатическими, вызванными несогласием с политикой Кобурга и «полководчеством» Савова. Недоброжелатели, к примеру, генерал Стилиян Ковачев, даже обвиняли его в трусости и симуляции болезни перед штурмом Адрианополя⁵⁵. По мнению русского военного представителя, делами армии уже давно заправлял помощник начальника Штаба полковник Стефан Нерезов, сумевший втереться в доверие к царю. Романовский докладывал: «Нерезов вместе с Савовым является фактическим виновником ноябрьской атаки Чаталджи и начала военных действий против Сербии. Нерезов окончил военную академию в Италии, большой хвастун, фанфарон и интриган, но в военном деле смыслит мало; по своим убеждениям – ярый стамбуловист»⁵⁶.

Сам генерал Фичев также называл своего заместителя полковника Нерезова главным автором плана внезапного нападения на сербские и греческие позиции 17 июня⁵⁷. Еще в мае 1913 г. Нерезов гарантировал представителям правительства способность болгарской армии добиться решительного успеха над сербами и греками⁵⁸. Вопреки всем законам военного дела, план войны Болгарии против союзников летом 1913 г. был разработан без участия начальника штаба болгарской армии; его творцами стали Савов и Нерезов⁵⁹. В сентябре 1913 г. одиозную фигуру Нерезова, на которого общественное мнение возлагало ответственность за поражения, сменил полковник Никола Жеков, бывший начальник штаба 2-й армии, также воспитанник Туринской академии.

⁵⁴ Дренски И. Генерал Радко Димитриев. Биографичен очерк. София, 1962. С. 46–47.

⁵⁵ Ковачев С. Записки на генерал от пехотата 1876–1918. София, 1992. С. 116.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 2–3 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову. 1 сентября 1913 г. № 290).

⁵⁷ Фичев И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940. С. 419.

⁵⁸ Жебокрицкий В.А. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961. С. 169.

⁵⁹ Марков Г. Правата и отговорностите на българското Главно командуване в Междусъюзническата война 1913 г. // Военно-исторически сборник. София, 1983. Кн. 2. С. 51.

Русский военный агент характеризовал Жекова как хорошего офицера Генштаба и «человека скорее беспартийного» и уже тогда называл его вероятным преемником генерала Фичева на посту начальника Штаба армии⁶⁰. По отзыву одного из младотурецких вождей Ахмеда Джемаль-паши, «полковник Жеков был человек большого ума, незаурядных дипломатических дарований и обладал солидным образованием»⁶¹.

Дальнейшие события подтвердили сделанный Романовским прогноз блестящей карьеры этого офицера. В 1915 г. Жеков был произведен в генералы, стал военным министром Болгарии, а после ее вступления в мировую войну – главнокомандующим болгарской армии. Что касается «беспартийности» Жекова, то здесь русский разведчик допустил важную и симптоматичную ошибку. В действительности Никола Жеков был, пожалуй, самым ярким представителем того молодого поколения болгарского офицерства, которое было возвращено и воспитано режимом Фердинанда Кобурга в янычарском духе преданности царю и русофобии.

Сразу после окончания Межсоюзнической войны из числа высших командиров были уволены бывший командующий 2-й армией генерал-лейтенант Никола Иванов – герой осады и штурма Адрианополя, командующий 4-й армией генерал-майор Стилиян Ковачев и инспектор конницы генерал-майор Атанас Назлымов. Из начдивов в отставку вначале был отправлен лишь начальник 5-й дивизии генерал-майор Павел Христов. Романовский докладывал:

«Подлежавшие увольнению начальники 9-й дивизии генерал Сираков и 10-й дивизии генерал Брадистиллов, оказавшиеся наиболее непригодными из всех начальников дивизий, все-таки оставлены на службе, благодаря родственным связям с теперешним военным министром генералом Бояджиевым, с которым они вместе окончили военную академию в Италии. Вообще же теперешнее министерство очевидно всячески будет выдвигать итальянских воспитанников. Что касается увольнения генерала Иванова, показавшего себя с хорошей стороны под Адрианополем, то увольнение его объясняется интригами Савова, пожелавшего свалить на Иванова всю вину за крайне легкомысленное сосредоточение болгарской армии против союзников, благодаря чему, фактически, напор всей греческой армии пришлось сдерживать 4 ослабленным бригадам»⁶².

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Ед. хр. 3083. Л. 9–10 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову. 17 сентября 1913 г. № 311).

⁶¹ Записки Джемаль-паши. 1913–1919 гг. Тифлис, 1923. С. 44

⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Ед. хр. 3083. Л. 9 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову 17 сентября 1913 года. № 311).

Людам, обвинявшим генерала Николу Иванова в неудачных действиях против греков, было не занимать лицемерия и цинизма. На самом деле части 2-й армии оказали упорное сопротивление намного превосходящим силам противника, а командующий и его штаб мастерски провели отступление своих войск при крайне неблагоприятной оперативной обстановке. Проявленное Ивановым полководческое искусство даже снискало ему в софийском обществе лестное прозвище второго Ксенофонта⁶³. И все же Иванов был уволен, а вместо него начальником 2-й инспекционной области был назначен генерал-лейтенант Стефан Тошев, бывший начальник 1-й дивизии, командовавший в Межсоюзническую войну 5-й армией. Романовский так отзывался о нем: «Тошев довольно хороший строевой командир в узком смысле этого слова, но не получил высшего военного образования (окончил только Софийское училище. – В.К.) и в военном деле, кроме строевой пехотной службы, довольно слаб. Тошев любим царем, чем и объясняется его назначение»⁶⁴. Думается, русский разведчик дал недостаточно высокую оценку этому военачальнику. После вступления Болгарии в мировую войну генералу Тошеву было доверено командование 3-й армии, прикрывавшей румынскую границу и черноморское побережье. Осенью 1916 г. армия Тошева вынесла на себе главную тяжесть боев с русскими и румынскими войсками в Добрудже, окончившихся победой Четверного союза. Стефан Тошев снискал себе славу лучшего болгарского командующего армейского звена в Первую мировую войну. В случае с Тошевым русская разведка допустила ту же ошибку, что и при довоенной оценке сербского воеводы Степы Степановича. Она судила по формальным критериям, таким как уровень образования, но была неспособна учитывать полководческие качества обоих военачальников.

По-настоящему широкая чистка болгарской армии началась в 1913 г. именно после назначения военным министром генерала Климента Бояджиева. Под видом освобождения вооруженных сил от неспособных командиров, проводились увольнения офицеров-русофилов, выпускников Николаевской академии Генштаба. Полковник Романовский докладывал: «Многие из числа уволенных лиц действительно оказались непригодными начальниками, однако часть их заместителей также не

⁶³ Сис В. Критичните дни на България. Впечатления, бележки, размисли. Дневник на военния кореспондент – 1913 г. Превод од чешки език М.Генова. София, 2005. С. 156.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 2–3 (Ю.Д.Романовский – Ю.Н.Данилову. 1 сентября 1913 г. № 290.

заслуживает высокой оценки, и, вообще, новые назначения в армии постепенно начинают носить специфический характер выдвижения начальников, угодных стамбуловистам»⁶⁵.

Произошла замена целого ряда высших военачальников. В отставку с поста главного интенданта был отправлен генерал-лейтенант Вичо Диков, бывший командующий 4-й армией, выпускник русской Офицерской стрелковой школы (1883) и НАГШ (1890). По оценке Романовского, это был весьма добросовестный человек, вполне соответствовавший своей должности, а причиной отставки стали его русофильские убеждения. Вместо него Главным интендантом был назначен бывший начальник 9-й дивизии генерал-майор Радой Сираков, выпускник Туринской академии (1891), один из наименее способных начальников дивизий в Балканских войнах (целая бригада его дивизии взбунтовалась и без боя сдалась в плен румынам), но — он был родственником Бояджиева. Был уволен в отставку по собственному желанию начальник военно-учебных заведений генерал-лейтенант Кирил Ботев, родной брат поэта-революционера Христо Ботева (1848–1876), окончивший кавалерийскую школу во французском Сомюре и Военную академию в Брюсселе (1885). Его заменил бывший начальник штаба 1-й армии полковник Асен Пападопов, «итальянец» по высшему военному образованию, военный атташе в Вене в 1909–1911 гг., хороший офицер, человек порядочный и беспартийный, как оценивал его Романовский⁶⁶.

Ушел в отставку главный военный прокурор генерал Георги Агура, уроженец Бессарабии, получивший духовное образование в Измаиле и Яссах, затем выпускник Софийского военного училища (первого выпуска 1879 г.) и Военно-юридической академии в Петербурге, первый в болгарской армии офицер с высшим юридическим образованием. Начальником канцелярии военного министерства был назначен генерал-майор Стою Брадистилов, окончивший Туринскую академию (1891) и совершенно неудовлетворительно проявивший себя в должности начальника 10-й дивизии. Начальником 1-й Софийской дивизии вместо генерала Тошева был назначен гофмаршал двора генерал-майор Янко Драганов, человек, полностью отставший от строя и не имевший высшего военного образования (он окончил лишь Одесское юнкерское пехотное училище в 1880 г.). Причиной его выдвижения Романовский

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 9–10 (Ю.Д.Романовский — Ю.Н.Данилову. 17 сентября 1913 г. № 311).

⁶⁶ Там же.

называл желание царя иметь надежного соглядатая за настроением столичного гарнизона и особенно его офицеров⁶⁷.

Был уволен начальник 3-й дивизии генерал-майор Иван Сарафов, хороший командир и убежденный русофил, участник переворота 1886 г., выпускник НАГШ. Позднее, в 1915–1917 гг., Сарафов служил в русской армии, командовал дивизией и корпусом. В 1913 г. его заменил командир бригады 1-й дивизии генерал Никола Желявский, хороший строевой начальник, по мнению подчиненных, и беспартийный человек, по данным Романовского. Начальником 5-й дивизии по личному выбору царя Фердинанда был назначен начальник горной артиллерии генерал Петр Тантилов, «итальянец» (1908), также давно отставший от строя. Однако он был женат на сестре Стефана Стамболова и считался надежным в политическом отношении. В болгарской армии его имя стало нарицательным для обозначения взяточников и темных дельцов⁶⁸. Инспектором кавалерии вместо уволенного в отставку генерала Атанаса Назлымова был назначен командир 2-й конной бригады генерал Александр Танев, выпускник юридического факультета Гейдельбергского университета (1889). На войне он действовал неудовлетворительно, а подчиненные обвиняли его в денежных злоупотреблениях. Начальником военной академии стал полковник Топалов, «итальянец» и, по словам Романовского, «человек болезненный и довольно бесцветный». Также было уволено в отставку или назначено на высшие должности четырнадцать командиров бригад; их места заняли полковые командиры⁶⁹.

Был вынужден оставить службу и один из самых выдающихся офицеров болгарских военно-морских сил – капитан 1 ранга Димитр Добрев. Юнкером он участвовал в перевороте 1886 г., затем окончил торпедное училище в австро-венгерской Поле (1896–1897) и Морской офицерский артиллерийский класс в Кронштадте (1903–1904). Вместе с русской 2-й Тихоокеанской эскадрой Добрев на крейсере «Дмитрий Донской» в 1904–1905 гг. совершил поход в Тихий океан и принял участие в Цусимском бою, в котором попал в плен к японцам. Вернувшись в Болгарию, Добрев занимал ряд ключевых должностей в ее военно-морских силах, однако из-за русофильских взглядов и трений с дворянскими кругами в 1911 г. он был уволен в отставку по личному при-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Балканската война през погледа на един французин... С. 20.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3083. Л. 9–10 (Ю.Д. Романовский – Ю.Н. Данилову. 17 сентября 1913 г. № 311).

казу Кобурга.⁷⁰ С началом 1-й Балканской войны Добрев вернулся на службу в болгарские ВМС в качестве начальника подвижной обороны. 7 ноября 1912 г. отряд миноносцев под командой Добрева успешно осуществил торпедную атаку на турецкий крейсер «Хамидие», ставшую самой славной страницей истории болгарского военного флота. Однако после Балканских войн Добреву пришлось вновь уйти в отставку.

Представитель русского Генштаба, неплохо знавший людей, о которых докладывал, достаточно беспристрастно и с профессиональной точки зрения оценивал новые назначения на высшие должности в болгарской армии и признавал служебные качества ряда старших офицеров, в чьих русофобских взглядах он не сомневался. Разумеется, и среди уволенных офицеров-русофилов, воспитанников русских училищ и академий, были люди, не соответствовавшие занимаемым должностям. И все же, большинство кадровых перестановок было мотивировано явно не профессиональными, а политическими соображениями и личными связями. Прежнее шаткое и призрачное равновесие в командном составе болгарской армии было разрушено, и контроль над ней полностью перешел в руки враждебных России сил.

Итак, русские военные специалисты внимательно наблюдали за высшим командным составом болгарской армии и его эволюцией. Однако в период 1912–1915 гг., время Балканских войн и сползания Болгарии в мировую войну на стороне лагеря Центральных Держав, в высшем эшелоне вооруженных сил Болгарии произошли настолько крупные и радикальные изменения, что русская разведка с трудом справлялась с их изучением и анализом. Основополагающие традиционные представления русского Генштаба о военной верхушке Болгарии оказались поколеблены или разрушены. Русские военные специалисты всегда отдавали себе отчет, что командный состав болгарской армии настроен отнюдь не всецело пророссийски и что в нем существует специально созданное режимом Кобурга шаткое равновесие между русофобскими и русофильскими силами, между воспитанниками русских и итальянских военных академий и т.д. Уже стало привычным, что Кобург, в соответствии со своими сиюминутными политическими видами, будет на время отдавать предпочтение то одной, то другой группе, выдвигая их представителей на ответственные посты в вооруженных силах. За долгие годы русские разведчики привыкли к мысли о постоянстве такой ситуации. Казалось, что генерал Савов,

---

⁷⁰ Антонов Г. Участието на българския военен флот в Балканската война (1912–1913 г.) // Военно-исторически сборник. София, 1983. Кн. 2. С. 64.

несмотря на все его чудовищные проступки и выходы, всегда будет выплывать наверх и занимать самые высокие должности в болгарской армии. Казалось также, что и без выдающихся генералов-русофилов, таких как Радко Димитриев, Никола Иванов и др., болгарская армия обходиться не сможет. Однако Балканские войны и последовавшие за ними чистки быстро и бесповоротно преобразили командный состав болгарской армии. Генералы прежнего поколения, как стамболовской, так и русофильской закваски, были сметены, выброшены в отставку или прочно отстранены от командных должностей в действующей армии. И во время Первой мировой войны болгарскими войсками не командовали уже ни Савов, ни Фичев, ни Назлымов, ни Димитриев, ни Иванов, ни Вазов, ни многие другие.

Наибольших успехов на поле боя болгарская армия как самостоятельная сила добилась именно в 1-й Балканской войне в 1912–1913 гг. под водительством генералов из числа русских воспитанников – Радко Димитриева, Николы Иванова, Георгия Вазова, Николы Генева и др. Пришедшее им на смену новое поколение «фердинандовских» генералов, в массе своей «итальянцев» и русофобов, было достаточно неплохо подготовлено в профессиональном отношении, в этом русские наблюдатели отдавали им должное. Однако при них болгарская армия действовала уже под германским верховным командованием, с обильным присутствием немецких офицеров в ее штабах и с «цементирующими» вкраплениями германских войск в боевую линию. Основные действия болгарской армии (за исключением осенней кампании 1916 г. в Добрудже) имели характер позиционной обороны в сильно гористой местности Македонского театра, где практически не было простора для проявления оперативных и стратегических талантов старших болгарских военачальников.

Но самое важное заключалось в другом – в новом поколении своих генералов ускоренной формации режим Фердинанда Кобурга получил послушных и безропотных исполнителей его воли, проводников его авторитарной и авантюристической политики. Именно благодаря этим высшим и старшим офицерам руководство Болгарии смогло в течение 3 лет сохранять контроль над армией и удерживать свой мобилизованный народ в окопах непопулярной и истощающей войны. По версии болгарской стороны, эти люди были великими «родолюбцами», образцовыми современными офицерами, далекими от политики и беззаветно преданными родине и своему долгу. Однако именно эти люди стояли в ряду главных творцов второй национальной катастрофы Болгарии в 1918 г.; и забывать об этом не следует.

Румыния: «Дух инертности», «узкий кругозор» и «рутинизм».

Королевство Румыния с 1883 г. было связано военной конвенцией с недружественным России блоком Центральных Держав, и потому русская разведка изучала румынскую армию как вооруженные силы вероятного противника, давая в своих донесениях особенно подробные характеристики ее высшему командному составу. В целом, румынский генералитет оценивался русскими разведчиками очень низко. Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, и потому ограничимся здесь лишь одной общей оценкой, которую дал в 1906 г. в одном из своих донесений русский военный агент в Бухарест полковник Генштаба Михаил Ипполитович Занкевич:

«Высшими назначениями в армии почти единолично заведует король Карл. В генералах король ценит не столько способности, сколько преданность себе, засвидетельствованную многими годами службы.

Поэтому король выдвигает не молодые силы, а лично ему издавна известных офицеров, принимавших под его начальством участие в русско-турецкой кампании; большое значения для быстрого движения по службе имеет также более или менее громкое восхваление всего немецкого, — этот верный способ для завоевания симпатий короля с успехом применяется многими генералами. Король Карл весьма высоко ставит свой собственный боевой опыт, приобретенный им 29 лет тому назад на полях Плевны; имея слабость считать себя выдающимся полководцем, он отличается большою инертностью в своих взглядах на военное дело и с недоверием относится ко всем новым явлениям в области тактики. Дух инертности главы армии сообщается и ее начальникам, что естественно ведет к тому, что и самая армия почти застыла в тех формах, которые, быть может, и выдерживали критику четверть века тому назад, но теперь уже устарели.

Первоначальная теоретическая подготовка огромного большинства генералов, — даже тех из них, которые приходили в молодости курс военно-учебных заведений за границей, — скудна; люди, следящие за развитием военного дела, составляют среди них редкое исключение; боевой опыт, приобретенный ими в молодых годах, при поневоле узком кругозоре, не может, конечно, восполнить недостатка теоретической подготовки, да и самый боевой опыт румынской армии, все действия которой в русско-турецкую войну сводились к осаде и атаке укрепленных пунктов (Плевна, Видин) — крайне односторонен.

Естественно, что при таких условиях общий уровень высшего командного состава армии весьма невысок.

Значительный процент высших начальствующих лиц армии – военные инженеры по профессии. Сыграв во время русско-турецкой войны видную роль в виду одностороннего характера боевых действий румынской армии, военные инженеры сохранили с тех пор привилегированное положение в армии и пользуются большими преимуществами при движении по службе, – значительно большими, чем офицеры генерального штаба. Являясь хорошими специалистами по своей части, генералы из военных инженеров, за редкими исключениями, совершенно не подготовлены к командованию вверенными им высшими боевыми единицами.

Кое-какие мероприятия, принятые в последнее время военным министерством для поднятия уровня командного элемента, так например проверка в поле тактических познаний офицеров, представляемых к производству в генералы, – при общем рутинизме румынского генералитета, сведутся к простому отбыванию известного номера и не дадут осязательных результатов при теперешнем составе верхов армии.

Среди более молодых румынских офицеров немало лиц с прекрасной научной подготовкой, полученной, главным образом, за границей, следящих за военным делом, мыслящих и работающих, но пока эти офицеры не имеют доступа к высшим должностям, занятым старыми, угодными королю генералами»⁷¹...

***

Попытаемся подвести итоги.

Если говорить о некоей общей, суммарной оценке русскими военными разведчиками качественного профессионального потенциала генералитета Балкан в рассматриваемый период, то приходится признать следующее. Военные эксперты Российской империи считали, что высший комсостав балканских армий представлял собой один из наиболее слабых элементов в структуре явления военной модернизации молодых государств региона; по сути – даже один из факторов, тормозивших этот процесс. Конкретными причинами и источниками этого назывались: недостаточная теоретическая и, особенно, практическая подготовка балканских генералов к стратегическому и оперативному управлению войсками в военное время; глубокая вовлеченность командного состава в политическую борьбу и сопряженные с

---

⁷¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 37–40 (Общая характеристика высшего командного состава румынской армии (извлечение из рапорта М.И.Занкевича в ГУТШ 1906 г. № 115)).

ней интриги; наличие резко антагонистических по внутри- и внешне-политическим взглядам группировок в офицерском корпусе и генералитете, их острая и непримиримая борьба; численная недостаточность высшего комсостава и медленность процесса его обновления свежими кадрами; резко отрицательная и пагубная с профессиональной точки зрения роль кадровой политики правящих королевских династий; наконец, проявления разъедающей и деморализующей коррупции высокопоставленных должностных лиц в военных ведомствах, чаще всего обусловленной крупными заказами за границей.

Последовавшие события показали, что данный совокупный образ балканского генералитета был достоверен лишь отчасти. Некоторые выводы и оценки, в том числе персональных качеств конкретных офицеров и генералов, вполне подтвердились; другие, напротив, были полностью опровергнуты. В чем причина этого?

Как представляется, главная погрешность оценки русскими военными наблюдателями комсостава балканских армий заключалась в том, что она строилась на данных о ситуации и ее динамике в мирное время. Балканские, Первая мировая и Греко-турецкая войны дали мощнейший импульс количественному, качественному и персональному обновлению комсостава армий балканских государств, как и их военной и политической модернизации, в целом. Десятилетие войн 1912–1922 гг. быстро и естественно разрешило те проблемы, которые казались наиболее сложными русским военным специалистам. Ведшиеся в этот период боевые действия в рамках нескольких крупных военных кампаний, резкое увеличение численности воюющих балканских армий привели к выдвижению на руководящие должности в вооруженных силах целой плеяды старших офицеров и генералов нового поколения, формации военного времени. Соответственно, были удалены со службы или, по крайней мере, от командования войсками многие старшие военачальники, проявившие несоответствие задачам новой обстановки, в том числе и те, кого ранее признавали неспособными и русские военные агенты.

Балканские генералы прошли обширный курс практического управления войсками и военными учреждениями в условиях войны – самой лучшей из всех возможных школ в этой профессии. Причем, что важно отметить, командному составу армий Сербии, Болгарии и Греции посчастливилось проходить эту школу путем постепенного усложнения задач – от борьбы с качественно худшей османской армией в 1912 г., через противостояние с равными по уровню балканскими противниками в 1913 г., до борьбы с армиями европейских великих

держав в годы Первой мировой войны. Эта поэтапная школа войны позволила развернуться во всю ширь полководческим и управленческим талантам многих генералов названных стран.

Одновременно были разрешены – также резко и насильственно – основные проблемы политического противостояния в командном составе балканских армий. Достаточно назвать радикальную чистку болгарской армии от русофильски настроенных генералов и офицеров в 1913-1915 гг., Салоникский процесс 1917 г. в сербской армии, победу «венизелистов» над германофилами в вооруженных силах Греции. Наконец, были сняты с повестки дня проблемы особо крупных злоупотреблений в армейских верхах при широкомасштабных закупках вооружения и военной техники за рубежом. Хотя, разумеется, проблема коррупции в балканских странах и их армиях окончательно решена быть не могла.

Таким образом, войны 1912-1922 гг. полностью преобразили в политическом и военном отношении страны Балканского полуострова и, в частности, высший и старший комсостав их армий. Поэтому те суждения, оценки и прогнозы, которые военная разведка Российской империи посвящала балканским генералам, довольно скоро утратили практическую актуальность для выработки большой стратегии России / СССР на юго-западном, черноморско-балканском направлении. Однако для историков-балканистов эти донесения разведчиков дореволюционного периода сохранили огромную ценность, так как они позволяют существенно освежить и расширить наши представления об особенностях процесса ускоренно-догоняющей военной модернизации в молодых государствах Балкан в начале XX в.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ОФИЦЕРА. НАЧАЛО 1920-х гг.

В научный оборот введено немало свидетельств европейских дипломатов и военных представителей (французских, итальянских, чешских и т.д.) о внутривосточной ситуации в Королевстве СХС/Югославия в 1920-30-е гг.¹ Наиболее известны ежегодные отчеты британского посольства, обработанные и изданные Живко Аврамовским в трехтомнике «Британцы о Королевстве Югославия»². Чтение подобного рода материалов оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, они представляют собой источник самых разнообразных сведений о стране и времени, особенно ценный в условиях скудости отечественной историографии и идеологической ангажированности сербской и хорватской. С другой, нередко служат иллюстрацией поверхностности и высокомерия. Так, несмотря на блестящую информированность, малопонятные явления югославской политики представители Foreign Office нередко объясняли общей отсталостью «полуориентальных славян», главной «забавой» которых является «мелкое политиканство»³.

От подобных стереотипных представлений не был свободен и интересующий нас автор — Русский военно-морской агент в Королевстве СХС капитан второго ранга Борис Апрелев⁴, считавший, что

¹ См. например: *Boban Lj.* Маџек i politika Hrvatske Seljaџke Stranke 1928-1941. Zagreb, 1974; *Станковић Ђ.* Никола Пашич и Хрвати (1918-1923). Београд, 1995.

² *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921-1938. Knj. 1-2. Zagreb, 1986. Knj.3 Beograd, 1996.

³ *Avramovski Ž.* Op. cit. Knj. 1. S. 591, 499.

⁴ Апрелев Борис Петрович — родился 18.02.1888 г. в с. Знаменское Новгородской губ. Сын известной писательницы (псевд. Е.И. Ардов). В 1906 г. лишился отца, который был убит в своем имении во время революционных событий. В 1907 г. окончил с отличием

сербская «невозможность видеть дальше ближайших практических нужд» является «недостатком, общим для всех славян»⁵. Впрочем, на этом сходство с опубликованными Аврамовским отчетами заканчивается. Кавторанг не мог похвастаться ни британской осведомленностью, ни хорошим знанием сербского языка. Это неудивительно. Должность русского военно-морского агента была учреждена приказом А.И. Деникина в феврале 1920 г.⁶, а донесение датировано 9 ноября того же года.

Тем не менее, документ с громоздким названием «Политические партии в Королевстве СХС, их борьба, роль коммунистов, влияние событий в России, пресса, роль партий в деревне и городах. Борьба по созыву Учредительного собрания» содержит ряд интересных для современного читателя выводов, которые автору, в отсутствие глубоких знаний о стране пребывания, помогла сделать его природная проницательность. Признаком её наличия у Б. Апрелева можно считать созвучность его основных умозаключений, во-первых, сербским впечатлениям более ранних русских наблюдателей, во-вторых, современной ему внутриюгославской политической дискуссии.

* * *

С теми, кто побывал на Балканах во второй половине XIX – начале XX в., Б. Апрелева объединяют размышления общего характера о нраве сербского народа, его социальном облике, природе русофильства и дальнейшей судьбе.

Говоря о последней, наш автор разделял задолго до него высказанные опасения по поводу тлетворного экономического, культурного и политического влияния Европы, грозившего Сербии, как и остальным балканским странам, утратой их православно-славянской самобытности.

Морской кадетский корпус. Служил офицером на императорской яхте «Штандарт». Во время революции и Гражданской войны капитан 2-го ранга во французском флоте. Жил в Югославии, затем в Харбине. Работал в Казанско-Богородицком монастыре. Являлся сотрудником монастырского журнала «Хлеб Небесный», был личным секретарем настоятеля монастыря, заведующим монастырской канцелярией. 18 октября 1931 г. переехал в Шанхай; служил в муниципальной полиции. Был редактором-издателем газеты «Русское Слово». Автор многих статей и книг на морские темы. Скончался 5.03.1951 г. в Сан-Франциско. (http://www.hrono.ru/biograf/bio_a/aprelev_bp.html)

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6817 (Русский военно-морской агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Белград). Оп. 1. Д. 89. Л. 149.

⁶ Последнее документальное упоминание о деятельности агента относится к августу 1923 г. Все это время должность агента занимал Б. Апрелев.

«Орлиное гнездо Черногории очень легко может стать каким-нибудь славянским Граубинденом или Цюрихом», – в первой половине 1870-х гг. делал неутешительный прогноз Константин Леонтьев⁷.

В 1888 г. процесс возможного перерождения Сербии описывал приват-доцент Киевского университета А.И. Степович: «При благоприятных обстоятельствах такая маленькая страна... может быть просто наводнена полчищами немцев... И быстроту этого процесса современного мирного нашествия чужеземцев можно сравнить разве с успешным распространением болезнетворных бактерий... теперь Белград находится, кажется, в том периоде развития немецкого влияния, в каком приблизительно находилась Прага, когда впервые стала подпадать под это влияние...»⁸.

Однако реализация данного сценария задерживалась, о чем 30 лет спустя свидетельствовала констатация Б. Апрелева: «Дух старой Сербии все более вытесняется и заменяется новым духом Королевства СХС, отчасти напоминающим прежнюю Австрию и в этой своей части близко подходящим к Чехословакии»⁹.

В ожидании прискорбной метаморфозы, которая должна была произойти с Сербией, отечественные путешественники неизменно отмечали положительную сторону ее общественного устройства¹⁰ – отсутствие, говоря словами Апрелева, «пропасти между народом и верхними слоями», приведшей к революции в России. Еще в 1876 г. об этом писал русский доброволец, участник Сербо-турецкой войны: «В этом княжестве нет привилегированных сословий, здесь нет и не было ни дворянства, ни рабов, ни среднего класса; там, в полном значении слова, равенство права; это государство чисто демократическое... сербы... не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина»¹¹.

«Между интеллигенцией, а также администрацией и народной массой нет разобщенности: все находятся приблизительно на одном

⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство (<http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>)

⁸ Степович А.И. Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина. СПб., 2006. С. 291.

⁹ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 147.

¹⁰ См.: Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах...

¹¹ Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан // Русские о Сербии и сербах... С. 237.

культурном уровне», – гласило донесение российского посланника Н.В. Чарыкова министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу от июня 1901 г.¹² «Сербия – страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане... Сербская интеллигенция вышла из той же сельской-среды... Вообще, выражаясь по-русски, Сербия – настоящее мужицкое царство», – писал в 1913 г. русский военный историк, генерал-лейтенант Е.И. Мартынов¹³.

Через 7 лет подобными же впечатлениями делился и Апрельев: «Всю эту страну и особенно Старую Сербию можно назвать крестьянской страной. Здесь нет ни аристократии, ни класса богатой буржуазии, ни утонченной интеллигенции. Верхние слои населения Сербии это – те же крестьяне – с мало развитыми вкусами, довольно грубые»¹⁴.

«Грубость» и простота сербов проявлялись и в их отношении к русским, о которых были массово распространены далекие от реальности и, при этом, устойчивые представления. Иллюстрацией может служить разговор журналиста и добровольца 1876 г. Н.В. Максимова с сербскими солдатами во время привала: «Сербь заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать...

– Знаете, что братики?... у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...

– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа»¹⁵.

По-видимому, время мало меняло идеализированный образ России, о чем свидетельствовала сцена, свидетелем которой стал уже Б. Апрельев: «Однажды в вагоне загородного трамвая ввиду перерыва тока мне пришлось остаться одному среди двух крестьян-сербов, одной сербки-крестьянки, кондуктора вагона и какого-то субъекта неопределенного вида в рабочем картузе с шарфом на шее и в черной куртке. Среди разговора, который шел вообще о том, в каких странах какой порядок, кондуктор стал расхваливать Советскую Россию, приводя цифры дешевизны

¹² Цит. по: Русские о Сербии и сербах... С. 412.

¹³ Мартынов Е.И. Сербь в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах... С. 553-555.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 165.

¹⁵ Максимов Н.В. Две войны 1876-1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. В двух частях. Часть 1. Война в Сербии. Часть 2. Война в Болгарии // Русские о Сербии и сербах... С. 193.

там жизни, справедливости и т.д. Крестьяне протестовали, говоря, что коммунизм для России принес много зла, но под горячими доказательствами кондуктора сдали свои позиции, заявив, что из России вообще ничего плохого идти не может, даже если это коммунизм. В это время в разговор вмешался упомянутый субъект, оказавшийся русским рабочим из бывших военнопленных, побывавший в Москве. Он страшно ругал большевиков и все советские порядки, доказывал, что он сам рабочий и сам потерпел от большевиков, ругал кондуктора, что он смущает бедных людей сплошной ложью и т.д. И несмотря на это кондуктор ему безусловно не поверил, а крестьяне оставались в сомнении, кто из них прав»¹⁶.

Полная неосведомленность о России, согласно впечатлениям процитированных выше авторов, служила одним из главных факторов сербского русофильства, таявшего по мере знакомства с реальными, а не воображаемыми русскими. В этом отношении показательна реакция на наплыв добровольцев в 1876 г., описанная Г.А. Де-Волланом: «А сербы, как отнеслись они к нашим? Сербы не знали русского общества... не знали стремлений русской молодежи. Для них впечатлительность русского образованного человека, требовательность его были новостью. Братья пришли и стали все мерить на свой аршин... Серб видит одно разорение впереди, а у иных вырывается жесткое выражение: «Лучше турки, чем русские»¹⁷.

Аналогичную перемену в настроениях местного общества вызвал и следующий после конца 70-х гг. XIX в. массовый русско-сербский контакт, в ходе которого стали очевидными глубокие культурные различия между «братьями». «Первые наши беженцы встречались населением как мученики, пострадавшие в борьбе с общим врагом. Население жалело их не только по простому чувству человечности, но и, потому что само на себе испытало, что значит быть изгнанником из родной страны. Несмотря на широкую агитацию большевиков, такое отношение, в общем, сохранилось среди сербских крестьян, только интенсивность этого чувства понизилась, так как, как ни несчастны наши беженцы, в общем, по сравнению с примитивными сербами они кажутся слишком утонченными и неспособными к отсутствию комфорта, к которому сербы привыкли»¹⁸, — так Б. Апрелев анализирует изменение отношения сербов к белоэмигрантам.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 162-163.

¹⁷ Де-Воллан Г.А. В Сербии. Недавняя старина // Русские о Сербии и сербах... С. 171.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 166.

Возвращаясь к присущему сербскому обществу эгалитаризму, отметим, что русские авторы считали одним из его следствий высокий боевой дух вооруженных сил молодого королевства. Военного врача М.В. Сахарова, оказавшегося в Сербии во время Первой Балканской войны, «сербская армия поразила своей демократичностью», которая проявлялась в «отношении начальствующих к подчиненным»¹⁹. По мнению Е. Мартынова, именно «близость между офицером и солдатом» была «одной из самых сильных сторон сербской армии». Отсутствие же субординации, «которая признается необходимой в лучших европейских войсках», не могло поставить под сомнение «внутреннюю дисциплину» сербов: «Основами ее являются: горячий патриотизм всего народа, патриархальный семейный быт... широкое участие народа в делах правления и, наконец, закономерное и сердечное отношение к солдату на службе»²⁰.

Достоинств сербской армии не умилили ни Первая мировая война, ни вызванные ею революционные процессы, по понятным причинам, интересовавшие Б. Апрелева в первую очередь: «В победоносной сербской армии почвы для коммунизма не было... Чисто сербские части поражают как своей дисциплиной, так и внешним видом»²¹. Блестящие морально-боевые качества сербов были особенно заметными рядом с их новыми согражданами — бывшими австро-венгерскими военнослужащими, после 1918 г. зачисляемыми в армию Королевства СХС: «Они в своей массе носили разложение, характерное для всякой армии, потерпевшей поражение и питали глубокое отвращение к военной службе. Этот элемент был бы серьезно опасен...»²².

* * *

Отметим, что, сравнение различных частей вооруженных сил молодого государства привело Апрелева к политическим наблюдениям, составляющим главную ценность его донесения. Еще до обострения межнациональных противоречий, произошедшего в Королевстве СХС после выборов в Конституционное собрание (28 ноября 1920 г.), автору удалось уловить несовпадение идеологических ориентаций и представлений о собственной роли в жизни королевства, имевшихся

---

¹⁹ Сахаров М.В. С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах... С. 545.

²⁰ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 560.

²¹ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 162.

²² Там же. Л. 138.

у широких масс и политических кругов, с одной стороны, Сербии и, с другой, – новоприсоединенных областей.

Последние на рубеже первого и второго десятилетий XX в. были массово увлечены анархическими, антимилитаристскими и социалистическими идеями, рассадником которых была хорватско-словенская армейская среда: «Сразу по окончании войны коммунисты нашли много приверженцев среди бывших австрийских солдат, попавших в свое время в плен в Россию. Когда мне приходилось говорить с этими людьми, я часто слышал от них восторженные отзывы о революции в России и о том, как они мечтают, что такая революция будет и здесь»²³.

«Восторг» подчиненных разделяли и командиры: «Не говоря о молодых офицерах, которые с энтузиазмом хотели видеть в Тухачевском «Наполеона» и, может быть, будущего императора всех славян, а в Буденном – «современного Мюрата», я к удивлению моему услышал от самого начальника Морского отделения контр-адмирала Коха и его помощника контр-адмирала Викаргаузера, что, как ни ужасен большевизм, но, кто знает, может быть, пройдя через него, Россия уже превратилась во что-то новое и несет теперь именно то, о чем все славяне мечтают: объединение всех славян и освобождение их от хищников мирового капитала»²⁴.

Апрелевское свидетельство в сочетании с иными доступными нам источниками позволяет констатировать всеобъемлющее общественное распространение вышеописанных «мечтаний» в южнославянских областях бывшей Австро-Венгрии в послевоенное время. Проиллюстрируем данный тезис словами, достойными и дезертира, и адмирала, которые, однако, в данном случае принадлежат главному редактору загребского журнала «Новая Европа» – одного из двух самых уважаемых политико-публицистических изданий Королевства СХС: «Будучи приверженцами рабочего (и крестьянского) трудового фронта против паразитической капиталистической системы эксплуатации и унижения человеческого достоинства, мы приветствуем руководителей сегодняшней России. Мы им желаем успеха на их пути мирного проникновения в народные массы...»²⁵.

Анализируя факторы усиления левацких настроений, Апрельев, наряду с событиями в России, отмечал общую неустроенность наспешенного государства: «Не будь здесь разнообразных по духу, разнородных

²³ Там же. Л. 161.

²⁴ Там же. Л. 145-146.

²⁵ Nova Evropa. Knj. 9. Broj. 13. S. 386. 1 Maja 1924.

по культуре областей, не будь послевоенных экономических затруднений, о влиянии этой партии (коммунистической. – А.С.) можно было, пожалуй, и не говорить». Член правящей Демократической партии Адам Прибичевич, ощущая сопричастность происходившего в его стране общеевропейским процессам, искал «причины всемирного характера»: «Революционный психоз, очаг которого находится в России, и тяжелая экономическая ситуация... повлекли нарушение морального равновесия у людей и падение престижа властей, а также страсть к новому и неизвестному... Посмотрите, на какие авантюры они пускаются в Венгрии, Германии, Турции...»²⁶.

В изложении Апрелева сербское правомонархическое кредо выглядело следующим образом: «Как радикалы, так и демократы поддерживают существующую ныне конституционно-демократическую монархию и, естественно, являются непримиримыми врагами коммунистов... Мне лично пришлось слышать от одного политического деятеля мнение, что коммунистический строй настолько противен идее государства, что они смотрят на коммунистов просто как на шайку уголовных преступников... Свое мнение он мотивировал тем, что если уголовное право карает убийство, воровство, насилие и проч., то совершенно логично, что следует карать и агитацию... идей насилия, воровства и убийств»²⁷.

Вышеописанный политический диссонанс в первой половине 1920-х гг., – то есть уже после появления рассматриваемого документа, – стал одним из обстоятельств, предопределивших ухудшение отношений между различными частями страны²⁸. Обострению «национального вопроса» способствовали и взаимоисключающие властные амбиции сербских, хорватских и словенских политических кругов. Намечавшееся противоречие не осталось незамеченным Апрелевым, зафиксировавшим стремление «пречанских»²⁹ представителей играть первую скрипку в Югославии: «Белград как столица, конечно, является центром политики, однако, культурное влияние Загреба начинает сказываться все

²⁶ Прибичевич А. Сельчаки немири у Хрватској. // Српски књижевни гласник. (СКГ – А.С.) Књига 1. Број 3. С. 205-208. Београд. Септембар – Децембар 1920.

²⁷ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 160.

²⁸ См. Силкин А.А. «Хорватский апостол» Степан Радич // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-восточной Европе. М., 2009

²⁹ Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

больше. Мне даже кажется, что вообще можно сказать, что политика... все более начинает здесь делаться людьми и прессой новых земель, и сама страна все более теряет специфический сербский облик и принимает совершенно новый характер»³⁰.

Более прямолинейно в середине 20-х гг. конфликт двух политических центров описывал один из авторов Сербского литературного вестника – второго крупнейшего журнала страны: «Хорватская интеллигенция страдает от мании величия. Они только себя считают европейцами и западниками. А мы – «балканцы», которых они должны окультуривать и просвещать»³¹.

* * *

Развитие сербско-хорватского противостояния, как и других политических процессов, судьбоносных для Югославии, осталось вне поля зрения Б. Апрелева. Это обстоятельство достойно особого сожаления, так как события, последовавшие непосредственно за написанием донесения, а также дальнейшая эволюция/деградация государства на протяжении 1920-х гг. подтвердили прогностический характер многих содержащихся в нем наблюдений. В частности, признаком обоснованности особого внимания к деятельности коммунистов, с одной стороны, и антикоммунистическому настрою сербского правящего класса, с другой, служат триумф партии на выборах в Конституционное собрание³² и последовавший через несколько дней запрет ее деятельности.

Наиболее дальновидным выглядит предположение автора относительно основного условия стабильности молодого государства: «Главной политической силой страны являются радикалы и демократы, и от возможности добиться соглашения между ними или же кому-нибудь из них получить абсолютное большинство, в сущности, зависит все положение страны»³³.

Увы, десятилетие существования Королевства СХС было отмечено непримиримым соперничеством двух партий, а вовсе не попытками достижения внутрисербского консенсуса. Именно его отсутствие, во многом, привело к разразившемуся в конце 1920-х гг. государственному

³⁰ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 147.

³¹ Стојановић Љ. Хрватска «аустријанштина» // Српски књижевни гласник. Књ. 17. Бр. 5. С. 360-361. 1 март 1926.

³² Коммунистическая партия Югославии получила на выборах четвертую по величине фракцию в парламенте страны (58 депутатов).

³³ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 157.

кризису, завершившемуся установлением режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича.

6 января 1929 г. новоявленный автократ объяснял причины роспуска парламента и запрета партий: «Слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность...»³⁴.

Б. Априлеву вышеперечисленные пороки югославских политиков были очевидны и за десять лет до публикации монаршего манифеста: «Главным образом благодаря... интригам и розни между этими двумя партиями (Демократической и Радикальной. – А.С.)... у страны нет определенного политического курса... Достаточно, чтобы какое-нибудь дело, никакого отношения не имеющее к политике, начал делать радикал... как его немедленно критикуют и осмеивают демократы и наоборот... Обе правящие партии обессиливаются во взаимных спорах, большей частью по вопросам, которые не имеют никакого существенного значения и зачастую являются результатом просто личных раздоров...»³⁵.

Анализируя причины неспособности сербских политиков «добиться соглашения» российский военно-морской агент пришел к истине провидческому выводу о несоответствии сформировавшейся в XIX в. политической элиты Сербии вызовам новейшего времени: «Представляя интересы сербских землевладельцев и владельцев сербских предприятий, они (сербские политики. – А.С.) были слишком мелки для европейского масштаба, слишком консервативны и стары, чтобы приспособиться к новым идеям, охватившим общественную мысль»³⁶.

Оценить проницательность данного суждения позволяет то обстоятельство, что в самой Сербии исторической науке потребовалось больше 70 лет, чтобы придти к выводу, который российский военно-морской агент сделал после девяти месяцев пребывания в стране. В 1993 г. новаторскими выглядели слова Бранко Петрановича, повторявшего и развивавшего мысль Б. Априлева: «В 1918 г. сербское

³⁴ Архив Југославије. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Фасцикла 18.

³⁵ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 157. Л. 148-150.

³⁶ ГАРФ. Ф. 6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 157. Л. 158.

руководство как будто и не представляло, какой эпохальный переворот произошел в результате создания первого югославского государства... В отличие от единой и гомогенной Сербии периода народно-освободительных войн, в Королевстве СХС плеяда великих сербских политиков была не в состоянии проявить творческие способности в области государственной политики. Новые проблемы переросли старые представления и решения.... В государственной и политической сфере Сербия осталась без крупных личностей, способных в качественно новой исторической ситуации взяться за проблемы нового государства»³⁷.

---

³⁷ *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С. 27.

Йованович Мирослав,
Сербия

«РУССКОЙ ПЕСНЕ ТЕСНО ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ, ЕЙ НУЖНО ПРОСТРАНСТВО, ВЫСОКОЕ НЕБО»: ОБРАЗ БАЛКАН В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (1920-1940)¹

Столкновение русских с балканским обществом представляло собой встречу и взаимное знакомство двух родственных, но различающихся культур, двух разноликих миров. Как и всякое столкновение с «другим/чуждым», этот контакт привел к созданию специфических взаимоотношений, которые могут быть выражены противопоставлением местоимений «МЫ» – «ОНИ». Встреча и взаимоотношения с «ними» являются фактором формирования многообразных связей отдельных индивидуумов с помощью единого целого и в направлении единого целого, что становится базовым компонентом формирования социальной повседневности². Этот феномен характерен для всех обществ: «Отношения с „Другими“ (...) могут сформироваться лишь в уже сформированном обществе, они исходят из факта существования „Мы“, группы и общества, которые задают рамки этих взаимоотношений, их горизонты и их направляющие, без чего такие взаимоотношения просто не могли бы сформироваться»³.

Важность изучения представлений о «другом», своеобразной сцены, на которой наглядно демонстрируется все богатство взаимоотношений между субъектами «мы» и «они», следует, прежде всего, из факта, который отмечал британский историк Питер Барк:

---

¹ Об этой теме подробнее см: *Йованович М.* Слика «другог»: руске избеглице у земљама Балкана (1920-1940) // *Годишњак за друштвену историју*. Год. V. Св. 1-3. Београд, 1998. С. 33-65.

² *Gurwitsch G.* Sociologija. I. Zagreb, 1966. S. 185.

³ *Ibidem.* S. 188.

«Знакомство с другими культурами облегчает противоречивый процесс отделения от прошлого и нового возврата к нему. Знакомство с другими культурами более всего помогает историку поставить под сомнение то, что считается естественным стереотипом его собственной культуры, помогает посмотреть на этот стереотип, как на нечто, что нуждается в доказательствах, и таким образом избежать того явления, которое называется „слепотой по отношению к самому себе“. Такое знакомство помогает решить проблему культурного дистанцирования и „осознания отличий“, так как позволяет посмотреть на самого себя в сравнительном контексте»⁴. Еще более выразительно этот факт обрисовал Рейнгард Сейдер: «Встреча с чуждым служит нам зеркалом, в котором мы узнаем самих себя, а это заставляет нас задаваться теми вопросами, которые мы бы не выдвинули без столкновения с чуждым»⁵.

Изучение комплекса вопросов, связанных с формированием представлений о «другом», «чужом», «инородном», требует особого подхода, который наиболее концентрированно (и наиболее обобщенно) сформулировал Йоган Мартин: «Противопоставление „Мы-Вы“, присутствие и взаимоотношение с иным и инородным – это универсальная проблемная задача, (...) как на самом деле происходит столкновение незнакомцев – это единая постоянная проблема, которая имеет лишь одно постоянство, постоянство перемен. Эта проблема не имеет перманентных структурных рамок, которые позволили бы определить соответствующие перемены исторических форм»⁶.

Лишь такой крайне детальный подход к распознаванию и уточнению сформировавшейся картины представлений о «другом» как своеобразного отражения взаимных отношений – рассмотрение постоянства проблемы через его постоянные перемены – дает возможность успешно проанализировать формирование представлений о «них», что определяет характер взаимоотношений русских беженцев с балканским обществом. Это помогает нам достаточно ясно увидеть и понять (неоднородные и порой даже противоречивые) представления о русских беженцах, которые существовали в различных общественных группах, как и те пестрые картины представлений, которые формировали сами русские о «чужом» окружении, в котором они оказались и «чужаках», которые их окружали.

⁴ Цит. по: Дресел Г. Историческа антропология. Введение. Благоевград, б/г. С. 85.

⁵ Цит. по: Дресел Г. Историческа антропология... С. 86.

⁶ Там же. С. 61.

Переселение русских беженцев на Балканы в начале двадцатых годов стало причиной встречи двух групп, которые естественно смотрели друг на друга, как на «чужаков». Одна из этих групп, состоявшая из балканских обществ, абсолютно доминировала по численности, историческому, политическому, экономическому и социальному положению и правам, которые из них следовали, а другая группа (эмигранты) находилась в абсолютно подчиненном положении по сравнению с их новым окружением и полностью от него зависела. Эмигрантская группа не имела никаких реальных и действенных рычагов, которыми бы она могла изменить свое политическое и общественное положение.

В то же время это была встреча (а затем и совместное существование) двух совершенно различных миров. Русского, в основном городского, который был представителем буржуазной культуры и исключительно высокого, по стандартам того времени, образования (12-15% лиц имели высшее образование и 60-65% среднее образование) и сельского балканского космоса (около 80% населения проживало в деревнях), в основном неграмотного (свыше 50% населения), все еще под сильным влиянием патриархальных, сельских культурных образцов поведения и традиций, мифов, стереотипов и потребностей, которые крайне отличались от всего того, что в то время подразумевалось под понятием модернизации. Русский городской элемент оказался в мире сельских патриархальных Балкан, который, в особенности в провинции, не имел ни потребности, ни возможности использовать знания и образование русских.

В этом контексте нужно понять как механизмы формирования представлений о «другом», так и сами эти представления, которые можно анализировать в рамках трех тематико-проблемных кругов. Первый, в котором доминировали стереотипные представления, игравшие роль своеобразной матрицы, важной для формирования представления о «другом». Второй, в котором формировались конкретные представления о (и в) конкретных государствах, где проживали эмигранты (Турция, Болгария, Югославия, Греция и Румыния). И наконец, третий, в котором можно рассмотреть отдельные более сложные и более детальные представления о «других/чужих» культурах, менталитетах, взглядах на мир, ощущении пространства и т.д.

«Я славянин. Семья моя богата»: Стереотипы – традиционный взгляд

Прежде чем возникла та ситуация, в которой беженцы и их новое общественное окружение реально познакомились и в ходе взаимных контактов

сформировали детализированные представления о «другом», уже существовали традиционные представления о России и русских в балканском обществе, как и туманные представления самих русских о Балканах и балканских народах. Эти стереотипные представления, сформированные на основании исторического опыта, конечно, не выдержали испытаний ежедневной совместной жизни, но в первое время на уровне символики (вплетенной в жесты, слова, заявления, внешние знаки и интимное поведение) послужили базой формирования взаимоотношений с «другим».

Традиционные элементы стереотипных представлений можно было заметить и в речах русских официальных лиц. Например, перед своим отъездом в Сербию 22 февраля 1922 г. генерал Врангель после успешной переброски значительной части армии в Королевство СХС и Болгарию, обращаясь к солдатам, остававшимся в Галлиполи, подчеркнул: «Год назад я обратился к вам, сказав, что не покину Константинополь, пока последний солдат не будет вывезен отсюда. Сейчас я могу исполнить свое обещание. *Родственные славянские страны* широко открыли двери своих держав и приняли у себя нашу армию, до тех пор, пока она вновь не продолжит борьбу с врагами Отечества»⁷.

Похожие традиционные представления, сконцентрированные в словах о «братьях» и «братской помощи славянскому братству», основанные на историческом опыте, можно было услышать и от «обычных» эмигрантов: «Еще с первых дней жизни в районе Константинополя и на о. Лемнос командование поддерживало в казаках надежду на возможность переезда в недалеком будущем в славянские земли. Жизнь в этих странах казаки рисовали в светлых тонах: вера та же, языки родственны, народы близки по крови, быту и историческим судьбам. Еще дома, от отцов своих и дедов, участников Освободительной войны 1877-1878 гг., казаки много слышали о славянских землях, в частности о Болгарии»⁸. Кое-кто упоминал и конкретные «заветы» прошлого, как например, известный писатель Александр Иванович Куприн: «Я счастлив, что смог увидеть Белград... Еще Пушкин завещал нам, русским, сближение с вашим народом. Он нам завещал следить за сербской культурой, переносить ее на почву русской культуры, заниматься переводами с сербского, особенно переводами писателей – прозаиков»⁹.

⁷ Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 147.

⁸ Казаки за границей 1921-1925. София, 1925. С. 2.

⁹ Цит. по: Паунковић З. Оцеци боравка Мерешковског, Зинаиде Хипијус, Куприна, Чиркова и Зајчева на конгресу писаца 1928. године у београдској и загребачкој штампи // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. II. Београд, 1994. С. 35.

Отдельные люди или даже целые семьи иногда планировали свой дальнейший жизненный путь, руководствуясь лишь прежними представлениями о «них». Так, Николай Зернов писал: «Выбрали... мы родственное нам по духу православное королевство, надеясь найти там возможность получить высшее образование членам нашей семьи»¹⁰. Похожими идеями руководствовался и Юрий Ракитин: «Оттуда (из Константинополя. – М.Й.) я собирался ехать в Париж, в русское кабаре, но меня из Белграда позвали сербы, славяне, молодая культура. Душа моя была тогда слишком потрясена тем, что случилось в родимой стороне. Денег не было. Личным друзьям в Париже я предпочел друзей и единокровных братьев»¹¹.

Стереотипы о славянской взаимности полнее всего, благодаря поэтической раскованности, отразил Константин Бальмонт в сонете «Слава Славянам», опубликованном в выходившем в Софии журнале «Словенски глас»:

«Рус, чех и лех, и серб – четыре брата,
Но между гор, лесов, полей, равнин
Забуду ли, в столетних мглах судьбин,
Болгара, и словака, и хорвата?
Я – славянин. Моя семья богата...»¹².

Тем не менее, несмотря на традиционные стереотипные представления, несмотря на слова о братстве, общности «веры и крови», о славянстве, историческим связям и взаимном переплетении, об историческом долге и заслугах, – имевшиеся знания о «них», о «других» в большей степени витали в мифических эмпиреях, а не отражали реальную действительность. Эмигранты и их новое окружение просто почти ничего не знали друг о друге. На это недвусмысленно указывал профессор Александр Димитриевич Агура, вице-президент «Русско-Болгарского культурно-благотворительного комитета», на первом заседании комитета, состоявшемся в Софии 22 января 1920 г.: «Надо признаться, что русский народ до последних дней мало знал болгарский народ, его душу, его сердце; русская интеллигенция проявляла

¹⁰ За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. 1921-1972. Paris, 1973. С. 13.

¹¹ Цит. по: *Арсеньев А.* Ракитин међу руским емигрантима // Сборник Матице Српске за сценске уметности и музику. Бр.16-17. Нови Сад, 1995. С. 249.

¹² *Бальмонт К.* Слава славянам // Славянский глас. Кн. 1-2. София, 1926 (цит. по: *Горяинов А.Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянский глас» (1919-1933) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 64).

мало интереса к жизни братского народа. Хотя идея объединения славян не нова, но, увы, до последнего времени ее осуществление не вышло из первой фазы, фазы платонических пожеланий»¹³. Тот факт, что знания о «другом» были достаточно поверхностны, или что их вообще почти не было, косвенно подтверждают и воспоминания протоиерея Петра Беловидова о путешествии на корабле в Югославию, во время которого несколько русских интеллигентов провели инициативное собрание по формированию в Белграде русской гимназии. На том же самом корабле после заключения договоренности об основании гимназии, по словам отца Петра Беловидова, «кто-то сообщил, что вечером того же дня будут сделаны доклады, которые познакомят русских людей со страной, куда обращены их взоры сейчас. Это было 21 марта 1920 г. Географическое описание страны и краткую характеристику населения дал теперь уже покойный старец А.В.Васильев...»¹⁴.

Реальность была намного сложнее, намного богаче, чем можно было видеть из блестящих и витиеватых фраз. Реально существовали очень разнородные социумы и социальные группы, которые никоим образом нельзя было свести к одному общему знаменателю. Так, несмотря на возвышенный пафос речей о славянском братстве и единстве, на практике ощущалось взаимное незнание друг друга. В реальной повседневности было много хороших и плохих людей, удобных и неудобных для жизни эмигрантов мест, что показали уже первые встречи, первые дни и месяцы совместной жизни. Необходимо отметить и тот факт, что на взаимоотношения, разумеется, влияли и историческая память, и общий настрой общественного мнения, и политические меры отдельных правительств (которые отражались на жизни человека в изгнании), и доминантное выражение существовавшей в обществе симпатии или антипатии к «другому», который можно назвать русофильством или русофобией. Все эти факторы неминуемо отражались на общем комплексе представлений, формировавшихся о «другом». Но динамика повседневной жизни выдвигала на первый план картину, характерную для настоящего момента, личные представления, конкретное событие или походя брошенную фразу, из которых и формировалось то, что сегодня называют представлением о «другом».

¹³ Русско-Болгарский Культурно-Благотворительный Комитет 1920-1925. София, 1925. С. 4.

¹⁴ Беловидов П. О начале гимназии // I Русско-сербская гимназия. Памятка. Белград 1920-1944. New York, 1986. С. 20.

«Мы – изгнанники, мы всюду чужие»: реальность совместной жизни и представление о «другом».

Прежде чем перейти непосредственно к самому анализу представлений о другом, необходимо подчеркнуть, что конкретные впечатления о «другом / чужом», об отдельных странах, никогда не были однозначными, а всегда варьировались между значительно отстоявшими друг от друга оценками-крайностями «позитивно» или «негативно». С другой стороны, на сам механизм формирования этих представлений решительным образом влияло несколько факторов.

Во-первых, то, что русские реагировали на конкретные жесты и поступки отдельных лиц или местных властей по каждому отдельному случаю, переживая их порой с чрезмерной долей эмоциональности, как определенное проявление дружеского расположения или враждебности.

Во-вторых, то, что фразы о братстве, старой дружбе держав и народов, о славянстве и т.д., которые звучали во время каждой здравицы на торжественных банкетах и приемах в высоких политических кругах, не имели никакого влияния на формирование реальной картины о «другом». В повседневном быту впечатления имели личный характер и не были связаны с традиционными стереотипами как с матрицами представлений о «другом». Можно было просто заметить разочарование и печаль из-за плохих поступков окружающих или приятное удивление в результате дружелюбной реакции нового окружения. Нередко конкретные события или политические решения производили негативное впечатление на беженцев даже в государствах, которые имели «хорошую» репутацию среди беженцев. И наоборот, в среде, где русские ощущали себя весьма неудобно, всегда происходили случаи, которые особо выражали чье-то хорошее отношение к эмигрантам.

В-третьих, то, что представления о «другом» зависели и от того, кто их формировал. Если речь шла о личных представлениях, на этот процесс влияли как эмоции и личные переживания, так и положение в новом обществе, способность к психологической акклиматизации в новой ситуации и т.д. Если эти представления о «другом» формировались в рамках какой-либо эмигрантской организации, на их характер влияли не только положение и свобода действий этой организации в новом окружении и отношения с государственными и местными властями, но и общее политическое положение в рамках Зарубежной России, конкретная деятельность которой занималась организация и наличие контактов с определенной группой беженцев, нуждавшихся в

заботе (например, офицеры, инвалиды или дети). В то же время представления, которые возникали у отдельных людей, имели важную особенность личных впечатлений, в отличие от представлений, которые формировались в рамках определенной организации, что всегда подразумевало включение в рамки таких представлений интересов определенной группы. Именно благодаря этому личные представления были значительно конкретнее, более точно связаны с определенным событием, явлением или ситуацией, крайне наглядно демонстрировали многочисленные различия между «ними» и «нами» с точки зрения миропонимания, культуры, ежедневных привычек, менталитета и т.д. Именно поэтому не стоит удивляться тому, что личные представления часто содержали противоречивые суждения о «другом». Тем не менее, они дают возможность без учета различий распознать в них то, что было общего в видении «другого». Эти обобщенные представления о «другом», проистекавшие из опыта совместной жизни, не имели ничего общего с традиционными стереотипными фразами, а отражали лишь комплекс личных впечатлений. Таким образом, негативные представления формировались, если в повседневной жизни было больше разочарований при контактах с окружающей средой. Или наоборот, в случае удовлетворенности своей жизнью в новой среде и поведением окружающих, возникали обобщенно позитивные представления.

Первые контакты с «другими» происходили уже на палубах кораблей, пристававших в Константинопольском порту. Имея неясные, туманные планы и ожидая дальнейших событий, беженцы, прежде всего, столкнулись с пронырливыми константинопольскими торговцами, которые на небольших лодочках приставали к борту стоявшего на якорях корабля и продавали истощенным, испуганным и измученным людям то, что им было в то время необходимее всего – еду. Воспоминания об этих мгновениях, превратившиеся в представления о константинопольских торговцах, создали один из самых непривлекательных образов «другого» в сознании русских беженцев, если говорить о пережитом ими на Балканах: «Не проходит и нескольких минут, как к нашему пароходу устремляется стайка небольших лодок. Они подходят вплотную к нашим бортам и сидящие в них криками: „Екмек! Екмек! Су-Суук су!“ – энергичными жестами призывают голодающих и жаждущих обратить на них внимание. Это предприимчивые торговцы-спекулянты, греки и турки, наперебой предлагают свой товар – хлеб и воду. Как мы узнаем, на многих кораблях нет ни капли пресной воды, как нет и хлеба, а там тысячи и тысячи людей, женщины и дети. Деньги? Здесь продают только на золото – вернее, на золотые вещи и на

инострannую валюту, которой ни у кого нет. Мать двух детей, подростков, снимает с руки обручальное кольцо и показывает его тем – внизу, сидящим в лодке.

Те торгуются, показывая пальцами 4, 5, 6...

Откуда-то приносят корзину и на веревке спускают вниз. Там кольцо рассматривают со всех сторон, пробуют на зуб и взамен кладут в корзину небольшую буханку хлеба. Кладут и ждут, когда ее поднимут. Ждет и женщина, которая дала кольцо. С лодки нетерпеливыми жестами дают понять, чтобы корзину поднимали.

Золотое кольцо за небольшую буханку сухого хлеба?! – На палубе начинают кричать, требовать, чтобы кольцо возвратили.

Один из лодочников, нехотя, берет другую буханку, отрезает от нее половину и бросает в корзину, после чего поспешно хватается за весла, и лодка скрывается за кормой соседнего парохода. Корзина с хлебом так и остается сиротливо висеть у самой воды. Увы, хлеб, оказывается полусъедобным, он неугрызаем, так как выпечен должно быть неделю тому назад! На всем обозримом пространстве торговли продолжается в том же духе. Кто-то из матросов возмущается...»¹⁵.

Если речь идет о Турции, встреча с «иностранным/ другим» не исчерпывалась негативными представлениями о константинопольских торговцах. Личные впечатления, проистекавшие из ежедневных контактов между отдельными людьми, между «ними» и «нами», несколько

¹⁵ Ратиев А. То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 436... Интересно, что почти тот же эпизод с кольцом описывает в своих воспоминаниях Эраст Гиацинтов: «После восьми дней нашего плавания в направлении Константинополя, уже поднявши французские флаги на судах, мы прибыли в Константинополь. Пароходы наши все были тотчас окружены шлюпками, в которых находились спекулянты всех наций. Опускали на веревке, например обручальное золотое кольцо, и взамен этого лодочник поднимал на пароход простую булку. Это шел совершенно откровенный и ничем не прикрытый грабёж изголодавшихся людей, измученных отступлением и плаванием по морю» (Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 84). Тем не менее остается неясно, идет ли в этом случае речь об интересном совпадении и свидетельствах двух очевидцев одного и того же события, или это кружившая среди беженцев общая стереотипная история о том, как их встречали стамбульские торговцы? И другие свидетельства укрепляют наш вывод о существовании негативного стереотипа стамбульских торговцев. Так, И.А. Быкадоров в своих рукописных мемуарах оставил почти идентичную негативную характеристику «другого»: «В Константинополе, пока корабль ждал указаний, куда ему плыть дальше, я лишился всего бывшего при мне имущества, а именно: пятнадцати серебряных (старых) копеек, за которые мне купили и принесли апельсин. У меня было еще четырнадцать бумажных рублей, на них в то время в России можно было купить полкилограмма хлеба, но рубли я, естественно, использовать не мог, потому, что турецкие торговцы принимали только „конвертируемую валюту“ – серебро, золото и т.д.» (Быкадоров И.А. Воспоминания (рукопись). (Коллекция А.Б.Арсеньева)).

смягчили первое непривлекательное впечатление, хотя даже в этих частично позитивных представлениях, можно выделить большие различия в культурных стереотипах поведения «их» и «нас». Свидетельство об этом оставил Владимир Христианович Даватц: «Вчера я пошел в город. Зашел к Вороновым. Они снимают комнату у пожилого турка. Он говорит только по-турецки; но (они. — М.Й.) как-то разговаривали и были приятелями. Турок по своему защищал интересы капитана. В его отсутствии не пускал никого к его жене. „Капитан дома, иди мадам“, говорил он. „Капитан нет дома — солдат, капитан, полковник — не иди мадам“»¹⁶.

Если анализировать общее впечатление, которое сформировали беженцы о Болгарии, как и представления, которые возникли о русских эмигрантах в болгарском обществе, можно также заметить две достаточно выразительные крайности. С одной стороны, эмигранты были приятно удивлены самим новым окружением и его позитивным отношением к эмигрантам, базировавшемся на историческом опыте, связанном с освобождением Болгарии в 1877-1878 гг. Картину теплого отношения болгарского общества к прибывавшим беженцам красноречиво выражают свидетельства казаков о приеме, оказанном им по прибытии в Болгарию в начале двадцатых годов: «Как только казаки вступили на болгарскую землю, души их прояснились, лица повеселели. Разбились по „станицам“ и „хуторам“, полилась широкой волной бескрайная мелодия казачьей песни. Еще к палаточным лагерям в Бургасе и Варне собирались по вечерам толпами болгары послушать казачьи песни и посмотреть, как потомки их освободителей лихо танцуют „казачка“»¹⁷. На них оставило особое впечатление отношение болгар к ним как к «потомкам освободителей»: «Казаков приглашали на торжества, — например, в дни празднования годовщины освобождения Болгарии; офицеры местных гарнизонов и казаки поддерживали взаимно дружеские связи, посещая друг друга в дни национальных праздников. В деревнях многие еще лично помнили Освободительную войну 1877 г., и кое-где пелась, например, такая песня: „Ботев и Левски — наши учителя, казаки донские — наши спасители“; а кое-где рассказывали эпизоды вступления казаков в освобожденные селения. В деревне в прибывших казаках видели попавших в нужду потомков легендарных героев 1877 г.»¹⁸.

¹⁶ Даватц В.Х. Галлиполи. Отрывки из дневника // Вестник Главного Правления Общества Галлиполийцев. Белград, 1924. С. 92.

¹⁷ Казаки за границей 1921-1925, София. 1925. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 7.

Это повлияло на формирование обобщенно позитивного представления о Болгарии: «Несомненно, психологически в Болгарии жить легче, ибо здесь русский не чужой, здесь он нередко не простой рабочий, отмечаемый в списках определенным номером, как это принято в предприятиях Франции, а „майстор“, руководитель-надзиратель над туземным рабочим...»¹⁹. После известного времени, проведенного в Болгарии, сформировались более рациональные, но также позитивные представления о болгарском обществе, которые лишь очистились от стереотипных воззрений. Такие представления можно найти в тексте «О русской школе», опубликованном в берлинской газете «Возрождение»: «Равным образом со стороны болгарских властей не делается никаких попыток денационализировать, оболгарить русскую школу. Все это, безусловно, следует отнести на счет характерной для болгарского народа терпимости и исключительно бережного и любовного отношения его к русской культуре и русскому просвещению»²⁰. Можно сказать, что такое отношение в принципе сохранилось на протяжении всего межвоенного периода. Например, в 1937 г. в ходе одного парада сокольского общества в Пловдиве русские люди ощущали те же неизменные чувства: «Жители Пловдива, запрудившие улицы, впервые увидели русских соколов в их красивой форме, с развевающимися знаменами, четко отбивающими шаг и своей выправкой напоминающих тех легендарных освободителей, память о которых свята в Болгарии – они были поражены и восхищены стойкостью и силой русского духа. Один из местных жителей говорил: „Я живу уже несколько лет в общении с русскими, наблюдаю их тяжелый труд, знаю их материальное положение и просто не верю своим глазам, глядя на них, одетых в свою сокольскую форму, здоровых, с гордо поднятой головой, демонстрирующих свою мощь, свою солидарность и свою жертвенность во имя великой России“»²¹.

Противоположную крайность представляло собой разочарование и подавленность, вызванные некоторыми поступками местных властей. Это, прежде всего, было характерно для начала двадцатых годов, когда правительство А.Стамболийского предоставило советским организациям, занимавшимся репатриацией беженцев в СССР (советскому Красному кресту и СОВНАРОД-у), разрешение беспрепятственно заниматься

¹⁹ Казаки за границей. Апрель-июнь 1928. София, 1928. С. 56.

²⁰ *Зарубежник*. О русской школе // *Возрождение*. № 216. 4.1.1926.

²¹ А.Б. Русский сокол в Софии // *Сокольская Газета*. Вранье. 1937. Июнь-июль. № 34-35. С. 8.

своей деятельностью. После этого начались преследования и политический нажим на беженцев. По этому поводу Комитет освобождения России обратился 10 июня 1922 г. к болгарской общественности со следующими словами: «Население, если исключить коммунистов, приняло русских весьма дружелюбно, так как видело в них наследников и представителей той русской армии, которая в 1877-78 гг. освободила болгар от турок и русской кровью купила создание независимого Болгарского царства (...) Казалось, что наконец начался какой-то отдых, что появилась возможность в *суровых*, но все таки спокойных условиях дожидаться долгожданного возврата на Родину. Но с апреля (1922) положение внезапно остро переменялось. Правительство Стамболийского, ища опоры у левых, приблизилось к коммунистической партии (...) Болгарские коммунисты повели ожесточенную кампанию против русских офицеров. Они не ограничивались словами. Начались нападения и избиения отдельных офицеров. Была брошена бомба во время проведения одного русского любительского представления в юнкерской школе (...) Болгарские солдаты обыскивают русских женщин грубейшим образом. Арестованные подвергаются издевательствам и оскорблениям, а иногда их и бьют, как был избит полковник Самохвалов. При этом никому из них не предъявляют никаких конкретных обвинений, и никто из арестованных не подвергнут суду. Все чаще случаи избиения русских на улице (...) Такое поведение вызвало справедливое негодование той части болгарской общественности, которая не забыла символического смысла братских могил, в котором вместе упокоились кости русских воинов и болгарских четников, которые воевали в 1877-78 гг. под русскими знаменами. Несмотря на то что не так давно в Софии был убит редактор болгарской газеты „Слово“, „неизвестными лицами“, из-за своего ясно выражавшегося и постоянного русофильства, часть печати смело выражает острое сопротивление политике правительства»²². Похожую реакцию вызвали и первые массовые увольнения русских беженцев, проведенные болгарскими работодателями после начала экономического кризиса: «Тяжелое положение русских в Болгарии, созданное в последнее время массовым увольнением их работодателями и оставлением таким образом многих и многих русских эмигрантов на произвол судьбы, вызывает беспокойство в русских зарубежных кругах»²³.

Однако даже при тех относительно негативных представлениях и переживаниях, которые отмечались у эмигрантов в тридцатые годы под

²² ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 54 Л. 9-11.

²³ Беженские осложнения в Болгарии // Там же. Л. 8.

влиянием определенных перемен в обществе, можно обнаружить некоторое понимание корней произошедших изменений: «Да и само болгарское население страдает от безработицы, берется за всякую работу и в русском как в конкуренте на труд по человеческой слабости видит надоевшего гостя, а отсюда иногда и происходят недоразумения...»²⁴.

Почти схожие противоположные представления, приятное удивление и легкое воодушевление сердечным приемом или горькое разочарование и покорность судьбе при отдельных неприятных происшествиях можно заметить и у эмигрантов в Югославии. Представления о Королевстве СХС отличались от болгарских впечатлений беженцев лишь конкретными событиями, которые вызывали эти конфликтные ситуации.

Сам приезд в Королевство СХС произвел сильное впечатление, которое вплелось в первые представления эмигрантов. Об этом писал А.А. Хвостов в докладе Сергею Николаевичу Палеологу, Правительственному уполномоченному по делам русских беженцев, в декабре 1920 г.: «Прежде всего следует отметить необыкновенно теплое, даже восторженное отношение сербов ко всем русским без различия. Первым партиям русских беженцев, приехавшим из Одессы, устраивались триумфальные встречи по всему пути их следования с участием высших представителей военных и гражданских властей и множеством народа, радостно приветствовавшего русских»²⁵. Отличную иллюстрацию того, какое впечатление на «обычных» людей, гонимых судьбой и нуждой и нашедших свой дом в Королевстве СХС, произвел оказанный им прием оставила в своих воспоминаниях Елизавета Жерардовна Гильотен: «Мы перешли границу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. После этого мы ехали еще некоторое время и приехали в город Скопье (...) На фоне гор вырисовывался минарет, с которого мула читал мусульманские молитвы. Мы узнали об этом от прохожих, которые словно взяли нас под свое попечительство на протяжении всего нашего пути, ласково улыбались, хлопая папу по плечам и угощая его сигаретами, а мне старались дать денег, но папа запретил мне их брать (...) На некоторых станциях нас тоже встречали, угощали и давали подарки. Все это был как во сне. Мы приехали в Сербию, маленькую страну со скромным достатком еще в начале двадцатого века (...) И как только она перенесла тяжелую войну, она добродушно и от всего сердца принимала бурную реку „беженцев“, людей, которые бежали со своей родины, теряли свое Отечество, что было в глазах этого народа самым

²⁴ Казаки за границей. Март 1933 – март 1934. София, 1934. С. 6.

²⁵ Hoover. Paleolog. Box 003. F. 5.

страшным несчастьем. Никто не задавался вопросом, кто они, что они, почему они бегут. Они русские, а русские – славяне, а славяне – всегда братья, а если уж они братья, то как-нибудь договоримся. А пока: „Привет, братушка милый!“, улыбки, хлопанье по спинам и плечам в знак дружеского расположения...»²⁶. Похожую встречу ощутили и части русской армии, которая перебрасывалась в 1921 г. из лагерей под Константинополем в Королевство СХС: «Приезд русской казачьей дивизии был радушно встречен сербским обществом всех слоев. В Девджели молебны и парад дивизии посетил весь город, и в речах отдельных представителей сербов звучала искренняя любовь к бывшей царской России и русскому народу. На ст. Вранье эшелоны встречены были сербской войсковой частью, гг. офицерами и представителями местной русской колонии. Лагерь русских на окраине г. Вранье посещался многими жителями, с участием и любопытством расспрашивавшими, откуда приехали, давно ли из „Русии“, как там сейчас живется и, получив ответ, горько вздыхали: „Ле, ле, несретна майка Русия“...»²⁷. И в конце тридцатых годов отдельные представители эмиграции, знакомые с жизнью русских эмигрантов в других европейских странах, особо подчеркивали тот сердечный прием, который оказывала русским беженцам Югославия: «И хочется сказать несколько искренних слов русским людям в Югославии... Вы живете в стране, где так же любят Россию, как сами русские, ... вы добьетесь в первую очередь того, чего нет среди русских эмигрантов в Западной Европе, живущих сплошь и рядом в совершенно чуждой нам обстановке»²⁸.

Но были и другие впечатления, полностью противоположные. Так, генерал Врангель в 1925 г. в разговоре с австрийским послом, встреченным им в поезде, на котором он ехал из Королевства СХС, был крайне расстроен и перечислил ряд серьезных замечаний по адресу Королевства. Он жаловался на состояние транспорта, на администрацию, на тяжелое положение русских, «которые не могут чувствовать себя удобно и приспособиться к жизни в таком некультурном окружении...»²⁹. Один из наиболее характерных примеров можно найти в воспоминаниях Ирины Владимировны Халафовой: «Король Александр изо

²⁶ *Гильтен J.* Две моје домовине. Горњи Милановац, 1991. С. 59-60.

²⁷ Казаки за границей 1921-1925. София, 1925. С. 14.

²⁸ *Орехов В.В.* Несколько предварительных слов // Часовой. Bruxell. №. 236-237, 05.06.1939. С. 25.

²⁹ Staatsarchiv – Wien. Archiv der Republik/AA/ Botschaft Belgrad. 1922-1925. 2. Politische Berichte 1925/ Z. 4/ pol./ 1925.

всех сил хотел исполнить обещанное гостеприимство, и очень, очень много сделал, но само население в это время было скорее враждебно. Это было, конечно, и понятно: страна была разорена войной, экономическая жизнь не налажена, четыре славянских народа с разными религиями, культурным наследием и симпатиями (словенцы даже и с другим языком) были искусственно соединены вместе. Все это не сжилось, не пришло в себя. Больше половины населения тяготилось православной гегемонией сербов. Нехватка жилых помещений, целого ряда жизненно важных вещей, дестабилизация, неприязненное отношение местного населения тяжело отразилось на судьбе русских беженцев, оказавшихся в стране по воле не всеми желаемого сербского короля (...) Нам отвели очень примитивное, полуподвальное помещение у враждебно настроенных далматинцев...»³⁰. А в тексте о жизни русской колонии в городке Херцег-Нови в 1924 г. можно найти следующий вывод: «Отношение к нам сербов и в особенности из начальства было хорошим, а хорватов – почти враждебным...»³¹.

Приведенные примеры показывают, что представления русских о югославском обществе достаточно варьировались, в зависимости от того, где они были усвоены – в восточной части страны (Сербия) или в западной (Хорватия и Словения). На это повлиял целый ряд факторов, от исторической памяти до конкретных событий из повседневной жизни. Сами эмигранты часто обращали внимания на эту ситуацию.

Описывая прием, оказанный в Сербии в 1921 г., А.Филиппов записал: «Из всех славянских стран, приютивших русских беженцев, Сербия является бесспорно самой гостеприимной и заботливой... Отношение сербского народа к беженцам – самое приветливое. Во многих селениях сербы сами их приглашают к себе, довольствуясь минимальной платой за помещение и проявляя исключительно заботливое отношение к их нуждам. Между населением и беженцами очень быстро установилась родственная, духовная связь, что особенно приходится ценить, имея в виду те моральные переживания, которые пришлось испытать беженцам... (Русские беженцы. – М.Й) не забудут, что именно в Сербии, наиболее разрушенной из всех воевавших держав, они встретили и ласку, и уют, и полную возможность жить по-человечески.

³⁰ Halafoff I.V. An autobiographical sketch. Melbourne, 1988. P. 19-20.

³¹ Эрцегнови // Вестник Главного Правления Общества Галлиполийцев. Белград, 1924. С. 137.

В этом отношении сербы делают великое дело»³² Николай Рыбинский, говоря об открытии выставки русских художников в Белграде в марте 1930 г., подчеркнул: «Мы – изгнанники, мы стосковались по своему углу, мы всюду чужие. И вот, чувствуется мне, что выставка – первый камень к постройке своего русского угла здесь, в славянском Белграде. Вне Белграда такой угол прямо немислим»³³. Наконец, Иван Сергеевич Шмелёв в своих воспоминаниях «Душа родины» следующими словами описал Сербию и ее отношения к русским эмигрантам: «Одна страна – не из великих держав! – одна христианская страна, бывшая малая Сербия... явила высокий пример чести, братства, совести, благородства, исторической памяти и провидения грядущего...»³⁴.

В западной части государства столкновение с русскими неминуемо вызывало воспоминание о Первой мировой войне. Беженцы подчеркивали, что их прибытие на север страны не встречало особого воодушевления: «Венгры (в местечке Ада) встретили русских, своих вчерашних неприятелей, исключительно враждебно, но потом поняли наше положение, и отношение к нам несколько поправилось»³⁵. В значительной мере на эту ситуацию повлиял непосредственный исторический опыт, связанный с военным конфликтом бывшего населения Австро-Венгрии с русскими в ходе Первой мировой войны. Ситуация не сильно отличалась и в Боснии, что засвидетельствовал Р.В.Полчанинов, описывая прибытие учеников русского кадетского корпуса в Сараево в начале двадцатых годов: «Население Сараево встретило русских кадетов враждебно. Не прошло и двух лет с тех пор, как в Сараево правили австрийцы, которые подогревали ненависть к русским. Вернувшись из русского плена, бывшие австрийские солдаты симпатизировали большевикам и ненавидели „белых“. Лишь отдельные офицеры сербской армии старались помочь русским братьям, которые оказались в беде... В сентябре (1920 г. – М.И.) Сараево посетил принц Александр, который когда-то и сам учился в России в Пажеском корпусе... Когда кадеты прошли исключительным церемониальным маршем перед принцем,

³² Филиппов А. Русские в Сербии // Общее дело. Paris. 6.3.1921. № 234. С. 3.

³³ Рыбинский Н.З. Выставка русских художников в Белграде // Россия и Славянство. Paris. 15.3.1930 (Архив Югославије. ЦПБ (38) Ф – 882).

³⁴ Шмелев И. Душа родины. Paris, 1967. С. 217 (цит. по: Назаров М. Миссия Русской эмиграции. Т. 1, М., 1994, С. 32).

³⁵ Полчанинов Р.В. Собрано в Сараеве // Новое русское слово. New York. 8.3.1986. С. 7... Также обстояли дела и в Апатине: «В городе еще ощущался дух старой Австрии и власти принуждали владельцев домов принять нас у себя» (Кисловский С.А. Воспоминания (рукопись) (собрание семьи Кисловских)).

офицеры свиты, а за ними и народ, начали восклицать: „Да здравствует Россия! Да здравствуют русские кадеты!“ С тех пор отношение жителей Сараево к кадетам изменилось»³⁶.

Ситуация существенно не менялась и в последующие годы и часто приводила к конфликтам. Так, в сентябре 1928 года, во время пребывания группы казаков в Загребе дело дошло до антирусских демонстраций и серьезного инцидента: «Демонстранты орали: „Вон, русская банда“, „Вы нас уничтожали на фронте“, „Ваши штаны красны от нашей крови“. Во время этой демонстрации было ранено три казака и сам руководитель группы Павличенко»³⁷. А в одном сообщении о положении в Загребе в середине тридцатых годов особо подчеркивается: «Загреб во многих отношениях отличается от других городов Югославии, и особенно это касается состава и жизни русских эмигрантов. Если в бывшей Сербии на многие поступки наших соотечественников и население, и печать, и власть имущие зачастую смотрят сквозь пальцы, то совершенно иное явление в Загребе – в столице Хорватии. Здесь каждый шаг русского на виду. Малейший промах, небольшое происшествие, ничтожный инцидент сейчас же подхватывается местной прессой, своеобразно комментируется, раздувается, преувеличивается и с заключениями, явно колющими русское самолюбие, преподносится читающей публике, увеличивая этим и без того несимпатии большинства населения ко всему русскому»³⁸.

Похожая ситуация была и в Словении, где сам приезд русских вызывал подозрения местного населения: «В Любляне беженцам лучше жить мирно, скромно и неприметно, как можно меньше привлекать к себе внимание властей и населения...»³⁹.

Если иметь в виду жизненный опыт русских эмигрантов, полученный в ходе приспособления к жизни в Греции и, в особенности, в Румынии, то ситуация в этих странах в некоторой степени отличалась от ситуации в Югославии и Болгарии. Это неминуемо отразилось и на формировании представлений о новом окружении, и поэтому в Греции и, в еще большей степени, в Румынии лишь условно можно говорить о формировании

³⁶ Полчанинов Р.В. Русские в Сараево // Кадетская переписка. New York. Август 1984. № 36. С. 115.

³⁷ Време. 18.09.1928.

³⁸ Эмигрант (Н.Н.Макшеев) Русская эмиграция в г. Загребе (рукопись) // Руска емиграција у Југославији. Регистратор 4 – Библиотека Института за савремену историју. Београд.

³⁹ Отчет Петра Сергеевича Лопухина Палеологу. 20.09.1920 // Hoover. Paleolog. 17/32.

представлений через выраженные крайности. Это является следствием того, что представление о радушном приеме беженцев выражено в значительно меньшей степени, в то время как детали и подробности, свидетельствующие о нежелательности эмигрантов в новой среде выходят на первый план. В результате создается впечатление, что русские эмигранты имели доминантно негативное представление о Греции и, в особенности, о Румынии.

Позитивное отношение нового окружения в Греции, отраженное в коллективных и личных воспоминаниях беженцев, имело достаточно обобщенный, но рациональный характер: «Когда беженцев везли сюда из Константинополя, предполагалось, что это отбор интеллигентных лиц, и потому Салоники встретили русских более чем радушно...»⁴⁰. Подобное этому, крайне обобщенное мнение имели в середине тридцатых годов и казаки: «В смысле гражданской свободы казаки чувствуют себя здесь хорошо; отношение к ним со стороны правительства и народа греческого совершенно корректно»⁴¹.

Отличие от этих представлений о жизни в Греции, которые мы могли бы оценить как позитивные, негативные были полны значительно более выраженного недовольства новой средой. Крайне чувствительные в своем новом положении русские очень внимательно фиксировали каждое ухудшение отношения к себе: «Отношение правительства до сих пор было доброжелательное, которое с совершения переворота может резко измениться. Отношение населения было довольно безразличное, но значительно ухудшилось после катастрофы в Малой Азии. Нельзя не отметить того, что греки всячески стараются эксплуатировать русских, платя им меньше за труд и нередко не оплачивают и обсчитывают, пользуясь незнанием русскими греческого языка»⁴². Еще более непривлекательную картину представлений о новом окружении получили казаки, которые в начале двадцатых годов работали в Греции: «Работу казаки нашли с трудом, тяжелую, в малярийной местности, близ города Воло, на копиях. В связи с постоянными внутренними неурядицами и экономическим кризисом Греции, положение казаков уже к началу 1922 г. стало трагическим. Безработица, малярия (почти 90% казаков переболело малярией), несочувственное отношение распропагандированного местного сельского населения к „врангелевцам“ – все это заставило казаков бежать из

⁴⁰ В Салониках // Зарницы. Константинополь. 20.02.1921. № 2. С. 13.

⁴¹ Казаки за границей. Март 1933 – март 1934. София, 1934. С. 102.

⁴² ГАРФ. Ф. 5780. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

Греции в Сербию. Переходили границу пешком, нелегально. (...) Почти все бежавшие были оборваны, истощены изнурительной работой и болезнями»⁴³. На примере Греции можно наиболее наглядно проследить, как конкретное событие могло повлиять на представление о «них». Мы имеем в виду известную «маллазиатскую катастрофу» 1922 г.: «Последние события отозвались немедленно и на нас – русских. Ухудшилось положение русских беженцев, вследствие, – во-первых, сокращения спроса на труд; во-вторых, прилива большого числа демобилизованных солдат в центре, где преимущественно находили себе труд русские. Ухудшению положения беженской массы способствовало изменившееся отношение греков к русским, в связи с поражениями на фронте, симпатиями Советской России к врагу Греции и слухами об участии русских офицеров и даже целых воинских частей в составе армии Кемаля. Русским призывного возраста перестали давать визы в Константинополь. Антипатия к русским не раз выражалась угрозами толпы по адресу отдельных русских рабочих. Союз греческих профессиональных организаций, обратившийся к королю с петицией, просит, между прочим, о выселении русских из пределов Греции. Все это симптомы решительного поворота в отношении к русским, поворота, который отразится в будущем на нас еще большим ухудшением положения...»⁴⁴.

И все же представления, которые сформировались у беженцев о Греции, были далеки от тех, мягко говоря, отрицательных впечатлений, которые возникли у эмигрантов о Румынии, о румынском обществе и властях. Уже первые впечатления, полученные при размещении в Румынии весной 1919 г., были крайне неприятными, даже если сравнить их с «отношением», с которым к русским подошли константинопольские торговцы: «О бригаде генерала Тимановского забыли... Бригада уходила к Днестру, в Бессарабию. Шесть тысяч человек начинали свою одиссею, длившуюся месяц, в обстановке необычайных физических лишений и морального унижения со стороны французов и румын. Когда жители Бессарабии, узнав о плачевном состоянии отряда, начали подвозить к его расположению продукты, румынские власти разгоняли их...»⁴⁵. Похожую «встречу» менее года спустя, зимой 1919 – 1920 гг. румынские власти подготовили и

⁴³ Казаки за границей 1921-1925. София, 1925. С. 22.

⁴⁴ А.К. Русские в Греции // Последняя новости. Paris. 1922. № 757 (ГАРФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 134. Л. 4).

⁴⁵ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. V. Berlin. С. 53-54.

новым несчастным, которые отправились в изгнание после поражения частей Добровольческой армии генерала Деникина: «Выходя из Одессы, мы получили от генерала Шиллинга бумагу с приказанием отступать на Ольвидиополь, с заверением, что переход в Румынию обеспечен. На деле оказалось совершенно иное... Румыны не только отказались разрешить какую бы то ни было переправу на свой берег, но успели даже обстрелять артиллерией и пулеметами несчастных детей Одесского кадетского корпуса. На льду лимана, шириной около 10 верст, разыгрывались ужасные сцены»⁴⁶.

Но и после того как 1000 беженцев (из 13000 человек, которым представители Антанты обещали свободный переход в Румынию)⁴⁷, наконец-то были размещены на территории Румынии, изгнанники из России не могли ожидать лучшего приема со стороны румынских властей. И они были вынуждены взойти на свою Голгофу, драматическое свидетельство о которой, с особым ударением на картину представлений о «другом», оставил полковник Николаенко в рапорте, написанном вскоре после переброски своих людей в Болгарию: «Еще долго скитаясь, сначала по затопленным берегам Днестра, а потом по румынской стороне в Бессарабии, отдельные группы солдат и гражданских, в некоторых случаях и с семьями, подвергались большим страданиям. Сначала их грабили бандиты из местных сел и большевики из отряда Котовского. Отняли у них все, а некоторых пустили в нижнем белье. Сам переход границы представлял собой риск для жизни. В лучшем случае стреляли с противоположной стороны, а в худшем – насильно возвращали на русский берег... Кто перешел границу и удачно прорвался в Бессарабию, тот в конце концов был арестован, причем румыны отнимали все, что у них было. Потом их держали как арестованных... При грубом и дерзком отношении румынской стражи, тюремная жизнь в Аккерманском гарнизоне, вместе с пьяницами и бродягами, была невероятно тяжелой. Случалось, что разъяренные румыны отталкивали прикладами не только мужчин, но и женщин, а случалось, что в присутствии всех, румынский солдат бил изо всех сил офицера по физиономии. С февраля румыны начали концентрировать всех русских, которые перешли границу, в городе Тулча... При враждебном отношении румын к русским, жизнь в Тулче

⁴⁶ *Одинец Д.М.* Письмо. 2.6.1920. Белград (цит. по: *Косик В.И.* Из истории начала российской эмиграции // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 4-5.

⁴⁷ Об этой теме подробнее см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. М., 2005. С. 87-88.

была тяжелой»⁴⁸. Ситуация существенно не улучшилась и в последующие годы. Так, Г.Мишин, председатель Союза русских студентов в Румынии, в письме, отправленном 9 февраля 1923 г. в штаб-квартиру этой организации в Праге, описал переброску группы в 35-40 человек из одного лагеря для интернированных в другой: «Конечный пункт, в день отправки и в дни нашего переезда, нам был неизвестен, и лишь на расстоянии приблизительно 100 км. до цели нам стало известно, что нас отправляют в Фагараш – небольшой, провинциального типа город. Настроение среди студентов Союза, и беженцев вообще, упало, ибо всем была известна жизнь русских в Фагараше (часть русских беженцев, пожелавших, в свое время, оставить пределы Румынии, была заперта в старом замке г. Фагараша, где к ним применен был почти тюремный режим). Румынский командный состав, владеющий нашей жизнью, оставался все тот же, и было ясно, что наше положение значительно ухудшится: начнутся опять репрессии, самовластие и бесчинства капралов и сержантов, за малейшую неточность действий отдельного лица – все будут заперты в темных стенах замка, имеющего свою историю чуть ли не от 9-10 в., ... выйти из пределов замка совершенно невозможно... Более здоровые и жизнеспособные бежали в Бухарест, Венгрию, Болгарию, Сербию, Константинополь и Прагу, где некоторым, при содействии местных студенческих организаций, удалось поступить в высшую школу. Во время переезда в Фагараш удалось бежать двум членам Союза»⁴⁹.

Представление, которое сформировали русские об их новом окружении в Румынии, было определено той «встречей», которую им подготовили румынские власти и население по их приезду в Румынию. Однако и более поздние впечатления не способствовали резким переменам в коллективных и личных оценках, единственная разница была лишь в том, что отдельные эмигранты описывали конкретные события, в то время как представители организаций из этих событий формировали общее представление. С другой стороны, в случае с Румынией можно лишь условно говорить о формировании общих представлений на примере двух крайностей. Один из редких примеров положительной оценки представляет собой короткий текст «В Румынии», опубликованный

⁴⁸ Старший группы офицеров, чиновников, солдат и беженцев, прибывших на пароходе «Адмирал Кашерининов» из г. Тулча (Румыния) полковник Николаенко. Рапорт Начальнику русского гарнизона г. Варны. № 23. 29.05.1920. Варна (ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1545. Л. 2-3.)... Тот же документ целиком опубликован в: Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы. Т. I. М., 1998. С. 58-68.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 370. Л. 4-5об.

в журнале «Зарницы» в феврале 1921 г.: «Отправленные из Константинополя в Румынию, крымские беженцы поселены в окрестностях Констанцы, в курорте Текер-Гиола. Помещаются беженцы в курортных помещениях. Румынское правительство, на кредиты французского, выдает пищевой паек. Общее положение беженцев, попавших в Румынию, удовлетворительное. Ощущается недостаток в одежде, обуви, но на помощь приходит американский Красный крест. Общее заведывание беженцами поручено румынскому военному министру, и судьбой беженцев заинтересован румынский королевский двор, особенно королева, проявляющая большую сердечность... Пока беженцы не получили свободы передвижения, но нет сомнений, что имущая часть беженцев, которая может жить на свои средства, получит возможность выехать в Бессарабию и другие районы»⁵⁰. Это представление, полное весьма сдержанных красок при описании нового окружения («их»), представляет собой ту крайнюю точку, которую можно объяснить лишь чувством удовлетворения, которое испытали беженцы, когда после всех своих великих бед и скитаний, смогли, наконец, зажить хоть в какой-то степени мирно. Однако даже в этом описании можно найти те многочисленные ограничения, которые были выдвинуты властями при приеме беженцев.

Разнородные и многоликие, позитивные и негативные представления о «другом» были следствием ежедневных контактов эмигрантов и их нового окружения, представляя собой лишь первый, первоначальный уровень формирования представления о «другом». На втором, значительно более глубоком уровне, который влиял на формирование взаимного восприятия русских эмигрантов и балканского окружения, можно заметить знаки, которые указывают нам на существенные различия или сходства в культуре, менталитете, миропонимании, восприятии пространства и т.д.

«Простота, интимность и фамильярность заметны тут повсюду»: комплексные представления о «другом» – сходства и различия в культуре и традиции.

Позитивные или негативные представления о «них», сформированные под влиянием конкретных событий, приема в новой среде, личных или коллективных впечатлений, содержали свидетельства о первом, начальном уровне взаимного восприятия. Хотя они и были достаточно яркими, на основании первых впечатлений все-таки сложно понять

⁵⁰ В Румынии // Зарницы. 20.02.1921 № 2. С. 13.

те глубокие существенные различия или сходства между «ними» и «нами», которые и составляют настоящий портрет восприятия «другого». Лишь на основании тех глубоких впечатлений, которые происходили из совместной жизни, совместной трудовой деятельности, контактов на улице, на работе или на рынке, можно было заметить, насколько реальная жизнь отличалась от возвышенных фраз о братстве, общности, вековой дружбе и т.д., которые встречались в речах политиков или в здравницах на торжественных приемах. Реальная жизнь приводила к контактам двух, во многом различных и взаимно-незнакомых миров, к столкновению людей, различных культур, менталитетов и привычек. Это было и своеобразной встречей людей севера с природной средой юго-восточной Европы и связанными с ней человеческими привычками, которые многим были незнакомы и чужды, так же как и многие другие привычки и культурные особенности новой среды. Со своей стороны балканские народы столкнулись, с людьми, у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие, иное отношение к детям, противоположному полу или собственному телу, и все это отличалось от патриархальных и традиционных норм поведения, общепринятых на Балканах. Когда эмигранты и балканские общества оказались в реальном взаимном контакте, вскоре выяснилось, что у этих «других» почти все по-другому, от пространства и времени, до привычек, миропонимания и культуры... Так, Субботица, в то время второй по численности населения город в Королевстве СХС, согласно восприятию русскими эмигрантами размеров и пространства, был «маленьким приграничным городком»⁵¹. На ещё более контрастное восприятие пространства указывает немного сентиментальный ответ бывшего генерал-губернатора, который в начале двадцатых годов был назначен управляющим имением «Белье», на вопрос, «(...) как он себя у нас чувствует, и не сложно ли ему управляться с большим имением». Бывший генерал-губернатор «громко рассмеялся. Какое же это большое имение, маленький садик, если его сравнить с моей бывшей губернией, которая была размером в две таких страны, как эта»⁵². Это столкновение «старых» ощущений с «новым» пространством по-своему описала Елизавета Гильотен: «В конце ужина, после обязательных комплиментов хозяйке за обильное и вкусное угощение, которое она собственноручно приготовила, появлялась гитара. Балканские ночи такие темные, с низко опущенным

⁵¹ Эристова Е.С. Воспоминания (рукопись). (Коллекция А.Б.Арсеньева)

⁵² Медаковић Д. Ephemēris. Хроника једне породице. Књ. 1. Београд, 1991. С. 258.

небом, которое словно окутывает вас горячим плащом. И вдруг песня! Русская песня! Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо...»⁵³.

Удивление вызывала не только природная среда, но и климат: «Сейчас царило невыносимо жаркое для нас балканское лето»⁵⁴. В свою очередь И.А. Быкадоров, также привыкший к долгим и холодным зимам, отмечал с немалым удивлением: «...я наслаждался на теплом солнце (в Пирее в марте весна в полном расцвете)»⁵⁵. Иногда удивление эмигрантов вызывали даже кулинарные блюда балканской кухни. Так, Владимир Иванович Лебедев, хороший знаток Балкан, в течение своего второго пребывания в этой стране в 1923 г., с немалым удивлением прокомментировал обычное балканское блюдо для торжественных случаев, которое приготовили хозяева: «Гостям подали поросенка, печеного на вертеле. Необычное лакомство...»⁵⁶.

Эти примеры, немного поверхностные, но занимательные, свидетельствуют о проявлении «инакости» на бытовом уровне. Особую ценность имеют сложные представления, отражающие различия в культуре, менталитете, миропонимании и т.д.,

На первом месте, представление о «провинциализме», об экономическом, урбанистическом и модернизационном отставании Балкан по сравнению с Западной Европой и Россией начала века. Представления об отсталости Балкан, которые, в принципе, являются «общим местом» (западно- и средне-) европейского понимания общества Востока, включая и Балканы, где обязательно настаивается на их «отсталости», «регрессивности», «традиционализме», «мистичности», в то время как Европа всегда «прогрессивная», «модернизированная», «рациональная»⁵⁷ – можно обнаружить и во взглядах русских беженцев. С этой точки зрения, характерным является то, что в интеллектуальных кругах русской эмиграции на Западе был распространен стереотип об отсталости Сербии, о чем, остро критикуя подобные воззрения, писала Зинаида Гиппиус: «Наша эмиграция, парижская (или „французская“ имеет достаточно твердое и старое представление о

⁵³ Гильотен Ж. Две моје домовине... С. 65-66.

⁵⁴ Там же. С. 69.

⁵⁵ *Быкадоров И.А.* Воспоминания (рукопись). (Коллекция А.Б.Арсеньева).

⁵⁶ *Лебедев В.* У земли ружа и крови. Београд, 1934. С. 36.

⁵⁷ *Ристовић М.* «Слика непријатеља»: српске теме у берлинском сатиричном часопису «Kladderadatsch» 1914-1916 године // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1996. Књ.3. Св.1-3. С. 26.

Югославии, настолько старое и устойчивое, что никто и не хочет его пересмотреть. Вот это представление, конечно же, в самом приближенном виде: полуевропейская Сербия, страна на беспокойных Балканах (где всегда стреляют), Белград – что-то вроде большого села, все еще по-турецки грязный, с ленивым развитием событий (когда не стреляют) и со специфическим национализмом. Естественное убежище для (русских. – М.Й.) монархистов...⁵⁸. Но представления об отсталости не сводились лишь к стереотипам, популярным среди русских интеллигентов, живших в Западной Европе. Их, несмотря на заметные симпатии к балканским народам, подтверждают и многочисленные свидетельства тех эмигрантов, которые побывали на Балканах, в особенности в начале двадцатых годов двадцатого века. Митрополит Евлогий (Георгиевский), проницательный и внимательный наблюдатель, такими словами описал Белград начала двадцатых годов: «Я стал осматривать Белград. Скромные, низкие домики, плохие мостовые, мало внешней культуры и отпечаток провинциализма и Востока, но приятный и милый в своей патриархальности город. Отношение населения к нам, русским, было трогательное. В трамвае кондуктор: „А... русс!“ – отказывается брать деньги за билет»⁵⁹.

Владимир Лебедев в своем описании Болгарии в 1923 г. привел характерное представление о причинах отсталости этого края: «Эта страна бедна культурой. Она далека от закованного в сталь, фабричного Запада. Вечный разрыв между ними, трагичная череда непрерывных войн, восстаний и разрушений. Как бы тут могли возникнуть города, как тут могла развиться культура?.. Но чем слабее тут культура, тем сильнее к ней тянутся. Чем страшнее было рабство, тем сильнее проявлялся героизм. Хотя это вековое рабство и приостановило развитие культуры, оно выковало героизм этого маленького народа. Его герои романтичны и прекрасны, как и его горы, и небо. (...) Но, если Болгария и бедна культурой, она богата своей плодородной нивой, своими лесами, морем и Дунаем, богата пшеницей, виноградом, вином, табаком, рисом, шелком и розами (...) Богата устойчивым, трудолюбивым, жаждущим знаний, трезвым крестьянином. Что еще надо? Есть все, что надо, чтобы выйти на широкий путь культуры. Но опасна судьба маленьких государств. Им границы узки, горизонты низки, размах ограничен. Им проще, чем большим странам, скатиться к вульгарности. Особенно

⁵⁸ Гиппиус З.Н. Письмо о Югославии // За Свободу. Варшава (АСАНУ. Бр. 14386; 2541).

⁵⁹ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 332.

здесь, на Балканах, особенно Болгарии, которая окружена со всех сторон, которая еще не проторила надежных дорог для культуры. Очень легко потерять эти дороги. Легко скатиться к старому варварству...»⁶⁰. Крайне характерный пример восприятия этих краев как чего-то отсталого можно найти в воспоминаниях Н.М.Зернова: «Первым впечатлением было отличие Белграда от только что покинутого Царьграда. Вместо крикливых и узких улиц с их шумной, яркой толпой, вместо пронзительных криков торговцев и непрерывных гудков автомобилей, вместо суеты и хаоса Востока, мы очутились в тихом, провинциальном городе, чем-то напоминавшем южную Россию. Движения было мало, улицы были широкие, застроенные одноэтажными или двухэтажными домами. Никто никуда не спешил. Я с любопытством рассматривал прохожих, хотелось разобраться в характере народа, с которым нам предстояло вместе жить. Сербы не похожи на русских. Черные волосы и смуглый цвет их продолговатых лиц напоминал Восток, но в то же время в выражении их глаз было что-то славянское, более мягкое, чем у турок или грузин»⁶¹.

Представления об «отсталости» дополняли и свидетельства об отношении к новым техническим достижениям. Так, Владимир Лебедев описал реакцию жителей болгарской провинции в 1923 г. на «новейшее» чудо техники того времени, автомобиль, ту картину, которая была характерна для всей территории Балкан, даже десятилетия спустя: «Наш автомобиль вызывает в селах невероятное внимание. Дети, а их так много в Болгарии, эти самые дети выглядывают из окон школ, бегут за нами по улицам, весело выкрикивают ласковые приветствия...»⁶². Важно подчеркнуть и то, что сведения об отсталости не были унисонным и неизменным представлением эмигрантов об этих краях, что и сами русские беженцы замечали перемены и развитие среды, в которой они оказались. В конце тридцатых годов В.В. Орехов описывал уже полное изменение облика: «Старый Белград исчез или исчезает на глазах его теперешних обитателей: от него кое-где уцелели покосившиеся „мазанки“, но весь он за последние годы стал большим европейским городом с многоэтажными домами, с прекрасными и заново распланированными улицами, с богатыми магазинами...»⁶³.

⁶⁰ Лебедев В. У земли ружа и крови. С. 55-56.

⁶¹ За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. С. 14.

⁶² Лебедев В. У земли ружа и крови. С. 37.

⁶³ Орехов В.В. Несколько предварительных слов... С. 7.

Во втором круге можно заметить и определенные различия в менталитете. Русские, прибыв со стороны, легко замечали характерные черты балканского менталитета. К.Н. Соколов, член деникинского «специального совета», ставший в изгнании профессором юридического факультета в Софии, описывая свои посещения Межсоюзнического бюро в Константинополе, где можно было получить различные визы, обратил свое внимание на различное отношение «их» и «нас» к очереди: «Бедствия начинались еще внизу. Восточная толпа не признает очередей, а рвется вперед бесформенною лавиной, и русские, большие специалисты по части всяких „хвостов“, напрасно пытались строиться „в затылок“ и соблюдать порядок»⁶⁴. Пытаясь разобраться в особенностях «их» менталитета, В.И. Лебедев обращал свое внимание на проявление характерных черт в экстремальных ситуациях: «Давление турецкого ига ощущалось и возвышенными, и низменными, что приводило и то, и другое к крайним формам выражения. Многие остатки того времени сохранились в болгарском характере, – величие и предательская сущность и по сей день находятся во взаимном конфликте, уже в свободной стране. Вместе с храбростью и самопожертвованием, в нем гнездится и зависть, унаследованная еще с тех времен, когда беспечный сосед-турок имел все, при этом все самое *хорошее*. Вместе с трудолюбием и свободолюбием, ему присуще и насилие, которое еще недавно было единственным законом на Балканах»⁶⁵. Будучи яркими представителями городской культуры, русские легко подмечали все те особенности, которые были присущи сельскому балканскому обществу, как, например, неуважение к этикету и к чужой личной жизни. Д.С. Мережковский в ходе непродолжительного пребывания в Белграде в разговоре с журналистом «Политики», опубликованном 5 октября 1928 г., подчеркнул: «Если бы мы хотели одним словом выразить отличие всего того, что мы видим в Западной Европе и здесь, то можно было бы сказать: там все сложно, тут все просто. Простота, интимность и фамильярность, заметны тут везде: в разговоре, в мимике лица, выражении голоса, в том, что, например, наша старая служанка здесь хлопает меня по плечу, а Зинаиду Николаевну (Гиппиус) обнимает за талию, или в том, что неподалеку от европейских улиц, освещенных электричеством, мирные деревенские волны лежат на каменной мостовой и что-то жуют, или в том, что, например, ваших министров

⁶⁴ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 270.

⁶⁵ Лебедев В. У земли ружа и крови. С. 50.

и знать вы называете, используя деминутивы: Миша, Веля, Воя...»⁶⁶. Еще более живописно это выразил известный театральный режиссер Юрий Львович Ракитин, описывая свое пребывание в местечке Враньска баня в 1923 г.: «Всю свою жизнь стремлюсь на Запад, а попадаю на Восток. Вот и сейчас: я не только в Сербии, но на самой границе Македонии. Прimitив жизни обращение, сказывается во всем. Никто не говорит на «вы». В комнату входят, когда и кто угодно, хорошо если это насадка с цыплятами или индюшка; хуже – если цыганка, которая начинает шарить у вас на столе. Когда утром вас будит около кровати непрошенная молочница, это выводит из себя»⁶⁷. А митрополит Евлогий, описывая свое посещение прихожан новосадского протоиерея, обратил внимание на следующее: «Трудно описать гостеприимство сербских крестьян. Всюду меня упрашивали отобедать, всюду полный стол яств. Пришлось отведывать 5-7 обедов, чтобы не обидеть радушных хозяев»⁶⁸.

Наконец, русские легко замечали и внутренние балканские конфликты: «Помню, как-то раз они мне показали книжку: песенник. В ряду первая – сербский гимн. Я на нем не остановился и стал перелистывать дальше, а когда дошел до болгарского гимна „Шуми, шуми Марица“, мне вспомнилась семинария, где мы, семинаристы, его пели, – и я его запел. Смотрю, лица моих хозяек помрачнели, и они примолкли. В чем дело? „Вы сербский гимн пропустили, а болгарский запели... Так всегда было: Болгария для русских дочь, а Сербия падчерица...“»⁶⁹.

Следующий уровень формировался на основании замеченных культурных противоположностей (несмотря на стереотипные обращения к единым культурным корням и православным культурным образцам, которые для «нас» одинаковы). Большое внимание русских людей привлекали столкновение и взаимопроникновение различных культур на этой территории. Владимир Иванович Лебедев, вспоминая свое второе пребывание в Болгарии в 1923 г., описывал характерные точки соприкосновения Востока и Балкан следующим образом: «Я опять в стране волшебных гор и лесов, голубых горных рек и фантастических ущелий, в стране роз и винограда, в мистическом преддверии Востока,

⁶⁶ Цит. по: Паунковић З. Одједи боравка Мерешковског, Зинаиде Хипијус, Куприна, Чирикова и Зајцева на конгресу писаца 1928. године... С. 33-34.

⁶⁷ Арсеньев А. Ракитин међу руским емигрантима... С. 252.

⁶⁸ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 335.

⁶⁹ Там же. С. 333.

где славянские песни поют на турецкий мотив»⁷⁰. А Юрий Ракитин в 1925 г. заметил это же соприкосновение культур на примере Сараева: «Я стою сейчас тихой ночью перед историческим местом, „откуда все началось“, – а в душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль во вкусе наших старых художников романтиков. В „кафанах-башчах“ по ту сторону реки далеко поют цыгане, а здесь за моей спиной, вдруг, неожиданно поднимаюсь жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса, и кто-то забарабанил модный fox-trot. Две культуры, Азия и Европа, искусственно соединенные этим „мостом вздохов“»⁷¹.

Однако, вероятно, самые важные отличия замечались в рамках общих культурных стереотипов. Так, целый ряд воспоминаний эмигрантов о религиозных обычаях на Балканах в некоторой степени бросает тень на наши распространенные, питающие русофильство стереотипы о православии как общем знаменателе сербов или болгар и русских, согласно которым балканские народы и русские имеют не только единое православное вероисповедание, но и одинаковый подход к вере и практику религиозной жизни. В связи с этим митрополит Евлогий замечал: «Адвокат, человек верующий, как и многие сербы, в церковь ходил редко. (...) В сербских храмах народу обычно мало, но свою православную веру они любят и крепко ее держатся»⁷². Таким же важным в данном аспекте выглядит его замечание о женском монашестве в Сербии: «Прибытие Лесинского монастыря имело для Сербии большое значение. Дело в том, что сербское женское монашество уже давно умерло. За последние века в Сербии не было ни одного женского монастыря, и сербы стали считать это вполне нормальным явлением. «Наши сербские женщины неспособны к монашеству», – говорили мне некоторые сербы из мирян. Действительность это суждение опровергла, монашество возникло вновь, лишь только появились женщины, способные к организации монастырей. (...) (С тех пор. – М.Й.)... женское монашество перекинулось в другие епархии – словом, погибшее в Сербии женское монашество ожило»⁷³. Свое впечатление о различиях в религиозной жизни выразила и Зинаида Гиппиус: «Сербское православие

⁷⁰ Лебедев В. У земли ружа и крови. С. 1.

⁷¹ Арсеньев А. Ракитин међу руским емигрантима... С. 252.

⁷² Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 334.

⁷³ Там же. С. 339-340.

не совсем российское православие. Ниже или выше, хуже или лучше, – другой вопрос, но не такое: более бытовое и народное, более простое, а главное, – более веселое...»⁷⁴.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что представления, сформированные русскими о Балканах, были неоднородными и не односторонними, образы «других/их» были крайне сложными, противоречивыми и богатыми. В них мы можем распознать не только отражение реальной жизни в новой среде, со своими правилами и ритмом, но и эмоциональные реакции чувствительных людей, вынужденных жить в изгнании. В этих представлениях, иногда более критичных, нежели реальная картина происходившего, чувствовалось как глубокое и утонченное восприятие повседневных событий, так и различия в менталитете и привычках. Поэтому в них и не было места для одностороннего «черно-белого» видения «их» как идеально «добрых» или абсолютно «злых».

Эти конкретные представления о «них», проистекавшие из ежедневной совместной жизни, доказывают, что универсальная проблема формирования повседневного отношения к «другому» была постоянна лишь в своей постоянной переменчивости. Представления о «другом» отличались даже в рамках одного и того же общества между людьми, принадлежавшими к разным поколениям: «Отношение к русским со стороны местных властей и населения (в Казанлыке. – М.Й.) можно назвать средним, но старшее поколение относится к русским лучше, чем молодое, и даже с благосклонностью»⁷⁵. Еще более радикально менялся оттенок и содержание этих представлений в зависимости от принадлежности к различным социальным слоям. На этот феномен обращал свое внимание в 1921 г. еще С.Н.Палеолог, правительственный уполномоченный по делам русских беженцев, в своем секретном докладе генералу Лукомскому: «Вне всякого упрека к нам относятся: высшее правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства. Все они отлично понимают роль России для Сербии в прошлом и в будущем; в поддержке русских беженцев чувствуют свой долг... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас, как на элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры (в особенности за комнаты) и всегда стараются заговорить на тему о том, что сербы дают русским три миллиона. Чувства симпатии... явление почти исключительное.

⁷⁴ Гиппиус З.Н. Письмо о Югославии...

⁷⁵ Казаки за границей. Март 1933 – март 1934. София, 1934. С. 43.

Селяки, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: «„За што смо допутовали из России“»⁷⁶. То, что речь шла не о случайности, а о специфическом общественном феномене, указывает и следующее замечание о положении казаков в Болгарии: «Отношение населения к казакам, по приезду их в Болгарию, было, вообще, хорошее, и в деревне – лучшее, чем в городе, а со стороны сельского населения – лучшее, чем со стороны рабочих. Официальные лица относились доброжелательно. (...) В городах партийная интеллигенция относилась к казакам сдержанно»⁷⁷. Неодинаковое отношение различных социальных слоев к беженцам дополнительно углубилось во время экономического кризиса в Болгарии в середине тридцатых годов: «В моральном отношении в Болгарии гораздо лучше, чем в других странах. Отношение болгарской администрации, особенно военной, очень хорошее, отношение интеллигенции и работодателей весьма доброжелательное и только со стороны рабочих, болгар и македонцев, и профессиональных организаций, с которыми приходится конкурировать в работе, отношение недоброжелательное, а иногда даже враждебное»⁷⁸.

* * *

Столкновение с «другим», с «государством, размером как моя губерния» и «маленьким пограничным городком», с «весной в марте» и «низким южным небом» представляло лишь часть пережитого эмигрантами комплексного опыта, связанного как с адаптацией, интеграцией, аккультурацией, денационализацией и ассимиляцией, так и с уникальным, специфическим феноменом – идеей о Зарубежной России, которой в значительной мере была подчинена организация общественной жизни русских людей в изгнании.

---

⁷⁶ С.Н. Палеолог – А.С. Лукомскому. 3.9.1921 (Hoover. Paleolog, 018/30).

⁷⁷ Казаки за границей 1921-1925. София, 1925. С. 7.

⁷⁸ Казаки за границей. Апрель – июнь 1928. София, 1928 С. 44.

*А. Ю. Тимофеев,
Сербия*

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЕ СЕРБИИ: ОПЫТ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Изучение восприятия красноармейцами и сербским населением друг друга в ходе боевых действий РККА в Сербии осенью 1944 г. исключительно важно в контексте формирования общих стереотипов взаимовидения русских и сербов. Именно русских и сербов, а не «югославов» и «советских граждан», т.к. большая часть военных операций проходила на территории Сербии, а свыше двух третей красноармейцев являлись этническими русскими¹. Пребывание в Сербии позволило бойцам РККА сформировать свои стереотипы о сербах, восстановив представления русского народа о Балканах, утерянные в результате левых загибов послереволюционной эпохи. Некоторые из стереотипов, сложившихся о сербах и югославах вообще, сохранились в русском народе до девяностых годов прошлого столетия. С другой стороны, до тех же 1990-х гг., хотя и с некоторыми дополнениями и уточнениями, дожили представления о «советских русских», сформированные в результате вхождения частей Красной армии на территорию Сербии осенью 1944 г. ...

Чтобы понять природу впечатлений, произведенных на местное население Западных Балкан осенью 1944 г., необходимо шире рассмотреть то, что собой представляли солдаты и офицеры РККА, которых увидели тогда жители Сербии, Белграда и Воеводины.

Люди, которые пришли на Балканы в рядах Красной армии осенью 1944 г., сильно отличались от двух волн русского народа, которые прибыли на Балканы до этого: во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. и после Гражданской войны 1919-1921 гг. Революция,

---

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 238.

Гражданская война, установление тоталитарного режима, претендовавшего на эксклюзивную истину новой идеологии, – все это привело к изоляции России, выделению ее из семьи европейских народов. Само имя Россия, в соответствии с ленинскими мечтами о всемирном пролетарском государстве, уступило место новому названию – Союз Советских Социалистических Республик. Вследствие усиления «шпиономании» и пресечения всех контактов с иностранцами вне контроля «органов», а также в результате усиленной пропаганды и навязывания идей о страданиях пролетариата под пятой капиталистов и о благодатном влиянии социализма, в конце тридцатых годов XX в. большая часть советского населения имела сравнительно мало реальных представлений о том, как жила остальная Европа. В СССР ускоренная индустриализация шла за счет населения. Падение жизненного уровня крестьян дало СССР возможность развить тяжелую индустрию и военную промышленность. Это позволило ему, в отличие от царской России, производить военную технику, которая могла на равных конкурировать с самыми современными образцами того времени. Более высоким стал и средний образовательный уровень, особенно среди молодежи, которая и доминировала в рядах красноармейцев.

Переход через советско-румынскую границу, как ни трагикомично это звучит, был для большинства красноармейцев шансом впервые в жизни увидеть Европу и на деле сравнить капитализм и социализм². Это настолько беспокоило советских руководителей, что они старались получить как можно более детальные политдонесения всех уровней о том, что увиденное производило на массы. С другой стороны, советское руководство пыталось максимально улучшить впечатление, которое сами красноармейцы оказывали на мирное население освобожденных от немцев стран.

Солдаты и офицеры представляли собой сравнительно молодое поколение. Молодость офицерского состава РККА объяснялась колоссальными потерями начала войны, выбившими значительную часть офицерских кадров. Она сразу же бросалась в глаза представителям балканских армий, которые впервые могли видеть «подполковника – командира бригады, двух майоров – командиров полков. Все молодые люди, подполковнику лет двадцать, майору под тридцать, а второму меньше – 25»³. Это

² Слущкий Б. Записки о войне // О других и о себе. М., 2005. С.28-35.

³ Пилетий В. Судбина српског официра. Крагујевац, 2002. С.109.

удивление не могли не заметить и сами молодые офицеры⁴. Их ускоренная подготовка военных лет компенсировалась богатым боевым опытом. Оказавшимся за рубежом боевым офицерам советская пропаганда пыталась внушить кастовые привычки и манеры⁵.

Молодость, сочетавшаяся с большим боевым опытом, увеличивала самоуверенность, а то и самонадеянность солдат и в особенности офицеров. По отношению к балканским коллегам не могло не быть определенной снисходительности. Негативную роль в этом сыграло и то, что первым балканским воинством, попавшимся на пути наступления РККА, была румынская королевская армия. Румынские вооруженные силы, и особенно румынские офицеры, не вызывали уважения советских офицеров и до прихода на Балканы. «Боеспособность советского воина и румынского солдата... вообще несравнима», – считал начальник штаба Третьего Украинского фронта С.П. Иванов. «Румыны сдавались группами, за один вечер был взят в плен целый румынский полк», – вспоминал батальонный комсорг одной из стрелковых дивизий Третьего Украинского фронта А.П. Роменский. На низкую боеспособность румынской армии накладывались склонности румынских офицеров к использованию пудры для лица, румян, помады, мушек и корсетов⁶.

Быстрая перемена внешнеполитической ориентации румынской и болгарской армиями также не внушали к ним уважения со стороны советских офицеров. Советская пропаганда прямо указывала на причины этого. Так, армейская газета 17-й воздушной армии «Защитник Отечества» признавала: «Покинули Гитлера румыны, отказались от него и финны, отвернулись теперь и болгары – уж больно сильны наши удары»⁷.

После заключения союза Румынии с СССР попытки румынских офицеров добиться того, чтобы их приветствовали на улицах младшие по званию, часто приводили к неприятным инцидентам, вплоть до перестрелок⁸. Отношение к первому, встретившемуся на пути балканскому воинству, стало нормой при формировании отношений к

⁴ Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М., 2006. С. 370.

⁵ Кривицкий А. Русский офицер за рубежом. М., 1946.

⁶ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 434; Роменский А.П. Глазами и сердцем солдата. М., 1979. С. 108; Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 162-163.

⁷ Скоморохов Н.М. Боем живет истребитель. М., 1975. С. 189.

⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 57 А, д. 16, л. 138; пилот Маслов Леонид Захарович <http://www.iremember.ru/content/view/398/51/lang.ru/>.

другим балканским армиям. Офицеры РККА были полностью уверены в своем превосходстве и над болгарскими коллегами: «Ведь это он по возрасту мне в отцы годится, а по сути-то — кто он такой в сравнении со мной? Мы с боями из-под Москвы пришли сюда, а они еще и не воевали. Я — боевой и опытнейший офицер могучей армии, а он представляет армию заштатного государства, царь которого льстиво прислуживал Гитлеру», — эти мысли обоснованно витали в головах советских офицеров, встречавшихся с офицерами монархических балканских армий⁹.

Еще одной общей чертой офицеров и солдат Третьего Украинского фронта, вступивших на землю Сербии, была их общая неизмеримая усталость в результате тяжелой физической и психической нагрузки. Слабое сопротивление румынской армии и мгновенная капитуляция болгарской армии не спасали от многочасовых (около 12 часов в сутки) пеших маршей, которые для защиты от возможного нападения авиации противника приходилось совершать по ночам. Эта тяжелая нагрузка сочеталась с гнетом ответственности, если речь шла об офицерах. Для некоторых это бремя оказывалось непосильным. Например, командир 703-го стрелкового полка 233-й дивизии Дмитрий Тимофеевич Нестерук получил от командира дивизии несколько замечаний вследствие неподобающего поведения отдельных солдат его полка во время марша через Румынию. Подавленный физической и психической усталостью молодой офицер, которому было всего двадцать один год, выстрелил себе в висок на обочине дороги, где его труп обнаружили солдаты подразделения, двигавшегося за его полком¹⁰. Большинство солдат стойко переносили тяжелейшие физические и психические перегрузки на марше, но усталость порой превозмогала их силы, и доходило до выражения недовольства. Возникавший ропот тут же фиксировали парторгчи частей, оповещавшие вышестоящее начальство. Рядовой 572-го стрелкового полка Иван Наконечный, 21 года от роду, сказал товарищам: «Нас гонят вперед, как скотину... ночью... не дают нам выспаться или покурить, идем по пыли, грязные, едим на ходу, села проходим по ночам», рядовой 703-го стрелкового полка Григорий Жужуера заметил: «Все идем и идем. Не дают нам отдохнуть, как надо. А командиры не разрешают без

⁹ Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. С.370; Pavlović М. Očevidad Građanskog rata u Srbiji // Istorija 20. veka. Београд, 2007. Бр. 1 С. 183.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф.233 сд, д.93, л. 174.

разрешения выходить из колонны. Когда же этому будет конец?»¹¹ Физическая и психическая нагрузка была невероятной – например, от своего первого до последнего боя (28 февраля 1942 г. – 28 февраля 1945 г.) 431-й стрелковый полк прошагал свыше 7.000 км от пригородов Москвы до центра Будапешта!¹² И если расстояние можно измерить километрами, то чем измерить состояние глубочайшего стресса, в котором находились солдаты в ходе постоянных боев, теряя товарищей, под постоянной угрозой гибели или увечья?..

Слово «голод» советские солдаты начали забывать лишь в 1943–1944 гг.¹³ Но и тогда их питание было трудно представить без трофейных и изъятых у населения продуктов. Вот, например, что входило в официальный рацион танкиста 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Жданова. В течение недели в сентябре 1944 г. бойцы получали: «завтрак – манная каша, обед – борщ с мясом, ужин – чай; завтрак – пшенная каша, обед – суп фасольевый с мясом и манная каша, ужин – чай; завтрак – каша-концентрат пшеничный, обед – борщ, ужин – чай; завтрак – каша пшенная, обед – борщ и галушки с мясом, ужин – чай; завтрак – пшенная каша, обед – суп пшенный, ужин – чай». Количество супа – 1000–1105 г., вес второго (если оно было в меню) – 300–329 г. Калорийная ценность завтрака – 1298 ккал; обеда – 1422 ккал; ужина (за счет хлеба) – 500 ккал. При этом ужин часто отсутствовал¹⁴. Для сравнения отметим, что по современным рекомендациям Министерства здравоохранения РФ, мужчины в возрасте от 18 до 29 лет, которые занимаются легким физическим трудом, должны потреблять в день 2800 ккал. Чуть меньше этого по нормативам должен был получать на кухне гвардеец из корпуса генерала Жданова, находившегося на острие удара Третьего Украинского фронта на Балканах. Но норматив этот не всегда соблюдали, что становилось ясным в результате проверок санитарной службы корпуса, которые фиксировали следующее положение дел с питанием бойцов: «Качество приготовления пищи низкое, безвкусное и без должного количества витаминизирующих веществ... Несмотря на отсутствие претензий со стороны личного состава – плохое и недостаточное питание... калорийность пищи недостаточная, вкусовые качества желают много лучшего... Первое блюдо имеет большой вес за счет воды, но не

¹¹ Там же, ф.233 сд, д.93, л. 163.

¹² Там же, ф.431 сп, д.1, л. 1, “Журнал боевых действий 431 сп”.

¹³ *Слуцкий Б.* Записки о войне... С.28–32.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф.4 гвмк, д.377, “Медицинские донесения корпусного врача”, л. 16.

продуктов, в результате чего теряются его вкусовые качества... Кухни находятся на участках загрязненных отбросами и мусором... Машина грязная, котел невымытый... Единственная точность и порядок – при выдаче продуктов со склада». На вопросы комиссии о качестве еды жалоб и претензий не поступало, и лишь «одиночки на вопрос, хватает ли обеда, заявляли прямо: «Этой баланды хватит»¹⁵. Среди лиц, недовольных не качеством, а количеством получаемого официально пайка встречались не только красноармейцы, но и офицеры¹⁶.

Проблемы были и в обеспечении бойцов одеждой и обувью. Как известно, Красная армия смогла полностью одеть всех военнослужащих в табельную форму лишь в 1926 г.¹⁷. После 1941 г. вследствие потерь складов, индустриальных мощностей и сырьевой базы в изготовлении формы вновь стали возникать перебои. Доходило даже до нехватки звездочек на головной убор для рядового состава. Во фронтовых частях форма носила следы починок, холодных ночей у костра, на одежде имелись дырки и пятна неизвестного происхождения. И опять на помощь приходили военные трофеи. Массово использовались немецкие ремни, сапоги, шинели. В вопросе об обмундировании речь шла не только о дефиците или понятных трудностях со снабжением в военно-полевых условиях, но и о своеобразном равнодушии к личному имуществу, вследствие постоянной реальной угрозы самой жизни человека, непредсказуемой опасности, подстерегавшей бойцов на каждом шагу¹⁸.

Эти общие для РККА явления присутствовали и в советских частях, которые пришли на Балканы. Обилие трофейной одежды вместо униформы, нехватка обуви, нижнего белья, подсумков и ранцев, вследствие чего боеприпасы приходилось носить в карманах, были проблемой 233-й стрелковой дивизии и на Украине, и в Молдавии, и на Балканах¹⁹. Начальник штаба 52-й стрелковой дивизии отмечал, что «офицерский состав не приветствует старших начальников, внешний вид не удовлетворительный..., большинство офицерского состава

¹⁵ ЦАМО РФ, ф.4 гвмк, д.377, «Медицинские донесения корпусного врача», л. 15.

¹⁶ Там же, ф.52 сд, д.105, л. 218. ЦАМО РФ, ф.233 сд, д. 93, л.182.

¹⁷ Шалито А., Савченков И., Рогинский Н., Цыпленков К. Униформа Красной Армии. М., 2001. С.9.

¹⁸ Скоморохов Н.М. Боем живет истребитель. С. 122, 183; Липатов П. Униформа Красной Армии. Знаки различия, обмундирование, снаряжение сухопутных войск Красной Армии и войск НКВД в 1936-1945 гг. М., 2001. С.41-65.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф.233 сд, д.34, д.35, д. 93, л. 163,164, 213.

без поясных ремней, головные уборы разнообразные, вплоть до сеток, воротники расстегнуты, офицеры не бриты... Командиры подразделений и частей совсем не уделяют внимания внешнему воинскому виду и воинской дисциплине, первыми нарушителями воинской дисциплины являются офицеры», и настаивал на том, что хотя бы офицеры должны обязательно носить форменные звездочки, ремни и погоны. Отдельные бойцы носили винтовки не на брезентовом ремне, а на веревке или даже... телефонном кабеле. В ноябре 1944 г. командир 52-й дивизии генерал Миляев констатировал, что ситуация не изменилась: вместо ушанки его подчиненные носили кубанки, папахи неустановленной формы, немецкое обмундирование – «все можно найти на офицере и бойце дивизии»! При этом офицерский состав дивизии не преследовал нарушителей среди подчиненных и сам нарушал форму одежды²⁰. В РККА служило и определенное число женщин, для которых проблема с обмундированием была еще острее. И без того неженственная форма была мешковатой и малоудобной. Оценивая внешний вид служащих в РККА лиц женского пола, генерал Жданов пришел к выводу, что они «плохо одеты, обувь не пригнана к ноге, большая часть девушек не имеет для смены гражданского платья и туфель, а также не имеет предметов туалета»²¹.

Небоевая военная техника также была достаточно пестрой. Например, в корпусе генерала Жданова 65% транспортных средств были трофейного происхождения. Среди остального транспорта доминировала продукция, приобретенная СССР по ленд-лизу. В результате в нем имелось 97 типов различных небоевых механических транспортных средств: татры и мерседесы, опели и кубельвагены, шевроле и студебекеры, джемси и немецкие форды²².

При изучении документов 57-й армии и 4-го мех. корпуса в глаза бросается и другой дефицит, мучивший эти соединения осенью 1944 г.: нехватка бумаги и печатных машинок. Большое число штабных документов, в том числе секретных и строго секретных, печаталось на оборотной стороне немецких карт, трофейных документов и других бумаг самого разного происхождения. Нехватка печатных машинок решалась за счет изъятия печатных машинок в местных канцеляриях. Их изымали не только в Болгарии (где алфавит совпадает с русским),

²⁰ Там же, ф.52 сд, д.36, л. 2, 46, 49, 71, 77.

²¹ Там же, ф.4 гвмк, д.164, л. 482.

²² Толубко В.Ф., Барышев Н.И. От Видина до Белграда. Историко-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции. М., 1968. С.20.

но и в Сербии, где азбука несколько отличается от русской. Следы работы этих машинок, где буква «ль» заменяла «я», «ђ» использовали вместо «ъ», «ћ» — «ь», «ы» — «іъ», исчезли лишь на территории Австрии и Венгрии, так как к тому времени умельцы из мастерских провели успешную русификацию этих «иностранок».

Тяжелые условия жизни, усталость и состояние боевого стресса солдаты и офицеры РККА пытались смягчить с помощью алкоголя. Кроме боевой порции спиртного (100 г. водки или 300 г. вина), красноармейцы искали и другие источники столь немудреной солдатской радости. Иногда это приводило к трагедиям. Например, на территории Болгарии РККА понесла серьезные потери после того, как 14 сентября в городе Бургас были обнаружены склады, где стояли бочки со спиртом. Командир полка майор Приходько в присутствии заместителя командира полка по политической части Рысина вызвал старшего лейтенанта медслужбы Дьяченко и приказал ему провести экспресс-анализ пригодности спирта к употреблению, сказав: «Вы врач, выпейте и скажите, что это». Дьяченко отказался пить спирт и выехал для проверки качества спирта на склад. Склад был взят под охрану только утром 17 сентября, когда выяснилось, что спирт в бочках не подлежит внутреннему использованию. В результате за 16-19 сентября в составе гарнизона Бургаса от отравления метиловым спиртом пострадали около 190 человек, обратились за медицинской помощью 154 человека бойцов и командиров, 120 были госпитализированы, 6 ослепли и 42 умерли. Этот трагический баланс пребывания РККА в Бургасе подвели военный следователь 4-го мех. корпуса майор Шмуклер, главный медицинский эксперт Шпиганович и начальник военсанупра Третьего Украинского фронта Неймарк.²³

Обнаружение на пути следования частей крупных запасов алкоголя могло привести к непредсказуемым последствиям и требовало незамедлительных мер. Части 31-го стрелкового корпуса 46-й армии Второго Украинского фронта перешли 20 сентября 1944 г. границу Сербии в Банате²⁴. Радостные от встречи с освободителями местные жители отвели нескольких солдат и офицеров на старинную фабрику ликеров «Келико», находившуюся неподалеку от г. Яша-Томич (Модош). Слух об этом быстро распространился, и в результате у подвалов фабрики собралось множество людей. Огромные дубовые бочки открывали выстрелами, чтобы набрать живительной влаги в канистры из-под бензина, ведра,

²³ ЦАМО РФ, ф. 4 гвмк, д. 377, «Медицинские донесения корпусного врача», л. 17, 30.

²⁴ Там же, ф. 46 А, д. 435, л. 31.

фляжки и котелки. Бетонные подвалы оказались затопленными пролившимся алкоголем. Конец празднеству положил прибывший в сопровождении нескольких автоматчиков офицер, который поджиг склад, чтобы прекратить дебош, начавший срывать планы наступления²⁵. Злоупотребление алкоголем стало одним из наиболее частых проступков солдат и офицеров РККА, которые наказывались сравнительно умеренно. Это приводило к тому, что пьянствовали иногда даже парторги, которые должны были по своей функции заниматься борьбой «с бытовым разложением». Попытки некоторых партийных руководителей применить в жизнь русскую народную поговорку «кто пьян да умен – два угодя в том» приобретала порой комичные черты. Так, например 29 октября 1944 г. начальник политотдела 57-й армии полковник Цинев риторически восклицал в письменном нагоняе своему подчиненному, подполковнику Кокореву, начальнику политотдела 52-й стрелковой дивизии: «Тов. Кокорев! Разве пьяному можно давать политпоручения?»²⁶ Иногда в результате потери пьяными людьми контроля над собой пьянство приводило к трагическим последствиям: дебошам, дракам, неподчинению вышестоящему начальству, ДТП, насилию над женщинами²⁷.

Проблему личной жизни смертельно усталых, но все же молодых солдат и офицеров, политическое управление Красной армии пыталось решить насильственным воздержанием. В отличие от англо-американцев и немцев, использовавших для решения этой проблемы «дома любви» и регулярные отпуска, руководство Красной армии пыталось полностью запретить половую жизнь военнослужащих. Следствием этой политики были достаточно условные, но все же имевшие место санкции против забеременевших военнослужащих женщин, и куда более строгие меры против солдат и офицеров, заразившихся венерическими заболеваниями. Следует отметить, что по донесениям медицинских служб Третьего Украинского фронта случаи заболевания заразными болезнями среди военнослужащих РККА были крайне редки. Возросло число заболевших кожно-венерологическими заболеваниями лишь после прибытия РККА на Балканы, точнее – в Румынию, что представители санитарных служб оправданно связывали с широким распространением в этой стране проституции и легальных публичных домов²⁸.

²⁵ *Dukanov M. Kratka monografija Jaše Tomića: 1334-1978. Jaša Tomić, 1980.*

²⁶ ЦАМО РФ, ф.52 сд, д.105, л. 189-191.

²⁷ Там же, ф.4 гвмк, д.164, л. 26, 101, 496, 516, 716; д.377, л. 30, 83; ф.68 ск, д.240; ф.233 сд, д. 93, л.171, 174, 181, 182; д. 140, л. 182; ф.52 сд, д.35, л. 71, 92; д.36, л. 26, 44.

²⁸ Там же, ф.4 гвмк, д.377, л. 32-146.

В результате, после вхождения советских частей в крупные города, командование корпусов и дивизий, обеспокоенное моралью и здоровьем красноармейцев, издавало приказы о «срочном закрытии публичных домов и запрещении продажи алкоголя военнослужащим Красной армии»²⁹.

По мнению Политического управления РККА, худшее, что, могло приключиться с советским офицером за рубежом, это была связь с иностранной гражданкой. «От местных женщин бежать, как от отравы... беречься и бояться заразы», «кто друг, а кто враг? Это сразу нельзя определить, и даже открытый и на вид прямой взгляд собеседника может быть маской, скрывающей черные мысли. Русский офицер, если он твердо помнит свой долг, должен всегда быть настороже...», «беречься за границей женщин», – этими наставлениями пропагандисты РККА пытались помешать роковому сближению местных женщин и красноармейцев³⁰. В качестве иллюстрации такого подхода можно привести упрек командира танковой бригады 4-го мех. корпуса полковника Жукова, который в письменной форме был адресован начальнику медицинской службы бригады Стерлигову, в связи с тем, что тот, манкируя службой, «кадры не растил, над повышением их знаний не работал», пьянствовал и вел себя неподобающе. Негодяя по поводу поведения майора медицинской службы Г.Ф. Стерлигова, комбриг в ярости писал: «Я неоднократно предупреждал Вас, вооружившись последним терпением, с тем, чтобы Вы поняли и не уронили своего высокого офицерского достоинства, но вы вместо этого в последних боях занялись пьянкой и хуже того, вступили в интимную связь с венгерской женщиной, проживающей в с. Коминдин, к которой Вы почти каждую ночь едете на санитарной машине из с. Палд. Вы, советский офицер в звании майор, пали перед этой, Вам неизвестной женщиной, только в силу потери Вами чувств ответственности перед Родиной и своего собственного достоинства»³¹. Случаи сожительства офицеров с подчиненными им женщинами-военнослужащими редко фиксируются в доступных документах, поскольку не относились к числу строго санкционируемых деяний³². Попытки насильственного и вынужденного celibата приводили иногда к определенным отклонениям, т.е. к насилию над представительницами гражданского населения.

²⁹ Там же, д. 164, л. 642, 650.

³⁰ *Кривицкий А.* Русский офицер за рубежом. М., 1946.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 4 гвмк, д. 164, л. 102.

³² Там же, ф. 52 сд, д. 105, л. 130, 169; ф. 233 сд, д. 93, л. 211.

Необходимо подчеркнуть, что среди красноармейцев, побывавших на территории Балкан, случаи насилия, краж, грабежей и убийств мирного населения были редки и строго карались военными властями. К малообоснованным выдумкам стоит отнести идеи западной историографии о том, что существовала чуть ли не официальная поддержка насилию красноармейцев над мирным населением, как форма мести, поддержания боевого духа или способ удовлетворения материальных потребностей³³. Советское командование твердо отдавало себе отчет в том, что «наличие отдельных аморальных явлений в войсках армии, как-то: пьянство и дебош, убийство граждан нашими военнослужащими, изнасилование женщин, воровство, — все это оставляет нехорошее впечатление на отдельные слои населения»³⁴, и жестко с такими явлениями боролось.

Оценить общее число подобных случаев сравнительно тяжело. Согласно секретной справке, подготовленной для Тито органами государственной безопасности Югославии, «отдельные офицеры и солдаты Красной армии совершили преступления на территории ФНРЮ в 1944-1945 гг. (зафиксировано 1219 изнасилований, 359 попыток изнасилований, 111 изнасилований с убийствами, 248 изнасилований с попыткой убийства, 1204 случая грабежа с телесными повреждениями)»³⁵. Материалы, связанные с преступлениями военнослужащих РККА, относятся к числу информации, не подлежащей разглашению, и недоступны исследователям, работающим в ЦАМО РФ. Однако сводки событий из недоступных материалов военной прокуратуры хранятся в открытых фондах политотделов соединений, что не дает возможности провести статистический анализ, но позволяет составить представление о природе этих явлений.

Сразу бросается в глаза, что командование делало все возможное для прекращения этих правонарушений. При этом предпринимались как превентивные (предотвращение), так и пенитенциарные меры (наказание). Большую активность проявляли все партийные и политические органы,

³³ Беддекер Г. Горе побежденным: беженцы III Рейха, 1944 – 1945. М., 2006; Гофман И. Сталинекая война на уничтожение: Планирование, осуществление, документы. М., 2006; Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2005; Fisch B. Nemmersdorf, Oktober 1944. Was in Ostpreussen tatsachlich geschah. Berlin, 1997; Hastings M., Armageddon: The Battle for Germany 1945. London, 2004.

³⁴ ЦАМО РФ, ф. 57 А, д.416 л. 138.

³⁵ А.А. Архив Ј.В.Тита. Kabinet predsednika republike. I-3-a (SSSR), к. 170, Poseta državno-partijske delegacije SSSR-a na čelu sa N. S. Hruščovom 26.5.-3.6.1955, Informativno-politički materijal, l.574.

чтобы объяснить всю пагубность таких поступков для репутации советского государства и чести живых и павших воинов, которые считали себя освободителями, а не насильниками и грабителями. В качестве профилактики также широко освещали наказания, которые грозили солдатам и офицерам, нарушавшим законы. К пениденциарным мерам относились бескомпромиссные и срочные меры по розысканию и нахождению преступников по действовавшему Уголовному кодексу РСФСР редакции 1926 г. Наказания могли быть самыми различными – от расстрела за тяжкие преступления (намеренное убийство в целях грабежа или изнасилования) и воинские преступления (дезертирство и самострел) до тюремного наказания сроком от года до десяти лет за непреднамеренное убийство, изнасилование, воровство, драки и др. В случае, если речь не шла о воинских преступлениях, осужденный мог надеяться на то, что тюремное заключение будет заменено сроком в штрафном батальоне, где он мог «смыть позор кровью». За совершение тяжких преступлений против гражданских лиц осужденный лишался звания и наград, а затем наказывался по всей строгости закона.

Отдельные преступления, совершенные красноармейцами на территории Югославии, составляли редкое исключение, по сравнению с происходившим на территории Венгрии и особенно Германии, где имели место массовые преступления против гражданских лиц³⁶. Главным тормозом (хотя и не действовавшим в 100% случаев) проступков против местного населения было осуждение криминального поведения самим армейским коллективом так же, как это было и на территории СССР. Командиры и красноармейцы явно осуждали и сообщали «куда следует» о преступлениях, совершенных их товарищами в Болгарии и Сербии, в то время как в Венгрии и Австрии такого острого неформального осуждения не наблюдалось³⁷. Поэтому неслучайно, что насилия и грабежи в Югославии совершили те солдаты и офицеры, которые по роду службы оказывались вне коллектива и не имели морального ограничения со стороны самой армейской среды. Криминальные инциденты присутствовали в поведении отдельных красноармейцев и командиров, однако они не были столь распространены, как это со смакованием описывали югославские пропагандисты времен конфликта Сталин-Тито³⁸. Можно, конечно, соотнести время (около

³⁶ Петров И. Неммерсдорф: между правдой и пропагандой // Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться! М., 2008.

³⁷ Слущкий Б. Записки о войне... С.101.

³⁸ Ubijeni ljudski obziri. Zločinstva crvenoarmejaca u Jugoslaviji. Sarajevo (?), 1953 (?)

двух месяцев) пребывания на территории Югославии основной массы красноармейцев (300 тысяч человек) с данными из справки, подготовленной для Тито о числе уголовных преступления. Среднемесячный показатель даже для группы молодых мужчин в возрасте 19-30 лет окажется при этом сравнительно высоким, если сравнить его с такими же современными данными, не говоря уже о середине прошлого века, когда уровень преступности был ниже. Однако и в этом случае речь пойдет о долях процентов среди многих тысяч честных людей, некоторые из которых пожертвовали своей жизнью ради освобождения Сербии от немцев.

* * *

Имея в виду вышеупомянутые характеристики общей массы красноармейцев, вступивших на балканскую землю осенью 1944 г., можно проанализировать впечатления, которые сложились у красноармейцев о Югославии и Сербии. На формирование этих воззрений еще до перехода государственной границы королевства Югославии повлияли усилия, предпринимавшиеся политическими органами РККА: устная пропаганда и статьи в военных многотиражках³⁹. Офицеры и солдаты были ознакомлены с кратким описанием географии Югославии и еще более конспективным перечислением ее основных народов. Куда большее внимание военные многотиражки посвящали приукрашенной биографии «прирожденного полководца» — Иосипа Броз-Тито. «Прогрессивная и позитивная» роль КПЮ в подъеме партизанского восстания противопоставлялась схематично описанным «мрачным силам предателей», перечислявшихся общим речитативом «Недич-Михайлович-Павелич-Рупник». Основная мысль, которую читатель мог почерпнуть из этих текстов, заключалась в том, что в Югославии с самого начала оккупации в 1941 г. партизаны под командованием Тито постоянно боролись против немцев и их союзников.

Еще одной важной идеей, которую хотели донести красноармейским массам советские пропагандисты, было ощущение «исторической освободительной роли, игравшейся на Балканах русской армией, и ее преемником — Красной армией». Тот же мотив звучал и при вхождении РККА в Болгарию. Разумеется, на территории Югославии армейские пропагандисты намного больше педалировали тему освобождения.

³⁹ Экономический и политический очерк. Югославия. // Звезда Советов (газета 57 А). 1944. 4 октября; Маршал Иосип Броз-Тито. // Звезда Советов (газета 57 А). 1944. 8 октября; Маршал Тито. // Вперед за Родину (газета 233 сд). 1944, 3 октября; Народы-братья встретились. // Звезда Советов (газета 57 А). 1944. 22 октября.

Они детально расписывали «страдания населения под фашистским ярмом» — любимую тему советской пропаганды военных лет. К этому общему пропагандистскому тезису (имевшему несомненное фактическое основание) добавили и специфический в данных условиях мотив — «братство по оружию славянских народов». При этом речь шла не только о журналистских штампах и форме разговорного обращения «Вперед, славяне!» В Болгарии и Сербии солдаты вновь увидели понятные надписи на кириллице и смогли объясниться с местным населением без помощи разговорников⁴⁰. К слову сказать, такие разговорники и не поступали в войска, в отличие от необходимых разговорников на немецком, румынском и венгерском. Более того, попытки генералитета НОАЮ использовать переводчиков воспринимались их коллегами из РККА, как намеренное отчуждение и даже... оскорбление⁴¹.

Все это способствовало созданию позитивных представлений о Югославии и ее народах, к чему, собственно, стремилась и пропаганда. Существовала достаточно осязаемая пропагандистская и военно-политическая градация наций, встречавшихся на пути наступления Третьего Украинского фронта. В первую, «дружественную» группу, безусловно, зачисляли югославов и болгар. Ко второй группе («неприятелей») относились венгры и австрийцы, освобождение которых от нацистов было не очень убедительным пропагандистским клише вследствие очевидного упорного сопротивления, которое «освобождаемые» оказывали воинам РККА. Где-то посредине между этими группами находились румыны, как новообращенный союзник, но без прощения того, что румынская армия творила на Украине. Иллюстративна тема политических лекций, читавшихся офицерам, пересекшим границы Румынии: «Зверства румынских захватчиков, чувство ненависти и мести Красной армии к румынским оккупантам и наша политика по отношению к Румынии»⁴². Не менее показательны в этом контексте и поступившие в покидавшие Сербию войска рекомендации о повышении бдительности и сокращении контактов с местным населением. При этом во внутренних инструкциях политотделов частей и соединений конкретно звучали формулировки о том, что «войска вступают на вражескую территорию», «стоит обратить внимание на национальный состав» и т. д.⁴³

⁴⁰ Скоморохов Н.М. Боем живет истребитель. С. 203.

⁴¹ Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. С. 344.

⁴² ЦАМО РФ, ф.233 сд, д. 91, л. 181.

⁴³ Там же, ф.233 сд, д. 34, л. 162-165, л. 219.; д. 35, л. 283.

В создании позитивного образа Югославии среди красноармейцев сыграло роль и существовавшее у советского человека в первые годы войны острое чувство одиночества СССР в боевом противостоянии немцам и их европейским союзникам. Несмотря на усилия советской пропаганды, видимые поставки по ленд-лизу и сообщения о действиях англо-американских союзников, это чувство было сложно победить. Поэтому естественные симпатии у красноармейцев вызывал народ, с 1941 г. боровшийся против немцев на своей территории.

Сложно сказать, какова была реальная роль советских информационно-пропагандистских средств, сообщавших в 1941-1943 гг. о восстании народов Югославии. В то время о событиях в Югославии рассказывали в информационных заметках, развернутых статьях и даже в коротком художественном фильме «Ночь над Белградом» (1941 г.). Доступность и влияние этой информации о Югославии определить тяжело, хотя ясно, что вряд ли она оставила очень большой след в сознании бойцов и командиров РККА, перешедших осенью 1944 г. югославскую границу. Речь шла не только о малой доступности на фронте гражданских газет и фильмов. Сообщения о действиях партизан Югославии не могли не сливаться в общую картину «народных мстителей» в тылу немцев, которой советская пропаганда иллюстрировала не очень убедительный миф о массовом европейском сопротивлении «фашистской тирании». Еще более прозаической причиной слабой информированности массы красноармейцев о югославских партизанах до осени 1944 г. было то, что в тяжелейших боевых условиях вопросы геополитики вряд ли могли конкурировать с базовыми проблемами простого выживания.

Уровень информированности простых красноармейцев о Югославии и ее народах прекрасно иллюстрирует диалог, который зимой 1943 г. вели между собой сербский военнопленный из венгерской рабочей роты и охранявший лагерь советский караульный. «Был солнечный день, и мороз спал. Я сидел перед баракком и грелся на солнышке рядом с молодым караульным. Он спросил меня, какой я национальности, раз пытаюсь объясниться по-русски. Я ответил ему, что я "югослав". По выражению его лица, мне стало ясно, что он не знает, кто такие югославы. Он повторил вопрос: "Что это за национальность?". Я понял, что он не слышал о Югославии, и дополнил ответ: "Серб!". Опять он не понял, кто это, и я уже нервно пояснил: "Балканец!". Тут я заметил, что он не знает и об этом уголке земного шара, и выведенный из себя добавил с усмешкой: "Фриц!". "А, фриц!", – повторил он и так мы закончили наш разговор»⁴⁴.

⁴⁴ Paunić Ž. Sećanja na ratne dane 1941-1945. Novi Sad, 1997. С. 56.

Тем большим было приятное удивление красноармейцев, когда в Югославии они встретили партизан и бойцов НОАЮ со звездочками на шапках и узнали от политических пропагандистов, что сопротивление этих бойцов немцам велось с 1941 г. Сами партизаны даже с большим энтузиазмом, чем красноармейцы, относились к звездочкам. Каждый партизан носил звездочку, даже если она была вырезана хоть из консервной банки или вышита рукой. На технике, захваченной и использовавшейся партизанами, звезды рисовали столь щедро, что порой их скопление напоминало американский флаг. В то же время на головных уборах красноармейцев звездочка имела не всегда. На технике мехкорпуса генерала Жданова эмблемами были представители животного царства. «Быстрые зайцы» – на мотоциклах разведки, «выносливые псы» – на транспортных средствах пехоты, «ловкие лисы» – на бронетранспортерах поддержки пехоты, и, наконец, «разъяренные медведи» – на башнях Т-34, составивших ударную силу корпуса. Поэтому 4-й мех. корпус в шутку называли «ждановским зверинцем»⁴⁵.

В отношении красноармейцев к югославским партизанам присутствовал также некоторый элемент снисходительности, характерный и для отношения регулярной армии к партизанам на территории самого СССР. Это отношение заведомо исходило из уверенности солдат и командиров РККА в собственных силах, а также из восприятия «партизанщины» как неизбежной составляющей партизанских традиций. Позитивно-снисходительное отношение к партизанам зафиксировано, например, в короткой зарисовке боя у Трстеника, где после залпа советской батареи «притаившиеся... в кустах югославские партизаны, увидав результаты стрельбы, возрадовались, как дети, – они прыгали, кричали, визжали»⁴⁶. Такое отношение к возможностям НОАЮ, исходившее из реальной оценки ситуации, заметно и на оперативных картах Третьего Украинского фронта и входивших в него соединений и частей, где, в отличие от союзных болгарских позиций, позиции НОАЮ практически не обозначались или обозначались в самом конце. Со временем доверие к НОАЮ среди офицеров РККА возросло.

Активная ненависть партизан к немцам не могла не понравиться военнослужащим РККА, хотя эта ненависть и выражалась несколько экзальтированно. Массовые расстрелы без суда и следствия немецких

⁴⁵ Толубко В.Ф., Барышев Н.И. От Видина до Белграда. Историко-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции; Војни музеј (Београд, Калемегдан), збирка фотографија, несређено.

⁴⁶ Михин П.А. "Артиллеристы, Сталин дал приказ!" Мы умирали, чтобы победить. С. 319.

военнопленных и противников по гражданской войне вызывали отторжение политотделов советских частей, как меры, которые могли усилить решимость неприятеля к сопротивлению. В штабных документах 57-й армии и 4-го мех. корпуса неоднократно фигурируют приказы о запрете выдачи военнопленных всех национальностей взаимодействующим партизанским частям. Вследствие имевшихся кровавых прецедентов рекомендовалось, в соответствии с обычной практикой, пересылать военнопленных в тыл⁴⁷.

Случались и еще более яркие нарушения законов войны, вызывавшие негативную реакцию советских политотделов и неформальные симпатии красноармейцев. Например, в г. Панчево (пригород Белграда) пару дней спустя после вхождения туда РККА, а потом и НОАЮ, появился плакат следующего содержания: «Немцы – жители города Панчево отравили вином 9 солдат Красной Армии. В ответ на это расстреляно 250 немцев – жителей Панчева». Дальше шел список. Он открывался председателем культурбунда Мюллером, бургомистром, бывшими эсэсовцами и т.д. Одиннадцатым в списке шел Гросс-трактирщик. Его фамилию сопровождало лаконическое замечание – «большой фашист», затем шли еще 16 немцев со столь же краткими характеристиками. Наконец, 223 немца, о которых было сказано только то, что они являются жителями города Панчево. В конце стояло: "Предупреждаем всех немцев, что впредь за каждого отравленного красноармейца или партизана будет расстреливаться не 30, а 100 человек". Жестокость партизан отмечалась в низовых политдонесениях. При пресечении партизаны подчинялись безропотно. Впрочем, немцы также расстреливали в Сербии по сотне жителей на одного убитого солдата⁴⁸.

Со временем красноармейцы и партизаны сблизились, чему способствовало неофициальное общение в форме коллективных пьянок. Склонность к совместному распитию алкоголя военнослужащие РККА и НОАЮ проявляли и позднее, при проходе советских войск через территорию Югославии⁴⁹. Эта форма сближения стала вызывать острую реакцию политических органов Красной армии⁵⁰. Вследствие этого 5

⁴⁷ Слуцкий Б. Записки о войне... С.62-65.

⁴⁸ Там же. С. 65.

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф.4 гвмк, д.164, л. 716; Чхеидзе А.А. Записки дунайского разведчика. М., 1984. С.89; Краснофлотец Пахомов Игорь Николаевич, <http://www.iremember.ru/content/view/448/23/lang,ru/>

⁵⁰ ЦАМО РФ. 233 сд, д. 35, л. 283.

декабря 1944 г. командующий 57-й армии был вынужден издать особый приказ № ВС/0497 «О фактах связи военнослужащих с местным населением Югославии и о категорическом запрещении всякой связи с населением Румынии, Югославии»⁵¹.

Практически все советские участники боевых действий в Югославии запомнили гостеприимное отношение к себе местного населения, что также способствовало росту среди красноармейцев симпатий по отношению к Югославии и ее жителям. Теплая и сердечная встреча воинов РККА была оказана во всех сербских селах на пути следования Красной армии. Эти встречи и следовавшее за ними общение способствовали естественному сравнению уровня жизни сербских крестьян с жизнью в СССР. Даже после немецкой оккупации в Сербии, еще не знавшей коммунистических экспериментов, уровень жизни был выше, однако это не вызывало ненависти и зависти, как в Австрии и Венгрии, где такие явления красноармейцы объясняли коротко и просто — «награбили»⁵². Жизнь не знавших помещичьего гнета сербских крестьян выгодно отличалась и от той бедности, в которой жили румынские крестьяне, чье бедственное положение без всякой пропаганды красноармейцы объясняли богатством эксплуататоров — румынских помещиков, фабрикантов и торговцев. Ситуация в Сербии больше всего напоминала годы советского НЭПа (1921-1928 гг.), когда крестьянам удалось улучшить свой жизненный уровень. «За несколько часов пребывания в доме я успел пообедать и много о чем поговорить с крестьянами. Все у них было, как у нас было в годы НЭПа: не богатая жизнь, но с надеждой на лучшее. И заботы крестьянские были те же, как у моего отца в 1924–1925 гг.»⁵³. Более умные и осторожные не спешили делиться своими наблюдениями с боевыми товарищами. Те же, кто осмеливался выразить свои наблюдения в Румынии, Болгарии и Сербии вслух, подвергались наказаниям. Когда сержант Нонец в беседе с боевыми товарищами заметил, что «наши колхозы не оправдывают себя, единоличное хозяйство значительно лучше, чем колхозное. Колхозники в нашей стране живут плохо, а тут народ живет гораздо лучше», — его проверкой занялись сотрудники СМЕРШ, квалифицировавшего его слова как «антисоветскую агитацию»⁵⁴.

⁵¹ Там же, ф.233 сд, д. 140, л.203.

⁵² Милунович М. Од немила до недрага. Београд, 1992. С. 52-55.

⁵³ Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. С. 292, 313

⁵⁴ ЦАМО РФ, ф.233 сд, д. 93, л.182.

Симпатии к Югославии выражались в воспоминаниях советских участников боев в Сербии и в необычном для советской военной мемуаристики литературном явлении – частом описании пейзажей и природы. «Было раннее утро. Октябрь в Югославии, как конец августа у нас: это еще не осень, а всюду обильная зелень, цветы, тепло и солнечно... Везде благоухает природа. Красота невиданная! Прозрачный воздух, наполненный ароматами деревьев, цветов и трав, с каждым вдохом разливался по телу. "Эх, живет же народ, как в раю"»⁵⁵. Или «Какие названия – благозвучные и сочные! Две трети страны занимают горы. И какие горы! Не можешь ими надивиться. С высот, на которых мы летали, они вообще неопишуемые – это надо видеть самому»⁵⁶...

В качестве показателя минимального числа негативных эмоций, которые красноармейцы испытывали к Югославии и югославам можно привести книгу Ореста Мальцева «Югославская трагедия». Этот квазихудожественный многостраничный роман о советских людях в Югославии в годы Второй мировой войны представляет собой пропагандистский памфлет времен ссоры Сталин-Тито, где собран весь негатив и критика, которые готовившие материал советские аналитики сумели найти о Югославии, ее партии и лидерах. Однако даже в этой энциклопедии компромата, обильной правдивыми и ложными обвинениями, нет упоминания ни об одном негативном чувстве, которое могло бы возникнуть у советских солдат, пришедших осенью 1944 г. в Югославию⁵⁷. Хорошие впечатления о Югославии бойцы Третьего Украинского фронта передавали и на другие фронты, по «солдатскому телеграфу» – слухам и разговорам с соратниками в лазаретах и поездах. Солдаты, которые никогда не были в Югославии, из официальных сообщений и еще больше из разговоров «впитывали малейшие нюансы информации..., сочувствовали тем, кто был в Будапеште и под Берлином, завидовали тем, кого тепло встретили югославы и чехи. Вся война была глубоко пережита и осталась в душе»⁵⁸.

Трудно сказать, различали ли рядовые бойцы Красной армии народы Югославии и выделяли ли из них сербов. При первом взгляде на мемуары и хранящиеся в ЦАМО архивы исследователь может ответить

⁵⁵ Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. С. 300.

⁵⁶ Скоморохов Н.М. Боем живет истребитель. С. 201.

⁵⁷ Мальцев О. Югославская трагедия. М., 1952.

⁵⁸ Красноармеец Кожин Юрий Алексеевич (<http://www.iremember.ru/content/view/38/8/1/1/lang,ru/>).

на этот вопрос негативно. Упоминание сербов крайне редко, в основном использовалось название граждан страны – югославы. Однако дифференциация не могла не возникать на основании практического опыта. Сербские коллаборационисты (войска М.Недича и Д.Льотича) и монархисты (бойцы Д.Михайловича) избегали вступать в бой с передовыми частями РККА на территории Сербии. В то же время не только распропагандированные отряды хорватских националистов – усташей, но и обычные хорватские части (домобраны), стойко сражались против РККА на территории Славонии (северной части Хорватии). Случайно или нет, но большинство негативных персонажей в романе Мальцева – хорватского происхождения, что свидетельствует о том, что в 1944–1948 гг. коминтерновские стереотипы о «плохих сербах» и «хороших хорватах» стали меняться. Достаточно частое среди сербов бытовое русофильство, проявлявшееся при контактах гражданского населения и красноармейцев, не могло не вызывать обратной реакции⁵⁹.

* * *

Восприятие красноармейцев югославскими (сербскими) гражданскими и военными лицами имело свои основы и причины. Оно базировалось на представлениях о России, сформировавшихся в сербском обществе до Первой мировой войны (в XVIII–XIX вв.) и имевших в своем фундаменте традиции исторических связей русского и сербского народов еще в Средневековье⁶⁰. С другой стороны, присутствовала и определенная осторожность, оправданная для представителей небольшого народа, столкнувшегося с политикой крупного государства, следовавшего своей имперской логике, не доступной жителям маленьких стран. Эту вторую сторону медали заметил Дж.Рутем, который упомянул «стену скептицизма... и воспоминания, которые имели сербы о том, как императорская Россия не оправдала их надежд в Балканских войнах и Первой мировой войне»⁶¹. Разрушало «русский миф» и знакомство с бедственной жизнью русских эмигрантов, особенно тех из них, чей моральный облик противоречил патриархальным традициям балканского общества⁶². Сотрудничество значительной части русских

⁵⁹ *Слуцкий Б.* Записки о войне... С. 64–74.

⁶⁰ *Маевский В.* Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. 1; Москва – Србија, Београд – Русија, Том 1. Друштвене и политичке везе XVI–XVIII век, Београд-М., 2009.

⁶¹ *Рутам Ц.* Пуцањ у празно. Београд, 2004. С. 233.

⁶² *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 199–220.

эмигрантов с немцами также способствовало ослаблению авторитета русских среди сербов. «Этим русским сербы дали прозвище "мы тоже оккупанты" и не уважали их»⁶³.

Еще одной составляющей представления о русских были пропагандистские штампы о «первой стране победившего пролетариата», заседавшие в голове у многих партизан и сочувствовавших НОАЮ. Партизанская пропаганда, построенная по советскому образцу, отрицала саму возможность существования «пятен на Солнце» – т.е. на процветающем и свободном советском обществе. В наивном и прагматическом объяснении, доступном широким народным массам, коммунистическую идею связывали с обществом материального благосостояния и процветания. Поэтому неизбежным было шоковое столкновение этой пропаганды и реальной бытовой стороны жизни РККА. Примеры такого шока от контраста между ожидаемым обществом всеобщего процветания и реальной картиной советского быта фиксировали и сотрудники посольства королевства Югославии, и югославские коммунистические функционеры, и простые жители Югославии, занесенные в СССР военной судьбой⁶⁴. Кроме вышеупомянутых субъективных основ восприятия русского народа жителями Сербии, стоит отметить и объективные характеристики сербского общества, населявшего освобожденные Красной армией от немцев районы Югославии. Речь шла о традиционном (деревенском и православном) обществе в балканской его форме. Это общество имело ориентальные стереотипы отношения к женщине, южный тип потребления алкоголя (в малых количествах и регулярно) и обычаи традиционного гостеприимства. Хотя в патриархальном сербском обществе и были некоторые схожие с русскими традиции, большинство красноармейцев были далеки от представлений об этом из-за своего относительно молодого возраста, советского воспитания и нескольких лет, проведенных в отрыве от своих домов.

Большинство сербского населения ожидало приближавшиеся дивизии РККА как освободителей, о чем писали в своих мемуарах даже сербские коллаборационисты. Такое ожидание даже антикоммунистически настроенные представители состоятельных кругов формулировали так: «Пусть хоть цыгане придут, главное, чтобы избавиться от

⁶³ Милуновић М. Од немила до недрага. С. 29; Историјски архив Београда, ф. BdS, br. J-408, H-315, H-221, D-252.

⁶⁴ Трбић В. Мемоари. Београд, 1996. Књ. II. С. 188-189; Раунић Ж. Сећања на ratne dane 1941-1945.; Дедијер В. Јосип Броз Тито, прилози за биографију. Београд, 1955. С. 240; Першић М. Од Stalјina ka Sartru: formiranje jugoslovenske inteligencije na evropskim univerzitetima 1945-1958. Beograd, 2008.

немцев». Этому способствовало и падение влияния антикоммунистической пропаганды немцев и сербских антикоммунистов, а также воспоминания о приходе русской армии на Балканы в XIX в., что не привело тогда к навязыванию местным народам существовавшей в России политической системы⁶⁵.

Конечно, первые впечатления об РККА зависели и от личных политических симпатий человека: ждал ли он освободителей из СССР, из США и Англии, или вовсе не жаждал ухода немцев. Последних среди сербов было крайне мало, большинство было радужно настроено, ожидая приход Красной армии. Наибольшее воодушевление вызывала многочисленная и мощная советская бронетехника, чьи размеры и количество намного превосходили виденное до этого в Югославии. Во время оккупации Югославии в 1941 г. и позднее в боях против партизан немцы использовали небольшие танки Pz Kpfw I (вес – 5,4 т.), Pz Kpfw II (вес – 7,2 т.) и разношерстные чешские, итальянские, венгерские, французские и польские трофеи, также не отличавшиеся особыми размерами. Новые поколения более крупных танков Pz Kpfw III (вес – 22 т.) и Pz Kpfw IV (вес – 24,6 т.), не говоря уже о «крупных кошачьих панцервафе» («тигр», «пантера», «королевский тигр»), были редкими гостями в гористой местности Югославии в боях с партизанами, почти не имевшими противотанковых средств. Поэтому бесчисленные колонны Т-34 (вес – 29,2 т.) и ИСУ-122 (вес – 45,5 т.) из состава 4-го мех. корпуса и 57-й армии не могли не вызвать у жителей Югославии восхищения, смешанного со страхом. По воспоминаниям очевидцев продвижения советской бронетехники по Сербии, видимые на горизонте клубы пыли, поднятой мощными гусеницами с немощных горных дорог, сопровождалась гулом и дрожанием земли от движения многотонных машин. Громогласные звуки выстрелов самоходной артиллерии не только били по барабанным перепонкам, но и отдавались вибрациями по всему телу, и выбивали стекла в расположенных неподалеку домах. «Около полуночи нас разбудило приглушенное грохотание. Оно доносилось со стороны Милича, и для наших отупевших чувств было все сильнее. Кто бы то ни был, он не смеет застать нас в кроватях! Я подполз к бараку, стоявшему ближе всего к дороге, и скрылся за углом, чтобы наблюдать за подходом освободительной Красной армии. Осторожность не помешает... Издалека было ясно, что приближаются танки. Должно быть, по крайней мере,

⁶⁵ Маринковић А. Све је било могуће у оне дане... Сећање на септемар 1944. // Записи из добровољачке борбе. Минхен, 1955.

тридцатитонные, настолько дрожала земля. Один за другим, с ужасным грохотом, окруженные черным дымом, ревели они навстречу мне, освещая дорогу под острым углом»⁶⁶.

Однако форма и сами красноармейцы выглядели достаточно бедно и контрастировали не только с внешним видом англо-американцев, но и немцев, и довоенной королевской армии. Свое разочарование бытовой стороной жизни РККА и материальным состоянием советских солдат и офицеров выразили даже закаленные коммунисты и русофильски ориентированные сербы, которые впервые столкнулись с Красной армией⁶⁷. Наиболее выпукло эти впечатления описали в своих воспоминаниях М. Милунович и В. Пилетич, ожидавшие, что Красная армия будет столь же импозантна и богата, как и непобедима. «В Виче было размещено несколько рот советской армии. У нас они оставили печальное и крайне тяжелое впечатление. Ужасно плохо одеты и обуты. Мы нигде не заметили танков и броневиков. У них были телеги, запряженные малыми, косматыми лошадами. По дворам и садам села горели костры, на которых варилась и жарилась еда. Было легко заметно, что у них нет организованной службы снабжения, и что каждое отделение само заботилось о своем пропитании. По всему селу доносилось квохтанье птиц и визг свиней, которых они сгоняли и ловили для своих "кухень"». Милуновичу и Пилетичу в глаза бросилась молодость солдат и офицеров, а также неформальные отношения между ними, которые выражались в случаях физической расправы офицеров над подчиненными⁶⁸. Молодость советских офицеров была необычной для офицеров Д. Михайловича и гражданских лиц, но не для партизан, чье руководство также в основном состояло из молодежи. Партизан, собравшихся под знамена КПЮ на идеологической и добровольной основе, больше удивляло рукоприкладство, практиковавшееся советскими офицерами по отношению к подчиненным⁶⁹. В партизанской армии нарушения наказывались в основном укором, а если он не помогал, — расстрелом.

Столкнувшись с РККА, югославы еще раз убедились в точности сербской народной поговорки «пьет, как русский» (т.е. очень много). Причиной возникновения этого стереотипа было несколько. Прежде

⁶⁶ *Bajt A.* Берманов досије. Београд, 2006. С. 1045-48.

⁶⁷ *Lončarević Đ.* Specijalna misija. Београд, 1991; *Paunić Ž.* Sećanja na ratne dane 1941-1945.

⁶⁸ *Милуновић М.* Од немила до недрага. С. 51. *Пилетић В.* Судбина српског официра. Крагујевац, 2002. С. 108-109.

⁶⁹ *Ubijeni ljudski obziri. Zločinstva crvenoarmeјaca u Jugoslaviji.* S.37-38.

всего, сербы видели русских «в массе» лишь в кризисных условиях – добровольцы 1876 г., эмигранты Гражданской войны 1918-1921 г., красноармейцы, прошедшие горнило тяжелейшей войны 1941-1944 г. Существовало и коренное различие в способах употребления алкоголя по южному типу (регулярное и в небольших дозах употребление вина или фруктового самогона) и по северному типу (редкое и неумеренное употребление алкоголя из зерновых или картофеля). Прибывших в страну гостеприимных хозяев и дешевого алкоголя красноармейцев поджидало неодолимое искушение.

В силу этого злоупотребление алкоголем среди военнослужащих РККА приобрело значительный характер⁷⁰. В результате пришлось изменить свои привычки и партизанам, среди которых, в отличие от частей Д. Михайловича, в годы войны действовал сухой закон. В столовой Первого пролетарского корпуса, «где пьянство было запрещено и преследовалось, регулярно подавали гнуснейшую ракию для захожих русских офицеров. Хозяева наблюдали пьющих с сожалением»⁷¹. Рука об руку с пьянством шла потеря контроля и совершение преступлений против сослуживцев или мирных граждан⁷².

Грабежи, кражи и изнасилования, конечно, случались реже, чем на территории Германии, Австрии и Венгрии, но, тем не менее, были достаточно чувствительными для считавшего себя союзниками местного населения. Описание подобных фактов, оставленное Дедиером или Джиласом, конечно, может вызывать сомнения, в силу их однозначно негативного отношения к сталинскому СССР. Однако те же явления во множестве описаны в материалах политотделов советских частей, прошедших по восточной части Югославии. Хотя авторы титоистского антисоветского памфлета «Преступления под покровом социализма» и перегибали палку, генерализуя негативные явления в рядах РККА, многочисленные документы военной прокуратуры 57-й армии свидетельствуют о том, что конкретные факты, перечисленные в этой книге, не были выдуманы.

Например, 8 ноября 1944 г. два красноармейца произвели в селе незаконный арест гражданина Т., после чего «при сопровождении его жены Х.К. к месту содержания под стражей мужа, завели ее в один из домов, где и изнасиловали. По заключению врача-эксперта, Х.К. нанесены повреждения в области шейки матки, что требует лечения

⁷⁰ ЦАМО РФ, ф.52 сд, д.105, л. 191.

⁷¹ *Слуцкий Б.* Записки о войне... С. 67.

⁷² ЦАМО РФ, ф.52 сд, д.36, л. 51, 60.

в течение 6-8 недель». Уже 14 ноября военный трибунал осудил преступников на 10 и 9 лет лагерей, без права замены лагерей штрафной частью. Пьяный красноармеец разбил стекло, подрался и тяжело ранил местного жителя, за что получил 10 лет ИТЛ с возможностью замены срока службой в штрафроте. Красноармеец изнасиловал «вечером 2 ноября 1944 г. в селе Деронье, будучи в состоянии опьянения, гражданку Г.М. в возрасте 81 года», за что и получил 10 лет ИТЛ без права замены срока службой в штрафроте⁷³.

Ущерб, который наносили некоторые кражи, имел не только материальный, но и моральный характер. «В ночь с 10 на 11 октября 1944 г. в городе Болевац на улице Краля Александра, 17, в квартире югославского гражданина Д.М. ночевали помощник командира 429 сп 52 сд по материальному обеспечению капитан Р. и начальник ОВС (*взвода связи* – А.Т.) этого же полка капитан Ш., которые ночью привели в комнату двух военнослужащих девушек. 11 октября рано утром эти две девушки в сопровождении военнослужащего прошли из комнаты Р. и Ш. с узлами, что лично видел помощник командира роты связи 19 сд ст. лейт. Г. После ухода девушек и выезда из квартиры т.т. Р. и Ш. гражданин М. обнаружил, что у него из гардероба было украдено 6 шерстяных платьев, 1 пальто и все белье, перечислить которое он сразу после кражи не мог. Прокурору 52 дивизии М. заявил, что он гардероб на замок не закрыл, и что он долго ждал Красную армию, поэтому он надеялся, что все будет в сохранности и господа офицеры Красной армии не позволят себе что-нибудь взять». Разжалованных офицеров послали в штрафбат, а девушек заставили вернуть украденное, «кроме нижнего белья, пришедшего в негодность в результате ношения»⁷⁴. Или, например, «при вступлении в село Кучево жители села встретили наших бойцов с распростертыми объятиями, с цветами, хлебом и солью, предоставили квартиры нашим бойцам. В одну из квартир поместились заместитель командира дивизии по строевой части полковник Ч. и бывший начальник 1-го отделения штаба дивизии майор С., вместе со ст.лейтенантом мед. службы 703 сп Г-ой В.И. и санитаркой этого полка красноармейцем К-ой Е.Е., с которыми Ч. и С. находятся в сожительстве. После отъезда Ч., С., Г-й и К-й хозяйка квартиры обнаружила, что у нее пропали вещи: 3 дамских платья, 2 блузки, 5 платков и косынок и 15 тысяч динар. Несколько дней назад следователь из дивизии выяснил, что вышеперечисленные вещи были похищены Г-й

⁷³ Там же, ф.233 сд, д. 140, л. 164, 193, 195.

⁷⁴ Там же, ф.52 сд, д.105, л. 130, 169.

и К-й. Об этом знали Ч. и С., т.к. вещи были в машине Ч. Часть вещей возвращена в село Кучево по принадлежности, а остальные вещи приведены Г-й и К-й в негодность». Дело удалось замять и обойтись без судебной ответственности, наказав провинившихся лишь по комсомольской и партийной линии⁷⁵.

Многочисленность этих явлений заставила некоторые из дивизионных газет, вопреки запрещению § 69 Правил, утвержденного приказом НКО № 034, «помещать на своих страницах материалы с описанием случаев мародерств в войсках»⁷⁶. Дело дошло до того, что в ноябре 1944 г. дивизионными командирами стали издаваться приказы командирам полков и отдельных частей об обязательно регулярном построении «состава на проверку (сержантов и рядовых)» и «осмотре повозок и автотранспорта для выявления трофейного и гражданского имущества». По результатам проверки незаконное имущество подлежало изъятию, а мародеры – преследованию⁷⁷.

Одна из активисток КПЮ, будущий министр просвещения Сербии и супруга М. Джиласа Митра Митрович поделилась с представителем политотдела 57-й армии впечатлениями от встречи с танкистами генерала Жданова в Белграде: «со смешливой обидой рассказывала о буйствах красноармейцев: "Танкист полный подходит ко мне и предлагает: Ну, чернявая, пойдем, что ли..."»⁷⁸. Эти события не могли не вызвать неприязни в рядах руководства КПЮ, так как подкапывали не только авторитет СССР, но и той идеологии, на которой базировалась новая власть в Югославии. Острая критика подобных явлений со стороны Й.Б.Тито, Э.Карделя, К.Поповича, П.Дапчевича и особенно больно затронутого за живое М.Джиласа была выражена начальнику советской миссии генералу Н.В.Корнееву, начальнику советского гарнизона Белграда генералу П.М.Верхоловичу, а позднее и лично И.В.Сталину⁷⁹. Особенно горячился Джилас: «Это кипело в груди... и, наконец, переполнило чашу»⁸⁰. Лично оскорбленный Джилас внезапно стал крайне чувствительным к расположению народных масс, хотя это расположение не беспокоило его, когда жесткой рукой он «ускорял революцию»

⁷⁵ Там же, ф.233 сд, д.93, л. 211.

⁷⁶ Там же, ф.52 сд, д.105, л. 196.

⁷⁷ Там же, ф.233 сд, д. 140, л. 219,226.

⁷⁸ *Слуцкий Б.* Записки о войне... С. 62.

⁷⁹ *Билас М.* Разговори са Стаљином. Београд, 1962; *Слуцкий Б.* Записки о войне... С. 74.

⁸⁰ *Dilas M.* *Revolucionarni rat.* Beograd, 1990. S. 408.

в Черногории зимой 1941-1942 гг., где по его приказу расстреливались сотни «кулаков» и «буржуев» на одном лишь основании их принадлежности к враждебному классу⁸¹.

Кроме аморальных поступков отдельных бойцов РККА, жалобы руководства КПЮ вызывало еще одно явление, тревожившее окружение Тито, – отношение советских пропагандистов (и военных вообще) к партизанам и НОАЮ как к союзнику. Руководство КПЮ с тревогой просило «изменить фразеологию красноармейских газет, вместо освобождение Белграда Красной Армией формулировать: освобождение Белграда Красной Армией и Югославскими войсками, ввести отдачу чести югославским офицерам, прекратить третирование югославской армии, как неумелой и второстепенной. Все это было особенно важно, потому что Белград часто соединял и противопоставлял свое русофильство своему антититоизму, ехидствовал над голоштаным войском, иногда даже демонстрировал соответствующие чувства». Однако советская сторона не спешила идти навстречу просьбам КПЮ, и при служебных контактах армейские органы ВКП(б) уже при первой встрече давали понять югославским коммунистам, что они вторичны по отношению к советским коммунистам⁸². Опыт более холодного, чем они надеялись, советского отношения фиксировали практически все сербские мемуаристы при описании своих первых встреч с советскими высшими командирами из состава Третьего Украинского фронта.

Однако, исходя из этих отдельных негативных явлений, отнюдь не стоит считать, что баланс личного восприятия сербским населением красноармейцев был негативным. Радость гражданского населения, ожидавшего освобождения от немцев, счастье победы в Гражданской войне, чаша весов в которой окончательно склонилась на сторону НОАЮ, благодаря вмешательству РККА, традиционная любовь к русским, характерная для значительной части сербского общества, – все это не могло не доминировать в атмосфере осени 1944 г. СССР не только освободил Сербию от немцев, но и оказал существенную материальную помощь НОАЮ поставленными танками, самолетами и другим вооружением, поддерживая операции НОАЮ действиями авиагруппы Витрука и помогая обучать необходимые для новой Югославии кадры⁸³. Коротко об этом сказал председатель сербского крайкома КПЮ Благое

⁸¹ Домазетовић В. Револуција у Црној Гори и њени узроци. Београд, 1944.

⁸² Слуцкий Б. Записки о войне... С. 74-75.

⁸³ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941-1945). Beograd, 1988. S. 187-231.

Нешкович, который присутствовал при жалобах М. Митрович, и, услышав их, «оживился, вспомнил, как высадили из автомашины заместителя начальника партизанской контрразведки, потом улыбнулся: "Что говорить о пустяках?! НАША Красная армия пришла в Белград!"»⁸⁴.

Приподнятое настроение простых граждан, еще не знающих нюансов коммунистических режимов и ощущающих счастье, оттого что немцы изгнаны из Белграда, от симпатий к русским, описал в своих воспоминаниях Юрий Лобачев, талантливый художник, русский эмигрант и переводчик 57-й армии, прошедший с ней от Белграда до Вены. «Всю ночь проходили, спеша к центру города, колонны немцев и четников. И настала какая-то странная, необычная тишина. Светает. Занялась заря той пятницы 15 октября 1944 г. Свежего, прозрачного, осеннего дня. Но вот в конце сегодняшней улицы Максима Горького, вдоль стен разрушенного дома, с винтовкой наизготовку появился силуэт, за ним второй, третий. Серые, запыленные гимнастерки, шинели. На каске звезда. "Товарищи!" – из подвала полуразрушенного дома выскакивают мужчины, женщины, дети, обнимают совсем молодого советского капитана. Все больше людей. Среди них и я. Подхожу к капитану: "Товарищ капитан, там наверху, за бульваром, пулеметное гнездо. Немцы еще там. Но можно по развалинам незаметно подойти. Пойдемте, я покажу вам". "Ладно, покажите!" И солдатам: "За мной!" От окна полуподвала полусрушенного дома до дверей пулеметного гнезда около пятнадцати метров. Капитан тихо говорит: "Коля, давай!" Маленький плечистый солдат подходит к окну, поплевал на ладони, взял гранату, на секунду будто взвесил ее и бросил в окно. Двери выбиты. Вторая, третья граната. Путь свободен. Но тут уже нужно пробиться через толпу народа, которого все больше. В руках цветы, флажки. Обнимают солдат, зовут в гости, забыли, что освобождение города только началось. И так было везде: часто на одном конце улицы еще идет бой, а на другом конце, уже освобожденном, окна с потрескавшимися стеклами украшают расписными коврами, заранее подготовленными сербскими и красными флагами, и счастливые люди обнимают бойцов-освободителей»⁸⁵...

* * *

На основании доступных архивных и мемуарных источников можно прийти к выводу о том, что после прохода РККА по восточной части Югославии местные жители испытали определенное разочарование в

⁸⁴ *Слуцкий Б.* Записки о войне... С. 75.

⁸⁵ *Лобачев Ъ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997. С.123-124.

СССР и в его гражданах. Криминальные и антисоциальные поступки отдельных красноармейцев не могли не оставить горького привкуса в общей радости освобождения от немцев, принесенного бойцами Красной армии. Развязанная югославскими коммунистами сразу же после вступления в города репрессивная акция против мнимых и реальных противников новой власти не могла не способствовать восприятию осени 1944 г. через призму победы в Гражданской войне⁸⁶. Санкциям партизанской контрразведки и обычных партийных комитетов (от расстрелов и погребения в безымянных могилах по советскому образцу, до арестов, конфискации и увольнений) подвергались представители различных слоев сербского общества. При этом стоит отметить, что среди партизан, проникнувших в Сербию «через заднюю дверь» благодаря фронтальному натиску РККА, лишь меньшинство являлось сербами из Сербии, а большинство относилось к жителям западной (бывшей австрийской) части Югославии и Черногории. Хотя среди них и доминировали представители сербского этноса (из Черногории, Герцеговины, Боснии, Далмации, Лики, Славонии и т.д.), они воспринимались местным населением Сербии, как «не совсем свои». Кровопролитная Гражданская война 1941-1945 гг. со временем стала затмевать воспоминания о борьбе с немецкими оккупантами, что и привело к полной инфляции памяти о Второй мировой войне в сербском обществе с конца восьмидесятых годов прошлого века⁸⁷. В то же время опыт контактов больших масс красноармейцев с сербами стал важным фактором в формировании (возрождении) положительных представлений советского (русского) народа о югославах (сербях). Эта во многом способствовало возникновению, в общем-то, положительного (хотя и достаточно расплывчатого) представления о сербах, которое имеется у русских и в наши дни.

⁸⁶ *Cvetković S.* Između srpa i čekića: represija u Srbiji 1944-1953. Beograd, 2006.

⁸⁷ *Manojlović O.* "Široka strana moja rodnaja" Spomenici sovjetskim vojnicima podizani u Srbiji 1944 – 1954. // Tokovi istorije. Beograd, 2005. № 1-2.

А. С. Стыкалин

ВОСПРИЯТИЕ РУМЫНИИ КОНЦА 1950-х – 1960-х гг. СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

*Памяти Михаила Владимировича Фридмана,
знатока и переводчика румынской литературы,
много сделавшего для сближения культур двух народов*

Среди информативных, но до сих пор еще мало востребованных исследователями источников по истории многообразных взаимоотношений СССР с восточноевропейскими странами в 1950-е – начале 1980-х гг., можно назвать донесения советских деятелей культуры и, в частности, писателей по итогам поездок в эти страны. В соответствии со сложившейся бюрократической практикой каждый советский гражданин, выезжавший в заграничные командировку (в том числе в социалистические страны), должен был по окончании поездки представить в вышестоящие инстанции подробный отчет о своих контактах и впечатлениях. Отчеты научных работников хранятся в фондах архива РАН. Что же касается литераторов, представлявших свои отчеты в Иностранную комиссию Союза писателей СССР, то их докладные записки находятся в богатых фондах этой комиссии в РГАЛИ¹. Если говорить о 1950-х – 1960-х гг., то количество дел, отражающих международные связи советских писателей, насчитывает не одну тысячу. Некоторые, наиболее важные отчеты о поездках советских литераторов, пересылались в отдел культуры ЦК КПСС – они доступны сегодня в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

Первые творческие командировки советских писателей в Румынию, как и в другие страны Юго-Восточной Европы, вошедшие в советскую

¹ Иностранная комиссия Союза писателей была образована еще в 1935 г., через год после создания Союза советских писателей. Первоначально, в эпоху Сталина, ее функция заключалась, как известно, в том, чтобы формировать в пользу СССР мнение влиятельных западных литераторов.

сферу влияния, относятся к концу 1940-х гг. В знаменитых мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» есть небольшая глава о посещении Румынии, встречах с М. Садовяну, другими писателями. Она отражает неоднозначные впечатления писателя от увиденного в стране в первые годы существования коммунистического режима. В середине 1950-х гг. поездок стало больше. Среди ездивших преобладали высокопоставленные функционеры Союза писателей СССР, так называемые «литературные генералы», отправлявшиеся в страну советского лагеря в целях поддержания официальных литературных, культурных связей. Как и другие страны «народной демократии», Румынию посещали также писательские делегации с ознакомительными целями (существовали соответствующие соглашения об обмене делегациями). Наконец, практиковались и творческие командировки писателей по поручению «Литературной газеты» или литературных журналов – их результатом были, как правило, не только отчеты, адресованные в Иностранную комиссию СП, но прежде всего путевые очерки и заметки, опубликованные в советской литературной периодике. Среди выезжавших в Румынию (как и в другие страны) писателей были как люди, не знавшие этой страны, так и своего рода литераторы-страноведы, в той или иной мере обладавшие знаниями культуры, языка, представлениями о литературной жизни (консультанты Иностранной комиссии Союза писателей; профессиональные переводчики румынской литературы; писатели из советской Молдавии; поэты, которым иногда приходилось переводить стихи румынских поэтов). Отчеты этой категории литераторов дают, как правило, больше содержательной информации, пускай тенденциозно интерпретированной. В любом случае, в отчетах советских писателей так или иначе находили отражение, хотя и не всегда адекватное, настроения румынской творческой интеллигенции, ее отношение как к внутривнутриполитическим процессам, происходившим в стране, так и к некоторым событиям международной жизни. Как следует из отчетов, большинство советских писателей, приезжавших в какую бы то ни было страну (и в том числе в Румынию), воспринимало увиденное сквозь призму официальной советской идеологии и устоявшихся стереотипов о превосходстве советского опыта социалистического строительства².

² В подчеркивании культуртрегерской миссии СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе советская пропаганда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. иногда доходила до абсурда, что становилось дополнительным источником антисоветских настроений в странах «народной демократии». Это поняли в конце концов и наверху. В декабре 1956 г. министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов говорил на совещании в Кремле о том, что в своей практической работе по линии связей с заграницей «мы часто проявляли

И после XX съезда КПСС любые принципиальные отклонения от образцовой советской модели, как правило, вызывали настороженность советских визитеров.

Впрочем, в 1950-е гг., пока советско-румынские официальные отношения были безоблачными, Румыния и не давала советским писателям (в том числе «литературным генералам») оснований для серьезных беспокойств, она однозначно воспринималась ими как страна, по выражению Н.С. Хрущева, «шагающая в ногу» с другими членами социалистического содружества³, т.е. ориентированная в своей внешней политике на СССР, а в своей внутренней политике на советские образцы. Это нашло отражение в донесении типичного «литературного генерала», Бориса Полевого, в качестве одного из секретарей Союза писателей СССР курировавшего именно Иностранную комиссию Союза писателей. Он находился в Румынии в течение 3 недель в августе-сентябре 1959 г., в том числе в день, когда отмечалось 15-летие событий 23 августа 1944 г. (государственный переворот, свергнувший власть маршала Антонеску и приведший к разрыву Румынии с нацистской Германией). Отметив, что «везде встречали необыкновенно дружелюбно, везде чувствовалась огромная симпатия к советским людям и советской литературе», Полевой с удовлетворением заметил, что его румынские собеседники не склонны были затрагивать острые вопросы советской литературной жизни — такие, как, в частности, дискуссия вокруг романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956 г.)

бестактность, небрежность, чванливое отношение к тем или иным народам», пытались иногда ущемить чувство национальной гордости. Вот, например, один уважаемый писатель присылает в «Правду» статью (Шепилов долгое время был главным редактором «Правды». — А.С.), где пишет: румынские колхозники говорят спасибо советскому народу за то, что тот научил их сажать кукурузу, а чешские рабочие научились у нас варить сталь. «Это чепуха, — продолжал Шепилов, — страна тончайшей и сложнейшей индустрии, страна технического прогресса без русского народа не может варить сталь. Это же хамство, и вот из таких мелочей, из такой чепухи накапливались такие венцы», которые дали о себе знать осенью 1956 г. в Венгрии (см.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 12. Л. 175).

³ Во время встреч с югославскими руководителями в сентябре 1956 г. Н.С. Хрущев поучал их: «По-вашему выходит, что только вы одни правы, а все другие неправы. У русских по этому поводу есть поговорка: когда солдату сказали, почему он нарушает строй, идя не в ногу, то солдат ответил, что он идет в ногу, а вся рота идет не в ногу. Если вы хотите идти в ногу с другими странами народной демократии, — сказал тов. Н.С. Хрущев, — то вы должны перестраиваться. Тов. Попович (член югославской делегации. — А.С.) бросил реплику: это правильно, но надо подумать, кто рота, а кто солдат» (Записка для Президиума ЦК КПСС «О беседах тов. Н.С. Хрущева с тов. Тито и другими югославскими руководителями, состоявшихся в Югославии и Крыму в сентябре-октябре 1956 г.» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л.4).

или скандальное дело Б. Пастернака, который был исключен из Союза писателей в октябре 1958 г. после публикации итальянским (близким к компартии) издательством «Фельтринелли» романа «Доктор Живаго» и был вынужден отказаться от присужденной Нобелевской премии. Вывод, к которому пришел Полевой: «Союз писателей Румынии находится в хороших руках и партийное влияние является в нем преобладающим, хотя, разумеется, эта партийная линия и встречает некоторое скрытое сопротивление у отдельных интеллигентов»⁴. Все это, впрочем, не означало, что румынские писатели не выражали никакого недовольства по поводу состояния румынско-советских культурных связей, в частности, в сфере книгоиздания и массовой информации. «Во время бесед с румынскими друзьями, – пишет Полевой, – часто слышались жалобы на то, что у нас зачастую переводятся далеко не лучшие произведения румынской литературы, что в деле издания румынских книг чувствуется стихийность и что при определении судьбы изданий (точнее, при отборе произведений для перевода. – А.С.) журналы и издательства находятся порой в плену частного вкуса переводчиков и не учитывают румынскую точку зрения на ту или другую

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2. Полевой также в дежурном порядке выразил удовлетворение современным состоянием румынской литературы, о которой в лучшем случае мог судить только по выборочным переводам. По его словам, она переживала в эти годы «небывалый подъем», что было на самом деле далеко не так. При этом главным критерием оценки состояния литературы для секретаря Союза писателей СССР было ее активное вторжение в жизнь (текст записки Б. Полевого в Иностранную комиссию Союза советских писателей от 15 сентября 1959 г. см.: Там же. Л. 1-5). Из Иностранной комиссии Союза писателей копия документа была переправлена в ЦК КПСС для ознакомления (см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94). Преобладание (в отличие от Венгрии 1956 г.) партийного влияния на Союз писателей Румынии, о чем пишет Б. Полевой, подтверждается реакцией его руководства на венгерские события и осуждением им оппозиционной политической активности венгерских писателей в преддверии и в ходе этих событий (См.: *Бенюк М.* По возвращении из Венгрии // Иностранная литература. 1957. № 2). Как следствие венгерской революции, страшно напугавшей румынскую коммунистическую элиту и настроенно воспринятой в румынском обществе (опасавшемся усиления в соседней стране ирредентистских, шовинистических настроений, активизации требований пересмотра границ), в творческих союзах Румынии были проведены предельно жесткие чистки, немало деятелей культуры подверглось преследованиям по партийной, административной и судебной линии за реальные или мнимые симпатии к произошедшему в соседней стране. Так, по некоторым данным, после июньского пленума ЦК РРП 1958 г., прошедшего под знаком идеологического наступления на ревизионистов, из Союза писателей, насчитывавшего 640 членов, было исключено 250 человек, из Союза художников, где было 1547 членов, изгнали 936 человек. Сменились составы редколлегии ряда журналов (см. справку о мероприятиях Румынской рабочей партии (1959 г.) «по устранению серьезных недостатков в деятельности творческих союзов в Румынии» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94. Л. 43-47).

книгу»⁵, т.е., правильное будет сказать, точку зрения тех, кто определяет культурную политику страны⁶.

В разговоре с Полевым руководители румынского Союза писателей в вежливой форме выражали также свою обиду на Союз советских писателей, который не проявляет серьезного интереса к румынской литературе – так, до сих пор не удосужились послать в Румынию большую делегацию советских писателей. Вообще функционеры разного уровня то и дело жаловались: советская печать мало пишет о Румынии. В редакции партийной газеты «Скынтейа» Полевому говорили: в Румынии «немало серьезных людей, которые ежедневно прикладывают строчкомеры к страницам советских газет и разочарованно докладывают о том, что опять Чехословакия, Польша и Венгрия освещены хорошо, а от Румынии отмахнулись коротенькой заметкой». «Может быть это происходит от того, что ваши товарищи спокойны за нас, знают, что руководство в крепких руках и у нас не могут произойти венгерские события?» – пошутил в разговоре с Полевым один ответственный журналист⁷. Кстати, в те же самые годы и болгарские писатели выражали советским «литературным генералам» аналогичные жалобы: «для того, чтобы на Болгарию обратили внимание, у нас должны произойти венгерские события»⁸.

Чиновники, ведавшие с румынской стороны пропагандой в Румынии советской культуры, в беседах с Полевым болезненно реагировали также на то, что министерство культуры СССР недооценивает Румынию, когда дело касается поездок советских артистов и музыкантов: в

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2. Такого рода обиды звучали часто в разные годы. «Некоторых румынских писателей больше знают в СССР, чем дома», и это только благодаря их особым связям с переводчиками, говорили в Союзе писателей Румынии членам советской делегации во главе с эстонским писателем Ю. Смуулом, посетившей Бухарест в сентябре 1965 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 196).

⁶ Полевому был продиктован список художественных произведений, достойных, с точки зрения партийно-идеологических органов, перевода на русский язык (что, впрочем, не изменило ситуацию в целом). Кстати сказать, аналогичные жалобы шли и из других стран. Наиболее показательный пример – с присуждением в 1951 г. венгерскому писателю Тамашу Ацелу сталинской премии в СССР за весьма несовершенный роман (среди лауреатов сталинской премии в этот год был ряд зарубежных писателей). Руководитель венгерской культурной политики Йожеф Реван узнал о факте присуждения премии из газеты «Правда», при этом рвал и метал. Позже Ацел прижмул к внутривнутрипартийной оппозиции и по распространенной версии покинул Венгрию осенью 1956 г. на автомобиле, купленном именно на сталинскую премию. Это был очевидный и далеко не единственный прокол в системе поощрения советской культурной политикой угодных Москве иностранных литераторов.

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 4.

⁸ См., в частности: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 57. Л. 120-124; Д. 156.

страну, давшую миру ряд известных оперных певцов, композитора Дж. Энеску, имеющую неплохие симфонические оркестры, на гастроли в основном приезжают пародные хоры и оркестры балалаечников и почти не бывают музыкальные виртуозы, а также выдающиеся театральные труппы. Особенно очевидным это казалось на фоне соседней Венгрии, куда именно после событий осени 1956 г. стали активно посылать перwokлассные творческие коллективы для того, чтобы поднять престиж советской культуры в глазах населения (и, следует добавить, в какой-то мере компенсировать выступлениями советских артистов тот морально-психологический урон, который был нанесен незаконным военным вмешательством в венгерские дела). Полевой был вынужден согласиться: подобного рода пренебрежение к румынскому зрителю не способствует повышению престижа советской культуры в этой стране.

Полевой посетил Румынию в 1959 г. Через несколько лет ситуация в двусторонних отношениях заметно осложнилась, поскольку румынская сторона негативно отнеслась к советским планам экономической интеграции в рамках СЭВ, как мало учитывающим национально-государственные интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка к более развитым странам. Возникшие разногласия привели к острому конфликту Н.С. Хрущева и Г. Георгиу-Дежа в июне 1963 г.⁹, а затем и к изменению внешнеполитических приоритетов Румынии, что нашло выражение в апрельской Декларации ЦК Румынской рабочей партии 1964 г. по вопросам коммунистического и рабочего движения, сделавшей акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов. В этих условиях была подвергнута решительному пересмотру и проявившаяся в румынской внутренней политике 1950-х гг. линия на максимально широкое использование

⁹ При снятии Хрущева в октябре 1964 г. соратники по руководству КПСС припомнили ему оскорбления, нанесенные Георгиу-Дежу при встрече в июне 1963 г.: «Зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» (Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор академик А.А. Фурсенко. М, 2003. С. 865). На трения между Москвой и Бухарестом и, более того, на первые видимые симптомы отклонения Румынии от общей линии стран-участниц Организации Варшавского договора западные наблюдатели обратили внимание уже осенью 1963 г. (см.: *Brown J.F. Rumania Steps Out of Line // Survey. A Journal of Soviet and East European Studies.* № 49. October 1963, p. 19-34). Напряженность в двусторонних отношениях сохранялась и после отставки Хрущева. В декабре 1964 г. по требованию румынской стороны были отозваны на родину все до тех пор находившиеся в Румынии командированные Москвой советники из румынских ведомств (в том числе силовых структур).

советского опыта. Ситуацию, относящуюся к лету 1964 г., отражает докладная записка заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» писателя-прозаика Саввы Дангулова – бывший военный переводчик и дипломат, он в течение ряда лет начиная с осени 1944 г. служил в Союзной Контрольной Комиссии в Румынии¹⁰, затем в посольстве, хорошо владел румынским языком и мог видеть куда больше, чем Полевой, почти не знавший страны и поэтому, подобно другим «литературным генералам», с почетом принятым в одной из стран «народной демократии», грешивший в своих отчетах легковесностью и поверхностностью, особенно там, где пытался дать оценку современного состояния румынской литературы.

В записке С. Дангулова предпринята попытка не просто изложить впечатления, но проанализировать на их основе некоторые характерные тенденции в румынской внутренней и внешней политике¹¹. Дангулов, в дни поездки внимательно следивший за румынскими газетами и общавшийся с широким кругом людей¹², обратил внимание на глубокие изменения всей общественно-политической атмосферы¹³. Правда,

¹⁰ О его деятельности в качестве сотрудника СКК в 1944 – 1945 гг. дают представление записи его бесед с румынскими политиками, частично опубликованные: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944 – 1946. Документы российских архивов. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 1998. С. 29-30, 68-72, 116-117. Они свидетельствуют о высоком профессионализме С. Дангулова как карьерного дипломата. Зная им не понаслышке история советской дипломатии стала впоследствии главной темой творчества Дангулова-литератора.

¹¹ Записка С. Дангулова называется: «Несколько замечаний в связи с поездкой в Румынию» (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2485. Л. 3-13). Автор искренне благодарен венгерскому коллеге и другу Аттиле Шерешу, плодом многолетнего сотрудничества с которым в поисковой работе в московских архивах стало выявление этого документа. Документ впервые был опубликован на венгерском языке в подборке материалов о восприятии в СССР творчества писателей Румынии (в том числе венгероязычных писателей Трансильвании). См.: *Babus Antal – Seres Attila. Erdélyi írók a Szovjetunióban, szovjet írók Erdélyben (Dokumentumok az erdélyi magyar és a román irodalom szovjetunióbeli recenziójához)* // *Magyar napló*, 2008. Július. 12-28. o.

¹² К записке был приложен ряд других материалов, в частности, записи бесед С. Дангулова с одним из руководителей Союза писателей Румынии З. Станку (который, как и собеседники Полевого в 1959 г., много говорил о недостаточном внимании советской литературной общественности к произведениям румынских писателей), с крупнейшим живущим румынским прозаиком М. Предой и др. (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2485. Л. 1-28). Все эти материалы секретарь Союза писателей СССР по оргвопросам К. Воронков уже 5 сентября 1964 г. (т.е. очень оперативно) переправил в ЦК КПСС секретарю ЦК по идеологии Л.Ф. Ильичеву (см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 104. Л. 153-180).

¹³ Свою подборку Дангулов предварил запиской следующего содержания: «Разумеется, три недели – малый срок, даже для человека, знакомого с Румынией (в свое время я три года прожил в этой стране), однако события, происшедшие в последние годы, столь

на взгляд поверхностного наблюдателя все осталось по-прежнему. В магазинах все еще много советских товаров, еще продолжает работать музей истории русско-румынских отношений, однако все это, замечает писатель, в своем роде остаточные явления, доминирует совсем иная тенденция. Пресса в канун 20-летия событий 23 августа 1944 г. много обращается к истории Второй мировой войны на ее заключительном этапе, но ничего не пишет о роли Советской Армии, напротив, пытается создать у читателя впечатление, что Румыния освободила себя от немецких и венгерских оккупантов собственными силами, а позже сама добилась экономических успехов, вопреки попыткам некоторых соседей низвести ее до уровня «аграрного придатка». Писатели, пишущие о войне, также призваны работать в соответствии с новым политическим заказом¹⁴. Некоторые публицисты, в прошлом записавшиеся славословием в адрес СССР, теперь выступают исключительно критически, даже «бессовестно клеветают на Советскую страну», – по мнению Дангулова, для того, чтобы искупить перед партийным руководством свою «вину» за прежнюю активность в деле пропаганды СССР¹⁵. Общество румынско-советской дружбы АРЛЮС, еще недавно очень

разительны, что их нельзя было не заметить и в те три недели, которые я пробыл в стране» (Там же. Л. 154).

¹⁴ Дангулов приводит в своей записке несколько конкретных примеров. Вообще же игнорирование роли Советской Армии в освобождении Румынии во время празднования очередных годовщин событий 23 августа 1944 г. постоянно обращало на себя внимание людей, приезжавших из СССР (см., например: Отчет о встрече представителей общественности Румынии и Советской Молдавии в августе 1967 г. // *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău)*. F. 51. In. 29. D. 240, ff. 3-4). На зарубежных форумах с румынской стороны также проявлялась склонность к недооценке роли Советской Армии в победе над нацизмом. Так, в мае 1965 г. на международной писательской встрече в ГДР с участием писателей-коммунистов разных стран румынский представитель излагал с трибуны версию о том, что Бухарест был якобы освобожден румынскими войсками, не вызвавшую к себе серьезного отношения коллег-писателей из других стран (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 23).

¹⁵ Дангулов опять-таки приводит конкретные примеры. Члены советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., также заметили, что в прессе много критикуют писателей, в прошлом связанных с СССР (Там же. Д. 150. Л. 184). В свою очередь в отчетах лиц, ответственных за прием в СССР румынских писательских делегаций, отмечалось, что литераторы, приезжавшие из Румынии, как правило, в контактах сдержаны и замкнуты, видимо, не желая давать своим коллегам-соотечественникам повод обвинять себя в просоветских настроениях (Там же. Оп. 55. Д. 105). На научных конференциях с участием представителей социалистических стран румынские делегаты также держались довольно обособленно и замкнуто, распространяя в то же время изданную на русском языке пропагандистскую литературу, излагающую новую внешнеполитическую концепцию Румынии, ставившую во главу угла равноправие как главный принцип в отношениях между социалистическими странами (Отзыв 1964 г. // Там же.

влиятельное, оказалось в деликатном положении – деятельность его местных организаций свернута, библиотека закрыта, издательство «Русская книга» перестало существовать. Правда, закрытие газеты этого общества было бы актом слишком демонстративным – она продолжает выходить, однако по сути дела изменила свои функции: она фактически больше не занимается, как прежде, популяризацией советского опыта в разных областях, а, напротив, подключилась к пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию советской помощи. При посещении предприятий, построенных при участии СССР, попытки Дангулова что-то сказать о преимуществах советско-румынского сотрудничества вызывали, как правило, негативную реакцию собеседников – писателю сразу давали понять, что его мнение «противоречит официальной точке зрения и разговоры на эту тему сегодня в Румынии не приняты»¹⁶. В записке Дангулова была затронута и болезненная проблема чисток в госучреждениях, в результате которых были в первую очередь лишены работы женщины советского происхождения, вышедшие замуж в Румынии и не желавшие отказаться от гражданства СССР. После одной из острых газетных публикаций в стране даже распространился слух о том, что отношения между двумя странами могут осложниться настолько, что советские граждане будут высланы, в то время как их дети, являющиеся румынскими гражданами

Д. 64. Л. 101). В интеллигентской среде правило бал общественное мнение, которое не было в 1960-е гг. благоприятным в пользу СССР.

¹⁶ Замалчивание советского вклада в укрепление промышленного потенциала Румынии было общим, установленным сверху правилом на протяжении многих лет. Так, в информации ЦК компартии Молдавской ССР для ЦК КПСС о связях пограничных районов Румынии и Советской Молдавии (1967 г.) отмечалось, что румынские функционеры, участвующие во встречах с советскими гражданами, никогда не говорят о роли СССР в строительстве тех или иных объектов на территории Румынии (см.: *Arhivă Organizărilor Social-Politice a Republicii Moldova*. F. 51. In. 29. D. 240, f. 31). Важно подчеркнуть при этом – установка на замалчивание советского опыта, советской помощи и т.д. предполагала отсутствие не только восхваления, но и открытой критики СССР, негативных сторон советской действительности в то или иное время. Членам писательской делегации из СССР, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., было сказано в ходе одной из бесед: румынские театры не собираются ставить советские пьесы, содержащие критику эпохи «культы личности», так как они могут оказать дурное влияние на румынскую молодежь (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 182). Всего полгода прошло, как Чаушеску встал во главе партии, и мало кто мог предугадать реалии Румынии 1980-х, нежелательность критики «культы личности» уже тогда, в 1965 г., не вызывала сомнения у партийно-государственных функционеров. Характерен и еще один момент. В отличие от конца 1950-х гг., когда невнимание советской прессы к Румынии было одной из главных тем бесед с Полевым, в 1964 г., при встречах румынских коллег с Дангуловым эта тема, насколько можно судить из его донесения, вообще не поднималась.

данами, будут оставлены в Румынии. Это вызвало настоящую панику во многих семьях.

Союз писателей Румынии осуществлял все свои мероприятия в точном соответствии с духом и буквой новой политической линии; контакты с СССР сознательно отодвигались на второй план: когда в связи с фестивалем поэзии М. Эминеску один из русских поэтов (М. Дудин) привез на могилу великого румынского поэта горсть земли с могилы Пушкина, его выступление не нашло отражения в румынских газетах.

В соответствии с доминировавшими в сознании большинства советских людей его генерации стереотипами С. Дангулов (1912 года рождения) был уверен, что любая попытка дистанцироваться от СССР и любое пренебрежение советским опытом играют на руку антисоциалистическим элементам. По его глубокому убеждению, в новом курсе заинтересованы в первую очередь кулаки, торговцы, потерявшие в 1940-е гг. собственность и мечтающие ее вернуть, народ же «этой линии не понимает», в народе имеются «известные настроения протеста против нового курса». Общаясь с румынской интеллигенцией, писатель обратил внимание на то, что обсуждение некоторых программных документов партии и правительства сопровождается выражением надежд на роспуск колхозов (Дангулов признает, что этого хочет часть сельского населения), возвращение магазинов и ресторанов прежним владельцам и т.д. Более любопытно, однако, другое наблюдение. С. Дангулов посетил Румынскую Академию наук, где встречался с академиками – видными учеными, преимущественно филологами, Л. Россети, Шт. Николау, Й. Йорданом и др., а также писателем старшего поколения В. Ефтиму. Некоторые из этих людей отнюдь не были в 1950-е гг. слишком уж правоверными коммунистами (а до 1945 г. никто из них вообще не имел прямого отношения к коммунистическому движению), теперь же все они довольно скептически отзываются о новом курсе Г. Георгиу-Дежа, воспринимая его как очередное проявление политической конъюнктуры: ведь независимо от воли и желания партийного лидера геополитические реалии изменить невозможно и стабильные, добрососедские отношения с СССР для Румынии объективно должны быть важнее, нежели все громче декларируемая дружба с далеким Китаем. Руководители Союза писателей М. Бенюк, З. Станку и др. проводят, по мнению Дангулова, политику балансирования. Они стараются внешне не отклоняться от общей линии и вместе с тем при более тесных контактах с ними складывается впечатление, что они в известной мере озабочены, как бы слишком резкое ухудшение отношений с СССР не возымело бы для Румынии негативных

последствий. По убеждению заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература», бойкотирование этих людей, в частности, влиятельного З. Станку не отвечает интересам Москвы, поскольку способно превратить их в серьезную антисоветскую силу. Напротив, было бы целесообразно издавать их произведения в СССР¹⁷.

Дистанцирование от СССР Дангулов воспринимает как составную часть более общей политической линии, которая, по его мнению, характеризуется усилением националистических настроений (слово «национализм» для него, как и для большинства советских людей в это время носит однозначно негативный оттенок). Он ставит официальное изменение отношения к СССР и советскому опыту в один ряд с другими проявлениями нового курса, к которым причисляет вывод из партийно-государственного аппарата большого числа функционеров – не румын по национальности (венгров, евреев, немцев, болгар, украинцев, русских; в этом контексте назван отправленный на пенсию ветеран румынского рабочего движения украинец Федор Руденко, в прошлом посол Румынии в Югославии и Китае), закрытие венгерского университета в Клуже как самостоятельного учебного заведения¹⁸, грубое препарирование румынской истории, нередко преподносящейся в шовинистическом аспекте. Правда, автор записки, зная румынские реалии, все же не задался вопросом: какой процент составляли представители некоторых национальных меньшинств (в частности, трансильванские венгры и бессарабские евреи) до чисток в государственных учреждениях. Вопрос о том, в какой мере румынская компартия, созданная в межвоенный период, представляла интересы титульной нации, либо была изначально пристанищем сил, заинтересованных в расчленении Великой Румынии, до сих пор активно дискутируется в румынской историографии¹⁹.

Во внешней политике Румынии Дангулов отмечает разноречивые тенденции. С одной стороны, стремление активизировать отношения с Западом, в том числе возродить традиционные культурные связи с

¹⁷ Там же. Оп. 55. Д. 104. Л. 172.

¹⁸ Известный польский философ-марксист А. Шафф в беседе с советским дипломатом, состоявшейся примерно в те же дни, что и поездка Дангулова в Румынию, также с годованием говорил о закрытии венгерского университета в Клуже как одном из националистических извращений румынских властей (Там же. Д. 64. Л. 127). О негативной реакции в кадаровской Венгрии на румынскую политику в национальном вопросе в это время см.: *Baráth Magdolna. Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957-1964 // Múlt századi hétköznapok. Tanulmányok a Kadar-rendszer kialakulásának időszakáról.* Szerk. Rainer M.J. Bp., 2003.

¹⁹ См.: *Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român.* Ed. a III-a. București, 2002.

Францией, привлечь в страну иностранных туристов, установив в этих целях льготный курс обмена валюты (писатель обратил внимание и на такую деталь, как значительно возросшее количество западных отдыхающих на черноморских курортах). С другой стороны, все большее выражение симпатий (явно в пику Москве) к Китаю и поддерживающей его Албании – так, на фестивале поэзии Эминеску первым было предоставлено слово именно албанскому представителю (впрочем, возможно был взят за основу алфавитный порядок перечисления стран). Между тем, режим Тито в Югославии, в котором современное румынское руководство видит пример независимой внешней политики, хотя и дистанцируется во многом от СССР, однако однозначно стоит на стороне Москвы там, где дело касается советско-китайского спора²⁰. Дангулов пишет: «все, с кем я говорил в Румынии, особенно интеллигенция, подчеркивали, что им глубоко враждебна линия китайского руководства по вопросам сосуществования, по вопросам войны и мира». С другой стороны, по его наблюдению, некоторые интеллигенты, признавая свое несогласие с Китаем по главным пунктам его разногласий с СССР, вместе с тем эмоционально находятся на стороне Китая. По оценке Дангулова, «в нынешний острый момент советско-румынских отношений Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, при этом ведет себя достаточно осторожно» – однозначно встать на сторону Китая – значит осложнить отношения с Западом, тогда как «заявить о своем несогласии с Китаем – значит отказаться от известных возможностей тактической игры»²¹.

В августе 1968 г. Румыния, как известно, оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вмешательства СССР и ряда его союзников по Организации Варшавского договора в Чехословакии. В течение нескольких дней существовали даже опасения советской интервенции в Румынии, впрочем явно преувеличенные²². Правда, уже с конца августа

---

²⁰ Четкое обозначение руководством СКЮ этой позиции в мае 1962 г. способствовало принципиальному улучшению советско-югославских отношений. 6 мая Тито на партактиве в Сплите заявил о том, что СКЮ однозначно стоит на стороне КПСС по главным пунктам ее разногласий с КПК. Через десять дней, 16 августа, Н.С. Хрущев в ходе визита в Болгарию подчеркнул, выступая на одном из митингов, что СССР имеет с ФНРЮ «нормальные, более того, хорошие отношения» (Правда. 1962. 17 мая).

²¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2485. Л.12.

²² См.: *Марьина В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 60-75.

с румынской стороны предпринимаются определенные усилия, направленные на смягчение последствий конфликта с СССР²³. Несмотря на напряженность в двусторонних отношениях, так и не были отменены некоторые плановые мероприятия в области культурного обмена, в том числе намеченная на октябрь в рамках Дней советской культуры в Румынии поездка писательской делегации. В отчете (более формальном, нежели вышеупомянутая записка С. Дангулова, хотя в составе делегации был и страновед, консультант Иностранной комиссии Союза писателей) говорилось о том, что интеллигентская аудитория проявила большое внимание к Дням советской культуры, причем не только к выдающимся артистам и музыкантам, наконец-то посланным в это время в Румынию (для этого должны были произойти события августа 1968 г.!), но и к приезду писательской делегации²⁴. Принявший ее председатель Союза писателей Румынии З.

²³ Это проявилось и в изменении тональности румынской прессы. В сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) о выступлениях зарубежной прессы с 26 августа по 8 сентября 1968 г. отмечается: «Сейчас тон румынской печати резко изменился, и последние номера газет СРР в основном пропускаются в продажу беспрепятственно», чего не было в первые дни после военного вторжения стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа (см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125). Проникновение в Советскую Молдавию (чаще всего по недосмотру ее собственных чиновников) в большом объеме румынских газет за 20-е числа августа, содержавших выступления Чаушеску с осуждением военного вмешательства в Чехословакию и другие пропагандистские материалы, явилось причиной серьезной разборки в ЦК компартии Молдавской ССР (см.: *Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation, and annotation by Mark Kramer // Cold War International History Project Bulletin, Issue 12/13, p. 326-333. Cambridge (Mass.), 2001*). До конца августа критика друг друга в румынской и советской прессе была взаимной. Так, 25 августа «Правда» обвиняла Румынию (как и Югославию) в оказании активной помощи чехословацким «антисоциалистическим силам». С намеком на недавние посещения Праги Тито и Чаушеску (последний был там перед самым вторжением) газета писала, что именно в Белграде и Бухаресте «политические авантюристы» из Праги «плетут свои интриги». Между тем, черно-белый, лишенный полутонов взгляд на происходящее в Чехословакии и вокруг нее не мог удовлетворить мыслящую часть общества, в своем стремлении понять причины кризиса, искавшую альтернативные источники получения информации. В советской Молдавии для составляющего в ней большинство румыноязычного населения наиболее доступным таким источником были румынские СМИ — пресса, но особенно радио и телевидение, принимавшиеся на значительной части территории республики. Как выясняется из документов, даже партийные политинформаторы, не всегда способные ответить на вопросы аудитории на основании информационных писем ЦК КПСС для партаппарата, а тем более советской прессы, нередко использовали версии румынских СМИ, не менее тенденциозные и вместе с тем дополнявшие картину новыми штрихами (см.: *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51. In. 29. D. 28, f. 32*).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 573. Л. 1-13.

Станку был подчеркнуто приветлив и щедр, не делая – по крайней мере внешне – никаких различий в приеме ее в сравнении с тем, что было до августа²⁵. Он заверял, что сотрудничество продолжится, подчеркивал в беседе свои симпатии к СССР, говорил о необходимости единства и взаимопонимания писателей, приверженных идеалам социализма и коммунизма, соглашался с тем, что частные расхождения и недопонимание можно и нужно устранять в ходе встреч и дискуссий. Советским писателям показалось, что он старался несколько сгладить впечатление от своего остро критического августовского выступления в адрес СССР в связи с чехословацкими событиями. Правда, некоторые молодые писатели демонстрировали в отношении советской делегации сдержанность, иронию, недоброжелательность в свете недавних чехословацких событий, однако прямых выпадов не было. Вообще участники бесед предпочитали избегать политических споров, больше говорить о литературе, культуре, а если кто-то касался политики, то это главным образом функционеры писательского союза, которые прежде всего подчеркивали преимущества современной румынской культурной политики, не склонной прибегать к административным методам в работе с творческими союзами (культурная политика РКП и в самом деле переживала в это время пик своего либерализма) и, кроме того, предоставляющей возможности для выбора стиля, развития экспериментальных, авангардистских течений в литературе. Советские писатели обратили внимание, что при обсуждении проблем художественного метода молодые румынские литераторы вопреки все громче звучащей из уст партийных лидеров националистической риторике с пренебрежением отзывались об использовании национального фольклорного элемента в поэзии в целях усиления выразительности стиха, они считали это пройденным этапом, «вчерашним днем» поэзии (ибо фольклорные элементы употреблялись в недавнем прошлом для прославления политических событий, причем в художественной стилистике, которая сейчас воспринимается как анахронизм).

Впечатления писательской делегации несколько контрастируют с отчетами о поездках советских туристических групп в Румынию в

²⁵ Отзывы о дружеском отношении принимающей стороны, оказанном уважении и т.д. нашли отражение в отчете советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 182-184). В этот период, после отставки Хрущева и смерти Георгиу-Дежа, обе стороны пытались начать все «с чистого листа», не отказываясь, однако, от своих принципов (руководством РКП изложенных в апрельской Декларации 1964 г.). Успеха это не имело.

августе-сентябре 1968 г. — в этих отчетах доминирует совсем иная тональность, говорится о засилье антисоветских настроений и т.д.²⁶ Можно предполагать, что руководство РКП, после августа 1968 г. взяв курс на некоторое смягчение, по крайней мере, стабилизацию отношений с СССР и нейтрализацию последствий августовского конфликта (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке), прилагало особые усилия для того, чтобы пребывание советской делегации прошло без видимых эксцессов, с румынскими писателями проводилась соответствующая работа. Как бы там ни было, очевидно одно: даже в моменты обострения отношений коммунистических режимов не прерывались связи между писателями двух стран (хотя, конечно, на состоянии этих связей определенным образом сказывалась политическая конъюнктура), сохранялись открытыми пути и возможности взаимопонимания.

Встает вопрос об источниковой ценности писательских донесений и отчетов по итогам поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы зачастую находились в плену доминирующих идеологических стереотипов и, более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях²⁷. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии или чем более видным было его положение в культурной жизни, тем более он был свободен в выражении собственного мнения²⁸.

---

²⁶ См.: Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51. In. 29 (1968). D. 102, ff. 51-56.

²⁷ Г.М. Гусев, в 1960-е гг. работник аппарата ЦК ВСКСМ, вспоминает, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии написал записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, непритягательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т.д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, будучи квалифицированной как попытка вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам получения информации, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны (см.: На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 154-158). Писать правду об увиденном было более рискованно, нежели подлаживаться под доминирующие стереотипы.

²⁸ Даже в эпоху Сталина некоторые крупные художники, выезжавшие за рубеж в составе официальных делегаций, осмеливались иной раз пойти против течения в оценке тех или иных явлений западной культуры. Более того, они обращали внимание партийно-идеологических структур на необходимость более терпимого отношения к деятелям культуры, стоявшим на левых политических позициях, хотя и не разделявшим

Господство идеологических стереотипов о превосходстве советского опыта формировало «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр, искажавший воспринимаемую картину, однако и в этом случае внимательный, заинтересованный, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в отчетах писательских делегаций, речь идет об источнике, который может быть принят во внимание в ряду других при попытках исторической реконструкции общественных настроений в той или иной стране, в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с докладной Саввы Дангулова по итогам поездки в Румынию в 1964 г.) исследователь имеет дело с записками своего рода литераторов-страноведов, неплохо знавших страны пребывания изнутри.

эстетических принципов, декларированных официальной Москвой. «Иногда мы сами отталкиваем от себя друзей СССР, – говорил, например, С. Образцов на совещании в ЦК ВКП(б) в 1948 г. – Зачем так критиковать Пикассо? Мы ничего не изменим в его творческой манере, но только оттолкнем его от нас» (см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 594. Л. 50).

Г. Н. Энгельгардт

«МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО», ПОЛИТИКИ И ВОЕННЫЕ В БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ 1990-х гг. ГЛАЗАМИ РУССКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ¹

Одним из источников по новейшей истории постюгославских государств являются записки и воспоминания русских очевидцев и участников балканских войн, вызванных распадом СФРЮ в 1990-х гг. Эта литература может быть разделена на две основные группы – записки официальных представителей России: дипломатов, сотрудников миротворческих структур, военнослужащих и представителей правоохранительных органов, побывавших на Балканах в составе международных полицейских контингентов², и тексты участников событий, так сказать, «неофициальных». Ко второй группе очевидцев относятся прежде всего добровольцы, на свой страх и риск участвовавшие в боевых действиях, как правило на сербской стороне³.

В общем корпусе записок добровольцев выделяются работы О.В. Валецкого. Внимания они заслуживают ввиду уникального опыта их автора, принимавшего участие во всех основных региональных конфликтах 1990-х, кроме войны в Хорватии. По собственным словам

---

¹ Статья выполнена в рамках гранта Отделения историко-филологических наук РАН «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в последней трети XX в.».

² Наши миротворцы на Балканах. Ред.-сост. Е.Ю.Гуськова. М., 2007; Тузмухамедов Б. Записки миротворца // Знамя. 1996. № 2; Он же. Английская армия: взгляд почти изнутри. Наблюдения «красного» комиссара британского батальона // Знамя. 1997. № 3. С.188-199.

³ Горьмов М. Русские добровольцы в Боснии. 1992-1995. М., 1997; Поликарпов М. Русские добровольцы в Югославии. Правда и мифы.

Поликарпов М. Русская сотня. Наши в Сербии. М., 2000; Хамкин Ю. Очима руског добровольца. Горни Милановац, 1994.

автора, он прослужил в рядах ВРС (армии боснийских сербов) около двух лет (15 марта 1993 – 19 января 1995 г.), а затем осел в боснийской Республике Сербской, работая сапером в фирмах по разминированию. После нападения блока НАТО на Югославию он принял участие в боевых действиях в Косово в составе югославской армии (6 апреля – 17 июня 1999 г.⁴), а в 2001 г. в рядах македонских сил участвовал в македоно-албанском противостоянии. Таким образом, с середины 1990-х гг. Валецкий практически непрерывно живет в сербском и боснийском обществе, получив редкие для выходца с постсоветской территории возможности включенного наблюдения. При этом в отличие от дипломатов, военных, журналистов, исследователей, срок пребывания которых в балканской среде имеет четкие временные ограничения, а статус иностранца накладывает неизбежный отпечаток на общение с жителями региона, в случае Валецкого речь идет об интеграции наблюдателя в описываемое им общество. Данное обстоятельство отличает записки Валецкого от текстов других добровольцев, знакомство которых с Балканами ограничивалось, как правило, периодом участия в боевых действиях.

Валецкий как автор является самородком – отсутствие высшего образования он с избытком компенсирует природной любознательностью и наблюдательностью, интересом к деталям отдельных сюжетов и аналитическим складом ума. Литературный труд стал для него средством «не отупеть окончательно»⁵ в боснийской провинции, а затем постепенно обрел самостоятельное значение – передать «опыт войн в бывшей Югославии... на пользу России, Украины... – не только историкам, но и военным специалистам».

Его перу принадлежат четыре книги – дневниковые записки «Волки белые», исследование военных аспектов балканского кризиса 1990-х гг. «Югославия в войне» (второе издание – «Югославская война»), работа «Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Афганистане и Ираке», а также «Минное оружие» (в последнем труде, в частности, описываются методы организации постконфликтного гуманитарного разминирования в Боснии и политические аспекты финансирования и организации этой деятельности). Для анализа в данной работе привлечены именно эти источники, в силу их завершенности, хотя сам О.А. Валецкий активно размещает

⁴ Валецкий О.В. Волки белые. Сербский дневник русского добровольца. 1993-1999. М., 2006. С. 6.

⁵ Валецкий О.В. Волки белые... С. 5.

свои тексты в Интернете и с декабря 2006 г. ведет регулярно обновляемый блог⁶...

Военный опыт Валецкого был достаточно разнообразен. Он служил в составе преимущественно русского отряда в Вишеграде (1993), русско-сербского отряда воеводы С. Алексича в сараевском районе Грбавица (1993-1994), а затем воевал в отряде спецназначения «Бели вукови» («Белые волки») С. Кнежевича (1994-1995). Хотя все эти участки фронта относились к Восточной Боснии и сараевскому региону, тем не менее они существенно отличались как по условиям формирования и задачам, стоявшим перед этими частями, так и по политическому положению их бойцов. Косовскую кампанию он провел в составе 37-й бригады югославской армии в районе Дреницы.

Если в Вишеграде русские бойцы были приглашены местными сербскими властями для предотвращения захвата города мусульманами и вели боевые действия в пригородах, то на Грбавице небольшая группа добровольцев попала на линию наиболее интенсивного сербомусульманского противостояния и жила в среде сербского населения, участвуя в городской войне. Созданный С. Кнежевичем спецотряд «Бели Вукови» был ударной частью, задачей которого было устранение критических ситуаций на сараевском фронте.

Следует подчеркнуть, что описание сербского общества не является приоритетом автора, посвящающего свое основное внимание либо деятельности тех частей, в составе которых он воевал, либо собственно военным аспектам балканского кризиса (организации вооруженных сил сторон и их эволюции в ходе войн, стратегии и тактике, оснащению, участию внешних сил и т.д.). Помимо собственных впечатлений, Валецкий активно использовал литературу и прессу постюгославского пространства, в первую очередь – сербские. Значительное внимание уделял он и белградским военным изданиям, в которых публиковались материалы участников боевых действий, разборы отдельных операций и тактических приемов, порожденных войнами 1990-х гг.

При этом жизнь общества является фоном, на котором действуют войска участников конфликта, и она интересует автора в силу влияния общественных настроений на политические и военные круги сербских государств.

⁶ <http://www.lib.ru/MEMUARY/JUGOSLAVIA/waleckij.txt>; страница на сайте Art of War Валецкий Олег Витальевич: Боевые действия и работа с миновзрывными устройствами http://artofwar.ru/w/waleckij_o_w/; блог <http://prom1.livejournal.com/>.

Общественное и политическое положение русских добровольцев в балканских войнах 1990-х коренным образом отличалось от положения их предшественников XIX – начала XX вв. и советских военнослужащих времен Второй мировой войны. Русские добровольцы, чиновники и путешественники XIX в. были представителями великой европейской державы в недавно освободившихся из-под турецкого правления молодых балканских землях. Советские граждане на Балканах в 1940-х гг. также представляли одну из ведущих мировых держав, находившуюся в то время на подъеме своего могущества, и видели жизнь европейской провинции глазами победителей.

Русский доброволец конца XX в. уже не имеет причин смотреть на сербов «сверху вниз». Он сам выходец из страны, переживавшей тяжелейший кризис и распавшейся одновременно с Югославией. Поэтому автор записок критикует «...некоторых наших ветеранов, всем недовольных, словно они приехали сюда из Парижа или Нью-Йорка, а не из охваченной всеобщим кризисом страны, где не слишком нуждались в военных героях, а на улицах погибало людей больше, чем во всей югославской войне за то же время»⁷.

Другое важное отличие записок конца XX в. – это тексты побежденных. Боснийские сербы в 1995 г., а Югославия в 1999 г., потерпели военное поражение; усилия и жертвы, принесенные в войнах, не увенчались осязаемым успехом. Это обстоятельство ставит перед автором вопрос: что привело к неудаче и кто несет за это ответственность, почему «...в эту войну упадок сил достиг, возможно, низшего уровня во всей сербской истории, хотя физическая мощь народа и государства была как никогда велика для сербской истории»⁸, какие уроки следует извлечь русским из балканской трагедии.

Следует отметить нетипичность авторской позиции Валецкого для основного массива записок русских участников балканских войн 1990-х гг. Он подчеркнуто избегает традиционной высокопарности: «Эту книгу я писал не ради сомнительного права стать очередным общественным радетеlem за „славянское единство“, ... [хотя и] не отрицаю необходимости подобного единства»⁹. Даже выражение симпатии сербам выдержано в откровенно критическом тоне: «Несмотря на всю анархичность в сербском обществе, на всю коллекцию проходимцев и дураков, рывившихся в штабных, не просыхающих вояк, жуликоватых и лживых

⁷ Валецкий О.В. Волки белые... С. 54.

⁸ Там же. С. 280.

⁹ Там же. С. 7.

„кафанских“ героев и духовное состояние сербского народа, ... именно он защитил Республику Сербскую»¹⁰, и далее: «Сербы, несмотря на свои недостатки, входят в число „великих“ народов мира»¹¹. Так, косовская война велась ими «не столько ради территории, сколько ради сохранения себя как нации и, ... сама по себе война со стороны сербов была справедлива, несмотря на все военные преступления в Косово»¹².

Не прибегает к патетике Валецкий и говоря о мотивах, приведших его на Балканы: «Особого желания воевать за сербов у меня тогда и не было, но мне хотелось увидеть, что такое Босния и Герцеговина, ... я считал, что русским и сербам противостоят общие враги и мне, по молодости лет, захотелось повоевать и в Сербии»¹³. Можно предположить, что автор несколько стесняется своего идеализма, о котором говорит тот факт, что и после нескольких лет жизни на Балканах, «с началом... войны на Косово и Метохии, я был полон оптимизма»¹⁴ и снова добровольно отправился теперь уже на косовскую войну. Следует отметить, что далее он осуждает свое решение из-за беспорядка при организации добровольцев: «Это было такой бред, что я стал зол на себя, оставившего добровольно хорошо оплачиваемую работу... (никто из моих сербских коллег моему примеру, естественно, не последовал) и пошедшего... в этот дурдом»¹⁵. Дополнительным свидетельством идеализма Валецкого служит и его участие в македоно-албанском конфликте 2001 г, равно как и то, что несмотря на ряд тяжелых ранений, он неизменно возвращался в строй.

Любознательностью же он объясняет свой переход в чисто сербскую часть на Грбавице — стремлением увидеть особенности городской войны¹⁶ и желанием «лучше узнать сербов, познакомиться с их бытом, ... тогда я старался побольше присматриваться к местной среде и моими первыми товарищами стали сербы, с которыми я нес службу бок о бок». Подчеркивая свое стремление к объективности, он признает, что «трудно охарактеризовать сербов как народ; ... если знание о сербах основывать на поверхностных визитах, состоящих из... торжественных обедов и обычных попок, то сербов можно представить в виде сказочно-

¹⁰ Валецкий О.В. Югославская война 1991-1995 гг. М., 2008. С. 338.

¹¹ Там же С.5.

¹² Валецкий О.В. Волки белые... С. 280.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 217.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ Там же. С. 35.

чудесного народа, на который неожиданно... навалились враги со всего мира, и невесть откуда взявшиеся мусульмане и хорваты. Можно впасть и в другую крайность»¹⁷. При этом он критикует поверхностных наблюдателей, скоропалительно судящих об увиденном: «Х, который пробыл среди сербов чуть более двух месяцев и уверял, что они воюют только потому, что им платят за службу...»¹⁸. Все та же любознательность толкает его на посещение расположения хорватских войск под Варешем во время местного перемирия, после чего автор отмечает, что они содержались в большем порядке, нежели сербские¹⁹.

При критичности описания сербов автор подчеркивает: «В этой среде я встречал весьма благожелательное к себе отношение, и что более важно, действительно видел случаи сознательного самопожертвования ради победы с сербской стороны, защищавшей и интересы России»²⁰.

Валецкий подчеркнуто стремится описывать балканские события с «позиции солдата», что отражается в характеристиках тех или иных сербских деятелей. Выше всего он ставит честных и инициативных воинов: вишеградского «местного парня Бобана Инджича», создавшего ударную роту; вишеградского воеводу Велько, погибшего при вывозе тел погибших русских добровольцев, «относившегося к нам [русским добровольцам]... с большим уважением. Мне было жаль, когда я услышал о его смерти в мае 1993 г.»; раненого мальчика, «воевавшего с карабином в руках»; «достойно державших оборону» защитников Грбавицы; организатора отряда «Бели Вукови» С. Кнежевича; командира Илджанской бригады ВРС З. Боровину, «лично поведшего войска ... на штурм, что было редкостью в этой войне» и погибшего при взятии сараевского района Отес в декабре 1992 г.²¹.

Положительной характеристикой «Белых Волков» служит и замечание о второстепенной роли финансовой мотивации их бойцов, которые «штурмовали, как правило, высоты, на которых никто не жил, и грабить было некого. Сам командир... выдавал своим бойцам не слишком большое денежное содержание» (не более 100-150 долларов), «и деньги тут цели не представляли»²².

¹⁷ Валецкий О.В. Югославская война... С. 500.

¹⁸ Он же. Волки белые... С. 54.

¹⁹ Там же. С. 105.

²⁰ Там же. С. 216.

²¹ Там же. С. 9, 19, 20, 41; Валецкий О.В. Югославская война... С. 224.

²² Валецкий О.В. Волки белые... С. 181.

Характерной чертой записок Валецкого является уважительное отношение к противнику: провал мусульманских попыток взять Грбавицу «говорит не о недостатке храбрости солдат», но «...подтверждает недалекость генералов и политиков»²³. Он высоко оценивал последовательность правительства А. Изетбеговича, «совершенно правильно главное внимание уделившего Сараево», сознательно жертвовавшего своим населением для достижения политических целей и эффективно использовавшего идеологию радикального ислама в военном строительстве²⁴. Стремясь найти логику в действиях неприятеля, русский наблюдатель не просто осуждает за действие мусульманскими властями преступной среды Сараево, но признает, что «в том государственном беззаконии и беспорядке лучше всего ориентировались те, кто в закон не верил и на него не надеялся, ... сами государственные органы, в том числе армия и милиция, „ставили“ на бандитов, ибо законченные факультеты оказались не столь эффективными. Шире и эффективнее всего использовала таких бандитов США. Главными героями „обороны“ Сараево были действительно бандиты, ибо приказов они не ждали, ... наличие подобного культа героев, пусть и мафиозного типа, немало послужило для сплочения далеко непрочного, в отличие от сербского единства, мусульманского народа»²⁵.

Будучи сторонником усиленного применения сил специального назначения, Валецкий высоко оценивает деятельность хорватского командования, изначально придававшего особое значение спецчастям и разведывательно-диверсионным действиям²⁶, а в особенности — организаторов Армии БиГ, выстраивавших части спецназначения, в том числе отряды моджахедов в качестве костяка и главной боевой силы всей армии.

Особую похвалу русского наблюдателя получает использование властями Сараево радикальных исламистов: «мусульманское командование... первым и единственным в этой войне объединило фронтовой опыт... ударных частей и силу идеологии», так как «в любой войне сознательное объединение боевого опыта и крепкой идеологии дает отборные войска»²⁷.

²³ Там же. С. 42.

²⁴ Валецкий О.В. Югославская война... С. 144-145; 157; 235.

²⁵ Там же. С. 265; 268.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Там же. С. 467.

Тексты Валецкого написаны с позиций примата религиозного начала, в том числе и в политической, социальной и военной сферах. Собственно, единственный институт, который он не критикует – это Сербская Православная Церковь: «Что бы ни говорили ее противники, но лишь она по-настоящему сохраняла память» о павших «и, ... давая оправдание их смерти, давала одновременно урок остальному народу»²⁸. При этом уровень религиозности сербов он оценивал невысоко, отмечая сохранившиеся «отнюдь не христианские обычаи», вроде гаданий на кофе, равно как политический вес православия, которое «на сербскую политику прямого влияния не оказывало... Встречи сербских политиков с церковными иерархами носили... церемониальный характер»²⁹.

Валецкому больно, что «сербы, хранители православия, часто, вместо того, чтобы прославлять, – порочили его», поддавшись чуждому христианству «духу эгоизма и наживы», и поставив «православие» как религиозную ценность на службу земным национальным интересам, а не наоборот: «Лучше бы сербы совершили в десятки раз больше преступлений и погрязли в крови и грабежах, чем позволили, чтобы православие ассоциировалось с лицемерием, обманом и эгоизмом»³⁰.

По его мнению, остальные боснийские стороны гораздо активнее использовали религиозный фактор, что и принесло куда более осязаемые результаты при худших стартовых условиях. Валецкий высоко оценивает эффективность действий элиты боснийских мусульман: «Мусульманская власть вела куда более последовательную и самостоятельную политику из окруженного Сараево, нежели сербское руководство из безопасного Пале». Он подчеркивает: «Характерно, что СДС... не имела своего военного крыла и была вынуждена прибегать к помощи» неприспособленных для гражданской войны «структур ЮНА и МВД», тогда как «СДА с самого своего возникновения... создала военное крыло»³¹.

Сквозной линией записок Валецкого является выраженная оппозиция: власть – общество. Если при описании сербского общества часто можно встретить положительные оценки, то суждения об их руководящих инстанциях как правило отрицательны.

²⁸ Там же. С. 117.

²⁹ Там же. С. 118; Валецкий О.В. Югославская война... С. 144.

³⁰ Валецкий О.В. Югославская война... С. 496.

³¹ Там же. С. 150-151.

Критические характеристики сербских руководящих кругов, как гражданских, так и военных, непосредственно вызваны неудачным исходом балканских войн. Одну из важнейших причин неудач он видит в «номенклатурном аппарате», которые «не изменил своей сути, заложенной при Тито, ... лишь полное послушание любым, даже открыто преступным или безумным приказам сверху считалось истинным патриотизмом», «предательство хуже открытого разбоя и лучше бы сербов повели безрассудные фанатики, нежели лукавые бюрократы»³². Сербская власть, по его мнению, «нисколько не была озабочена моральным состоянием собственного народа, скорее наоборот, подавала ему отрицательный пример, ввергнув страну в хаос беззакония и коррупции...»; «от власти веяло духом материального благополучия и идеальная жизнь сводилась к деньгам, сексу и развлечениям»³³.

Валецкий обвиняет авторов «сербской политики» в том, она, «как всякая политическая интрига, оперировала общими понятиями народа и государства, оставляя за кадром личные поступки людей, впадая в лицемерие. С началом войны выяснилось – под прикрытием „сербской борьбы“ номенклатура и окружающие ее люди заняты умножением личного богатства»³⁴. С этой, на первый взгляд, резонерской позиции автор описывает процесс снижения боевого духа и вместе с тем боеспособности сербских войск, приведших их к конечной неудаче: «Можно видеть, как с ходом этой „странной войны“ падал ее боевой дух, бывший вначале довольно высоким в части народа, которая пошла добровольно на войну под национальными лозунгами»³⁵; «не случайно РСК за три года лишилась от половины до трети населения, покинувшего территорию. Власть, ... вместо срочных мер по спасению государства, вязалась в склоки»³⁶. Такой же упрек он адресует действиям Белграда в 1999 г. – причина поражений была не «в идеологии, а в ее отсутствии, что подменялось повинованием системе и... личной безынициативностью»³⁷.

Рассматривая «национальную политику» Белграда 1990-х гг. Валецкий подчеркивает ощущение ее «какой-то наигранности», так как руководство Сербии «никогда не отказывалось от порочного „югославства“».

³² Валецкий О.В. Волки белые... С. 217; Он же. Югославская война... С. 496.

³³ Он же. Волки белые... С. 10; 214.

³⁴ Он же. Югославская война... С. 495.

³⁵ Там же. С. 211.

³⁶ Там же. С. 291; 386-387.

³⁷ Валецкий О.В. Волки белые... С. 223.

По его мнению, обращение к национальным проблемам «была рождено... желанием самого аппарата спасти власть после приближавшегося краха коммунистической системы, ... власть в довольно „эгоистических“ целях использовала народ, его высокие порывы – на ошибочные и преступные цели». Причину неудач «национальной политики» он видит в ее творцах: «Слишком быстро вчерашние антифашисты стали вождями сербской национальной революции, привнеся... свой багаж революционного „антифашизма“ и интернациональной солидарности»³⁸. В результате, эта идеология «была полна искусственных мифов об „идеальном“ сербском народе, с идеальной историей и поэтому – с „идеальной политикой“»; ее авторы «сознательно отбросили наследие сотен лет», чуждого господства и «собственных преступлений сербов, и вместо покаяния будили в народе чистый шовинизм. Лишь на первый взгляд шовинизм казался неопасным»³⁹, ведя к переоценке собственных сил и недооценке возможностей противников.

Характеризуя местные власти «пречанских» сербов, он отмечает: «Общая политика в сербском обществе задавалась так, что наверх выбирались полуграмотные люди, говорящие... абсурдные вещи...»⁴⁰. Валецкий явно не может простить руководству РС отказа от наступательной стратегии, невнимания к военному строительству, равно как и бессмысленных, на его взгляд, шагов, таких как захват миротворцев ООН в 1995 г.

Следует отметить, что наблюдатель возлагает часть ответственности за негативную селекцию элиты и на общество: устранившись «от общественных дел, сербы обрекли себя на власть таких вождей»⁴¹.

Претензии к политической стратегии сербских властей в войне в первую очередь вызваны «парадоксальным приказом... из Белграда: „ни шагу вперед“»⁴² и изначально оборонительным характером сербской политики в Боснии, стремившейся «либо... задержать БиГ в составе Югославии, либо... [создать] независимую РС», тогда как, по его мнению, «сербам надо было... сохранить БиГ, но не переговорами а военным путем, подавив всякое сопротивление в ней и установив подконтрольную себе власть в Сараево». Разбирая осаду столицы Боснии, он полагает, что в апреле-мае 1992 г. «ЮНА могла нанести противнику

³⁸ *Он же.* Югославская война... С. 494.

³⁹ Там же. С. 499.

⁴⁰ *Валецкий О.В.* Волки белые... С. 168.

⁴¹ *Он же.* Югославская война... С. 497.

⁴² *Он же.* Волки белые... С. 10.

решительное поражение», что избавило бы от страданий и мирное население, и говорит о «катастрофичной сербской стратегии, в которой Сараево было оставлено с начала и до конца войны мусульманам»⁴³. К числу упущенных сербами шансов он относит слабую поддержку автономистам Ф. Абдича и отказ от компромиссов с местными мусульманскими и хорватскими лидерами в районе Тузлы, «где были сильные кадры из числа... коммунистов, которые к религиозным убеждениям относились крайне равнодушно. Здесь между самими мусульманами постоянно вспыхивали разногласия, ... так что местная власть сама бы пошла служить сербам» и в Средней Боснии⁴⁴ соответственно.

Исходя из того, «сербь в начале войны имели очень большое преимущество в вооружении, в подготовленных специалистах и в самой организованности, ... но эти преимущества не были вообще использованы», Валецкий постоянно отмечает упущенные сербской стороной шансы успешно решить дело военным путем – весь 1993 год «сербская сторона... имела в войне возможности, открытые ей Богом, для достижения быстрой победы ценой малой крови»; даже в 1995 г. «местные сербы» еще могли взять Сараево⁴⁵.

Выступая против «ошибочного мнения, что сербы плохие солдаты»⁴⁶, он возлагает основную вину за неудачи ЮНА и сербских войск на «слабость... генеральских верхов», порожденную такими «болезнями армии социалистического государства», как бюрократизм и негативный отбор⁴⁷. Валецкий убежден, что «все сербские вооруженные силы... вели войну тактикой „прошлого“, ... будучи отсталой армией социалистического типа и хотели брать храбростью там, ... где нужно было брать умом»⁴⁸.

В числе главных упреков Валецкого в адрес сербского политического и военного руководства – неспособность правильно использовать национальный порыв в лице добровольческого движения.

Не обошел Валецкий вниманием и основной идеологический конфликт, разделявший тогда воюющее сербское общество, – конфронтацию между низовым движением националистов-«четников» и воспитанными в титовском духе кадровыми офицерами, которые, в большинстве своем,

⁴³ *Он же.* Югославская война... С. 165; 204.

⁴⁴ *Он же.* Волки белые... С. 95; *Он же.* Югославская война... С. 249.

⁴⁵ *Он же.* Югославская война... С. 211; 245; 379.

⁴⁶ Там же. С. 278.

⁴⁷ Там же. С. 48-49.

⁴⁸ Там же. С. 307.

«продолжали держаться догм титовской власти и всех добровольцев автоматически рассматривали как „антигосударственные элементы“»⁴⁹. По его мнению, добровольческое движение хотя и «имело очень много недостатков – дилетантство, политиканство, уголовщину, но в то же время оно в себе имело то здоровое начало, которого не имела ЮНА, то есть большой заряд боевого духа, природной сплоченности и убежденности, – все это и надо было использовать»; оно «показывало народную волю к победе. Для сербского общества исторически... и психологически была свойственна подобная военная „вольница“»⁵⁰.

Тема постоянных упреков Валецкого в адрес сербских властей – пренебрежение собственно военным строительством: «Нельзя... сербов выставлять исключительно жертвами мусульман, ... были они, прежде всего, жертвами собственной лени» (положение в Подринье в середине 1992 г.); «удивляться можно было ... недобросовестности, которую проявили сербы в отношении к военному делу, словно не они, а кто-то другой находился в состоянии войны»; «анархия была типична для всей местной военной организации, ... правила „знаешь сам – научи товарища“ здесь почти не существовало, в итоге люди с многолетним боевым опытом часто не умели прицельно стрелять даже из автомата»⁵¹.

Позднее он обобщил отношение сербской стороны к ударным отрядам:

«Проявляли в боях активность, но меньше ценились в тылу. Это было неслучайно, ... сербские вооруженные силы стали местом борьбы политических программ и личных амбиций. Боевой подготовке уделялось в них очень малое внимание, и выручал лишь большой боевой опыт, как и естественное стремление к самообразованию отдельных бойцов и командиров, ... многие офицеры, особенно высших звеньев, занимались не подготовкой своих бойцов, а материально-хозяйственными вопросами, ... но в особенности политикой, что... стало болезнью не только для командного, но и для рядового состава: ... за почти четыре года войны не появилось собственного устава, обобщившего солидный боевой опыт и объяснивший бы бойцам основные понятия ведения боевых действий»⁵². Схожие тона звучат и в его описаниях косовской войны: «сербы не интересовались тем, что должно

⁴⁹ Валецкий О.В. Волки белые... С. 224.

⁵⁰ Он же. Югославская война... С. 192; 277.

⁵¹ Он же. Волки белые... С. 10; 11; 211.

⁵² Он же. Югославская война... С. 276.

было их прямо касаться, – ходом боевых действий с УЧК. Не только официальные СМИ, но и югославские генералы всерьез уверяли, что с УЧК покончено»⁵³.

Одним из первых в отечественной литературе Валецкий отметил важную роль, которую играли в балканском кризисе югославские спецслужбы, в первую очередь служба госбезопасности Сербии, взявшая под контроль добровольческое движение и формирование новых политических структур⁵⁴.

Не обошел он стороной и проблемы конкуренции спецслужб как в начальный период войны («невидимая для общественности, но весьма осязаемая на фронте „война“ КОС ЮНА и ДБ Сербии»), так и в период боснийской войны (с добровольческими отрядами «сербская военная безопасность... боролась нередко упорнее, чем против мусульманских диверсантов»⁵⁵).

Заметную роль в неудачах сербской стороны играли, на его взгляд, до конца не преодоленные разногласия националистов-«четников» и воспитанных в духе титоизма политиков, офицеров и спецслужб. Среди многочисленных примеров столкновений кадровых офицеров с добровольцами-«четниками» Валецкий приводит и комический эпизод: после взятия Трново в июле 1993 г. «батальон получил благодарность от генерала Младича, а после этого возникла перепалка из-за бороды воеводы. Генерал приказал сбрить ее, но воевода ответил отказом. Младич приказал посадить его в тюрьму, что впрочем не было сделано, так что и воевода и борода остались на месте»⁵⁶.

Ключом к успеху, по его мнению, могло стать ведение военного строительства с опорой на добровольцев и их отряды, с последовательной организацией их военной подготовки и обучения, выдвижением кадров из числа успешных и опытных командиров. Валецкий полагает, что такая система обеспечила бы сербской стороне мотивированную и мобильную армию, способную эффективно использовать имеющиеся преимущества и добиться существенно больших результатов в балканских конфликтах...

⁵³ Валецкий О.В. Волки белые... С. 226 (УЧК (Ushtrija Climitare e Kosoves) – ОАК (Освободительная армия Косова) – военная организация албанских сепаратистов в 1997-2000 гг.).

⁵⁴ Валецкий О.В. Югославская война... С. 150-152; 180-181.

⁵⁵ Он же. Югославская война... С. 45; 224 (ДБ – Служба државне безбедности МУП Србије – Служба государственной безопасности МВД Сербии; КОС ЈНА – Контробавештајна служба ЈНА – Служба контрразведки Югославской Народной Армии).

⁵⁶ Валецкий О.В. Волки белые... С. 73.

Каким же виделось воюющее сербское общество русскому наблюдателю?

Валецкий постоянно подчеркивает отличие сербского общества от привычного ему позднесоветского / российского: «Что подходит сербу, не подходит русскому, и наоборот. Легкость установления дружеских отношений была крайне обманчива»⁵⁷, «местный народ изобретателен на чудачества»⁵⁸. Он отмечает, что вместе «с сербами русским воевать было тяжело: слишком много было отличий во всем», почему только его отряд (РДО-3) «смог освоиться в местном обществе»⁵⁹. Его внимание естественно привлекла балканская традиция «кофейного» общения: «Свободное время сербы... проводили за сигаретой и чашечкой кофе... в обязательных разговорах, в чем сербы большие мастера»⁶⁰. Его раздражали «табачный дым в квартире воеводы, большое количество кофе и алкоголя, выпиваемых на всяких совещаниях. Правда, ракия пилась маленькими глотками, а не залпами, как у русских»⁶¹. Страсть к общению преодолевала даже линию фронта, «распространяясь и на мусульман» в форме окопных перебранок⁶², и уставы: «Сербы варили кофе, без которого не могла обойтись ни одна „акция“»⁶³. Противник жил по тем же законам – «вдали мы увидели такие же столбики дыма, но никто даже и не думал о стрельбе друг в друга»⁶⁴.

Даже бывалый выходец из СССР обратил внимание на обычное боснийское сквернословие: «Они по местному обычаю материли горы, солнце, дни недели и не помню, что еще»⁶⁵.

Главным отличием, на его взгляд, является замкнутость этой провинциальной среды, ее «поразительная местечковость»⁶⁶, «традиционная клановость», при которой «в местные дела посторонние, как правило, не допускались, особенно если дело касалось денег и политики»⁶⁷.

---

⁵⁷ Там же. С. 186.

⁵⁸ Там же. С. 104.

⁵⁹ Там же. С. 161.

⁶⁰ Там же. С. 53.

⁶¹ Там же. С. 86.

⁶² Там же. С. 55.

⁶³ Акция (*сербск.* акција) – отдельная боевая операция.

⁶⁴ Валецкий О.В. Волки белые... С. 66.

⁶⁵ Там же. С. 67.

⁶⁶ Там же. С. 41.

⁶⁷ Там же. С. 189.

Одновременно Валецкий отмечает прочность «родственных и земляческих связей», «крепкой еще родовыми связями среды»⁶⁸. На его взгляд, прочность (и роль) родственных связей отличали «БиГ от остальной Югославии», примером чему служила практика трудоустройства на выгодную работу, какой в послевоенной Боснии были фирмы по разминированию, имевшие стабильное внешнее финансирование⁶⁹. Такая закрытость порождала разнообразные «интриги», занимавшие внимание жителей: «Человек посторонний, а следовательно непригодный для всех их интриг», мог легко, «ознакомившись с местными нравами, полными обмана и интриг, отмахнуться от сербов»⁷⁰. Важным предметом «интриг» показана отправка на фронт, так как это «отнимало у людей время, которое они могли провести... с пользой для семейного бюджета, о котором государство не заботилось, одни отправлялись на него... порой по десяток раз в год, другие за всю войну побывали на нем всего пару дней, да и то как окружение командира»⁷¹. Статус чужака не могла изменить даже принадлежность к престижному отряду: «Нахождение в составе БВ... давало возможность хорошо повоевать, но шансы на успех в местном обществе были минимальны»⁷².

Пример такой клановости Валецкий приводит в создании воеводой С. Алексичем (Грбавица) охраны из русских, как лояльной лично ему силы, свободной от местных связей: воевода угрожал штабу бригады, «что по его приказу „русые“ могут этот штаб перестрелять, ... отношение к нам ухудшилось, хотя причины никто из нас тогда не понимал». Подобным же образом «добровольцы, не связанные с местной средой, способные на прямой вооруженный конфликт с властью», подняли политическое влияние создателя отряда «Белые волки» С. Кнежевича в общине Пале⁷³.

На взгляд Валецкого «специфический местный характер» склонен «с одной стороны к эйфории и самонадеянности, а с другой стороны – к потребительскому отношению даже к тем, кто стремится им помочь»⁷⁴. Эти качества он отмечал и в среде военных: «С советами лезть не хотелось», я «убедился, сколь тяжело они принимаются в местной среде,

⁶⁸ Там же. С. 214; 216

⁶⁹ Валецкий О.В. Минное оружие. М, 2009. С. 386.

⁷⁰ Он же. Волки белые... С. 185; 53, Он же. Югославская война... С. 500.

⁷¹ Он же. Югославская война... С. 289.

⁷² Он же. Волки белые... С. 184.

⁷³ Там же. С. 86; 188.

⁷⁴ Там же. С. 170.

... военные вопросы зачем-то связываются с политикой и историей, ... начинают вспоминать выигранные сербами битвы» прошлого, «в местной среде, казалось, все все знают, в особенности в военных и политических вопросах. Действия сербов объявлялись верхом... военного искусства». Исключения из этого правила выделяются особо: «У М. была хорошая черта, не слишком характерная для местной среды: он вел себя скромно, несмотря на свои знания и свои способности»⁷⁵.

Записки Валецкого ясно показывают отличия обстановки на различных участках боснийских фронтов. Характеризуя политическое устройство РС и РСК, он называет их «федерациями (а... скорее конфедерациями) общин, местные власти были своего рода государством в государстве»⁷⁶. Ведь и сам автор записок попал в Боснию в составе русского отряда, завербованного «ощущавшей потребность в обороне» общиной Вишеград и распущенного по устранении опасности со стороны мусульман⁷⁷.

Наибольшим ожесточением, по его мнению, война отличалась в сараевской Грбовице: «Не Сталинград, а скорее Бейрут». Он объясняет это тем, что «бежать местным никуда не хотелось, да и уезжать было некуда, так как их никто нигде не ждал. Многие не хотели оставлять свою землю... Такая жизнь требовала определенного мужества: убитых, инвалидов, раненых и пропавших без вести было более чем достаточно. Люди гибли не только на фронте, но и у своих домов... Постепенно как-то сложилось мнение, что в районе Еврейского кладбища живут одни экстремисты, сербские „четники“ и мусульманские „балии“»⁷⁸.

При этом атмосферу в самом районе Грбавица Валецкий описывает вполне красочно: «На Грбавице можно было завоевать авторитет только грубой силой», «существовавшая анархия в РС на Грбавице нередко переходила в настоящий „дикий Запад“, ... обычны были не только междуусобные перестрелки, но и периодические случаи открытого неповиновения власти со штурмами местного управления внутренних дел или выведением танков против власти... Грбавица была городским районом с городской культурой, что вызывало немалое противостояние с сельским Пале, усугублявшимся делениями и в политике, ибо Грбавица была оплотом оппозиционной радикальной партии, а Пале – СДС, ... отношения между этими партиями на низовом уровне были куда хуже,

⁷⁵ Там же. С. 126; 190; 115.

⁷⁶ Там же. С. 9.

⁷⁷ Там же. С. 9; 26.

⁷⁸ Там же. С. 45-46.

чем на высшем». Невзирая на эти разногласия, сараевские «сербы достойно держали оборону» против превосходящих сил мусульман⁷⁹.

Контрастом сараевскому фронту предстает положение в средней Боснии (район Олово-Вареш): «Позиции здесь – понятие условное, так как и самому народу было не до войны, ...обычной практикой на „линии фронта“, старательно вычерчиваемой на картах, были пасущиеся овцы и коровы, присматриваемые с обеих сторон полусонными дедушками с карабинами»⁸⁰. Такая картина была, по мнению наблюдателя, и на большей части фронтов, где основная масса бойцов ВРС и СВК⁸¹ «несла... службу по обороне многоткилометровых линий фронта, называемых „положениями“, ... либо в своих общинах, либо на выделенных их частям участках... „Стража“, которую несли по сменам, давала им чувство размеренной неторопливости, да и нередко бессмысленной службы. Сами действия на фронте несли все свойства позиционной войны, правда куда менее напряженной», чем в 1914-18 и в 1941-45 гг.⁸²

Эти «народные армии», где «самыми дисциплинированными были бойцы 50-60 летнего возраста»⁸³ не годились для активных действий, для которых требовалось создавать ударные («интервентные») группы, что «стало модой для каждой общины». Говоря о начальном периоде войны, Валецкий едко отмечает, что задачей таких групп было «прославить по всем сербским землям имя» своей общины и ее «власть, а заодно и пару сотен местных лоботрясов, прямо или косвенно связанных с местной властью»⁸⁴. Такой подход неизбежно вел к неподготовленности, выливавшейся в поражения и потери, примером чего служила неудача первого спецназа общины Пале в 1992 г. В ходе самой войны постепенно возникали более профессиональные группы, ставшие основной боевой силой ВРС.

После воюющего Сараево район Олово-Вареш удивил Валецкого как центр межобщинной торговли, где местные сербы стреляли по милиции, мешавшей торговле с хорватами, а командир местной бригады уехал в Белград, предварительно распродав оружие и технику части противнику. Автор записок с горечью отмечает, что хотя в 1993 г.

⁷⁹ Валецкий О.В. Югославская война... С. 218; Он же. Волки белые... С. 41; 86.

⁸⁰ Он же. Югославская война... С. 252.

⁸¹ ВРС (Войско Республики Сербской), СВК (Сербское Войско Краины) – вооруженные силы РС и РСК в ходе войн 1992-1995 гг.

⁸² Валецкий О.В. Югославская война... С. 275.

⁸³ Он же. Волки белые... С. 52.

⁸⁴ Там же. С. 179.

сербы располагали реальными возможностями занять этот район, но пока «сербские верхи проводили бесконечные согласования и подсчеты, ... их более слабый противник оказался инициативнее», и мусульманская Армия БиГ выбила из Вареша отряды ХВО⁸⁵...

Характерной чертой взгляда Валецкого является последовательная оппозиция «народ/общество – власть», причем это относится к сербским властям всех уровней, от общинного до руководства РС и РСК и до самых верхов Белграда. Недовольство наблюдателя вызвано проигранными войнами, причины чего он видел как в некомпетентности сербских политиков, так и в нравственных качествах посткоммунистической элиты.

Примечательно, что его взгляд на причины успеха миротворческой операции НАТО в Дейтонской Боснии, отказа сербов от сопротивления миротворцам совпадают с оценкой командования ВС США перед началом миссии: огромная усталость населения от войны, опасения репрессалий со стороны соседей и ИФОР устранили массовую опору партизанских движения. Современное сербское общество утратило способность к партизанской войне из-за достигнутого уровня цивилизации⁸⁶.

Описывая косовскую кампанию 1999 г., Валецкий отмечает что, в отличие от боснийских, косовские сербы «военной формы почти не носили», опасаясь «что их увидят в ней албанские соседи»⁸⁷.

Скептически оценивает Валецкий и эффективность пропаганды РС и СРЮ: «государственными СМИ руководили люди гражданские, мало понимавшие фронтовые будни»⁸⁸. В результате, телевидение РС «репортажи с мест боев показывало очень редко, создавалось впечатление, что войны вовсе не было, а происходят... мелкие провокации „бандитов Изетбеговича“, которых сербское войско неизбежно разбивает». В ходе боев в Косово влияние агитации на армию было «блеклым, ... призывы к борьбе с „новым мировым порядком“ звучали отвлеченно, ... сами пропагандисты на Космет ехать не хотели, а солдаты... через пару недель начинали задумываться о житейских проблемах»⁸⁹.

---

⁸⁵ ХВО (Хрватско Вјече Одбране – Хорватский совет обороны) – вооруженные силы боснийских хорватов в 1992-1995 гг.; Валецкий О.В. Волки белые... С. 93-94.

⁸⁶ Валецкий О.В. Югославская война... С. 361; 363, Robert F. Baumann, George W. Gawrych, Walter E. Kretchik. Armed Peacekeepers in Bosnia. Combat Studies Institute Press. Fort Leavenworth, 2004. P. 95.

⁸⁷ Валецкий О.В. Волки белые... С. 224.

⁸⁸ Он же. Югославская война... С. 281.

⁸⁹ Он же. Волки белые... С. 76; 279.

О.Валецкий не мог не затронуть и такую сторону боснийской войны, как военные преступления. С военной прямоотой он признает, что «все права людей кончались при пленении. Для них начиналась типичная на Балканах череда унижений и издевательств»⁹⁰. Он рассматривает их с точки зрения разложения вовлеченных в бесчинства войск, сочетая известный профессиональный цинизм с осуждением сознательной жестокости и нежелания принять возможные меры противодействия. Отмечая, что под Сребреницей в 1995 г. «не произошло ничего неожиданного» и сравнивая ее с преступлениями мусульманохорватских войск осенью того же года, автор заключает, что, если «сербские силы не имели политической поддержки в мире», то «им необходимо было избегать подобных действия, а тем более афишировать их публично...

* * *

Проведенный разбор текстов О.В.Валецкого о балканских войнах 1990-х гг. позволяет сделать вывод, что этот весьма самобытный автор дает во многом нетрадиционную для отечественной литературы картину и анализ хода балканских войн и общественных процессов, протекавших в период балканского кризиса на охваченных им территориях. В первую очередь, это относится к сербским государственным образованиям. Не отказываясь от традиционных для русской литературы и мемуаристики просербских симпатий, Валецкий предложил весьма критический взгляд на действия сербских участников конфликта. В перечне иерархии причин поражений, понесенных сербами в конце XX в. Валецкий на первое место выносит ошибки сербского политического и военного руководства. Признавая ведущую роль западных держав в развязывания и организации конфликта, он исходит из того, что и в таких условиях борьба сербов имела шансы на успех, ведь она максимально осознанно и последовательно. Вину на сербское руководство он возлагает именно за недостаток воли и усилий к победе. Его опыт длительного включенного наблюдения в жизнь воюющего локального общества дал ему редкую возможность совмещения конкретных зарисовок и обобщений, прежде всего военного характера. Тексты русского добровольца 1990-х по праву могут занять видное место в общем корпусе свидетельств о Балканах и Сербии и, на наш взгляд, заслуживают дальнейшего изучения и использования исследователями.

⁹⁰ *Он же.* Югославская война... С. 32.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>В. А. Хорев</i> Имагологический аспект изучения культурных связей.....	10
<i>М. В. Лескинен</i> Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в.: принципы описания, термины, методы....	18
<i>М. В. Белов</i> Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX в: типология и эволюция описательных стратегий.....	38
<i>А. Л. Шемякин</i> Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878-1914).....	66
<i>В. Б. Хлебникова</i> Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания.....	95
<i>П. А. Искендеров</i> Русские открывают «Страну орлов».....	118
<i>О. В. Соколовская</i> Образы греков в письмах королевы эллинов Ольги Константиновны (конец XIX в.).....	134
<i>Р. П. Гришина</i> Российское общественное мнение и Балканы (1870-е гг.).....	149
<i>М. Л. Ямбаев</i> Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX – начале XX вв.....	160
<i>Я. В. Вишняков</i> Последние Обреновичи в Сербии глазами русских наблюдателей.....	169

<i>В. Б. Каширин</i>	
Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века	189
<i>А. А. Силкин</i>	
Внутриполитическая ситуация в Королевстве сербов, хорватов и словенцев глазами русского офицера. Начало 1920-х гг.	235
<i>Мирослав Йованович</i>	
«Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо»: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920-1940)	246
<i>А. Ю. Тимофеев</i>	
Военнослужащие Красной армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия	277
<i>А. С. Стыкалин</i>	
Восприятие Румынии конца 1950-х – 1960-х гг советскими писателями	306
<i>Г. Н. Энгельгардт</i>	
«Местное общество», политики и военные в балканских войнах 1990-х гг. глазами русского наблюдателя	322

Человек на балканах глазами русских

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*

Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиновский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 02.03.2011. Формат 60x88¹/₁₆.

Усл. печ. л. 21,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 44.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40

Тел./факс (812) 766 05 66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.genomespb.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Библио-Глобус
Дом книги «Москва»
Магазин «Православное слово»
ООО «Паолине»
Магазин РГГУ «Гуманитарная книга»
Магазин издательства «Гнозис»
Магазин «Русское зарубежье»
Магазин Издательства УРСС
Магазин «Гилея»
Магазин «Фаланстер»
Галерея книг «Нина»
Магазин издательства «Совпадение»
«Новое книжное агентство»
«Книжная лавка обществуведы»

ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 781-19-00
ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
Тел. (495) 247-17-57
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
пр. 60-летия Октября, д. 9
Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Малый Гнездииковский пер., д. 12/27. Тел. (495) 749-57-21
ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14
Нахимовский проспект, д. 56/26. Тел. (495) 120-30-81

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Магазин «Историческая книга»
«Книжный салон»
Филологического факультета СПбГУ
Магазин «Классное чтение»
Книжный салон РНБ «Дом Крылова»
«Дом книги»
Магазин «Слово»
Магазин «Русская симфония»
Магазин «Перемещенные ценности»

ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
Невский пр., д. 28. Тел. (812) 314-58-88
ул. М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 328-63-42
ул. Колокольная, д. 1

ЕКАТЕРИНБУРГ. «Дом книги»

ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД. «Дом книги»

ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru> Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

ТАЛЛИНН. Магазин Kniga.ee

15189 Tallinn, Tõnismägi 2, Eesti Rahvusraamatukogu
В вестибюле Национальной библиотеки Эстонии.
Тел. (372) 630 7472
Тел. (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru

Заказ книга-почтой

Экспорт из России

DataInternational Group

10122 Таллин Эстония. Тел. 646-03-81
E-mail: info@kniga.ee

ЗАО «Информ-система»

г. Москва, Севастопольский пр., д. 11а.
Тел. 127-91-47, e-mail: info@informsystema.ru

Юпитер-Импэкс

г. Москва, Налесный пер., д. 4.
Тел. 775-00-54, e-mail: export@jupiters.ru

